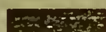
№ 2

КАЗАЧІЙ ЖУРНАЛЪ

Journal des Cosaques

(MENSUEL)



1929

PARIS

ЦѢНА: во Франціи — 5 франковъ
за границей — 25 центъ

О,разскажи жъ ты мнѣ,какъ жены тамъ умѣютъ
Съ любовью набожность умильно сочетать.

А.Пушкинъ.

У меня красота –
Вышина.
У меня чистота –
Тишина.
Предъ иконами тихо горятъ
Огоньки разноцвѣтныхъ лампадъ.

Неподвижно безстрастенъ мой ликъ,
Въ чистомъ сердцѣ холодный тайникъ.
Какъ свѣча предъ иконой свѣтла-
Безмятежно я жизнь прожила.

Только разъ-ночь одна,вѣдь,не въ счетъ-
Не смыкала я глазъ напролетъ.
Въ этотъ день-цѣлый день-вдоль рѣки
На войну уходили полки.

Опустѣла деревня, хоть плачь,
Протрубилъ спозаранку трубачъ,
И, какъ листья въ осенніе дни,
По полямъ запестрѣли они.

Съ неподвижнымъ вниманьемъ лица
Я за ними слѣдила съ крыльца,
Какъ, къ землѣ припадая челомъ,
Осѣнялись въ дорогу крестомъ.

Опускался вечерній туманъ,
Простучалъ, отзвучалъ барабанъ.
Обгоняя густѣющій мракъ,
Проѣзжалъ одинокій казакъ.

Отъ села потянуло дымкомъ-
Ускакалъ бы казакъ за полкомъ,
Только вдругъ, золотой,какъ огонь,
У крыльца заигралъ его конь.

Заглядѣлася я на коня,
Заглядѣлся казакъ на меня.
Я, не знаю сама, почему
Невзначай улыбнулась ему.

Въ эту ночь-ночь одна,вѣдь не въ счетъ-
Не смыкала я глазъ напролетъ.
Подарилъ мнѣ на память казакъ
Съ сребр148кованной шашки темлякъ.

У меня красота –
Вышина.
У меня чистота –
Тишина.
Въ уголку, межъ узорныхъ лампадъ,
Кипарисныя четки висятъ.

Взоръ на нихъ устремляя съ тоской,
Я порой забываю покой:
Вѣдь, средь нихъ – краткой близости знакъ–
Притаился казачій темлякъ.

В. Хрусталевъ.

ВОЛЬНИЦА.

Минуя сѣрыхъ стѣнъ Азова,
Поднявъ косые паруса,–
Который разъ глядѣли снова
Вы на чужіе небеса?

Который разъ въ открытомъ морѣ,
Проливъ свою и вражью кровь,
Несли вы дальше смерть и горе
Въ туманъ турецкихъ береговъ?

Но возвращалъ домой немногихъ,
Кто въ дальнихъ схваткахъ не погибъ,
Средь береговъ своихъ пологихъ
Рѣки медлительный изгибъ.

Ковры Царьграда и Дамаска
Въ Дону купали каюки,
На низкой пристани Черкасска
Васъ ожидали старики,–

Но, прежде, чѣмъ дѣлить добычу,
Вы лучшій слитокъ и халатъ,
Блюдя дѣдовъ своихъ обычай,
Несли къ подножью Царскихъ Вратъ.

Манили васъ степныя дали,
Средь ковыля и полыня,
Вы за татарами скакали,
Гоня горячаго коня;

Иль, караваны обнаруживъ,
Дѣлили пестрые шелка,–
Рвала мотки заморскихъ кружевъ
Тяжеловѣсная рука...

Когда же на майданѣ тѣсно
Столпясь, вы слушали пословъ,
Степное солнце жгло отвѣсно
Васъ горячѣй горячихъ словъ

И, если вамъ грозилъ Аллаха
Или Москвы крутой законъ,–
Въ мѣшкѣ бросали вы сразмаха
Посла зарею въ Тихій Донъ.

И прибавляли вновь къ оправѣ
Иконъ рубинъ или алмазъ,
Чтобъ сохранить казачьей славѣ
Благую ласку Божьихъ глазъ.

1923 – 29.

Николай Туроверовъ –

ПАМЯТИ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ

НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА.

Отошелъ въ вѣчность Тотъ, на котораго вся зарубежная національная Россія возлагала свои надежды, Тотъ, которому всѣ любящіе Россію русскіе люди – и здѣсь, въ эмиграціи, и тамъ, въ совѣтскомъ застѣнкѣ – вѣрили и отъ Кого ждали слова призыва для освобожденія Россіи.

Шесть лѣтъ тому назадъ, когда стало всѣмъ ясно, что борьба отдѣльныхъ фронтовъ съ большевиками закончена, что, съ заключеніемъ мира съ совѣтскимъ правительствомъ всѣми пригра – ничными къ русской землѣ государствами, мы лишены территоріи на которой могла бы вновь собраться русская рать для движенія на Москву, невольно, въ инстинктивномъ порывѣ взоры всѣхъ русскихъ людей обратились къ Великому Князю Николаю Николаевичу, Верховному Главнокомандующему, имя котораго одинаково чтится и русскимъ воиномъ, въ тяжеломъ изгнаніи готовящимся къ новому походу на красную власть, и россійскимъ крестьяниномъ, обманутымъ и разореннымъ совѣтской властью.

Я лично имѣлъ счастье быть принятымъ Великимъ Княземъ весной 1922 года въ Антибѣ, какъ бывшій офицеръ, своимъ старымъ командиромъ полка, и въ долгой бесѣдѣ я могъ только подтвердить Великому Князю то, что со всѣхъ сторонъ доходило уже до Него: гласъ народа – гласъ Божій! Всѣ шли къ Нему съ открытой душой, всѣ, кто горѣлъ желаніемъ снова увидѣть Россію великой, сильной, славной, кто ставилъ выше партійныхъ платформъ и лозунговъ и личныхъ честолюбій желаніе увидѣть Рос – сію освобожденной, всѣ шли къ Нему и подъ Его начало.

И какъ великъ былъ въ своемъ смиреніи Великій Князь; какъ великъ Онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ своей жертвенной самозабвенной любви къ Россіи. „Мы не должны здѣсь, на чужбинѣ, предрѣшать за русскій народъ коренныхъ вопросовъ его государственнаго устройства,– говорилъ Онъ,– они могутъ получить разрѣшеніе только на русской землѣ, въ согласіи съ чаяніями русскаго народа. Я ничего не ищу для себя. Но ко мнѣ постоянно обращаются съ разныхъ сторонъ. Если я могу быть полезенъ въ цѣляхъ объединенія, то моя совѣсть требуетъ, чтобы я выполнилъ свой долгъ. Но я не могу связывать этого дѣла съ какой либо партіей, классовыми или личными интересами. Поэтому я избѣгаю кого бы то ни было принимать. Но, если Богу угодно будетъ, чтобы меня призвали всѣ русскіе люди, то я готовъ всѣ силы и жизнь отдать на служеніе Родинѣ, дабы возстановить въ ней законность и порядокъ."

Въ маѣ 1923 года Великій Князь переѣхалъ въ окрестности Парижа и съ этого дня Онъ почти до самой своей кончины жилъ безвыѣздно добровольнымъ узникомъ въ Шуаньи, дѣйствительно

отдавая все свое время и силы, всего Себя, дѣлу объединенія русскихъ людей за-границей и трудному и медленному дѣлу возрожденія въ русскихъ людяхъ тамъ, за чертополохомъ, вѣры въ возможность спасенія и сверженія безбожной жестокой власти.

Но не суждено было Ему дожить до того счастливаго дня, когда подточенная совѣтская власть зашатается и надъ Россіей засіяетъ заря новой жизни!

До послѣдняго дня, до послѣдняго часа Своей жизни Его помыслы были направлены на Россію: горячей молитвой за нашу Родину завершилъ Онъ Свой земной путь, оставивъ намъ священный завѣтъ:

„Молю Господа, да узримъ Отечество наше свободнымъ и въ немъ торжество вѣры и царство мира, любви и правды,- писалъ Великій Князь за нѣсколько часовъ до Своей смерти, когда, казалось, ничего не предвѣщало неминуемости Его ухода отъ насъ -„Памятуйте о Россіи! и здѣсь, въ изгнаніи, Ей отдайте всѣ ваши помыслы, не числя трудовъ, силъ и средствъ на дѣло Ея спасенія, ибо безпримѣрно тяжки испытанія и наступаютъ рѣшительные сроки".

„Народъ Русскій! Собери Твои силы и со крестомъ выйди вновь на путь Тебѣ даннаго великаго и славнаго бытія".

Да будетъ такъ!

ПАМЯТИ ГЕНЕРАЛА М.Ф.МАРТЫНОВА.
+ 18 Марта 1919 года.

Матвѣй Филаретовичъ Мартыновъ - казакъ хутора Мартынова станицы Каменской. Вышелъ онъ изъ простой,но извѣстной и уважаемой въ Уральскомъ войскѣ старообрядческой семьи, вѣрной завѣтамъ старины.

Близкій къ казакамъ,сроднившійся съ ними,онъ любилъ ихъ берегъ по службѣ,былъ имъ,по казачьему слову,„въ отца родного".Какъ начальникъ,былъ исполнителенъ и строгъ.

Въ началѣ боевыхъ дѣйствій въ 1914 г. подъесаулъ Мартыновъ,по собственному желанію,оставилъ Академію Генеральнаго Штаба и ушелъ въ строй; получилъ всѣ награды до Георгіевскаго оружія и ордена св.Георгія 4 степени включительно и былъ назначенъ командиромъ полка.

Его вліяніе на казаковъ возросло еще болѣе.Офицеры ему старались подражать.Имъ гордились.Въ Уральскѣ, въ войсковомъ штабѣ на почетномъ мѣстѣ былъ помѣщенъ его портретъ.Полковникъ Мартыновъ сталъ общепризнаннымъ героемъ.Въ бою его мѣт-

кое острое словцо ободряло казаковъ.Они ихъ ждали,эти словечки „Филаретыча":

„Филаретычъ,на скаку
Разскажи намъ для смѣху
Что-нибудь..."

И онъ „разсказывалъ",бросалъ что-нибудь затѣйливое,рождавшееся тутъ же подъ пулями.

Матвѣй Филаретовичъ довелъ свой полкъ до Уральска въ 1918 г. въ полномъ порядкѣ. Полностью вооруженный,хорошо обмундированный,въ погонахъ,полкъ,съ пѣсенниками впереди,прошелъ по городу.

Полковникъ М.Ф.Мартыновъ энергично принялся за работу по подготовкѣ Войска къ неизбѣжной вооруженной борьбѣ съ большевиками. Войсковой съѣздъ депутатовъ оцѣнилъ дѣятельность М.Ф. и избралъ его на постъ командующаго войсками. Велика заслуга Матвѣя Филаретовича въ дѣлѣ организаціи арміи,велика его заслуга и. въ дѣлѣ непосредственнаго руководства боевыми операціями.

По признанію казаковъ,„Филаретычъ" былъ„герой,рыцарь," это былъ спаситель войска, появлявшійся всюду въ самый опасный моментъ. Это былъ командующій фронтомъ,дававшій общія директивы,и...партизанъ,бравшій на себя съ тѣмъ или инымъ отрядомъ выполненіе самыхъ рискованныхъ и трудно выполнимыхъ задачъ.Передъ боями не разъ со взводомъ,а чаще самъ-другъ съ вѣстовымъ пускался онъ въ ночную развѣдку.

Когда красноармейцы значительными силами съ броневыми поѣздами начали движеніе по линіи жел.дор. на Уральскъ и было нужно преградить имъ путь - взорвать хорошо охраняемый мостъ черезъ рѣку Алтату,командующій съ 13 бойцами,ползкомъ, ночью подобрался къ мосту,въ упоръ открылъ стрѣльбу изъ винтовокъ и пулемета и самъ,подъ обстрѣломъ,произвелъ взрывъ.

Когда расходовались послѣдніе снаряды и было необходимо во что бы то ни стало пополнить запасы,полковникъ Мартыновъ съ тремя дивизіонами казаковъ вышелъ за грань войска на Иващенковскій заводъ и доставилъ Войску болѣе 220 подводъ винтовокъ,пулеметовъ,снарядовъ и патроновъ.

27 іюня 1918 г.,когда большевики вели второе наступленіе,и страшный бой разыгрывался у самаго Уральска,опустѣлаго, оставленнаго жителями,когда былъ убитъ начальникъ обороняющаго отряда полк. С.Г.Куринъ и дѣды гибли,атакуя хуторъ Халиловъ,въ тылу у большевиковъ неожиданно появился за одни сутки пришедшій изъ подъ Бузулука генералъ Мартыновъ.Ночью загремѣли его орудійные выстрѣлы.Утромъ коммунисты начали

отходъ. М.Ф. гналъ ихъ,затѣмъ еще разъ зашелъ глубоко въ тылъ,произведя эту обходную операцію у города Николаевска, далеко за предѣлами Войска,и партизанскими дѣйствіями совершенно разстроилъ красноармейскія части.

Восемь разъ назначало большевицкое командованіе наступленіе на Уральскъ въ 1918 г. и восемь разъ оно было отбито. Войско,мобилизовавшее 37 постановокъ отъ 18 до 55 лѣтъ,отбивало наступленіе на Уральскъ отряда болѣе 20.000 красноармейцевъ при 77 орудіяхъ.Женщины,дѣти собирали,перевозили раненыхъ.

Лозунгомъ борьбы была надпись на орденѣ въ честь Архистратига Михаила:„За вѣру, родину, Яикъ и свободу".

9 сентября 1918 г. непрерывно участвовавшій въ бояхъ генералъ М.Ф.Мартыновъ былъ раненъ въ руку. Вскорѣ на другомъ участкѣ большевики продвинулись къ Уральску на разстояніе одного перехода.М.Ф.Мартыновъ прибылъ туда. Въ двухдневномъ бою подъ Краснымъ и Каменнымъ онъ ихъ разбилъ,атаковавъ въ концѣ концовъ въ конномъ строю. Въ этомъ бою онъ былъ снова раненъ,когда въ автомобилѣ увлекалъ за собой развернутую лаву. Красноармейцы бѣжали за предѣлы Войска.

Роковымъ для Матвѣя Филаретовича былъ бой подъ Уральскомъ 11 января 1919 г. Обороняя „сердце Войска" на участкѣ, гдѣ несла потери учащаяся молодежь: реалисты, гимназисты,студенты, М.Ф. былъ въ третій разъ раненъ ружейной пулей въ животъ. Эвакуированный въ г.Гурьевъ, на берегъ Каспійскаго моря, М.Ф., послѣ двухъ мѣсяцевъ страданій,скончался тамъ, къ глубокой скорби своего Войска, ставившаго покойнаго выше всѣхъ другихъ казаковъ.

Атаманъ генералъ В.С.Толстовъ въ приказѣ 19 марта писалъ: „Казаки! Вчера въ 6 часовъ 45 минутъ утра скончался талантливый, храбрый изъ храбрыхъ, витязь родного Войска генералъ-лейтенантъ Матвѣй Филаретовичъ Мартыновъ. Войско понесло крупнѣйшую потерю. Да будетъ онъ примѣромъ въ бою и жизни каждому, кому суждено остаться въ живыхъ. Пусть каждый передастъ въ потомство, кѣмъ былъ Матвѣй Филаретовичъ для своего Войска. Миръ праху твоему, витязь безъ страха и упрека. Да послужишь ты примѣромъ всѣмъ, любящимъ родное Войско."

Таковъ былъ поминъ Матвѣя Филаретовича.

Пусть и теперь,въ изгнаніи,этотъ свѣтлый образъ остается въ нашей памяти. Пусть слава о почившемъ уральскомъ казакѣ разносится по бѣлу свѣту, и достойное имя его произносится наравнѣ съ именами другихъ славныхъ казачьихъ вождей.

Онъ былъ вѣрнымъ сыномъ Россіи.

К.

КОСТЯ ПОПОВЪ.

Разсказъ А.И.Куприна.

Весеннимъ вечеромъ въ домѣ я былъ одинъ. Семья уѣхала въ Питеръ на нѣсколько дней. Кухарка, каменная баба Гдовскаго уѣзда Псковской губерніи, Катерина Матвѣевна уже убралась въ свою комнату.

Вдругъ, слышу, возня во дворѣ, стучится кто-то въ дверь. Выхожу.

Урядникъ Сладковъ подаетъ мнѣ записку отъ милаго сотника:

„Завтра ѣдемъ бить нѣмцевъ. Позвольте на прощаніе къ Вамъ во дворъ войти со станичниками, въ послѣдній разъ, можетъ быть. Вашъ Костя Поповъ".

На той же запискѣ я отвѣтилъ:

„Очень буду радъ. А Васъ, Костя, прошу не только во дворъ войти, но и въ домъ въѣхать. Въ домѣ никого, кромѣ меня".

Урядникъ Сладковъ исчезъ. Я попросилъ каменную бабу, Катерину Матвѣевну, поставить самоваръ. Черезъ небольшое время послышался стройный четкій лошадиный топотъ. Я вышелъ изъ дома и отворилъ ворота. Это пріѣхалъ верхомъ самъ Костя Поповъ на своемъ маштакѣ, добромъ рословъ конѣ, „Голубокъ"по имени, весь вороной, съ бѣлой запятой на лбу.

– А что же, Костя, гдѣ станичники?

– Идутъ пѣшіе. Сейчасъ придутъ сюда.

– Ну, а въ комнаты въѣдете на конѣ, Костя?

– Да отчего же? Это у насъ не задалитъ. Только Вамъ не было бы тревожно?

Отлично взошелъ Голубокъ въ полутьмѣ по ступенькамъ крыльца въ сѣни. У меня въ деревянномъ домишкѣ былъ всего одинъ этажъ въ четыре комнаты, не считая кухаркиной – въ этомъ-то домикѣ, какъ потомъ оказалось, я и пилъ народную кровь. Ахъ, и теперь помню, какъ пытливо, осторожно пробо-

вала умная лошадь ножками крутизну ступеней и прочность досокъ.

То склоняя, то подымая голову, Голубокъ изрѣдка звучно похрапывалъ, а Костя, сидя на немъ, ласково отвѣчалъ:

– О-о!

Въ передней и гостинной стало гораздо легче. Тамъ горѣли лампы.

– Хотите, положу Голубка? спросилъ Костя.

Я давно, будучи еще молодымъ офицеромъ, видѣлъ въ Волочискѣ, какъ на джигитовкѣ синелампасные оренбургскіе казаки

быстро и ловко заставляютъ лошадь лечь на землю, а сами изъ-за нея стрѣляютъ холостыми зарядами. Но куда оренбургскимъ мелкимъ и лохматенькимъ лошаденкамъ было до рослаго холенаго Голубка!

Голубокъ, не вѣря прочности пола, деликатно подгибалъ ножку за ножкой, пока не повалился крупомъ на бокъ, - а Костя одновременно соскочилъ съ сѣдла.

Моя была вина:

Я не предупредилъ о маленькомъ старинномъ диванѣ,стоявшемъ между двухъ оконъ. Подъ тяжелымъ лоснящимся задомъ Голубка диванъ крякнулъ и плоско расползся всѣми четырьмя ногами по полу, точно придавленный щенокъ. Костя сконфузился и сталъ, было, извиняться, но я быстро его успокоилъ.

И какіе пустяки,въ самомъ дѣлѣ!

Диванъ этотъ я вымѣнялъ у гатчинскаго антиквара и дезертира Сысоева всего лишь на облысѣвшую медвѣжью шкуру, въ неособенно твердой увѣренности, что онъ принадлежитъ эпохѣ Александра Благословеннаго.

Послѣ того, какъ невинный Голубокъ сокрушилъ его, и я потомъ его возстановилъ, скрѣпивъ по угламъ желѣзными скобами, онъ сразу повысился въ цѣнѣ: знатоки стали его относить къ Елисаветинскимъ временамъ.

Я только боялся: не ушибся ли Голубокъ? Но все было въ порядкѣ. Костя Поповъ очень легко его поднялъ и вывелъ во дворъ.

Но уже пришли станичники-пѣсенники 2-ой сотни.

Послышалось, какъ въ передней откашливаются звучные мужскіе голоса и глухо топчатся ноги.

- Входите, входите, дорогіе гости!

Все милыя, открытыя знакомыя мнѣ лица, начиная отъ маленькаго, но широкоплечаго, смуглаго и толстогубаго урядника Сладкова.

Только одного я вижу впервые, и Костя Поповъ насъ знакомитъ:

- Племяшъ мой, Коля Гусевъ, хорунжій, только что изъ Новочеркасскаго училища.

Племянникъ Коля мнѣ сразу нравится. Онъ мнѣ рисуется тѣмъ самымъ племянникомъ, который въ пѣснѣ „пику подаетъ".

Онъ высокъ,тонокъ и гибокъ, какъ молодая лоза; его длинное, еще бѣлое лицо все сплошь усѣяно коричневыми веснушками;надъ лѣвымъ вискомъ распушился густой побѣдный рыжій вихоръ. Его же называютъ иногда Шевелюръ, потому что на рыси онъ лихо шевелится.

Говоритъ Коля Гусевъ нѣжнымъ вѣжливымъ голоскомъ, такимъ немножко сдавленнымъ, чуточку какъ бы проглоченнымъ,теноркомъ и въ манерахъ нѣкоторая тонкая изысканность.

Костя Поповъ крѣпко хлопаетъ племянника по плечу:

– Лихой донецъ! По рубкѣ и по джигитовкѣ первый въ сотнѣ, а, пожалуй, и во всемъ полку.

– Что это Вы, Константинъ Хрисанфычъ, – жеманно возражаетъ Коля, – всегда у Васъ стремленіе къ гиперболамъ!

– А ты молчи! Ну-ка, Сладковъ, заводи!

Не знаю, передъ разлукой ли это было или потомъ такъ сложилось въ воспоминаніяхъ, но казалось мнѣ, что ни разу еще не пѣли такъ дружно и такъ выразительно станичники. Перепѣли почти весь репертуаръ.

Пѣвучимъ донскимъ речитативомъ-говоркомъ запѣвалъ Сладковъ, высочайшимъ подголоскомъ подхватывалъ племянникъ и даже безслухій Костя пробовалъ подпѣвать, но тотчасъ же умолкалъ, когда Сладковъ строго подергивалъ на него головою.Пропѣли нѣсколько разъ и мою любимую:„посѣю лебеду..."

Какія тамъ есть милыя словечки!

....Раздушка, казакъ молодой,
Что не ходишь, что не жалуешь за мной?
Безъ тебя, милый, постелька холодна,
Одѣяльце заиндевѣло,
Изголовьице мороза холоднѣй...

Право же, вся эротическая поэзія послѣдняго времени ничего не стоитъ передъ этими простыми любовными словами.

Нагнувшись къ Костѣ Попову, я спросилъ:

– Скажите, можно ли станичниковъ поблагодарить деньгами? У меня есть совсѣмъ мнѣ не нужныя.

Онъ отвѣтилъ:

– Я думаю, лучше не надо. Они какъ пѣть, какъ плясать, такъ и въ бой итти – всегда съ удовольствіемъ. Да, кромѣ того, пожалуй, отъ васъ и обидятся. Друзья. Вотъ если бы вод-

ченки...

Дорогой мой другъ, добрый фармацевтъ Векслеръ! Теперь Вы внѣ досягаемости, и я свободно приношу Вамъ мою глубокую признательность за то, что во многихъ случаяхъ Ваши аптекарскіе пузырьки и бутылочки служили мнѣ и лѣкарствомъ и подпорою духа, и помощью въ работѣ, и средствомъ отъ смертельной тоски, и возможностью увеселить друга, несмотря на строгій запретъ!

Катерина Матвѣевна сначала привѣтливо хозяйничала, а потомъ отошла къ двери и стояла, подперши ладонью щеку. Вздыхая и покачивая головою, провожала.

А утромъ я проводилъ 2-ю сотню до артиллерійскихъ казармъ.

Три года о моихъ пріятеляхъ не было ни слуху, ни духу.

А. Куприн

Вновь волнующій вѣтеръ съ востока
Повернулъ на церквахъ флюгера;
Запрокинувшись въ небо глубоко,
Розовѣютъ мои вечера,

Голубѣютъ вечернія тѣни
И душа такъ проста и легка,-
Вновь надъ Прагой въ лазури весенней
Изъ Россіи плывутъ облака.

О, моя неземная награда,
Объ Отчизнѣ Господній намекъ -
Облаковъ золотистое стадо
На просторѣ небесныхъ толокъ.

Прага.

КУЛИКОВСКАЯ БИТВА И КАЗАКИ.

Послѣднее слово о происхожденіи казаковъ еще не сказано, ибо не всѣ историческіе документы использованы. Русскіе историки сравнительно мало удѣляли вниманія казакамъ и допустили рядъ ошибокъ.

За послѣднее время, пользуясь длительнымъ пребываніемъ за-границей, нѣкоторые казачьи дѣятели занялись поисками и изученіемъ матерьяловъ, находящихся въ архивахъ Западной Европы. Кое-что въ этомъ направленіи уже сдѣлано.

Принято считать, что казачество въ видѣ вольныхъ казачьихъ братствъ и городовыхъ казаковъ появилось на южныхъ окраинахъ Московскаго государства и на Дону въ XV - XVI вѣкахъ.

Въ русской лѣтописи въ первый разъ упоминается о казакахъ въ 1444 году, въ княженіи Іоанна III. Но, несомнѣнно, казачество существовало и раньше. Сохранились документы, свидѣтельствующіе объ участіи донскихъ казаковъ въ Куликовской битвѣ, въ 1380 г.

Во вкладной книгѣ Донского монастыря въ Москвѣ имѣется запись о чудотворной иконѣ Донской Божіей Матери, сдѣланная архимандритомъ въ началѣ XVII вѣка, такого содержанія:

„Того ради послѣди, прославися Образъ Пречистыя Богородицы Донскія, зане къ Великому Князю Димитрію Іоанновичу. Донскіе казаки увѣдавши о пришествіи Великаго Князя Димитрія Іоанновича въ междурѣчіи Дону и Непрядвѣ, въ помощь благословенному воинству пришли бяше и сей Пречистыя Богородицы Образъ въ даръ благовѣрному Великому Князю и всему православному воинству на побѣжденіе нечестивыхъ агарянъ вручили".

Разъ донскіе казаки пришли на Куликово поле „въ помощь благословенному воинству"- значитъ, они представляли собой организованное войско, которое могло создаться только за время длительнаго проживанія на Дону.

Выписка изъ древней лѣтописи, хранившаяся въ часовнѣ Гребневской /Гребенской/ Иконы Божіей Матери, что въ Москвѣ на Лубянкѣ, гласитъ слѣдующее:

„Тамъ,/въ верховьяхъ Дона/ народъ христіанскій воинскаго чина живущій завоміи казацы, въ радости срѣтающи его x/

---

x/ Великаго Князя Димитрія Іоанновича.

со святыми иконами и со кресты, поздравляюще ему о избавленіи своемъ отъ супостатовъ и приносяще ему дары отъ своихъ сокровищъ, яже имѣху у себя чудотворныя иконы во церквахъ своихъ".

Эта выписка совершенно точно устанавливаетъ, что по теченію рѣки Дона казаки имѣли постоянныя поселенія съ церквами.

Гребенская икона Божіей Матери была поднесена казаками Великому Князю Димитрію Іоанновичу въ память избавленія „отъ супостатовъ" послѣ Куликовской битвы, очевидно, во время поздравленія Великаго Князя съ побѣдой надъ татарами.

Митрополитъ Рязанскій въ 1712 году, на основаніи историческихъ документовъ, къ сожалѣнію, не дошедшихъ до нашего времени, утверждалъ, что городъ Гребни, откуда принесена была казаками икона, находился въ устьи рѣки Чира, праваго притока Дона.

Записи о святыхъ иконахъ заслуживаютъ полнаго довѣрія и являются документами исключительной исторической цѣнности. Сдѣланы онѣ лицами, занимавшими высокое духовное положеніе /архимандритъ и митрополитъ/ съ широкимъ умственнымъ кругозоромъ, для которыхъ чудотворныя иконы представляли святыни.

Какъ Донская, такъ и Гребневская иконы Божіей Матери, византійскаго письма; слѣдовательно, были получены изъ Царьграда, что, въ свою очередь указываетъ на давность пребыванія казаковъ на Дону и на ихъ сношенія съ Византіей.

Во всякомъ случаѣ, вышеприведенные факты свидѣтельствуютъ, что во времена татарскаго ига казачество уже существовало на Дону, какъ „народъ христіанскій воинскаго чина... завоміи казацы".

Донскіе казаки, вмѣстѣ со всей Русью, входили тогда въ составъ Золотой Орды, но въ то время, когда населеніе Сѣверо-Восточной Руси было обложено данью, казаки въ государственной системѣ татаръ составляли военно-служилое сословіе и несли службу по охранѣ границъ и путей сообщенія.

Поэтому не правы тѣ историки, которые относятъ появленіе первыхъ казаковъ къ концу ХУ и даже къ серединѣ ХУI вѣка.

Казаки происходили отъ русскаго /славянскаго/ корня съ примѣсью другихъ народовъ. Ихъ племенное родство съ остальной Русью несомнѣнно. Они говорили на русскомъ языкѣ,

/знали и татарскій/, исповѣдывали православную вѣру и пользовались церковно-славянской письменностью.

Въ борьбѣ двухъ міровъ - славянскаго /европейскаго/ и монгольскаго /азіатскаго/ - казаки были, не только въ силу племенного происхожденія, но и психологически на сторонѣ перваго.

Въ рѣшительный историческій моментъ, когда Мамай, во главѣ своихъ ордъ, ринулся на Москву, противъ Великаго Князя Димитрія Іоанновича, на помощь Руси Сѣверо-Восточной пришли полки Юго-Западной Руси, предводительствуемые Волынскимъ воеводой Боброкомъ; пришла и Юго-Восточная Русь, въ лицѣ донскихъ казаковъ.

На Куликовскомъ полѣ всѣ силы раздробленной Руси слились во-едино, и поработители-татары были разбиты на-голову.

Въ единеніи всегда сила.

И. Акулининъ.

ДОНСКОЙ ВОЙСКОВОЙ ГИМНЪ.

/Одобренъ Большимъ Войсковымъ Кругомъ 20 сентября 1918 года/.

Всколыхнулся, взволновался Православный Тихій Донъ
И послушно отозвался на призывъ свободы онъ.
Зеленѣетъ степь родная, золотятся волны нивъ,
И, съ простора долетая, вольный слышится призывъ.
Донъ дѣтей своихъ сзываетъ въ Кругъ Державный Войсковой,
Атамана выбираетъ всенародною душой.
Въ боевое грозно время, въ память дѣдовъ и отцовъ -
Вновь свободно стало племя возродившихся донцовъ.
Славься, Донъ, и въ наши годы, въ память вольной старины.
Въ часъ невзгоды - честь свободы отстоятъ твои сыны.

ВЪ БЕНДЕРЪ БУШИРѢ.

Разсказъ А.Лукина.

Шелъ второй годъ войны.

На пустынномъ берегу омываемаго мутными водами Персидскаго залива возвышался дворецъ персидскаго генералъ-губернатора. Окруженный съ трехъ сторонъ большимъ дворомъ-пустыремъ, дворецъ съ четвертой примыкалъ почти къ самому заливу. Кругомъ пустыря высилась каменная бѣлая стѣна съ крѣпкими, окованными желѣзомъ, воротами. За стѣной, вдоль берега, на многія мили тянулся все тотъ же пустырь. Въ вѣчныхъ клубахъ пыли и песка оползалъ къ заливу городъ Бендеръ Буширъ.

Скучный, невзрачный городишко, съ шумнымъ базаромъ,узкими, кривыми улочками, грязными людьми и зданіями, верблюдами и безконечными стадами овецъ, Бендеръ Буширъ былъ типичнымъ городомъ этого, забытаго Богомъ, края; безъ деревца и кустика, открытый всѣмъ вѣтрамъ и палящимъ лучамъ солнца.

Особыя условія климата установили своеобразную для непривычныхъ къ нему европейцевъ жизнь. Въ теченіе больше, чѣмъ шести мѣсяцевъ, до періода дождей, она начиналась съ разсвѣтомъ и кончалась въ 10 - 11 часовъ утра и вновь оживала только вечеромъ, когда нестерпимо палящее солнце уходило за горизонтъ.

Съ оккупаціей англичанами, въ первый годъ войны, Бендеръ Бушира, а вмѣстѣ съ нимъ и всего побережья Персидскаго залива, фактически исчезла власть персидскаго генералъ губернатора. Опутанный долгами, онъ, еще за многіе годы до войны, вынужденъ былъ разстаться со своимъ загороднымъ дворцомъ и перенести свою резиденцію въ казенный домъ, въ городъ. Съ тѣхъ поръ его дворецъ превратился въ резиденцію Русскаго генеральнаго консульства.

Вмѣсто пестрой восточной толпы, всегда наполнявшей съ разными просьбами генералъ-губернаторскій дворъ,- засуетились, забѣгали наши казачки консульскаго конвоя, заржали казачьи лошадки, и на крыльцѣ конвойнаго дома занялъ свое почетное мѣсто огромный, ярко начищенный многоведерный самоваръ. Дворъ также преобразился. Вокругъ дворца зазеленѣли кактусы, запестрѣли клумбы; на каменномъ высокомъ постаментѣ выросла большая бѣлая сигнальная мачта для переговоровъ съ проходящими мимо русскими пароходами.

Убранное великолѣпными коврами, портретами высочайшихъ особъ, европейской и восточной мебелью, зданіе совершенно преобразилось внутри.

Съ внѣшней же стороны дворецъ сохранился въ прежнемъ видѣ. Развѣ только трехцвѣтный русскій флагъ смѣнилъ развѣвавшійся ранѣе бѣло-зеленый персидскій.

Какъ во всѣхъ восточныхъ странахъ съ жаркимъ климатомъ, дворецъ представлялъ собой большое, окруженное галлереями одноэтажное каменное зданіе, въ восточномъ вкусѣ, на высокомъ фундаментѣ, съ плоской, зубчатой крышей. Двѣ башни, также зубчатыя, возвышались надъ ней.

Вдоль прибрежной стѣны двора помѣстился рядъ службъ для персидскихъ кавасовъ консульства - гулямы - и персидской же прислуги. Въ сторонѣ находилось двухэтажное зданіе со сводчатыми галлереями для консульскаго конвоя.

Въ описываемое время весь личный составъ генеральнаго консульства состоялъ изъ самого генеральнаго консула Л., высокаго худощаваго джентельмена, невозмутимаго спокойствія, поэта въ душѣ и страстнаго поклонника Пушкина; девяти казаковъ его конвоя и десятка кавасовъ и прислуги. Секретари и мурзы-переводчики жили въ городѣ.

Англійское, французское, итальянское, норвежское и бывшее германское консульства также имѣли свои резиденціи въ окрестностяхъ, при чемъ ближайшимъ къ городу, въ милѣ отъ него, было русское.

Стоялъ жаркій іюль 1915 года.

Бендеръ Буширъ переживалъ тревожные дни.

Тайные германскіе агенты мутили народъ. Золото и оружіе тайкомъ переправлялось въ Персію. Бывшій германскій консулъ, докторъ Васемусъ, человѣкъ кипучей энергіи и желѣзной воли, бѣжавшій при объявленіи войны Турціей изъ предѣловъ оккупированнаго англичанами юга Персіи, вновь пробрался обратно и, тщательно скрываемый въ ущельяхъ горъ, подкупалъ, организовывалъ и вооружалъ дикія кочевыя племена и, въ первую очередь, самое боевое и неспокойное племя тангистани, этихъ персидскихъ индѣйцевъ. Онъ ловко разжигалъ оскорбленное иностранной оккупаціей національное самолюбіе персовъ и повсюду въ населенныхъ мѣстахъ побережья и окружавшихъ его горъ встрѣчалъ полное сочувствіе и поддержку. Золото дѣлало свое дѣло, и имя Васемуса - дру-

га персидскаго народа – передавалось изъ устъ въ уста.

Англичане, прекрасно освѣдомленные объ этой дѣятельности германскихъ и турецкихъ агентовъ, начали съ ними жестокую борьбу за власть и вліяніе надъ заливомъ. Съ этой цѣлью англійскій генеральный консулъ и резидентъ Персидскаго залива, сэръ Персикоксъ – устроилъ вблизи Бендеръ Бушира, у самой своей резиденціи укрѣпленный лагерь изъ 2500 – 3000 чел. англійскихъ войскъ. Въ заливѣ, въ виду Бушира, бросилъ якорь отрядъ англійскихъ крейсеровъ. Самое зданіе резиденціи защищалось орудіемъ и пулеметами. Всюду шныряли сыщики и тайные агенты сэра Персикокса и все же, несмотря на всѣ эти мѣры военно-оккупаціоннаго характера, дѣятельность доктора Васемуса ширилась и укрѣплялась.

Къ лѣту 1915 года Бендеръ Буширъ оказался совершенно отрѣзаннымъ отъ Тегерана. Хорошо вооруженныя и снабженныя кочевыя племена заняли всѣ проходы и ущелья горъ, отрѣзавъ, со стороны суши, англичанъ отъ всего внѣшняго міра.

Даже почта должна была ходить кружнымъ путемъ черезъ Исфаганъ на Басру. Англичане были не въ силахъ форсировать горные проходы и оказались какъ бы запертыми въ осажденной крѣпости.

Но дѣятельность Васемуса этимъ не ограничилась. Онъ поставилъ себѣ цѣлью либо истребить союзниковъ, и, въ первую очередь, англичанъ, либо принудить ихъ уйти. Активность племенъ, особенно тангистани, перенеслась уже въ самый центръ оккупаціи. Дерзость ихъ дошла до того, что они ночью напали на охранявшійся сипаями загородный домъ директора Англійскаго банка, который едва успѣлъ бѣжать въ одномъ бѣльѣ и скрыться въ лагерѣ. Сипаи же всѣ были перевязаны и вмѣстѣ со всѣми богатствами дома увезены въ горы. Положеніе стало настолько серьезнымъ, что французскій консулъ съ семьей покинулъ свою резиденцію и перебрался въ городъ, въ охраняемое англійскими войсками городское зданіе Британскаго Генеральнаго Консульства.

Зловѣщіе слухи о предстоящей рѣзнѣ иностранцевъ наполняли городъ и базаръ. Несмотря на всю бдительность англичанъ, строгость военныхъ законовъ и постоянные ночные обходы патрулей, всюду по ночамъ происходили тайныя сборища; подозрительныя тѣни шмыгали по городу. Ихъ хватали, но ничего не удавалось раскрыть. Все было прекрасно законспирировано. Золото и оружіе хранилось въ недосягаемыхъ тайникахъ.

Настроеніе въ иностранныхъ резиденціяхъ было крайне

подавленнымъ. Гроза висѣла въ воздухѣ. Не лучшимъ настроеніе было и въ Русскомъ Консульствѣ. Охраняемое девятью казачьими винтовками и ненадежными гулямами, оно было почти беззащитнымъ отъ нападенія дикихъ и фанатичныхъ ордъ кочевниковъ. Хотя англійскій резидентъ и обѣщалъ немедленную помощь, въ случаѣ нападенія, консулъ не очень разсчитывалъ на нее...

Такъ наступила ночь съ I-го на 2-е августа. Черная, душная, южная ночь. Ни дуновенія вѣтерка.

Истомленные знойнымъ днемъ, люди, засыпали мучительнымъ, разслабляющимъ сномъ. Глубокой ночью забылся тяжелымъ сномъ англійскій лагерь. Кое-какъ бодрствовали часовые. Слыша - лась ихъ перекличка...

Тихо, безъ малѣйшаго шелеста, скрытые чернымъ покро - вомъ ночи, ползкомъ, какъ индѣйцы, подкрадывались къ лагерю тангистани. Въ сжатыхъ зубахъ поблескивала сталь кривого клинка. Привычная рука короткимъ ножемъ быстро и ловко безшумно рыла ложбинку, въ которой, сравненное съ землей и невидимое со стороны, ползло тѣло... Во всемъ мірѣ только тангистани умѣютъ такъ подкрадываться къ врагу.

Лагерь спитъ мертвымъ сномъ. Не чуетъ бѣды. Дремота одолѣваетъ часовыхъ. Опершись на ружья, они вяло и рѣдко перекликаются...

Вдругъ прыжокъ... Блескъ лезвія, и часовой беззвучно падаетъ. Одинъ, другой, третій... Согнутыя тѣни, съ горящими местью и грабежомъ раскосыми глазами, замелькали по лагерю. Ударъ клинка въ самое горло, хрипъ, судорога и скорѣй дальше и дальше...

Русскій Консулъ только подъ утро забылся сномъ. Онъ спалъ на крышѣ своего дворца, въ палаткѣ, гдѣ ночевалъ шесть мѣсяцевъ въ году изъ за невѣроятной духоты.

- Ваше - скородіе! - А - Ваше - скородіе! Вставайте!

- Ваше - скородіе! - тронулъ ординарецъ консульское плечо.

Безуспѣшно. Консулъ крѣпко спалъ.

- Ваше - скородіе! - потрясъ ординарецъ плечо.

- Что?! А?!

– Пакетъ, Ваше – скородіе! Срочный!

– Что?!

– Такъ что пакетъ. Отъ Резидента. Бѣда случилась. Аглицкій лагерь разгромленъ.

Консулъ вскочилъ. Онъ взломалъ печать и узналъ потрясающую вѣсть. Резидентъ сообщалъ въ двухъ словахъ о нападеніи и сзывалъ всѣхъ Консуловъ на экстренное совѣщаніе.

Консулъ помчался къ Резиденту. Взволнованные коллеги обсуждали подробности происшедшаго. Часть англійскаго лагеря – этого единственнаго оплота союзниковъ – оказалась разгромленной и разграбленной. Тангистани не только унесли съ собой изрядную добычу и оружіе, но ухитрились, пока поднялась тревога, угнать плѣнныхъ, лошадей и муловъ.

Когда Консулъ вернулся къ себѣ и прошелъ въ помѣщеніе конвоя, взволнованные событіемъ ночи, казаки окружили его. Они предчувствовали свой чередъ.

Обсудивъ съ ними положеніе вещей, консулъ приказалъ казакамъ къ вечеру перебраться во дворецъ и туда же перенести запасныя винтовки и патроны. На башняхъ были установлены посты часовыхъ.

Внѣ всякаго сомнѣнія, тангистани, окрыленные успѣхомъ, не будутъ дремать и, зная прекрасно отъ своихъ лазутчиковъ обороноспособность отдѣльныхъ резиденцій, не дадутъ времени усилить ее и, вѣроятно, этой же ночью повторятъ на кого-нибудь нападеніе. Русское Консульство, въ смыслѣ наживы, представлялось имъ лакомымъ кускомъ, тѣмъ болѣе, что за выкупъ Русскаго Консула, они расчитывали сорвать не малый кушъ.

Рѣшено было бодрствовать всю ночь. Расчитывать на помощь англичанъ, особенно теперь, послѣ разгрома ихъ собственнаго лагеря, не приходилось. Нельзя было надѣяться и на лояльность гулямовъ и персидской прислуги. Оставалось полагаться только на девять казачьихъ винтовокъ, да на револьверъ самого Консула.

Наступила тревожная ночь.

Чтобы создать иллюзію, что конвой мирно спитъ въ своемъ помѣщеніи, рѣшено было не тушить въ немъ огней.

Послѣ вечерней молитвы казаки расположились на кры-

шѣ дворца въ полной тишинѣ и темнотѣ.

Въ 9 часовъ вечера Консулъ, со старшимъ урядникомъ Жуковымъ, спустился внизъ еще разъ осмотрѣть домъ и навѣсъ, подъ которымъ стояли казачьи кони, и взглянуть, что дѣлаетъ персидская прислуга.

– Что,Жуковъ, ребята всѣ наверху?

– Такъ точно.

Спустились во дворъ. Ночь стояла темная и тихая.Было настолько черно, что бѣлую каменную стѣну не было видно въ двухъ шагахъ. Черноту ночи еще усиливали наружные фонари, горѣвшіе кругомъ самаго дворца.

Совершая обходъ, Консулъ и Жуковъ приблизились къ палаткѣ у тенниса.

Вдругъ Консулъ остановился.

Уголъ палатки какъ будто чуть-чуть пошевелился.

– Что это можетъ быть, Жуковъ?

– Такъ что кошка, должно, Ваше – скородіе.

Обойдя дворецъ, осмотрѣвъ ставни и двери, лошадей и помѣщеніе прислуги, Консулъ и Жуковъ поднялись на верхъ. Все было тихо. Зная кошачьи повадки тангистани и умѣнье ихъ безшумно красться, люди напряженно вслушивались и всматривались въ темноту. Свѣтлая рамка ярко освѣщенныхъ наружными огнями бѣлыхъ каменныхъ плитъ широкой полосой окаймляла дворецъ. За ней стѣной стояла черная ночь.Только въ конвойномъ домѣ звѣздочками горѣли огни. Въ помѣщеніи персидской прислуги лампы были погашены. Прислуга либо спала, либо поджидала. Одинъ Богъ зналъ, какія мысли бродили въ ихъ головахъ.

Было далеко за полночь. На крышѣ никто не спалъ. Лежа въ просвѣтахъ каменныхъ зубцовъ, люди наблюдали за пустыремъ. Рядомъ лежали винтовки. Только фырканье коней, да постукиванье копытъ временами нарушали тишину...

Вдругъ, въ свѣтѣ огней конвойнаго дома промелькнула тѣнь, одна, другая, третья. Тѣнь точно стлалась по землѣ. Что-то подозрительное показалось часовому и съ другой,противоположной стороны.

– Кажись, крадутся, Ваше-скородіе.

Но тишина стояла мертвая. Ни шелеста, ни звука.

- Умѣютъ, проклятые, ползать!..

Проницательный, подготовленный къ нападенію и свык - шійся съ освѣщеніемъ ночи глазъ, только онъ, и то съ трудомъ, могъ различать крадущіяся ползкомъ тѣни...

Введенные въ заблужденіе свѣтомъ въ конвойномъ домѣ, тангистани, - это были они - направили туда свои главныя силы, чтобы вырѣзать врасплохъ мирно спавшихъ казаковъ. Они не подозрѣвали, что конвой съ ружьями и револьверами въ рукахъ бодрствовалъ на дворцовой крышѣ. Остальные, разбив - шись на группы, съ трехъ сторонъ ползли ко дворцу. Невоз - можно было сосчитать ихъ силу.

- Ваше-скородіе! Разрѣшите открыть огонь. Какъ бы не опоздать - шепотомъ спросилъ Жуковъ.

- Вали, Жуковъ, дѣло твое - военное.

- Слухай, ребята! Стрѣлять въ точку, патроновъ даромъ не бросать - и Жуковъ приказалъ открыть огонь.

Щелкнули затворы. Съ крыши засверкали огни.

Дикій ревъ огласилъ пустырь. Тангистани открыли огонь и съ гиканьемъ ринулись на штурмъ.

- Пачки!! - крикнулъ Жуковъ, приказывая открыть частый огонь.

- Держись, ребята! - и онъ отдѣлилъ двухъ молодцовъ на защиту башенной лѣстницы.

Первые же, ступившіе въ освѣщенный квадратъ плитъ покатились кубаремъ. Казачьи пули не пропали даромъ. Танги - стани, храбрые, когда дѣйствуютъ внезапно, отхлынули. Но сейчасъ же вновь бросились ко дворцу. Градъ пуль ихъ снова осадилъ. У свѣтлой рамки легли новыя тѣла.

Сгрудившись за каменнымъ постаментомъ мачты, нападавшіе принялись обстрѣливать крышу дворца. Пули звякали о камни, жужжали надъ головой, но не задѣвали скрытыхъ зубцами казаковъ. По ружейнымъ вспышкамъ врага, казаки пачками обстрѣливали и пустырь и мачту.

Полчаса длилась перестрѣлка. Тангистани снова поднялись на штурмъ, но снова съ урономъ были отбиты.

Видя, что нападающіе не одолѣваютъ, и что имъ не прорваться во дворецъ, персидская прислуга, опасаясь репрессій, также открыла огонь по своимъ. Эта неожиданная стрѣльба изъ другого мѣста рѣшила дѣло. Полагая, что сила защитниковъ велика и что они подготовились къ нападенію, тангистани бѣжали, оттащивъ и захвативъ своихъ раненыхъ и убитыхъ.

Начинало свѣтать.

Вдругъ громовые удары въ ворота огласили дворъ.

- Что такое?! Помощь намъ или ловушка?

Удары повторились. Тогда Консулъ съ Жуковымъ спустились внизъ и тихонько подошли къ воротамъ. Слышалась англійская рѣчь.

- Въ чемъ дѣло? - спросилъ Консулъ.

- Помощь! - послышался отвѣтъ.

Ворота открылись, и отрядъ сипаевъ съ пулеметомъ вступилъ во дворъ.

Англійскій Резидентъ, узнавъ ночью о нападеніи на Русское Генеральное Консульство, не рѣшился тотчасъ же послать подмогу, опасаясь, что въ ночной темнотѣ, она будетъ принята за враговъ.

Осмотрѣли дворъ, на немъ было много крови. У наружной стѣны обнаружили слѣды верблюдовъ. Тангистани расчитывали на столь богатую добычу, что двѣнадцать консульскихъ и казачьихъ коней считали недостаточнымъ, чтобы вывезти ее.

Въ тотъ же день съ англійскаго крейсера на смѣну сипаевъ прибылъ пулеметъ съ пулеметчиками. Пулеметъ установили на крышѣ.

Съ большимъ любопытствомъ англійскіе моряки присматривались къ казакамъ, которыхъ никогда въ жизни не видали, но о которыхъ столько всего наслышались. Удивленіе ихъ не имѣло границъ, когда въ тотъ же вечеръ они очутились гостями на ужинѣ у казаковъ, - этихъ варваровъ, по ихъ представленію.

На покрытомъ кумачевой скатертью столѣ пыхтѣлъ огромный, ярко начищенный самоваръ, вкусно дымилась баранина, стояла водка, ширазское вино, дыни, персики, абрикосы. На это торжество Консулъ отпустилъ добавочную сумму.

Казаки, вперемежку съ гостями усѣлись за столомъ, обмѣниваясь выразительными знаками. По началу дѣло не клеилось, но чѣмъ больше пилось чарокъ, тѣмъ шумнѣй становилось за столомъ. Когда же англичане приспособились запрокидывать затылокъ, осушая чарку, начался невообразимый и непонятный въ другое время разговоръ. Пошли казачьи пѣсни, пляски. Англичане отвѣчали „типерерри". Задымились трубки и махорка. На чубастыхъ вихрахъ появились матросскія фуражки. Англичане тонули и обливались потомъ въ казачьихъ папахахъ. Лилось ширазское вино...

Такъ, вопреки всѣмъ зонамъ и сферамъ вліянія, началась англо-казачья дружба, длившаяся три недѣли пребыванія англійскихъ моряковъ въ гостяхъ у Русскаго Консула.

Много времени прошло съ тѣхъ поръ...

Однажды въ Консульствѣ получился пакетъ. Консулъ вскрылъ его и прочелъ:

ПРИКАЗЪ

По Кубанскому Казачьему Войску
8 Января 1916 года.

Въ немъ Наказный Атаманъ генералъ Бабычъ производилъ въ слѣдующія званія 9 нижнихъ чиновъ 1-го Хоперскаго полка за то, что „въ труднѣйшія минуты полной анархіи въ Бендеръ Буширѣ, при вѣроломномъ нападеніи 2-го августа 1915 года на Генеральное Консульство многочисленныхъ вооруженныхъ персидскихъ ордъ, казаки эти блестяще отбили нападеніе, причинивъ потери нападавшимъ и сами не понеся никакихъ потерь, и сохранивъ Консульство въ полной неприкосновенности въ то время, какъ незадолго до того, тѣ же шайки разгромили нѣсколько европейскихъ домовъ и отчасти военный лагерь англичанъ, съ уносомъ имущества и уводомъ людей, лошадей и муловъ."

Атаманъ благодарилъ молодцовъ-хоперцевъ за честную службу.

А.Лукинъ.

Зеленый лучъ

Разсказъ Бориса Лазаревскаго.

Въ юности я иногда дѣлалъ видъ, что соглашаюсь, будто англійское сѣдло и удобнѣе и шикарнѣе, и только на немъ и можетъ быть настоящая посадка, но соглашался больше изъ хохлацкой лѣни, чтобы не тратить времени на споръ, а самъ думалъ:

„Нѣтъ ужъ, въ Конотопъ, на почту, я поѣду на казачьемъ. А назадъ, вечеромъ, - шагомъ; перекину правую ногу черезъ луку, сяду бокомъ и буду пѣть:

Та не ходи, козаче,
По надъ берегами,
Не суши дівчины
З чорними бровами...

Хорошая пѣсня... Отъ дѣдовъ и прадѣдовъ жила она въ нашемъ уѣздѣ.

Хотя у меня лично дѣло обстояло иначе: не я сушилъ, а меня сушила Маня Балаклѣева тѣмъ, что рѣдко писала изъ своей Подоліи, и за ея письмами я иногда и скакалъ семь верстъ до самой почты, а на обратномъ пути зачѣмъ же спѣшить?

Пусть конь отдохнетъ, да и самому хочется спокойно подышать предночнымъ воздухомъ, втянуть въ себя запахъ далеко темно-зеленѣющей конопли, послушать, какъ, въ высокой ржи, зоветъ свою самочку дергачъ, и пронаблюдать, дѣйствительно ли въ моментъ прикосновенія послѣдняго кусочка солнечнаго диска къ горизонту, тамъ, на одну секунду, появляется короткій, но ослѣпительный зеленый лучъ?

Если въ это мгновеніе чего-нибудь пожелать, - непремѣнно исполнится.

Только два съ половиной мѣсяца продолжались мои каникулы въ с. Подлипномъ. Въ Кіевѣ же отецъ лошадей не держалъ, да и самъ я учился въ закрытомъ среднемъ учебномъ заведеніи - Коллегіи Павла Галагана. Насъ пускали по средамъ на три часа и по воскресеньямъ до утра понедѣльника.

Тяжела бывала, особенно въ первыя недѣли послѣ воли,

казенно-размѣренная жизнь, и съ Маней приходилось встрѣчаться рѣдко, потому что тамъ надзоръ тоже былъ серьезный. Съ досады сѣлъ бы на коня да и поскакалъ бы... А гдѣ его возьмешь?

Однажды, въ понедѣльникъ утромъ, вернулись изъ отпуска мои одноклассники - князь Орбеліани и Федоровъ и сообщили новость, что въ казармахъ на Дѣловой улицѣ расквартированъ Уральскій казачій полкъ, и за трешницу можно получить коня на нѣсколько часовъ, а то и на цѣлый день. И, конечно, кромѣ денегъ, не мѣшаетъ дать уряднику, въ рукавъ, полбутылки съ красной головкой - „по доброму дѣлу, за честь", чтобы не придирался: когда вернулись, да не очень ли гнали коней?

Федоровъ, низенькій, коренастый брюнетъ, сынъ помѣщика, всегда былъ поклонникомъ казачьяго сѣдла. А князь, хотя и читалъ иногда что-то похожее на проповѣди объ „англійской правильной ѣздѣ", а тутъ ужъ ничего не говорилъ - обрадовался, что можно будетъ на коня, да за городъ. Кавказская кровь сказалась...

Въ ближайшую среду, послѣ завтрака, мы отправились на развѣдки по безконечной и широчайшей Васильковской улицѣ, тогда мощеной только посрединѣ. Нужно было итти до Конной площади, а тамъ, сейчасъ же налѣво, подымалась въ гору уже совсѣмъ немощеная глинистая Дѣловая улица.

Мы не спѣшили и весело разговаривали.

Недалеко отъ площади я поднялъ голову и увидѣлъ, что впереди насъ пожаръ, но дымъ былъ сѣрый и стлался во всѣ стороны одинаково, а огня не замѣтно. Донеслись какіе-то, будто человѣческіе,крики и сразу оборвались. Черезъ нѣсколько минутъ стали видны бѣлыя фуражки и какъ подпрыгиваетъ и перекручивается въ воздухѣ хвостатый бунчукъ. Ни топота, ни фырканья коней еще нельзя было разслышать.

И вдругъ, хотя и издали, но очень ясно опять завопилъ высочайшій даже и не голосъ, а просто крикъ и покрылся неистовымъ пищаньемъ невидимой дудки, въ тактъ которой началъ угрюмо ухать и призвякивать тулумбасъ.

Черезъ нѣсколько мгновеній послѣ этой, очевидно, прелюдіи, гаркнули съ особымъ хрипомъ двадцать или тридцать уже настоящихъ казачьихъ глотокъ, будто равнодушныхъ. Еще выше и еще кокетливѣе началъ пританцовывать надъ головами бунчукъ, и сверкала его ярко начищенная мѣдь.

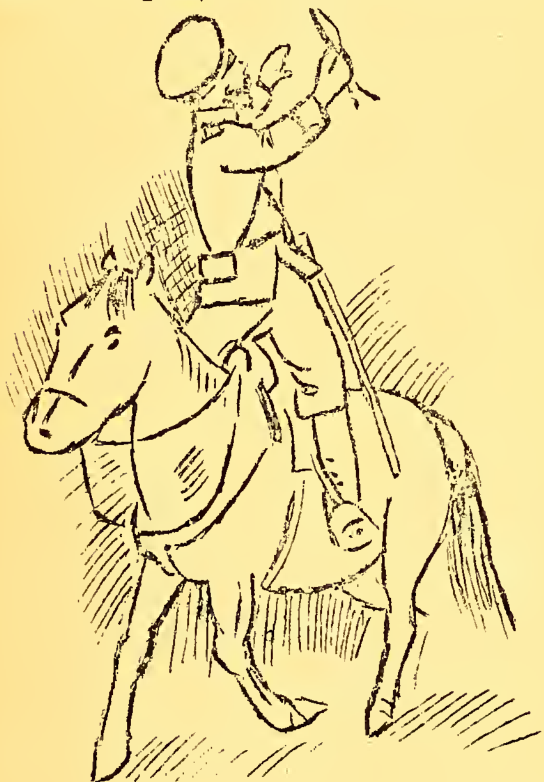
- Сойдемте на тротуаръ, пропустимъ ихъ мимо, сказалъ я.

—Это сотня съ ученія возвращается; досадно. Пожалуй не до разговоровъ будетъ, произнесъ Орбеліани.

– Да развѣ тамъ одна сотня?! Въ этихъ казармахъ ихъ цѣлыхъ три, – отозвался Федоровъ.

Вотъ уже и мы трое въ облакѣ пыли.

Проѣхалъ офицеръ, за нимъ трубачъ, – и пѣсенники совсѣмъ передъ нами.



Рыжебородый запѣвало, съ такимъ же цвѣтомъ лица, какъ и лампасы на его шароварахъ, и съ бывшей когда-то бѣлой фуражкой набекрень, снова началъ на одной неестественно высокой нотѣ:

Ей, чувиль, мой чувиль...

И поддержали его громкіе, но равнодушные голоса:

Чувиль, навиль, виль, чувиль...

„Бамъ, бамъ, бамъ" выстукивалъ тулумбасъ, и неустанно, хотя уже лѣнивѣе, звякалъ и перекручивался въ воздухѣ бунчукъ.

На углу Дѣловой улицы запѣвало привсталъ на стременахъ, всѣмъ тѣломъ обернулся назадъ и, какъ настоящій капельмейстеръ, разсѣкъ воздухъ обѣими руками.

И пѣсня осѣклась.

Отъ всѣхъ звуковъ осталось одно фырканье, да неровный топотъ конскихъ ногъ.

Пропустивъ сотню, мы долго не двигались съ мѣста.

Федоровъ почему-то снялъ фуражку, опять ее надѣлъ и сказалъ князю:

– Да, это тебѣ не драгуны...

Въ какой-то лавочкѣ мы посидѣли и выпили квасу. Посовѣтовались: обращаться ли къ сотенному командиру или къ вахмистру? Рѣшили-къ вахмистру.

Ворота казармъ уже были закрыты, и передъ ними похаживалъ молоденькій, скуластый, мрачный казакъ. Чувствовалось, что дневалитъ не въ очередь. Когда мы приблизились, онъ нѣсколько презрительно посмотрѣлъ на наши штатскіе пиджачки и, видя, что мы остановились, прищурился и спросилъ:

– Вы что же это, молодые человѣки, по какому дѣлу?

– Да насчетъ коней.

– Какъ это?

– Да вотъ, за деньги хотимъ взять коней покататься.

– Ишь ты...

– А кого спросить?

– Да коли нашей сотни, дакъ вахмистра Севрюгина. Зайдите.

Дворъ былъ огромный, обнесенный высокимъ деревяннымъ заборомъ, а казарменныя зданія низкія, деревянныя, давно некрашенныя.

Казаки, многіе босикомъ, водили лошадей.

Вахмистра мы искали недолго. Угреватый, съ черной бородкой, уже немолодой, но съ тонкой таліей, съ широкимъ серебрянымъ галуномъ на погонахъ, онъ осмотрѣлъ насъ еще внимательнѣе, чѣмъ дневальный, но заговорилъ весело и просто:

– Коней вамъ? Отчего не дать? Да только кому дать. Кадетамъ мы, дѣйствительно, давали...

Я почувствовалъ его взглядъ на своей фуражкѣ, вѣрнѣе, на вышитомъ золотомъ по черному околышу гербѣ, и вахмистръ сейчасъ же спросилъ:

– Это чего жъ? Школа такая? На священниковъ учитесь?

Всѣ трое мы очень обидѣлись, но не стали ему разъяснять привиллегированности нашей Коллегіи. Впрочемъ, дальше самъ вахмистръ сразу выложилъ все, что нужно:

– Въ будній день никакъ нельзя, а въ воскресеніе, послѣ обѣда, заходите и каждому настоящаго коня выберемъ, заплотите по полтиннику въ часъ казакамъ. Только по городу не скакать и вернуться до вечера...

Прощаясь, я подалъ ему руку съ аккуратно зажатой въ ладони трехрублевкой, въ видѣ задатка.

Вахмистръ взялъ ее, молча и незамѣтно, точно докторъ, но глаза его повеселѣли.

На этомъ и разстались.

Въ воскресенiе и служба въ церкви и, затѣмъ, завтракъ казались безконечными. Вмѣсто пиджачковъ мы надѣли парусиновыя блузы, высокихъ сапогъ взять было негдѣ, и потому еще съ вечера гардеробщикъ Викторъ пришилъ намъ къ чернымъ брюкамъ штрипки.

Вахмистръ встрѣтилъ насъ, какъ старыхъ знакомыхъ, и, въ свою очередь, представилъ трехъ казаковъ, готовыхъ дать лошадей напрокатъ.

– У насъ не драгунскiя, у насъ свои. Я даю, я и отвѣчать буду...

Я выбралъ не очень высокаго, немного длинношерстаго „Медвѣдя"; онъ и косился, какъ медвѣдь. Никакихъ особыхъ фокусовъ не показывалъ, но крутился на одномъ мѣстѣ до тѣхъ поръ, пока я не перекинулъ правую ногу. Показался онъ мнѣ немного тугоуздымъ. Конь Федорова попробовалъ, было, дать легкаго „козла", но, почувствовавъ на себѣ настоящаго сѣдока, сразу успокоился. Орбелiани получилъ коня, кажется, изъ команды трубачей, но послушнаго и красиваго.

Вахмистръ заставилъ насъ пройти рысью во дворѣ, затѣмъ махнулъ рукой и произнесъ только одно слово:

– Можете.

Мы оставили въ залогъ билеты и десятирублевку и рядомъ, такъ сказать, въ строю выѣхали на улицу. Сразу взяли вправо, въ гору, на Печерскъ. Долго шли шагомъ, и только по скаковому полю прошли крупной рысью. Сладко запѣлъ вѣтеръ въ ушахъ.

Рѣшили ѣхать за Днѣпръ. На шоссе снова пошли шагомъ. Блестѣли справа золотые купола Лавры, слѣва завиднѣлась каменная ограда кладбища „Аскольдовой Могилы" и бѣлѣли въ темной зелени верхушки памятниковъ, а впереди, за рѣкой, безъ конца, раскинулись голубоватые Броварскiе лѣса.

Было нежарко. Кони чуть горячились, но мы не позволяли имъ на спускѣ переходить въ рысь. Разговаривать не очень хотѣлось, мы только оглядывали другъ друга. Лучше всѣхъ сидѣлъ на конѣ Федоровъ, у Орбелiани, какъ будто, стремена были черезчуръ опущены.

Въ душѣ моей шевелилось тайное желаніе устроить какъ-нибудь такъ, чтобы на обратномъ пути проѣхать мимо дома Мани Балаклѣевой и чтобы изъ окна она увидѣла меня на конѣ. Возлѣ Цѣпного моста мы слѣзли и подтянули подпруги. Четко застучали подковы по дереву. Внизу желтѣли мели Днѣпра, и прошелъ перегруженный по воскресному пароходъ.

Въ Слободкѣ еще не окончился базаръ, висѣла пыль въ воздухѣ, толпились мужики и бабы , и горами лежали свѣтло-зеленые полосатые арбузы. Мы купили одинъ и разрѣзали на три куска. Показалось очень вкусно. Закурили и поѣхали дальше по шоссе, среди сосноваго лѣса. Хорошо дышалось смолой. Такъ, почти молча, сдѣлали мы около трехъ верстъ.

Захотѣлось пѣть, но мои два компаньона этой способностью совсѣмъ не обладали. Тогда я одинъ заломилъ фуражку набекрень, взялся правой рукой за ухо и завопилъ на одной самой высокой нотѣ:

Ей,чувиль, мой чувиль...

Орбеліани и Федоровъ удивились, а лошади - нисколечко и даже одобрительно начали поводить ушами. Изобразилъ я дальше въ одномъ лицѣ и всѣхъ пѣсенниковъ:

Чувиль навиль, виль, чувиль...

Подражать всякимъ звукамъ и особенно голосамъ толпы всегда было моей спеціальностью. Иногда, послѣ занятій, уже въ спальнѣ, я показывалъ, какъ кричитъ „ура" цѣлая площадь народу и. какъ звукъ то усиливается, то замираетъ.Прибѣгалъ воспитатель и ни за что не хотѣлъ вѣрить, что кричалъ только одинъ человѣкъ.

Въ лѣсу было неплохое эхо, и хотѣлось подать казачью пѣсню по настоящему, но не хватало у меня не то, что тулумбаса, но даже простого бубна, а въ „Чувилѣ" все расчитано на монотонность ритма, который такъ подчеркивается ударнымъ инструментомъ.

Я почувствовалъ негодованіе неоцѣненнаго артиста, тронулъ каблуками „Медвѣдя" и поскакалъ впередъ одинъ. Пролетѣлъ съ полверсты, осадилъ коня, повернулъ, пустилъ шагомъ и запѣлъ свою родную:

Та не ходи, козаче,
По над берегами...

И замолчалъ, когда мы всѣ трое снова съѣхались. Остановились.

- Ты - сумасшедшій, со своими пѣснями, сказалъ мнѣ Орбе-

ліани, а вотъ ты послушай мою разумную рѣчь: вѣдь, мы очень спѣшили къ казакамъ и къ завтраку едва прикоснулись; правда, съѣли арбузъ, но, вѣдь, онъ - вода. Если мы поѣдемъ дальше по этому скучному шоссе, то не то, что никакого кабачка, а, вообще, и жилья человѣческаго не увидимъ. А уже три часа. Вернемся-ка мы въ Слободку, тамъ есть такой трактирчикъ съ балкончикомъ, и закусимъ, какъ слѣдуетъ.

Федоровъ былъ противъ, но я одобрилъ это рѣшеніе, и потому повернули назадъ. Въ трактирѣ мы заказали огромную сковороду яичницы съ саломъ и взяли полбутылки коньяку. Коней привязали къ периламъ балкончика, на которомъ расположились. Аппетиты разыгрались, и пришлось повторить. Яичница была очень посолена и приперчена, и потому захотѣлось пить. Федоровъ сходилъ на базарную площадь и принесъ три арбуза. Одну половину своего я съѣлъ, а въ другой покромсалъ мякоть ножикомъ, полилъ коньякомъ и предложилъ разнузданному „Медвѣдю".

Конь сначала удивленно втянулъ въ себя воздухъ, потомъ пошлепалъ верхней губой и началъ ѣсть, все съ большимъ и большимъ удовольствіемъ; вѣроятно, въ первый и послѣдній разъ въ жизни перепало ему такое кушанье. Я едва оторвалъ отъ него оставшуюся корку...

Угостили своихъ коней и Федоровъ и Орбеліани, но только безъ коньяку.

Я поглядѣлъ на часы и съ удивленіемъ увидѣлъ, что уже пятый часъ. Зануздать „Медвѣдя" оказалось послѣ угощенія довольно трудно. Онъ неистово задиралъ голову, и только при помощи Федорова, я сумѣлъ вложить ему удила въ ротъ.

Подтянули подпруги, - напоить побоялись, - потому что весь путь предстоялъ шагомъ, сѣли и поѣхали назадъ въ городъ.

Изъ-за Днѣпра старикъ Кіевъ еще чудеснѣе показался: весь лиловый, позолоченный снижавшимся солнцемъ, а сады по осеннему разноцвѣтные.

И думалось-и тогда, и теперь,- когда пишутся эти строки: „почему это такъ у Господа Бога на этомъ свѣтѣ,- гдѣ настоящая великая краса, тамъ рѣдко и недолго живетъ человѣческое счастье? Отъ самого Батыя и по сей день братскія племена другъ на друга зубы точатъ!"

Стучали снова копыта нашихъ коней по доскамъ Цѣпного моста. Тогда и въ голову не приходило, что это чудесное сооруженіе, болѣе, чѣмъ въ версту длиной, когда-то будутъ

подрывать пироксилиномъ не нѣмцы, а свои же съ одураченными головами.

И какъ хорошо перенестись сейчасъ памятью до начала этой страшной глупости.

„Медвѣдь" шелъ ровно. Мои спутники молчали. Я почти пустилъ поводья и думалъ о Манѣ Балаклѣевой. Мы съ ней не умѣли разговаривать. Встрѣтимся на улицѣ и не знаемъ, съ чего начать. Потомъ она поведетъ своими сѣроголубыми зрачками, потупится и вдругъ медленно и тревожно спроситъ:

- Вы не знаете, какъ дальше слова этой пѣсни:

Чi ты ж мене вiрно любишь,
Козаче чорнявый?
Чi, жартуючи,
Тiльки вводишь в славу?

--Не знаю, отвѣчалъ я, хотя пѣсню эту хорошо помнилъ, и сейчасъ весь мотивъ у меня въ головѣ. А тогда не понималъ, что милая дѣвушка даетъ мнѣ козырь въ руки, дескать:„говори же, говори,- я готова слушать!"

Въ день прогулки я твердо рѣшилъ, что сегодня Маня должна меня увидѣть на конѣ, а дальше все рѣшится само собой.

Безъ особой надобности въ гору не полагается итти рысью, ни тѣмъ болѣе скакать. И мы шагомъ поднялись по Николаевскому спуску до самой Лавры. Незамѣтно, я порядочно отсталъ отъ моихъ спутниковъ и, когда вновь очутился на скаковомъ полѣ, которое нужно было пересѣчь, то замѣтилъ, что солнца на небѣ уже нѣтъ. Въ концѣ сентября оно заходило около шести. Въ эти минуты только небольшой кусочекъ малиноваго диска былъ еще виденъ надъ какой-то далекой крышей. Конечно, крыша - не горизонтъ, но все-же, на основанiи оптическихъ законовъ, въ моментъ послѣдняго прикосновенiя солнца, долженъ былъ показаться таинственный зеленый лучъ.

И я уловилъ это мгновенiе и успѣлъ крѣпко пожелать, приказать кому-то невѣдомому:„пусть сегодня я увижу Маню!" Я почему-то не успѣлъ мысленно произнести:„пусть она меня увидитъ на конѣ".

Передалось ли мое желанiе „Медвѣдю", надоѣло ли ему итти отдѣльно, или вдругъ началъ дѣйствовать проглоченный съ арбузомъ коньякъ, но до сихъ поръ спокойный конь ни съ того, ни съ сего вдругъ подхватилъ меня такъ, что едва не слетѣла фуражка. Какъ сумасшедшiй, тащилъ онъ меня такимъ карьеромъ, какого я въ жизни не испытывалъ. Свистѣлъ вѣтеръ

въ ушахъ. Захвативъ поводья въ обѣ руки – /совсѣмъ скандалъ/ – я изо всѣхъ силъ натягивалъ ихъ, но ничто не помогало. Мы пронеслись мимо изумленныхъ Федорова и Орбеліани. „Медвѣдь" летѣлъ прямо на барьеръ, которымъ была отдѣлена скаковая дорожка. Я не успѣлъ привстать, какъ почувствовалъ, что весь отдѣлился отъ сѣдла, перевернулся въ воздухѣ и шлепнулся бокомъ по ту сторону барьера, въ пыль улицы, гдѣ, слава Богу, не было мостовой.

Должно быть, я потерялъ сознаніе, а когда открылъ глаза и осмотрѣлся, то увидѣлъ, что „Медвѣдь" преспокойно стоитъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, только бока его судорожно вздрагиваютъ, и глаза красные. Поводья свѣсились.

Слѣва спѣшили Федоровъ и Орбеліани.

Не чувствуя нигдѣ особой боли, а только пыль во рту, я, наконецъ, поднялся и увидѣлъ, что штаны у меня на колѣнѣ лопнули и вся грудь парусиновой блузы стала темносѣрой.

Орбеліани держалъ въ рукахъ мою фуражку и нагайку и спрашивалъ:

– Что случилось?

– А я и самъ не знаю, что...

Федоровъ слѣзъ съ коня и, посвистывая, взялъ „Медвѣдя" подъ уздцы. Тотъ только ушами повелъ.

– Очень ушибся? спросилъ Орбеліани.

–– Не очень, но въ глазахъ все еще туманъ.

– Можешь сѣсть на коня?

– Могу.

– Вотъ это тебѣ арбузъ съ коньякомъ...

– Коньякъ здѣсь не при чемъ,– отвѣтилъ я, потрепалъ „Медвѣдя" по шеѣ и перекинулъ поводья на луку. Конь дался сѣсть, даже не перекрутился на мѣстѣ.

Дальше, всю дорогу, пріятели издѣвались надо мной. Я

ѣхалъ между ними, чтобы не видно было моихъ поврежденій, и молчалъ. Когда завиднѣлись ворота казармъ, я, какъ можно ласковѣе, попросилъ:

— Вотъ что, нате вамъ деньги, мою долю. Пожалуйста, расплатитесь и сдайте коня. У меня очень колѣно стало болѣть. Я возьму извозчика.

Они согласились. Я передалъ поводья Федорову и перебѣжалъ на тротуаръ. Извозчика, какъ на грѣхъ, не было. Прохожіе на меня оглядывались. Тогда я свернулъ на другую, малолюдную улицу и...сейчасъ же за угломъ встрѣтилъ Маню Балаклѣеву, да еще съ подругой. Обѣ онѣ посмотрѣли на меня съ ужасомъ.

— Здравствуйте! Что съ Вами? - пропѣла Маня.

„А все-таки желаніе мое исполнилось!" успѣлъ подумать я и сквозь зубы произнесъ:

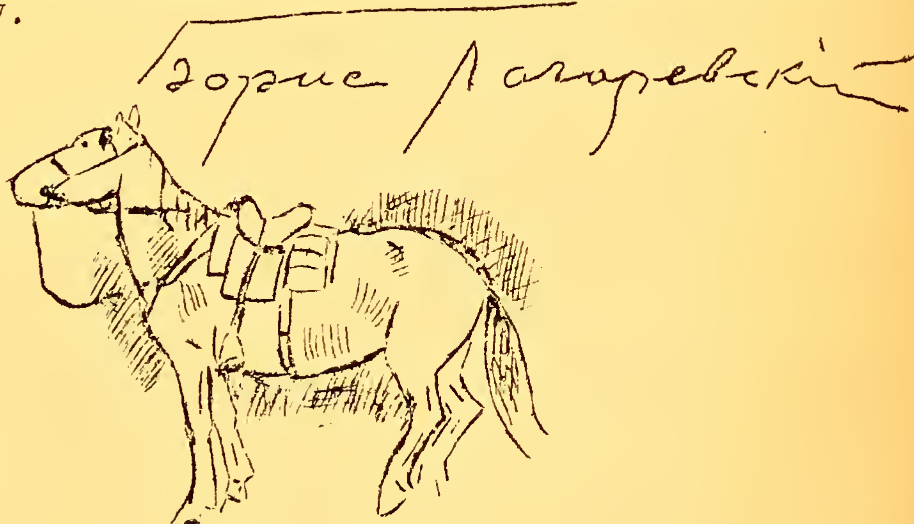
— Ничего особеннаго. Упалъ съ коня...

— Съ какого?

— Съ уральскаго дьявола...

— Бѣдный, бѣдный...

Разспросы я еще могъ вытерпѣть, но выслушивать сожалѣнія было выше моихъ силъ. Наскоро и довольно невѣжливо я попрощался и, чуть прихрамывая, бросился къ проѣзжавшему свободному извозчику.



Первая „служба" яицкихъ казаковъ Россіи въ 1591 году – это походъ ихъ на Шевкала /шамхала Тарковскаго/ съ царской ратью, когда Яицкое Войско выслало 500 человѣкъ, а Волжское – 1000 человѣкъ.3/

Отъ 1594 года сохранился „даточный списокъ", по которому въ Переславлѣ Рязанскомъ было выдано хлѣбное жалованіе" атаманамъ и казакамъ Донскимъ, и Волгскимъ, и Яицкимъ". 4/

Смута прервала регулярныя сношенія Москвы съ Яикомъ, который, наравнѣ съ Дономъ, пережилъ тягость блокады, объявленной царемъ Борисомъ обѣимъ вольнымъ казачьимъ землямъ.

Наравнѣ съ Донскими и Яицкіе казаки приняли участіе въ Смутѣ. Послѣдній актъ Смуты – взятіе въ плѣнъ Марины Мнишекъ, ея сына и ихъ послѣдняго защитника и союзника, атамана Заруцкаго произошелъ на Яикѣ. Отвергнутый Донскими казаками, частично поддерживаемый Волжскими, не удержавшійся въ Астрахани, Заруцкій искалъ послѣдняго убѣжища на землѣ вольнаго казачества, на Яикѣ. Но и Яицкіе казаки не поддержали его.

Многіе изъ нихъ находились въ 1614 году на Дону, какъ сообщалъ объ этомъ царскій посолъ Ив. Опухтинъ.5/.Повидимому, рѣшеніе войти въ регулярныя сношенія съ великой метрополіей, принятое въ 1614 году на Дону, было принято къ исполненію и на Яикѣ.

Въ періодъ между Смутой и Разиновщиной Яикъ, подобно Дону, скрѣпъ, усилился и укрѣпилъ свою примитивную государственность. Политика Москвы по отношенію къ Яику была та же, что и по отношенію къ Дону. Когда Москва прерывала свои сношенія съ Дономъ въ 1625 – 1627 г.г., 1630 – 1632гг. въ 1667 – 1670 гг., сношенія эти порывались и съ Яикомъ. Блокада, которой подвергался Донъ въ эти періоды, распространялась и на Яикъ. Такъ, въ 1630 году, Шацкій воевода доносилъ царю, какъ о преступленіи, о томъ, что „не токмо /шацкіе/ крестьяне дворцовыхъ селъ, но и попы воровали /совершали преступленія/, братью и племянниковъ на Донъ и на Волгу отпускали, и сами съ виномъ и съ зельемъ, и съ свинцомъ ходили, а иные /изъ нихъ/....и нынѣ живутъ на Дону и на Яикѣ."6/.

Такимъ образомъ, простая торговля царскихъ подданныхъ

3/ Акты Историческіе ,т. I, стр. 440.
4/ Донскія дѣла, т. I, стр. 21.
5/ Мшинъ. „Акты", т. I стр. 7.
6/ Акты Московскаго Государства т. I, 335 – 336.

съ Яицкими казаками была преступленіемъ въ эпохи разрыва Москвы съ Дономъ и съ Яикомъ.

Повидимому, къ 1632 году относится попытка привести казаковъ на Дону и на Яикѣ къ присягѣ. На Дону, какъ мы знаемъ, посольство дворянина Дашкова съ этой цѣлью кончилось неудачей 7/. Относительно Яика мы имѣемъ лишь упоминаніе въ челобитной служилаго человѣка Богдана Змѣева, который, въ 1650 году, говоря о своей 53 лѣтней службѣ, напоминалъ, что „былъ посыланъ на Яикъ атамановъ, и осауловъ, и козаковъ уговаривать и, уговоря, ко кресту приводить; и я - писалъ Змѣевъ - всѣхъ козаковъ уговорилъ и ко кресту привелъ: крестъ цѣловали царю.....Михаилу Феодорову и тебѣ....по полной записи; а опричь меня на Яикъ козаковъ ко кресту никто не приваживалъ" 8/.

Мы не знаемъ, какова была та „полная запись", съ которой ѣздилъ на Яикъ Змѣевъ, но врядъ ли фактъ присяги имѣлъ большое значеніе. Войско продолжало жить на своей волѣ, принимало пословъ отъ окрестныхъ ордъ до 1775 года, и только со временъ Петра Великаго вынуждено было отказаться отъ самостоятельнаго объявленія войны окрестнымъ народамъ.

Въ 1735 году Яицкое Войско, жалуясь на нападенія калмыковъ, писало Аннѣ Іоанновнѣ: „безъ повелительнаго Вашего Императорскаго Величества указа надъ оными ворами военнаго промысла чинить не смѣемъ". Военная Коллегія запросила Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ. Послѣдняя допускала для Яицкихъ казаковъ возможность во время нападенія калмыковъ „отпоръ отъ себя чинить", а чтобы „въ отмщеніе обидъ....чинить имъ надъ оными калмыки военный промыселъ, того Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ апробовать не можетъ. Отъ такого позволенія можетъ произойти между ними явная война". Требованіе „сатисфакцій" отъ калмыцкихъ владѣльцевъ яицкимъ казакамъ рекомендовалось дѣлать черезъ Астраханскаго губернатора. Такимъ образомъ, врядъ ли можно признавать серьезное значеніе за присягой 1632 года.

Часть Яицкаго казачества поддержала выступленіе Разина. Когда Донъ вынужденъ былъ впервые присягнуть /1671 г./, повидимому, присяга эта, ограничивавшая международную правоспособность республики, была принесена и Яицкими казаками.

Въ періодъ 1671 - 1715 года сношенія Россіи съ Яикомъ шли уже не черезъ Посольскій Приказъ, а черезъ Приказъ Ка-

---

7/ Сватиковъ. „Россія и Донъ", стр. 63 - 64.
8/ Акты Московскаго Государства, т. II, стр. 266. „Тебѣ", т.е. царю Алексѣю Михайловичу /род. въ 1629 г./; стало быть, рѣчь идетъ о 1632 годѣ.

занскаго Дворца. Тѣмъ не менѣе, Яикъ держалъ себя въ отношеніи Москвы свободнѣе, нежели Донъ.

Въ 1680-хъ годахъ Яикъ, подобно Дону, сталъ убѣжищемъ для раскольниковъ, и съ этого времени исторія Яицкаго Войска становится исторіей борьбы казачества и за свободу вѣры.

Послѣ короткаго періода зависимости отъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ /1719 годъ 31 декабря/, было повелѣно /3-го Марта 1721 года/ „Яицкимъ казакамъ во всѣхъ управленіяхъ быть въ вѣдѣніи Военной Коллегіи". Вскорѣ послѣ этого выборный атаманъ Меркурьевъ былъ /въ 1723 году/ утвержденъ въ званіи войскового атамана.

Такимъ образомъ, можно считать, что съ 1721 года Войско Яицкое потеряло свой государственный характеръ и превратилось въ служилую казачью общину съ весьма широкой автономіей.

Съ 1721 года по 1775 г. для Яика, какъ и для Дона, длится періодъ <u>областной автономіи</u>, сплошь наполненный кровавыми событіями. Съ величайшимъ трудомъ окраинное народоправство привыкаетъ къ новому своему положенію. Внутри его происходитъ рѣзкій процессъ разслоенія, борьба между старшинской аристократіей и массой. Во внутреннюю борьбу время отъ времени неуклюже и неумѣло вмѣшивается центральная власть, то защищая экономическіе интересы массы, то всей силой государственной репрессіи подавляя начала народоправства и автономію. Періодъ этотъ заканчивается пугачевщиной. Онъ заслуживаетъ особаго очерка.

Сергѣй Сватиковъ.

КУБАНСКАЯ ВОЙСКОВАЯ ПѢСНЯ.

Ты, Кубань, ты, наша Родина, вѣковой нашъ богатырь,
Многоводная, раздольная, разлилась ты вдаль и вширь.
Изъ далекихъ странъ полуденныхъ, изъ турецкой стороны,
Бьемъ челомъ тебѣ, родимая, твои вѣрные сыны.

О тебѣ здѣсь вспоминаючи, пѣсни дружно мы поемъ
Про твои станицы вольныя, про родной отцовскій домъ.
О тебѣ здѣсь вспоминаючи, за тебя ль не постоять,
За твою ли славу старую жизнь свою ли не отдать?

О тебѣ здѣсь вспоминаючи, какъ о матери родной,
На врага, на басурманина мы идемъ на смертный бой.
Мы, какъ дань тебѣ покорную, отъ прославленныхъ знаменъ,
Шлемъ тебѣ, Кубань родимая, до сырой земли поклонъ.

ТЕРСКАЯ ВОЙСКОВАЯ ПѢСНЯ.

Не изъ тучушки вѣтерочки дуютъ,
Ой, не дубравушка во полѣ шумитъ.
То не сѣрые гусюшки гогочутъ,
Ой, по надъ бережкомъ они сидючи.
Не сизые орлы во полѣ клекочутъ,
Ой, по поднебесью они летучи,
То Гребенскіе казаченьки,
Ой, передъ Грознымъ царемъ гуторятъ:
Ой, ты, батюшка, ты нашъ царь Иванъ Васильевичъ,
Ой, православный ты нашъ государь,
Какъ бывало-ча ты насъ, царь-надежа,
Ой, много дарилъ насъ, много жаловалъ,
А теперича ты насъ, царь-надежа,
Ой, чѣмъ подаришь насъ, чѣмъ пожалуешь?
Подарю я васъ, Гребенскіе казаченьки,
Ой, рѣкой Терекомъ, рѣкой быстрою,
Ой, все Горинычемъ со притоками,
Отъ самаго гребня до синя моря,
Ой, до синя моря до Хвалынскаго.

„ВОСПОМИНАНІЯ" А.П.БОГАЕВСКАГО.

Донской Атаманъ генералъ А.П.Богаевскій извѣстилъ редакцію „Казачьяго Журнала" о согласіи помѣстить въ одномъ изъ ближайшихъ номеровъ „Воспоминанія".

Приносимъ глубокую благодарность автору за вниманіе къ нашему начинанію.

ПИСЬМО КУБАНСКАГО АТАМАНА.

На дняхъ получилъ номеръ I-ый „Казачьяго Журнала" и прочелъ его съ удовольствіемъ.

Отсутствіе политики, которая, какъ тина, затягиваетъ, вмѣстѣ съ остальными и казачью эмиграцію, прекрасная казачья пѣсня и казачья старина дѣлаютъ журналъ привлекательнымъ и интереснымъ. Большое Вамъ спасибо.

Желаю Вамъ успѣха въ Вашемъ дѣлѣ.

Прошу Васъ принять увѣреніе въ уваженіи и искренности

В.Науменко.

Мы очень признательны Кубанскому Атаману за лестную оцѣнку Журнала и позволяемъ себѣ надѣяться, что авторъ не откажетъ принять въ немъ личное участіе.

Редакція.

REDACTEUR-EDITEUR: E.D.KONOVALOFF. LE GERANT W.LERAT.

Imp.: Office "Hiéroglyphe", 4, rue Armand-Moisant, Paris (15e)

ПОСЫЛКИ ВЪ РОССІЮ изъ Гамбурга съ гарантіею германской почты.

Посылки составляются по выбору заказчика, но также выработаны три стандартныя посылки:

№ 2 цѣна 70 фр.	№ 4 цѣна 85 фр.	№ 3 цѣна 125 фр.
100 г. Чая KUSMI	500 г. Чая KUSMI	1000 г. Чая KUSMI
400 г. Кофе KUSMI	500 г. Какао KUSMI	1000 г. Кофе KUSMI
2000 г. Рису	1000 г. Манной крупы	1500 г. Рису
1000 г. Манной крупы	1000 г. Рису	1000 г. Манной крупы
1000 г. Тапіока.	1000 г. Муки пшенной	
Пошлина около 2 рублей или 34 фр. 60 с.	Пошлина около 6 р. 30 к. или 91 фр. 80 с.	Пошлина около 9 р. 50 к. или 134 фр. 35 с.

Въ цѣну включены всѣ расходы по упаковкѣ и отправкѣ посылки германскою почтою, какъ застрахованный цѣнный пакетъ. Квитанціи почты передаются заказчику.

Въ случаѣ пропажи деньги возвращаются. По порученію кліентовъ, сумма, необходимая для оплаты пошлины, можетъ быть нами переведена черезъ англійскій банкъ получателю въ Россіи. Заказы на наши стандартныя посылки можно передавать русскимъ магазинамъ, торгующимъ нашимъ чаемъ и кофеемъ, а также нашей Парижской конторѣ:

11 bis, Av. Victor-Hugo; Etoile; PARIS Passy 56-43 : P. M. KOUSMICHOFF et Fils

Образцы продуктовъ и цѣны можно видѣть въ наш. конторѣ

БИБЛІОТЕКА

А. И. Куприна

ВСѢ новинки

Открыто ежедневно отъ 10-12 часовъ и отъ 5-8 часовъ вечера.

По воскр. и праздн. отъ 3-6 час.

49, rue Fondary, Paris - 15e

Métro : Commerce et Motte-Piquet-Grenelle

БЮРО «IЕРОГЛИФЪ»

Печатаніе на ротаторѣ

Лекцій,

Журналовъ,

Книгъ.

4, rue Armand Moisant, 4

PARIS-15e

Métro : Maine — N. S. : Falguière.

Кондитерское Производство

JULIEN

(бывш. шефъ Борманъ)

Куличи, кулебяки, крендeля, боярскія ватрушки, ванильн. сухари и пр.

25, rue Bosquet, Paris (7)

Принимаются заказы на куличи и пасхи по телефону : SÉGUR 40-90

Доставка на домъ.

ПЕЙТЕ

лучшіе по качеству водки и ликеры завода

„ТРОЙКА"

Оптовый складъ и депо :

19, rue Emile Zola, 19

ISSY-LES-MOULINEAUX Tél. : Issy 285

NICO = PRIX-FIXE =

Завтраки и Обѣды

4 блюда 7 франк.

и à la carte.

30, r. Bosquet

--(Ecole - Militaire)--

Н. Нижерадзе.

Русскій Ресторанъ

«AUX ABEILLES» (ПЧЕЛКИ)

37, Avenue Lowendal — PARIS-15e

Métro : Cambronne, M.-P.-Grenelle

Tramways : 25 & 26.

Домашній столъ на свѣжемъ маслѣ

обѣды и ужины по **6** fr. **50** c. et à la carte

Открытъ отъ 12 ч. дня до 12 ч. ночи.

Оптово-розн. колб.-гастроном. магаз. **И. Ростовцевъ**

28, r. Reine Blanche, Paris-13e M-ro Italie

Téléphone : Gob. 23-08.

Крупа гречневая, пшено и др. Малина сухая, краска для яицъ, икра кетовая ф. 15 фр., сельди боченокъ 15 и 45 фр., экстракты: клюквен., черн. смородины, вишни, малины. Русская водка, спотыкачъ, запеканка, вишневка и др. Огурцы Нѣжинскіе кило 5.75

Отправка въ пров. и загран.

Винно-Гастрономич. Магазинъ

ШИШМАНЪ и К°

28, rue du Champs de Mars, 28

Всѣ русскіе продукты

Цѣны умѣренныя.

Пріемъ посылокъ въ провинцію и въ Россію.

РЕСТОРАНЪ «ДЖИГИТЪ»

19, Boul. Edgar Quinet (14)

(Montparnasse)

Завтраки и обѣды по 6.50

et à la carte.

Ежедневно играетъ оркестръ балалаечниковъ «**Аскольдъ**».

« ЗАРУБЕЖНАЯ КАЗНА »

ОБЩЕСТВО ВЗАИМН. СБЕРЕЖЕНІЙ.

Къ 1 марта на приходѣ 53.395 фр. Обращается вниманіе гг. членовъ на возможность при взносѣ въ шесть франк., участвовать въ одной десятой долѣ билета новаго французск. выигрышн. займа на выставку 1931 г.

KAZNA, 6, rue Lechapelais, PARIS-17e.

АНГЛІЙСКІЙ Отрѣзъ

на мужской костюмъ

3 метра отъ **195** фр. за отрѣзъ

Крепъ-де-шинъ и Туаль-десуа отъ **15** фр. за метръ

Подписчик. журнала *особая скидка*

Приду на домъ съ купонами и образцами

Жалко-Титаренко

25, rue BOSQUET Tél. : Ségur 40-90

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

на

КАЗАЧІЙ ЖУРНАЛЪ

Цѣна 5 франковъ.

Mr. KONOVALOFF

19, Rue Bosquet PARIS-7e.

№ 3

КАЗАЧІЙ ЖУРНАЛЪ

Journal des Cosaques

(MENSUEL)

1929

PARIS

ЦѢНА: во Франціи — 5 франковъ
за границей — 25 центъ

Chez K. SIMONIAN

5, Place de l'Alma   Tél. : Elis. 31-10

RESTAURANT La Renaissance

CUISINE Française soignée

Spécialité de plats Russes et Orientaux.

The best French, Russian and Oriental Kitchen FIVE O'CLOCK TEA

Ресторанъ **«АНТОНЪ»**

19, rue Desrenaudes, Paris-17ᵉ

угол rue Poncelet   Métro : Ternes.

Завтраки изъ 4 блюдъ (включая couvert) 12 фр. и à la carte.

Обѣды 4 блюда 15 фр. и à la carte.

Открытъ безпрерывно съ 12 ч. дня до 12 часовъ ночи.

Téléphone : Wagram 46-08.

РЕСТОРАНЪ „ МЕДВѢДЬ "

Place Dupleix

Самый старый и большой рестор.

Уютное помѣщеніе для подписныхъ обѣдовъ.

Прекрасная кухня.

Музыка, программа, танцы.

„ РУССКІЙ РЕСТОРАНЪ "

65, rue Letelier (XV)

Métro : Cambronne et Commerce.

Трамваи : 25 и 26.

Обѣды **6** фр. **50** с. и à la carte.

Новый залъ для подписныхъ обѣдовъ.

Общедоступный Русскій Ресторанъ

«КАЗАКЪ»

104, rue Saint Charles, 104

Métro : Beaugrenelle

Обѣдъ изъ двухъ блюдъ съ хлѣбомъ отъ 4 фр. 50 с.

Каждый день новое меню.

Православный Религіозно-Общественный Ежемѣсячникъ

ВѢСТНИКЪ

Органъ Русскаго Студенческаго Христіанскаго Движенія за рубежомъ

(4-ый годъ изданія)

Особое вниманіе обращено на информацію о церковной жизни въ Россіи и на хронику антирелигіозной пропаганды.

Выписывайте безплатно пробные номера

10, Bld. du Montparnasse, Paris 15ᵉ.

ПЕРЕВОДЪ ДЕНЕГЪ въ Россію

COMITÉ RUSSE DE SECOURS

33, Rue de Prony, Paris 15ᵉ

Métro : Monceau ou Malesherbes.

Трамваи №№ 5, 30 и 31.

Часы пріема ежедневно (не исключая и субботы) 3-7 час. (кромѣ воскр. и праздниковъ).

Водки

Ликеры

Вина

Société «ASTRA»

38, Buette de la Loire

Paris 5ᵉ

(Halle aux Vins)

Téléphone : Gobelins 47-86

Мать и братья разыскиваютъ Владиміра Павловича Пейросова,

эвакуировавшагося въ 1920 г. изъ Севастополя въ Константинополь. Лицъ, могущихъ доставить о немъ какія-либо свѣдѣнія, просятъ сообщить: Г-жѣ Пейросовой, гор. Двинскъ, улица Райниса, 54, Латвія (Lettonie).

Единственная нормальная

Невская Русская АПТЕКА

L. Danzel, Docteur en Pharmacie

подъ управленіемъ провизора Новороссійскаго университета Александра Дмитріевича Бланкъ.

1, rue Daru, Paris 8ᵉ

(возлѣ Русской церкви)

Tél. Carnot 43-30.

Пріемъ заказовъ по телефону и безплатная доставка на домъ.

Минимальныя цѣны.

Денежные переводы и продовольственныя посылки въ Россію

въ **25, 30, 56** и **100** фр.

Пересылка, упаковка и страховка **40** фр.

Срочная доставка гарантируется.

ДОРФМАНЪ-RODEX

18, rue de la Chaussée d'Antin.

Справки безплатно.

КОНДИТЕРСКАЯ GEORJANA

Г. СЕРДЕЧНАГО

Лучшіе куличи и пасхи

Всевозможныя кондит. издѣлія

64, rue de la Longchamps

Paris 16ᵉ

Tél. : Passy 82-08

Пейте русскій чай

Вас. ВЫСОЦКАГО

и кушайте шпроты и кильки

Зеренсена.

Оптовый складъ всѣхъ русскихъ продуктовъ у **Як. Мих. Герви.**

Генеральный представитель

J. GUERVIT

24, rue Albouy, Paris-10ᵉ

Русскій Магазинъ

"PARFUMERIE"

PASSY «EOS»

2, Chaussée de la Muette

Métro : Muette

Вся парфюмерія. Подарки, игрушки. Краски для яицъ. Русскія пасхальныя писанки. Пасхальныя открытки.

Первая Русская Колбасная Фабрика

«ФАЛИКЪ»

41, rue Broca, Paris 5ᵉ

Изготовляетъ всѣ сорта русскихъ колбасъ высшаго качества. Цѣны умѣренныя. Доставка на домъ. Заказы принимаются по телефону

Gobelins 24-24

МАЙДАНЪ.

Они сойдутся въ первый разъ
На обѣтованной долинѣ,
Когда трубы звенящій гласъ
Повторитъ рѣзко крикъ павлиній,
Зовя всѣхъ мертвыхъ и живыхъ
На судъ у Божьяго Престола.
И станутъ парой часовыхъ
У вратъ Егорій и Никола.
И Самъ Архангелъ Михаилъ,
Сойдя въ стейя, въ лѣсныя чащи,
Разрубитъ плѣнъ донскихъ могилъ,
Поднявъ высоко мечъ горящій.
...И Ермака увидитъ Богъ -
Разрѣзъ очей упрямо смѣлый,
Носки загнутые сапогъ,
Шишакъ и панцырь заржавѣлый, -
Ожогъ широкое лицо
Сибирскій вѣтръ пургой морозной...
Его соратниковъ кольцо
Пройдетъ, неся пищали грозно.
Въ тоскѣ несбывшихся надеждъ,
Отъ страшной казни безобразенъ,
Пройдетъ съ своей ватагой Разинъ,
Не опустивъ предъ Богомъ вѣждъ;
Булавинъ промелькнетъ Кондратій;
Открывъ кровавые рубцы,
За нимъ, заплата на заплатѣ,
Пойдутъ зипунные бойцы,
Кто Русь стерегъ во мглѣ столѣтій,
Пока не грянула пора
И не склонились низко дѣти
Къ ботфортамъ грознаго Петра.
Въ своемъ походномъ чекменѣ,
Какъ будто только изъ похода,
Проѣдетъ Платовъ на конѣ
Съ полками памятнаго года;
За нимъ, средь кликовъ боевыхъ,
Взметая пыль дороги райской,
Проскачутъ съ множествомъ другихъ,
Баклановъ, Грековъ, Илловайскій -
Всѣ тѣ, кто славу казака,
Сплетя со славою имперской,
Донского гнали маштака
Въ отвагѣ пламенной и дерзкой
Туда, гдѣ въ грохотѣ войны
Мужала юная Россія -
Степей наѣздники лихіе,

Руси горячіе сыны;
Но вотъ дыханье страшныхъ лѣтъ
Повѣетъ въ свѣтлыхъ рощахъ рая,
И Калединъ, въ рукахъ сжимая
Пробившій сердце пистолетъ,
Пройдетъ среди крови и отребій
Донскихъ послѣднихъ казаковъ...
И скажетъ Богъ:
—„ Я создалъ степи
Не для того, чтобъ видѣть кровь".
—„Былъ тяжкій крестъ имъ въ жизни данъ,"
Заступникъ вымолвитъ Никола:
„Всегда просилъ казачій станъ
Меня молиться у Престола".
—„Они — сыны моей Земли,—
Воскликнетъ пламенный Егорій:
„Среди своихъ степныхъ приморій
Моихъ волковъ они блюли".
И Богъ, въ любви изнемогая,
Ладонью скроетъ влагу вѣждъ
И будетъ вѣтеръ гнуть, играя,
Тяжелый шелкъ Его одеждъ.

Николай Туровѣровъ.

КОСТЯ ПОПОВЪ.
/Окончаніе/

Разсказъ А.И.Куприна.

Много-много прошло времени. Стали не то, что забываться, но какъ-то все рѣже вспоминаться милые образы донского сотника Кости и его славныхъ станичниковъ.

Да, вѣдь, впрочемъ, и была намъ простительна немного такая разсѣянность памяти: жизнь русская все круче катилась по наклону къ безднѣ. Уже добѣжала до насъ страшная и оскорбительная вѣсть о томъ, что, вопреки завѣреніямъ военнаго министерства, въ Карпатской арміи отсутствуютъ пушечные снаряды и ружейные патроны, и что геройскіе солдаты, отступая шагъ за шагомъ, принуждены обороняться прикладами и камнями. Терялось довѣріе къ правительству. Но патріотизмъ еще не начиналъ угасать: рабочіе на военныхъ заводахъ, по личному почину, утроили, удесятерили производство; на вагонахъ они писали мѣломъ для солдатъ: снарядовъ не жалѣть!

Разстройство тыла, гибель старыхъ строевыхъ кадровъ; непомѣрно-огромная, сверхъ-сильная жертва людьми, принесенная Россіей дѣлу союзниковъ, долговременное сидѣнье въ окопахъ и дѣятельная пропаганда – доконали Родину.

Потянулись длинные хвосты въ Петербургѣ и Москвѣ у булочныхъ, началось дезертирство... Печально, тоскливо пошли дни...

Не помню точно, когда это было. Помню только, что тогда уже появились мѣшочники, а окрестные крестьяне за хлѣбъ и муку покупали зеркала, гардины и кресла.

Наступалъ медлительный теплый вечеръ. Я и одинъ, очень мнѣ близкій человѣкъ, утомленные дневнымъ трудомъ, пошли прогуляться на ближній къ намъ полустанокъ „Ольгино", что въ полуверстѣ отъ Гатчинскаго вокзала. Долго ходили по деревянному станціонному помосту. Не говорилось, а только вдыхалось. На смугло зеленомъ небѣ зажглась и задрожала большая серебряная звѣзда, та, что всегда кажется двойной. Прошелъ петербургскій поѣздъ, не остановившись на полустанкѣ; долго былъ слышенъ его какой-то разболтанный, расхлябанный ржавый ходъ.

Спутница моя сказала мечтательно:

– Вотъ, ты все восхищался своимъ дружкомъ, Костей, и его казаками. А что, если онъ намъ вдругъ напишетъ: пріѣзжайте къ намъ на тихій Донъ переждать грозу. У насъ и хлѣбъ, и мясо, и молоко. Люди всѣ спокойные и добрые. И вино у насъ есть свое, непокупное. Это была бы настоящая дружба. Это не то, что конскими задами диваны ломать.

Мы оба засмѣялись.

У насъ въ семьѣ была тогда, въ эти тоскливые вечера, такая игра: кто-нибудь предлагалъ:

– Давайте помечтаемъ?

Разстилалась на столовой клеенкѣ географическая карта. Всѣ мы тѣсно сбивались надъ ней. Разыскивали желѣзнодорожные пути и морскіе рейсы. Выбирали города, каждый по своему вкусу. Прикидывали стоимость дороги и продолжительность. Говорили о климатѣ и о характерѣ народовъ и т.д. Безобидная игра...

Но тутъ, на станціонной платформѣ, и случилось чудо, о которомъ я говорилъ. Только что моя спутница упомянула о Костѣ Поповѣ, – я крѣпко хлопнулъ по фонарному столбу и вос-

кликнулъ:

- Слушай, говорю тебѣ навѣрное: сегодня мы увидимъ Костю Попова!

Надо сказать, что у меня есть маленькій даръ - угадывать, шутя, будущее. Я вовсе не цѣню его; онъ нѣчто въ родѣ того, какъ, скажемъ, иной человѣкъ шевелитъ ушами, а у другого - способность имитировать звуки. Мои близкіе и многіе изъ моихъ друзей знаютъ за мной это свойство по личнымъ наблюденіямъ.

Моя спутница не повѣрила мнѣ:

- Ну, на этотъ разъ ты промахнулся. Гляди, почти ночь на дворѣ.

Мы пошли домой. Уже темнѣло. Влажная земля мягко пружинилась подъ ногами. Домъ нашъ былъ ярко освѣщенъ.

- Въ самомъ дѣлѣ, сказала она.- Кажется, кто-то есть у насъ?

И, правда. Открывая намъ дверь, каменная Гдовская баба, Катерина Матвѣевна, сіявшая всей своей шадровитой лупеткой, увѣдомила.

- Казаки ваши пришли! Слава Богу, живы!

Да. Ихъ было трое: Костя Поповъ, Коля Гусевъ и по прежнему квадратный, но сильно похудѣвшій и посѣдѣвшій урядникъ Сладковъ.

Когда долговязый сотникъ Костя вышелъ навстрѣчу намъ, въ переднюю, то, такъ какъ свѣтъ былъ сзади него, - я лишь смутно видѣлъ его лицо. Но когда онъ наклонился ко мнѣ, чтобы обняться и поцѣловаться, я едва не закричалъ отъ жалости и негодованія: весь лобъ его, вкось, пересѣкалъ огромный багряный рубецъ, глубиною съ четверть сантиметра.

- Э, ничего! Зажило - сказалъ Костя, безпечно махнувъ рукой. - Вы лучше о своемъ житьѣ-бытьѣ разскажите.

- Ну, да и ему не сахаръ, - вмѣшался урядникъ сердито.

- Кому ему?

- Да гонведу

И тутъ онъ простодушно передалъ изумительную сцену:

На казачій взводъ, шедшій въ разъѣздѣ, внезапно изъ-за

какого-то прикрытія наскочилъ отрядъ венгерскихъ кавалеристовъ. Произошла безпорядочная тѣсная схватка, то, что, по-польски, называется „рухавка", гдѣ обѣ стороны дерутся наугадъ и съ остервененіемъ. На Попова налетѣлъ гонведъ.Урядникъ крикнулъ сотнику:

– Береги справа!

Но Поповъ не слыхалъ или не успѣлъ оборониться. Гонведъ ударилъ его по головѣ. Костя свалился съ лошади...

Но въ этотъ моментъ вихремъ наскочилъ Коля, хорунжій, и однимъ ударомъ снесъ гонведу голову. Этотъ страшный ударъ произвелъ такое потрясающее впечатлѣніе на венгерцевъ, что они повернули назадъ и ускакали.

– Ну и молодецъ же вы, хорунжій Коля – сказалъ я.

А Коля, все такой же худенькій, стройный и немного жеманный, возразилъ своимъ нѣжнымъ бѣлымъ теноркомъ:

– Ахъ, оставьте, это же такое варварство! А венгерецъ этотъ послѣ моего удара не упалъ съ лошади, продолжалъ скакать мертвый. Голова же у него еще держалась на какой-то связкѣ и болталась въ разныя стороны, пока не отпала... Дикое зрѣлище и ужасное явленіе – война.

Казаки пріѣхали поѣздомъ изъ Суйды, гдѣ стоялъ ихъ полкъ. Въ полночь имъ надлежало вернуться назадъ. Пріѣхали они съ подарками: огромный обливной горшокъ, до верху набитый толстыми сѣрыми блинами, густо сдобренными конопляным масломъ, а другой подарокъ – бутылка отличнаго псковскаго самогона, похожаго на шотландскую виски.

Попировали мы немножко, поговорили всласть, а часовъ въ II съ половиной проводилъ я ихъ на вокзалъ, гдѣ мы и распростились.

Съ тѣхъ поръ прошло лѣтъ двѣнадцать. Богъ знаетъ,встрѣчу ли я при жизни хоть одного изъ нихъ.

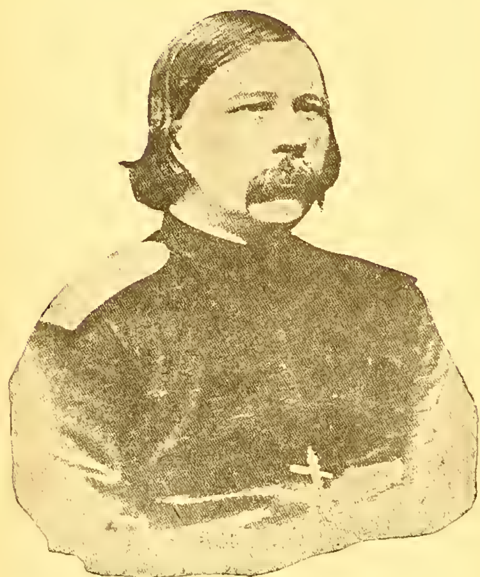
А.Купринъ.

І.И.ЖЕЛѢЗНОВЪ.

/1824 - 1863 г./.

Писатель-казакъ Іоасафъ Игнатьевичъ Желѣзновъ мало извѣстенъ читающей публикѣ. Его сочиненія, изданныя въ двухъ томахъ въ 1858 году и вышедшія позже, вторымъ изданіемъ, стали библіографической рѣдкостью.

За-рубежомъ, послѣ долгихъ поисковъ, намъ удалось найти только единственный экземпляръ его сочиненій, со вступительнымъ интереснымъ біографическимъ очеркомъ Н.А.Бородина.



Въ свое время редакціи „Современника", „Русскаго Слова", „Русскаго Вѣстника", „Отечественныхъ Записокъ", и „Библіотеки для чтенія" помѣстили о І.И.Желѣзновѣ самые лестные отзывы. Къ его сочиненіямъ мы предполагаемъ вернуться не разъ и на страницахъ „Казачьяго Журнала". Чѣмъ же намъ дорогъ І.И.Желѣзновъ?

Цитируя Н.А.Бородина, скажемъ, что „какъ литераторъ, І.И. создалъ художественныя картины и очерки", изъ жизни Уральскаго казачества. Какъ историкъ, онъ извѣстенъ „Критической статьей на Исторію Пугачевскаго бунта" и др. Имъ собрано до 1500 полулистовъ различныхъ матеріаловъ по исторіи войска. „Какъ изслѣдователь народной жизни, Желѣзновъ собралъ и напечаталъ массу въ высшей степени интереснаго матеріала, преданій, пѣсенъ, сказаній Уральскихъ казаковъ. Наконецъ, еще болѣе дорогъ І.И.Желѣзновъ намъ, казакамъ, какъ человѣкъ, искренно и беззавѣтно преданный интересамъ своей Родины, общины Уральскихъ казаковъ; какъ человѣкъ, посвятившій себя всецѣло, со всею страстностью своей натуры, изученію любимаго казачества и его исторіи, защитѣ его интересовъ въ печати и на дѣлѣ ...Да! Уральское Войско много потеряло въ этомъ о д н о м ъ человѣкѣ. Не даромъ есть мнѣніе среди казаковъ, что „какъ бы живъ былъ І.И.Желѣзновъ, н а ш а з а с т о я - глядишь, не было бы исторіи при введеніи положенія 1874 года, не ушло бы въ ссылку до 2500 человѣкъ: онъ сумѣлъ бы предотвратить волненіе."

К.

КАРТИНЫ АХАННАГО РЫБОЛОВСТВА.

-:-:-:-:-:-:-:-:-:-:-:-:-:-:-

Главный или, правильнѣе, коренной промыселъ у уральскихъ казаковъ - рыболовство. Въ старые годы Уралъ до такой степени изобиловалъ рыбой, что казаки ограничивались ловомъ ея только въ рѣкѣ, а о морѣ и не думали: одинъ Уралъ, безотвѣтный данникъ, давалъ имъ всего вдоволь, всего съ избыткомъ,- и оттого-то,славя эту рѣку въ своихъ народныхъ пѣсняхъ, казаки не иначе называли его, какъ "Яикъ, ты нашъ, Горынычъ; золотое твое донышко, серебряная твоя покрышка" и пр.

Но съ конца прошлаго и съ начала нынѣшняго столѣтія, Уралъ годъ-отъ-году сталъ быстро мелѣть, съуживаться и покрываться косами /островами/; устья его засоряются пескомъ, иломъ и ракушей; глубокіе рукава, которыми онъ вливался въ море, пересыхаютъ,такъ что нынѣ изъ множества ихъ осталось только три, да и тѣ, кажется, скоро, засорясь пескомъ и ракушей, скроются подъ землею или, наконецъ, раздробясь на мельчайшіе протоки, заростутъ травой и камышемъ и образуютъ болото.

Предположеніе это тѣмъ больше вѣроятно, что на той части морского прибрежья, въ которую вливаются устья Урала, показались видимые и подводные, каменные и песчаные , смѣшанные съ ракушей, острова, составляющіе кругообразную загороду Урала. Естественно, что при такомъ упадкѣ водъ, устья Урала служатъ уже весьма плохимъ проводникомъ рыбы изъ моря, отчего Уралъ до неимовѣрной степени оскудѣлъ, противъ прежняго, рыбой, такъ что разсказы стариковъ о былыхъ,благословенныхъ временахъ,- когда, по ихъ словамъ, рыбы было,"что сору",- кажутся намъ, бѣднымъ потомкамъ, баснословными.

Между тѣмъ, народонаселеніе въ Уральскомъ Войскѣ увеличивается, а нужды и потребности казаковъ, при ихъ военномъ званіи,съ каждымъ годомъ удваиваются, утраиваются. Земля же, на которой живутъ уральцы, большей частью или песчаная, или солонцевато-глинистая и къ воздѣлыванію неспособная, исключая сѣверной и сѣверо-восточной ея части, гдѣ хотя и развивается земледѣліе, но оно, по малому пространству плодородной почвы, не можетъ удовлетворить и третьей доли войскового народонаселенія.

И вотъ такая-то крайность заставила уральцевъ обратить вниманіе на море.

Въ числѣ рыболовствъ, отправляемыхъ ими на Каспійскомъ морѣ, одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ А х а н н о е. Оно названо такъ отъ слова а х а н ъ, а аханомъ называется сѣть, которой ловятъ рыбу. Аханнымъ рыболовствомъ на Каспійскомъ морѣ, въ зимнее время, занимаются большей частью одни уральскіе казаки, и изъ нихъ преимущественно жители приморскаго городка Гурьева, для которыхъ это рыболовство столько же необходимо, сколько земледѣліе

для русскаго поселянина. Оно поитъ и кормитъ, обуваетъ и сдѣваетъ казака, но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ бы въ сплату за одолженіе, нерѣдко лишаетъ его послѣдней копѣйки, дѣлаетъ нищимъ и пускаетъ съ сумой по міру. Мало этого, оно подчасъ играетъ и самою жизнію казака, завлекая его вглубь моря и предавая тамъ ярости волнъ и льдовъ непостояннаго и бурнаго Каспія.

Я, пишущій эти строки, живо помню бѣдственный 1843 годъ, въ который сотни уральцевъ, моихъ земляковъ, лишились почти всего своего состоянія, а нѣкоторые, вдобавокъ, простились и съ жизнію. Тотъ годъ до сихъ поръ еще живетъ и, безъ сомнѣнія, долго будетъ жить въ памяти рыболововъ, особенно Гурьевскихъ жителей, подъ именемъ несчастнаго. Это-то событіе я и взялъ за основу моего разсказа.

Осень 1842 года стояла въ Гурьевѣ городкѣ тихая и теплая. Ночи были сырыя и туманныя, а дни свѣтлые и ясные, какъ весенніе. Дикіе гуси, утки и другія водяныя птицы зажились на ильменяхъ, заливахъ и проранахъ морскихъ, не думая отлетать въ полуденную сторону на зиму. Промышленники жаркаго 1/ рыболовства давно уже съѣхали съ моря, суда ввели въ прораны, лодки вытаскали на берегъ и всѣ рыболовные снаряды склали въ амбары.

Неводчики также покинули Уралъ и высушили невода. Войско 2/ расплавало послѣднюю гурьевскую я т о в ь и возвратилось въ Уральскъ. Весь Гурьевъ пришелъ въ движеніе. Начались сборы и приготовленія къ Аханному рыболовству.

Вновь навязаны и выдублены аханы, старые починены; лошади откормлены и нажированы, можно сказать, до-нельзя; сани, конская упряжь, пѣшни, багры, шесты, словомъ, всѣ орудія, большія и малыя, необходимыя къ рыболовству, исправлены, упрочены; провизія людямъ и фуражъ лошадямъ заготовлены.

Пора уже ѣхать въ море, но нѣтъ зимы. Исходилъ уже ноябрь, но онъ скорѣе похожъ былъ на весенній, чѣмъ на послѣдній осенній мѣсяцъ. Близокъ былъ и декабрь, но зима все не показывалась..

1/ Рыболовство, отправляемое казаками на Каспійскомъ морѣ, на судахъ и лодкахъ осенью, названо ж а р к и м ъ, въ отличіе отъ другого, подобнаго ему, производимаго на тѣхъ же мѣстахъ весною, и извѣстнаго подъ именемъ к у р х а й с к а г о.

2/ В о й с к о м ъ называется наличный комплектъ казаковъ, которые осенью, зимой и весной рыбачатъ на Уралѣ общей массой по рубежамъ, или ятовямъ. Я т о в я м и называются такія мѣста въ Уралѣ, гдѣ преимущественно набирается рыба партіями.--Подъ именемъ же р у б е ж а разумѣть надо черту, назначенную начальствомъ въ день рыболовства поперекъ Урала, ниже которой никто не смѣетъ въ этотъ день рыбачить подъ страхомъ наказанія.

Аханьщики съ безпокойствомъ посматривали на сѣверъ, ожидая оттуда, какъ благодати, морозовъ.

--Вотъ, что-то принесетъ намъ Николинъ день и чѣмъ-то онъ насъ порадуетъ, - говорили одни.

- Какъ не будетъ морозовъ, присовокупляли другіе, шабашъ,- пропадай аханы!

Ожиданія ихъ не были напрасны. Съ первыхъ чиселъ декабря появились легонькіе морозы; къ половинѣ того мѣсяца они усилились. Уралъ и море покрылись льдомъ. Скоро черезъ рѣку стали ѣздить на лошадяхъ съ тяжелыми возами; но на морѣ ледъ былъ еще тонокъ, ненадеженъ; только къ концу декабря онъ, повидимому, укрѣпился.

Тогда гурьевскій начальникъ, заботясь о благосостояніи ввѣреннаго его управленію народа, выбралъ двоихъ казаковъ, изъ среды самыхъ зажиточныхъ, опытныхъ, знакомыхъ съ моремъ рыболововъ и послалъ ихъ въ море освидѣтельствовать толщину и крѣпость льда.

Черезъ два дня посланные возвратились и привезли три куска льда, вырубленные ими въ разныхъ пунктахъ морской глубины. Не успѣли они выйти изъ саней, остановившихся передъ домомъ гурьевскаго начальника, какъ толпа нетерпѣливыхъ казаковъ-рыболововъ окружила ихъ. Всѣ вмѣстѣ, и каждый порознь, наперерывъ, перебивая одинъ другого, закидали пріѣхавшихъ съ моря вопросами:

- Что новенькаго скажете намъ? - спрашивали одни.

- Далеко ли, пріятели, ѣздили? - говорили другіе.

- Чѣмъ порадуете насъ, атаманы-молодцы? - восклицали третьи.

Такимъ и подобнымъ вопросамъ не было конца, и вопрошаемые не знали, на что отвѣчать. Наконецъ, отворились двери дома и на крыльцѣ его показался начальникъ Гурьева.

Толпа, дотолѣ шумѣвшая и кричавшая, затихла и разступилась.

Тутъ одинъ изъ пріѣхавшихъ казаковъ вынулъ изъ-подъ циновки три небольшія льдинки и сказалъ:

- Эта изъ ч е р н е й 1/, ваше высокоблагородіе, съ одной съ половиной сажени. Эта - указавъ на другую, немного тоньше первой, - съ двухъ съ половиной саженной глубины; а эта - тутъ онъ взялъ въ руки третью и самую тонкую льдину - съ четырехъ саженной глу-

---

1/ Ч е р н я м и казаки называютъ берега моря, и названіе это, вѣроятно, произошло отъ слова "чернь", такъ какъ морскіе берега, когда приближаешься къ нимъ съ моря, сначала показываются черной полосой на горизонтѣ. Отъ слова ч е р н и происходитъ и названіе "черневой", т.е. прибереговой. "Я ѣхалъ или стоялъ въ черняхъ" - говоритъ казакъ. - Это значитъ другими словами: "Я ѣхалъ или стоялъ въ виду или близъ береговъ".

бины.

- Дальше мы не ѣздили, - сказалъ другой казакъ: - ледъ очень тонокъ и пускаться по немъ въ море опасно.

Осмотрѣвъ эти льдинки и убѣдясь по нимъ въ прочности морского льда до извѣстныхъ предѣловъ разстоянія, гурьевскій начальникъ, обратившись къ рыбопромышленникамъ, которые въ то время обступили его тѣснымъ кружкомъ и молча съ нетерпѣніемъ ждали его рѣшенія, сказалъ имъ:

- Теперь, ребята, можете ѣхать на промыслы; но слушайте! дальше четырехъ саженной глубины я ѣздить вамъ не совѣтую; поберегите свои животы и имущество и не доводите до отчаянія вашихъ семейныхъ.

- Слушаемъ, ваше высокоблагородіе! Покорнѣйше благодаримъ за отеческое наставленіе и попеченіе! - было отвѣтомъ казаковъ.

Въ минуту всѣ разошлись по домамъ, тревожимые безотчетнымъ чувствомъ радости и печали, надежды и страха на предстоящее рыболовство.

Остатокъ дня и наступившая затѣмъ ночь прошли въ совершенной тишинѣ и бездѣйствіи; но за то утро слѣдующаго дня было самое шумное. Далеко до разсвѣта Гурьевъ проснулся и всталъ на ноги; каждый домъ представлялъ живую картину, полную дѣятельности и тревожной хлопотливости.

Войдемте, читатель, въ одинъ изъ этихъ домовъ и посмотримте, что тамъ дѣлается. Ворота были растворены настежъ. На дворѣ и на улицѣ около воротъ стояли во множествѣ сани; около нихъ ходили, бѣгали и суетились рыболовы-хозяева и работники ихъ киргизъ-кайсаки, укладывая овесъ для лошадей, провизію для себя, аханы и прочую рыболовную принадлежность. Женщины, затопивъ печки, приготовляли для отъѣзжающихъ сытный обѣдъ, а на дорогу напекали имъ мясныхъ пирожковъ и другихъ скромныхъ яствъ, такъ какъ это происходило дня за три передъ праздникомъ Рождества Христова. Не забыли между тѣмъ догадливые казаки сходить или спосылать съ двухъ или трехъ ведернымъ боченкомъ въ питейный домъ и запастись оттуда страдной жидкостью, которая на морѣ, среди льдовъ и тумановъ, живитъ и грѣетъ казака, замѣняя ему теплую избу.

Наконецъ, въ половинѣ дня все уложено; лошади напоены, накормлены; люди пообѣдали и одѣлись въ дорожное, теплое платье. Тогда одинъ изъ промышленниковъ, отправляющійся на ловъ во главѣ своей артели, идетъ въ конюшню - предварительно помолясь Богу - выводитъ оттуда старую, бывалую на морѣ лошадь и впрягаетъ ее. Смирное, привыкшее къ этому животное стоитъ, какъ вкопанное.

Послѣ того, уходя въ избу, онъ даетъ знакъ работникамъ и другимъ промышленникамъ, младшимъ членамъ своей артели. Тѣ живо кидаются къ лошадямъ, каждый къ своей, и такъ же ихъ впрягаютъ въ сани. Но тутъ иногда встрѣчаются маленькія затрудненія. Молодыя изъ

лошадей, не бывшія отроду въ запряжкѣ или бывшія, да мало, но ходившія дотолѣ въ теченіе всего лѣта въ табунѣ, а передъ тѣмъ мѣсяца два стоявшія въ конюшнѣ на привольномъ корму - разжирѣли и одичали, не подходятъ къ санямъ и бѣсятся.

Но уральскаго казака бѣшенство лошади не смущаетъ и не пугаетъ, а напротивъ, радуетъ. При помощи одного, двухъ работниковъ, онъ вцѣпится непокорной лошади за уши и втащитъ ее въ оглобли, откуда уже ей не вырваться. Но ежели, сверхъ чаянія, рьяность лошади преодолѣетъ его силу, онъ, самъ разгорячась не меньше ея, оттянетъ и закрутитъ веревкой или такъ называемымъ свистомъ, верхнюю губу животнаго, и - конецъ тогда его бѣшенству.

Послѣ того, все семейство собирается въ избу, гдѣ всѣ, какъ отъѣзжающіе на промыселъ, такъ и остающіеся дома, съ благоговѣніемъ становятся предъ иконами и зажигаютъ лампады и свѣчи Св.Угодникамъ Божьимъ, особенно передъ ликомъ Николая Чудотворца, котораго казаки преимущественно чтутъ передъ другими Святыми, называя его отцомъ и покровителемъ рыболовства.

Старшій въ семействѣ читаетъ вслухъ молитвы; прочіе шопотомъ повторяютъ ихъ за нимъ, сопровождая каждое крестное знаменіе земнымъ поклономъ. По окончаніи молитвъ начинается прощанье, которое, мимоходомъ сказать, ни въ одномъ домѣ не обходится безъ слезъ и безъ водки.

Между тѣмъ, на дворѣ происходитъ въ своемъ родѣ подобная этой картина. Работники-киргизы, по вѣроисповѣданію магометане, сходятся въ одно мѣсто, становятся въ кружокъ, присѣдаютъ на корточки или опускаются на колѣни, склоняютъ головы на распростертыя ладони рукъ и, въ молчаніи, зажмуривъ глаза, внимаютъ съ набожностью одному, посреди ихъ сидящему, который, зная мало-мальски наизусть нѣсколько молитвъ, читаетъ ихъ вслухъ и, безпрестанно ударяясь лбомъ о землю, взываетъ къ Аллаху, прося его о сбереженіи ихъ жизни и здоровья. Заключивъ молитву проведеніемъ рукъ по лицу, киргизы встаютъ и такъ же, въ свою очередь прощаются съ своими родственниками, которые приходятъ къ нимъ для того изъ-за Урала, изъ своихъ бѣдныхъ юртъ.

Настала пора ѣхать. Всѣ на своихъ мѣстахъ, у своихъ саней. Вотъ тронулись сани передового, старшаго въ артели; за ними потянулись прочія. При выходѣ изъ воротъ на улицу казаки снимаютъ шапки и крестятся. Киргизы, изъ подражанія русскимъ, тоже скидаютъ тумаки съ бритыхъ своихъ головъ.

Отъ двора до Урала аханьщики не ѣдутъ, а идутъ пѣшкомъ около саней, держа въ рукахъ возжи. Въ такомъ видѣ они достигаютъ рѣки и по отлогому берегу ея спускаются на ледъ. Туда за ними слѣдуютъ матери, жены, дѣти, сестры, словомъ - всѣ члены семейства, которые могутъ ходить, и уже тамъ окончательно съ ними прощаются.

Такимъ образомъ изъ всѣхъ прочихъ домовъ, артель за артелью съѣзжаются сюда аханьщики. Здѣсь, на льду Урала, въ виду своихъ

домовъ, собирается почти все народонаселеніе Гурьева, какъ участвующее въ Аханномъ рыболовствѣ, такъ и неучаствующее, изъ одного только любопытства.

По поданному начальниками рыболовства знаку, сотни промышленниковъ, обнявъ въ послѣдній разъ своихъ родныхъ, вспрыгиваютъ на воза, подбираютъ возжи, чтобы укротить нетерпѣливость и рьяность лошадей, которыя, почуя подъ собой ледъ, храпятъ, взвиваются на дыбы и рвутся впередъ, - и потомъ со словами: "прощайте, родные! молитесь Богу!" гикнутъ: кони взовьются и полетятъ; зазыблется, загудитъ и зашумитъ ледъ подъ санями; посыплются хрустальной пылью брызги изъ-подъ копытъ; раздадутся и разольются веселыя пѣсни удалыхъ казаковъ, которые, то разъединяясь, то съѣзжаясь въ кучки, скрываются, наконецъ, толпа за толпой, за ближайшимъ поворотомъ рѣки.

Скорѣе, чѣмъ черезъ часъ ѣзды, аханьщики достигаютъ устьевъ Урала, отстоящихъ отъ Гурьева городка въ четырнадцати верстахъ. Тамъ, въ виду пустыннаго моря, они останавливаются, чтобы запастись топливомъ изъ растущаго по взморью камыша, а также и для того, чтобы, поздоровавшись съ батюшкой синимъ-моремъ, какъ величаютъ его казаки, выпить про его бурную милость и про свое здоровье по чаркѣ водки; потомъ, поговоривъ и посудивъ между собой насчетъ рыболовства, раскланиваются другъ съ другомъ и, взаимно пожелавъ одинъ другому счастливаго, прибыльнаго залова, разстаются; одни ѣдутъ вправо, другіе влѣво, держась береговъ; а третьи, самые зажиточные, слѣдовательно и превосходящіе другихъ числомъ и качествомъ рыболовныхъ снастей, - прямо отъ устьевъ Урала на югъ, въ открытое море, искать добычи на глуби. Ѣдутъ они отсюда уже не шибко, какъ изъ домовъ, а тихо, мѣрной груныю, и не толпами, а вереницей въ однѣ сани.

I.И.Желѣзновъ.

В Е С Н О Й.

Вотъ вижу я - веселой вереницей
Летитъ на сѣверъ стая журавлей,
И тянутся они станица за станицей
Туда, далеко, къ Родинѣ моей...
И разсѣкая ширь могучими крылами,
Съ курлыканьемъ веселымъ держатъ путь...
И вновь глаза мои наполнились слезами,
И вновь тоска сильнѣй сжимаетъ грудь...

Болгарія. Н.Крюковъ.

А.Н.Туровѣровъ.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ.

/Разсказъ партизана/

Иллюстраціи Л.Л.Масянова.

„Вы помните эти ноябрьскіе дни въ Новочеркасскѣ? Это были замѣчательные дни: Корниловъ формировалъ Доброволь - ческую армію, Калединъ взывалъ къ казачеству... Но казаки, вернувшись съ фронта, были глухи къ призыву своего атамана - война имъ надоѣла, и мы - юнкера, кадеты, гимназисты - разоружали мужиковъ пѣхотной бригады на Хотункѣ и пошли брать возставшій Ростовъ.

Кто-то изъ писателей увѣряетъ, что каждый человѣкъ имѣетъ въ своей юности одну необыкновенную свѣтлую весну, которую онъ помнитъ потомъ всю свою жизнь. Такой весны у меня не было; но,вотъ, эту зиму, очень снѣжную и вѣтреную, эти дни великолѣпнаго переполоха, когда все летѣло въ пропасть, и намъ, не успѣвшимъ попасть на фронтъ, сразу было разрѣшено стрѣлять и совершать подвиги, это безподобное время атамана Каледина я запомнилъ твердо и навсегда.

И теперь, черезъ десять лѣтъ, у меня все еще захватываетъ духъ, какъ на качеляхъ, даже отъ этого дрянного намека на зиму, отъ скуднаго тумана, - кажется, вотъ сейчасъ пойдетъ снѣгъ, исчезнетъ городъ, бахнетъ орудіе и надо будетъ идти въ бѣлую муть, загоняя на ходу въ винтовку обойму.

Итакъ, мы ѣхали брать Ростовъ. Я былъ взводнымъ портупей-юнкеромъ и со своимъ взводомъ долженъ былъ нагнать сотню, которая уже ушла подъ Ростовъ.

Мы сидѣли на вокзалѣ и ждали. Паровозъ съ вагономъ долженъ былъ насъ везти въ полночь. Пассажирскіе поѣзда не ходили, вокзалъ былъ пустъ, но около голой буфетной стойки I-го класса стоялъ съ салфеткой извѣстный всему городу старикъ-лакей. Некуда было уходить! Юнкера спали на сдвинутыхъ стульяхъ; я дремалъ, облокотясь на столъ.

Меня разбудилъ толчекъ въ плечо. Я вскочилъ.

Передо мной стоялъ въ кожаной, мѣхомъ внутрь, курткѣ, /такія куртки тогда одѣли всѣ партизаны/ и въ простой солдатской папахѣ худощавый, невысокій мальчикъ съ поразительнымъ цвѣтомъ лица и темными черкесскими глазами.

- Слушайте, юнкеръ, -/по голосу я сразу узналъ дѣвушку/ - возьмите меня съ собой.

И, торопясь и волнуясь, она разсказала, что звать ее

Кира, она институтка, но что теперь не время учиться. Она хочетъ воевать. Запретить ей это никто не можетъ: мать ея гдѣ-то далеко въ станицѣ, а отецъ убитъ на войнѣ. Не съ нами, такъ она сама пойдетъ въ Ростовъ, вотъ только бы ей раздобыть винтовку.

– Я стрѣляла дома изъ дробовика; и очень хорошо; впрочемъ, я не навязываюсь, – добавила она сердито, – а то вы еще Богъ знаетъ, что подумаете...

Вы помните это время? Могъ ли я, полный жажды необычайныхъ приключеній, отвѣтить чѣмъ-нибудь другимъ, кромѣ согласія?

Щелкнулъ шпорами, представился и попросилъ Киру, во избѣжаніе болтовни среди юнкеровъ, считать меня своимъ кузеномъ; брать добровольцевъ изъ знакомыхъ намъ, юнкерамъ, разрѣшалось.

Черезъ часъ паровозъ, неистово свистя и разсыпая искры, несъ насъ къ Ростову. Двери вагона были открыты, черный вѣтеръ летѣлъ мимо, и мы пѣли пѣсни. А уже на разсвѣтѣ я лежалъ на мерзлой пахотѣ и стрѣлялъ изъ винтовки по мглистой сизой громадѣ города. Кира лежала рядомъ. Я ей досталъ карабинъ; онъ здорово отдавалъ; у нея, навѣрно, ломило плечо, но на мой вопросъ она обиженно вскричала:

– Не выдумывайте ерунды. Это, навѣрно, у васъ нѣжныя плечи.

Рѣдко сзади насъ стрѣляло орудіе, и снарядъ, шепеляво свистя, ухалъ, разрываясь гдѣ-то далеко впереди.

Ростовъ отвѣчалъ намъ двумя-тремя пулеметами; пули пѣли надъ нами тонко и разнотонно. Къ полудню предполагалось атаковать городъ...

Кира стрѣляла рѣзво, но, конечно, не цѣлясь, хотя и цѣлиться, собственно, было не во что. Загоняя патронъ, она прихватила затворомъ палецъ; ноготь сразу посинѣлъ, но она небрежно сказала:

– Карабинъ не въ порядкѣ и, вообще, я жалѣю, что связалась съ вами: опасности никакой, только скучаешь на вѣтру!

Въ это время меня позвали къ командиру сотни. Въ желѣзнодорожной будкѣ полковникъ мнѣ сказалъ:

– Надо по два человѣка отъ взвода, всего восемь отъ сотни, въ одну экспедицію. Желательно добровольцевъ. Цѣль экспедиціи будетъ сообщена въ Новочеркасскѣ, куда на паровозѣ эти восемь человѣкъ должны прибыть сегодня въ полдень. Ес-

ли хотите, можете ѣхать и вы; но предупреждаю, походъ очень рискованъ.

Я согласился и черезъ полчаса привелъ съ собой Киру къ сидящимъ на углѣ тендера шести юнкерамъ.

Полковникъ поморщился и сказалъ:

– Храбрость похвальна въ женщинѣ, но женщина не создана для войны; впрочемъ, валяйте!

Въ Новочеркасскѣ, въ училищѣ, намъ выдали бомбы и револьверы; мы сняли шпоры, сорвали погоны и чернильнымъ карандашомъ написали прямо на плечахъ шинелей цифру 41; на Соборной площади ждали насъ пять парныхъ тачанокъ и пятнадцать юнкеровъ артиллеристовъ тоже съ бомбами и безъ погонъ. Начальникъ отряда, небольшой, ловкій поручикъ Строевъ, весело щурясь, объяснилъ задачу:

– Въ Добровольческой арміи нѣтъ ни одного орудія; казаки пушекъ изъ своихъ батарей не даютъ. Калединъ указалъ Корнилову на одинъ выходъ изъ положенія: въ селѣ Лежанка, на границѣ Донской области и Ставропольской губерніи, сейчасъ находятся части 39-ой пѣхотной дивизіи – головной отрядъ карательной экспедиціи, идущей противъ насъ съ Кавказскаго фронта; съ ними батарея, и мы должны ее взять и доставить пушки сюда. Ѣдемъ мы подъ видомъ демобилизованныхъ казаковъ 41-го полка. Понятно?

– Такъ точно! – отвѣтили мы, сѣли на тачанки и, спустившись по Крещенскому спуску, черезъ замерзшій Тузловъ, веселой рысью выѣхали въ степь, въ синіе снѣга.

Прошлая ночь и этотъ день мнѣ казались безконечно длинными, а сидящая рядомъ со мной на послѣдней тачанкѣ Кира давно знакомой, почти родной. Но разговаривали мы съ ней мало; она, отвернувъ мѣхъ папахи на уши и глубоко за-

сунувъ руки въ рукава куртки, на мои попытки завязать разговоръ, отвѣчала неохотно и скупо.

Кормили лошадей ночью въ станицѣ Богаевской. Къ намъ въ харчевню пришелъ станичный атаманъ, съ десятокъ казаковъ стариковъ, принесли вина. Казаки знали, что мы юнкера, пили съ нами вино, кричали „ура!" и обѣщали разнести большевиковъ.

Я подошелъ къ дремавшей на билліардѣ Кирѣ со стаканомъ отличныхъ янтарныхъ выморозковъ и началъ тостъ - что-то насчетъ огненныхъ глазъ, освѣщающихъ намъ путь, - но она сердито перебила:

- Боже мой! Какая ерунда! Оставьте меня въ покоѣ, я хочу спать.

Выѣхали изъ станицы передъ разсвѣтомъ; казаки провожали насъ и пѣли пѣсни, а атаманъ торжественно заявилъ, что постановлено всѣхъ насъ за наши заслуги зачислить въ казаки станицы Богаевской.

Сидѣлъ я опять рядомъ съ Кирой на задней тачанкѣ. Была кромѣшная тьма, и я не видѣлъ ея лица. Лошади бѣжали ровной рысью, визжали по накатанной дорогѣ колеса.

Кира раза два толкнула меня плечомъ; я повернулся ближе къ ней, робко протянулъ руки и осторожно обнялъ за талію. Ея тѣло худое и крѣпкое, покорно прижалось ко мнѣ, и голова опустилась на плечо. Я губами нащупалъ папаху, ея лобъ, рѣсницы, и потихоньку поцѣловалъ закрытые глаза; она сонно вздохнула. Тогда, сжавъ ея талію, я впился въ ея ротъ; она тихо ахнула, больно укусила меня за нижнюю губу и прошептала:/я никогда не забуду свистящаго отъ злобы шопота/:

- Вы - хамъ, нахалъ! Если еще эта гадость повторится - я буду стрѣлять...

Стало свѣтать, губа болѣла и распухла - пришлось выдумать, что со сна ударился о винтовку.

До слѣдующей остановки на какомъ-то хуторкѣ Кира сидѣла ко мнѣ спиной, а когда поѣхали дальше, то она была уже на другой подводѣ, вмѣстѣ съ поручикомъ Строевымъ.

Вы знаете Задонскія степи?

Цѣлина, на сорокъ верстъ видно кругомъ; рѣдкіе зимовники, да стога иногда десятилѣтняго сѣна. Зимой же какая-то сплошная бѣлесая муть - гдѣ небо, гдѣ земля - не разберешь и, кажется, что дорога никогда не кончится.

Ѣхали мы, ночуя по зимовникамъ, дня четыре, пока нашъ на-

чальникъ не сдѣлалъ дневки... Хозяинъ зимовника, бородатый, громадный старикъ, принялъ насъ, какъ родныхъ. Намъ отвели флигель, дѣвки принесли горячей воды, и мы, впервые за всю дорогу, помылись и побрились.

Въ домѣ насъ ждали съ обѣдомъ. Мы высыпали изъ флигеля веселой толпой на широкій снѣжный дворъ. Вдругъ Кира /я послѣдніе дни избѣгалъ ее/ подошла къ поручику Строеву и неловко, по женски, взяла подъ козырекъ.

– Господинъ поручикъ, – голосъ ея сорвался и перешелъ въ крикъ, – господинъ поручикъ, я прошу вашей защиты. Юнкера клянутся мнѣ въ любви и хотятъ цѣловаться. И этотъ, и этотъ, и этотъ...– она указала на веселаго Е., на очкастаго, длиннаго С., и кавказскаго князя Ш. – Господинъ поручикъ, я не хочу заниматься ерундой, я хочу воевать. Они думаютъ, что я не умѣю стрѣлять?

Кира выхватила наганъ и выстрѣлила въ сидящую на сараѣ ворону; ворона каркнула и нехотя полетѣла прочь.

Кира выпустила еще одинъ патронъ ей вслѣдъ и бросила револьверъ въ сугробъ; лицо ея пылало, по щекамъ текли слезы.

– Господа юнкера, – закричалъ поручикъ Строевъ, и голосъ

его зазвенѣлъ, какъ труба – будущіе офицеры! Кто изъ васъ не знаетъ, какъ себя вести, того я научу. Будьте увѣренны! А Вамъ, партизанъ, я категорически запрещаю плакать.

И, круто повернувшись, увелъ за собой юнкеровъ въ домъ.

Я поднялъ со снѣга револьверъ и протянулъ его Кирѣ.

– Простите меня, – сказалъ я ей – клянусь, никогда больше не дерзну прикоснуться къ Вамъ; будемъ друзьями.

Она кивнула головой.

– Хорошо. Но, Боже, какой позоръ! Я не попала въ ворону.

За столомъ мы сидѣли рядомъ, ѣли неподобной величины и вкуса вареники и слушали хозяина. Онъ разсказывалъ удивительныя вещи о своихъ косякахъ, маткахъ и жеребцахъ, и въ громадной столовой намъ чудилось ржаніе лошадей.

На разсвѣтѣ мы выѣхали къ Великокняжеской, но, не доѣзжая Маныча, круто свернули и гнали лошадей, не останавливаясь до какого-то маленькаго зимовника, гдѣ, напугавъ престарѣлую хозяйку, залегли спать. Спали двѣнадцать часовъ.

Лежанка была въ семи верстахъ.

На другой день, рано утромъ, поручикъ Строевъ, взявъ меня за кучера, поѣхалъ на простой телѣгѣ въ Лежанку. Переодѣтые мужиками, мы объѣхали село, прицѣниваясь къ шерсти; пили въ корчмѣ самогонъ съ безпогонными солдатами, ругали Каледина и съ трудомъ, по телефонному проводу, нашли на краю села батарею. Четыре орудія стояли на широкомъ дворѣ за низкимъ плетнемъ; между ними уныло бродилъ часовой.

Вернулись мы подъ вечеръ и въѣхали на зимовникъ черезъ базы.

Юнкера сидѣли въ домѣ и томились. Киры не было; но, выйдя во дворъ, я увидѣлъ ея легкій силуетъ на синемъ снѣгу за воротами по дорогѣ въ Лежанку – она ждала насъ. Я хотѣлъ тихо подойти къ ней, но снѣгъ скрипѣлъ подъ ногами; она обернулась и увидѣла меня. Лицо ея моментально стало строгимъ.

– Что за манера подкрадываться? Или вы воображаете, что я безпокоюсь о васъ и вышла встрѣчать? Боже мой, какая ерунда! Неужели нельзя просто выйти и смотрѣть на снѣгъ? – сказала она съ досадой и быстро прошла мимо меня въ домъ.

Для успѣха ночного нападенія надо отличное знаніе мѣстности и твердая вѣра въ удачу – все это у насъ было.

Батарея стояла особнякомъ на ближайшемъ къ намъ краю села. И въ эту ночь, на Николу Зимняго, разбивъ насъ на группы по три человѣка, и давъ каждой группѣ задачу, Строевъ подвелъ насъ къ селу и ровно въ полночь зажегъ свой электрическій фонарикъ.

Мы пошли добывать пушки. Часовой у орудія былъ снятъ безъ шуму и вразъ, ворота распахнуты, поднятые нами въ сосѣднихъ хатахъ ѣздовые, шатаясь отъ страха, выводили лошадей.

Я же съ Кирой и С-ымъ разбудили командира батареи, типичнаго прапорщика изъ унтеръ-офицеровъ, и взявъ съ него расписку о сдачѣ батареи въ распоряженіе Добровольческой арміи, заперли его въ погребъ.

Безъ единаго выстрѣла мы къ разсвѣту вывели изъ Лежанки четыре орудія въ полной запряжкѣ съ ѣздовыми, два зарядныхъ ящика и экипажъ командира батареи.

Когда же взошло огромное, малиновое отъ мороза, солнце, мы уже кормили лошадей на какомъ-то зимовникѣ около желѣзной дороги Ростовъ – Царицынъ. Здѣсь Строевъ приказалъ мнѣ ѣхать по желѣзной дорогѣ черезъ Ростовъ въ Новочеркасскъ и передать атаману Каледину донесеніе о взятіи батареи.

– Вы первый привезете это извѣстіе, и у васъ, портупей-юнкеръ, всѣ шансы къ наградѣ. Мы же идемъ походнымъ порядкомъ. Будьте осторожны въ дорогѣ и, въ случаѣ чего, уничтоте донесеніе, – сказалъ мнѣ Строевъ, протягивая конвертъ.

Просить разрѣшенія взять съ собой Киру было безполезно, и я, собираясь на прощаніе сказать ей что-то особенно важное, такъ ничего и не смогъ сказать, подержалъ ея руку и сѣлъ въ бричку.

Лошади уже тронулись, когда Кира, вскочивъ на подножку, перекрестила меня, молча и быстро, широкимъ крестомъ, спрыгнула въ сугробъ и пошла, не оборачиваясь, къ топтавшимся около костра ѣздовымъ.

Какъ разсказать, какъ вамъ передать чувство любви, нѣжности, восторженнаго и необычайнаго умиленія, охватившее меня въ этотъ моментъ и не покидавшее всю дорогу до станціи?

Я былъ счастливъ этимъ первымъ молчаливымъ знакомъ вниманія Киры ко мнѣ. Большаго счастья я не ждалъ, да его и не могло быть.

До Ростова я ѣхалъ въ купэ, ужасая своимъ видомъ какую-то даму въ траурѣ и больного старика; смотрѣлъ въ окно на снѣжную пустыню и слышалъ въ грохотѣ колесъ одно и то же имя „Кира!"... Вечеромъ я былъ въ Ростовѣ. Городъ уже былъ взятъ. На вокзалѣ я нашелъ своихъ юнкеровъ, показалъ имъ отобранные отъ артиллеристовъ наганы; не жалѣя красокъ, нарисовалъ картину нашего подвига, поразилъ конвертомъ съ донесеніемъ Каледину и только утромъ смогъ на паровозѣ выѣхать въ Новочеркасскъ.

Въ Новочеркасскѣ, взявъ извозчика, я ѣздилъ цѣлый день по занесеннымъ снѣгомъ улицамъ – все искалъ атамана Каледина и никакъ не могъ его найти: изъ дворца меня посылали въ театръ, гдѣ засѣдалъ Кругъ, изъ театра въ какія-то комиссіи и только поздно вечеромъ, вернувшись во дворецъ, я засталъ только что пріѣхавшаго атамана. Я видѣлъ, какъ сбросивъ въ передней свое пальто на руки казака, онъ усталой походкой поднялся по лѣстницѣ на верхъ. Черезъ десять минутъ я съ бьющимся отъ волненія сердцемъ стучалъ въ двери его кабинета.

Я уже видѣлъ себя въ объятіяхъ атамана, восхищеннаго нашимъ подвигомъ, слышалъ его разспросы, горячія похвалы, и чувствовалъ на своихъ плечахъ погоны прапорщика. Дверь отворилъ дежурный полковникъ и, выйдя самъ, пропустилъ меня въ кабинетъ.

Калединъ стоялъ за письменнымъ столомъ, опершись руками на разостланную на столѣ карту и смотрѣлъ на меня; въ

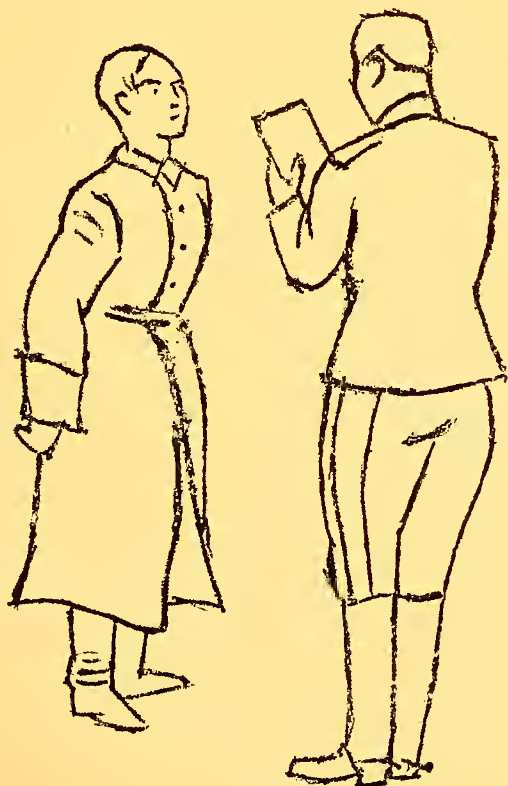
огромной комнатѣ, освѣщенной низко опущенной надъ столомъ лампой, былъ полумракъ.

— Ваше Высокопревосходительство! Портупей-юнкеръ Бабаковъ съ донесеніемъ отъ поручика Строева прибылъ, — отчеканилъ я и протянулъ конвертъ.

Въ зеркалѣ напротивъ я увидѣлъ свое черное отъ грязи и безсонницы лицо, безпогонную шинель съ отвисшими отъ нагановъ карманами и громадный кинжалъ — бебутъ — на поясѣ. Я былъ страшенъ. Атаманъ рѣзко рванулъ конвертъ, вынулъ донесеніе и началъ читать.

Я впился глазами въ его твердое, желтоватое лицо, увидѣлъ, какъ приподнятыя сначала брови срослись вдругъ вмѣстѣ, рука, державшая донесеніе, дрогнула, и на мнѣ остановились незабываемые гнѣвные глаза.

— Да какъ вы смѣли? Нападать первыми на воинскую часть! Вы знаете, что это такое? Вы понимаете, что это значитъ? Позоръ, губятъ все, мальчишки, молокососы! — загремѣлъ Калединъ, и скомканное донесеніе пролетѣло мимо моего уха. Я обмеръ...



— Опять кровь, опять нареканія! Какія потери?

— Никакъ...нѣтъ! Потерь никакихъ, — отвѣтилъ я дрожащимъ голосомъ

— Какъ никакихъ? Почему? Разскажите все, какъ было. Вотъ Лежанка- Калединъ ткнулъ пальцемъ въ карту,- какъ вы двигались?

Я, сначала сбиваясь отъ волненія, но потомъ оправясь, коротко доложилъ о нашемъ походѣ, развѣдкѣ Лежанки, о налетѣ и, желая доказать, что крови не было, /о часовомъ я умолчалъ/ добавилъ, что солдаты ѣздовые сами съ удовольствіемъ сѣли на лошадей /конечно, мы ихъ захватили/ и вмѣстѣ съ батареей идутъ къ Новочеркасску.

— На кой чертъ? Мало

ихъ здѣсь! - опять разсердился Калединъ.

Я съ ужасомъ замеръ, уставившись на его огромный шейный Георгій - смотрѣть ему въ глаза я не смѣлъ.

- Я не понимаю, какъ вы не получили моего приказанія прекратить эту экспедицію, посланнаго на другой же день послѣ вашего выхода изъ города. Вы мнѣ своимъ сумасшествіемъ портите все. Да что говорить? Ну, а орудія исправны, сколько снарядовъ, каковъ конскій составъ?

Я опять ободрился и, похваливъ пушки и лошадей, рѣшилъ порадовать атамана захваченнымъ денежнымъ ящикомъ /я зналъ о денежномъ кризисѣ на Дону/. Но не успѣлъ я кончить, какъ Калединъ, ударивъ кулакомъ по столу, закричалъ:

- Какъ?! Вы взяли и ящикъ? Грабежъ, разбой! Вонъ, сію минуту! Вонъ!...

Я летѣлъ по лѣстницѣ, прыгалъ черезъ двѣ ступеньки, и надо мною гремѣлъ, какъ громъ, голосъ выскочившаго изъ кабинета Каледина.

Мое состояніе было ужасно. Я бродилъ по Новочеркасску и не узнавалъ улицъ. Мои мечты казались мнѣ теперь постыдными и наше дѣло ужаснымъ и разбойничьимъ.

Поздно ночью я зашелъ къ Самсону /извѣстный всему городу ресторанъ/. Хозяинъ купилъ наганы, и я, не выходя изъ этого ресторана, два дня и двѣ ночи пилъ звѣрское кахетинское вино, тоскуя по Кирѣ, ревнуя ее къ Строеву и каждому юнкеру, писалъ и рвалъ пьяныя безумныя письма къ ней о своей любви и былъ близокъ къ самоубійству.

На третій день, въ отличное снѣжное солнечное утро, я встрѣтилъ поднимающуюся по Крещенскому спуску батарею. Юнкера пѣли пѣсни, колеса пушекъ, прорывая снѣгъ, гремѣли по мостовой. Впереди на рыжемъ конѣ ѣхала Кира; она сіяла и батарейный значокъ рѣялъ надъ ея папахой. У собора батарея остановилась, Кира спрыгнула съ лошади и широко, радостно улыбаясь, протянула мнѣ обѣ руки.

- Ну, вотъ, мы опять вмѣстѣ. Я очень волновалась. Я все время думала, какъ вы доберетесь. Какая ерунда! но, пожалуйста, не воображайте о себѣ Богъ знаетъ что...

Ну, скажите, что я могъ сказать ей на это?

Я молча прижался губами къ ея рукѣ и, навѣрное, такъ и застылъ бы, если бы за моимъ плечомъ не раздался веселый голосъ Строева:

- Это что за нѣжности? Стыдитесь, портупей-юнкеръ, а вы,

партизанъ, потрудитесь своихъ рукъ для поцѣлуевъ впредь не давать.

Кира была, какъ кумачъ; навѣрное, такимъ былъ и я; и когда, сбиваясь, я доложилъ Строеву о гнѣвѣ Каледина, Строевъ къ моему изумленію, не ужаснулся, не удивился и просто отвѣтилъ:

– Я знаю, вы неудачно попали. Атаману въ этотъ вечеръ одинъ членъ Круга бросилъ на Кругу упрекъ въ Ростовскомъ „кровопролитіи". Теперь же онъ благодаритъ насъ за лихое дѣло, а лично васъ – за толковый докладъ. Итакъ, если хотите, можете оставаться при батареѣ, такъ какъ теперь о какихъ-то наукахъ въ училищѣ говорить нечего – юнкера пока наша главная опора.

Я остался при батареѣ, осталась и Кира. Куда ей было дѣваться? Двѣ пушки были отданы въ Ростовскую группу, а двѣ мы погрузили на открытыя платформы и обложили мѣшками съ пескомъ. Это былъ прообразъ будущихъ бронепоѣздовъ, была первая артиллерія, – незабываемая Михайло-Константиновская юнкерская батарея, а я съ Кирой – ея пулеметная команда съ нашимъ поджарымъ „Кольтомъ" на бугрѣ тендернаго угля. Мы метались отъ Ростова къ Гуново, отъ Звѣрева къ Таганрогу, съ налета били изъ нашихъ трехдюймовокъ по станціямъ, по безконечнымъ эшелонамъ красной гвардіи, ползущей со всѣхъ сторонъ на Донъ. Я плохо уже помню чередъ этихъ стремительныхъ дней и ночей. Мы были въ кольцѣ, выхода у насъ не было, все меньше становилось рельсъ для нашего бѣшенаго гона; но мы тогда не думали объ этомъ: все такъ же, показывая голыя щиколотки изъ подъ обмотокъ, командовалъ полковникъ Міончинскій, улыбался есаулъ Егоровъ и балагурилъ поручикъ Строевъ, все такъ же были поразительны попаданія нашихъ орудій и безпечно-жизнерадостны юнкера и такъ же восторженно сіяла черкесскими глазами Кира, подставляя свое, вымазанное углемъ, лицо степному морозному вѣтру.

Мы были счастливы и оба знали объ этомъ. Счастливы нашей безшабашной жизнью, этими мятелями и боями, постоянной опасностью, о которой не думали, нашей нарастающей любовью, о которой боялись говорить.

И когда, какъ-то разъ, въ короткій перерывъ между боями, въ нашемъ купэ, гдѣ кромѣ меня и Киры спало еще два юнкера, случайно никого не оказалось, и я началъ говорить о томъ, о чемъ все равно, рано или поздно, я долженъ былъ сказать, Кира коротко и твердо перебила меня:

– Не надо – я знаю все, вы же – тоже знаете.

И особенно озабоченно начала говорить о неровной подгонкѣ патроновъ въ пулеметныхъ лентахъ.

Наконецъ, насъ придали къ отряду Чернецова.

Кто въ это время не зналъ его на Дону? Его партизанъ - этихъ кадетъ , гимназистовъ и реалистовъ - легендарныхъ Чернецовскихъ партизанъ, единственную вооруженную силу, которую имѣлъ въ то время Донъ?

Съ Чернецовымъ мы пошли на сѣверъ. Въ станицѣ Каменской коммунистами былъ организованъ „казачій революціонный комитетъ", и его предсѣдатель, батарейный подхорунжій Подтелковъ, требовалъ отъ атамана Каледина передачи ему власти и грозилъ пропустить съ Миллерово на Новочеркасскъ красноармейскіе эшелоны, но не успѣлъ.

Коротко, какъ бы шутя, мы разгромили ночью подъ Сѣверо-Донцомъ два эшелона красноармейцевъ и 17-го января утромъ заняли станицу Каменскую. Комитетъ бѣжалъ на Глубокую, казаки разошлись по домамъ. Мы ихъ не трогали.

Я зналъ, что здѣсь недалеко,въ станицѣ,мать Киры, видѣлъ, какъ волновалась она. Когда нашъ составъ остановился на станціонномъ вокзалѣ, Кира поговорила съ нашимъ полковникомъ, подошла ко мнѣ и сказала:

- Идемъ. Я хочу, чтобы мама увидѣла васъ; сегодня я хочу, чтобы вы увидѣли меня дома не въ курткѣ, а въ платьѣ. Боже мой, какъ странно! Я одѣну платье. Мы цѣлый день - полковникъ разрѣшилъ - будемъ дома, будемъ въ комнатахъ, понимаете, Никита; я буду играть на роялѣ, и моя родная мамочка насъ будетъ кормить удивительными вещами; я боюсь, что расплачусь. Какая ерунда!

Кира почти бѣжала по широкимъ станичнымъ улицамъ и, когда мы остановились передъ низкимъ длиннымъ кирпичнымъ домомъ съ палисадникомъ и огромными непомѣрными, почти крѣпостными воротами, она, крикнувъ мнѣ „подождите", исчезла въ калиткѣ.

Я ждалъ около крыльца, навѣрно, съ полчаса. Наконецъ, двери дома какъ-то неожиданно распахнулись, и я увидѣлъ въ передней полную сѣдую даму, съ черной наколкой на головѣ, и рядомъ съ ней Киру, заплаканную, сіяющую, уже переодѣтую въ платье; помню его, какъ сейчасъ: синее, съ бѣлыми горошинками...

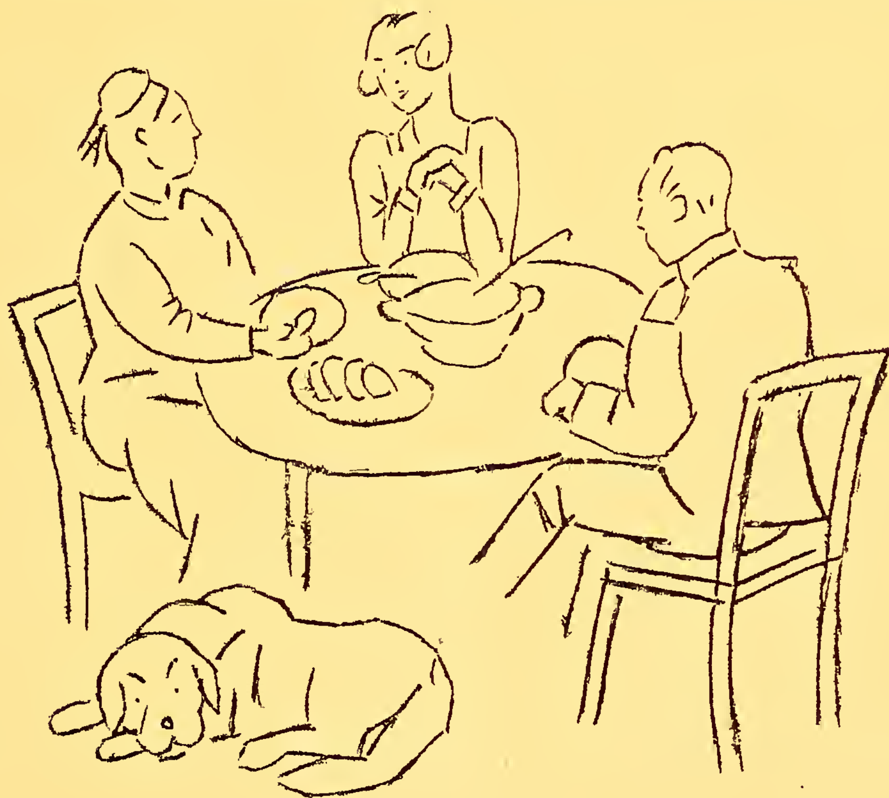
- Мама! Вотъ - Никита. Понимаешь, этотъ мой другъ, мой братъ... Цѣлуй же его,мамочка! Если бы ты знала, какъ онъ стрѣляетъ изъ Кольта! Ахъ, вѣдь ты не знаешь, что такое Кольтъ, ты ничего не понимаешь!

У старухи текли по щекамъ слезы; она, навѣрное, ничего не видѣла. Громадный рыжій сенбернаръ радостно визжалъ

и неистово билъ насъ хвостомъ по ногамъ. Я впервые за полтора мѣсяца вымылся не спѣша. Мнѣ принесли генеральскій китель Киринаго отца; онъ былъ великъ для меня, висѣлъ на мнѣ какъ на палкѣ, но Кира, хлопая руками отъ восторга, потащила меня въ кабинетъ, и, поставивъ передъ портретомъ увѣшаннаго орденами генерала, сказала:

– Это мой папа. Какъ вы бы ему понравились, Никита! Онъ такъ любилъ военныхъ.

Потомъ мы долго сидѣли за обѣденнымъ столомъ; старуха вытирая безконечныя слезы, кормила насъ, какъ маленькихъ, ужасаясь Кирінымъ разсказамъ о бояхъ и стрѣльбѣ.



Послѣ обѣда Кира играла на старинномъ разбитомъ роялѣ, навѣрное, еще бабушкиныхъ временъ. Я сидѣлъ на диванѣ и слушалъ съ невыразимымъ блаженствомъ, смотря на милый, ставшій сразу нѣжнымъ, дѣвичій затылокъ, на крутые завитки Кириныхъ волосъ.

Мы ходили въ садъ, занесенный снѣгомъ, лѣпили снѣжки; сенбернаръ неотлучно слѣдовалъ за нами. Никогда, ни до, ни послѣ такъ стремительно не мелькало для меня время, какъ въ этотъ тихій снѣжный день. Кира была неузнаваема. Она ни на шагъ не отходила отъ меня, сіяющая, счастливая, безконечно хватала меня за руку и спрашивала:

- Ну, какъ? Правда хорошо дома? Вы довольны, Никита? Подумайте, у насъ еще цѣлый вечеръ впереди!

Мы строили планы на этотъ вечеръ, мечтая объ уютной лампѣ подъ абажуромъ и чтеніи вслухъ какихъ-то любимыхъ Кириныхъ книгъ. Но какъ только стемнѣло, въ передней неистово зазвенѣлъ звонокъ, и партизанъ передалъ намъ приказаніе немедленно идти на вокзалъ: красные заняли Лихую, отрѣзавъ насъ отъ Новочеркасска.

Старуха заохала, сенбернаръ началъ лаять, и черезъ пять минутъ переполоха мы уже шли на станцію - черезъ пустынную, будто вымершую, станицу.

Всю ночь мы съ Кирой, ставшей опять какой-то подчеркнуто холодной, набивали ленты патронами и чистили Кольтъ. А холоднымъ прозрачнымъ утромъ двинулись, повернувъ платформу съ пушкой на югъ.

Кирина мать пришла насъ проводить и, когда составъ медленно двинулся, она перекрестила насъ широкимъ дрожащимъ крестомъ. Мы стояли съ Кирой на тендерномъ углѣ и махали папахами, а веселый юнкеръ Евстратовъ пѣлъ:

„Кто любитъ свою королеву,
Тотъ, молча, идетъ умирать..."

Можетъ быть, потому, что насъ никто никогда не провожалъ и не благословлялъ, намъ стало какъ-то не по себѣ. Кира осунулась. Но уже подъ Лихой, когда партизаны высыпали изъ вагоновъ въ длинную, жидкую цѣпь, и Міончинскій занялъ обычное мѣсто на паровозѣ, привычное острое чувство боя вернулось къ намъ: у Киры по старому засверкали глаза. Цѣпь пошла впередъ, потомъ ахнуло наше орудіе; низкая вѣрная шрапнель повисла розовымъ дымкомъ надъ станціей; на снѣгу стали ясно видны черныя толпы противника; сначала робко, потомъ, нарастая все больше и больше, затрещали пулеметы и рядомъ съ нашимъ тендеромъ, пропѣвъ въ воздухѣ знакомый напѣвъ, задохнулась въ снѣгу граната.

Бой начался.

Сидѣть на тендерѣ съ Кольтомъ было слишкомъ скучно - стрѣлять было далеко, - и мы съ Кирой пошли по насыпи къ нашей цѣпи. Надъ нашими головами пѣли гранаты Міончинскаго; станція лежала въ черномъ дыму разрывовъ. Цѣпь шла, не отвѣчая на встрѣчный бѣшеный огонь. Падали, какъ будто спотыкаясь, партизаны. Наконецъ, поручикъ Курочкинъ весело рванулъ изъ кобуры свой Маузеръ и четко разрядилъ обойму. Цѣпь рванулась впередъ, вспыхнуло „ура", и ружейный огонь пото-

нулъ въ тишинѣ рукопашнаго боя. Черезъ полчаса все было кончено...

Грузили въ наши эшелоны отбитые пулеметы, и поручикъ Курочкинъ кричалъ въ телефонную трубку оставшемуся въ Ка - менской Чернецову: „Лихая наша. Потери велики".

Въ этотъ вечеръ въ разбитомъ нашими гранатами пассажирскомъ залѣ, подъ расписаніемъ поѣздовъ /какое тамъ расписаніе..., когда платформа и пути были завалены трупами, а семафоръ, какъ мертвецъ, лежалъ въ сугробѣ/, я сказалъ Кирѣ, что люблю ее.

Сказалъ - и ужаснулся своей дерзости...

Но она взяла меня за руку и просто сказала:

- Нельзя же здѣсь объясняться, какая ерунда! Давайте выйдемъ.

И, крѣпко держа меня за руку, провела на платформу, куда-то за станцію, остановилась около какого-то палисадника и быстро, крѣпко обняла меня и поцѣловала въ лобъ. И когда я, не помня себя отъ любви и радости, началъ, сбивая съ нея папаху, цѣловать ее въ щеки, глаза, жадно ища губы, она, закрывъ ладонями мой ротъ, оттолкнула меня и серьезно сказала:

- Не надо, милый Никита, я слишкомъ счастлива!

Всю ночь мы бродили вокругъ станціи, загрузая въ су - гробахъ; заходили на вокзалъ, гдѣ партизаны ѣли отбитый въ обозѣ миндаль и пѣли новый куплетъ „Журавля":

„Подъ Лихой лихое дѣло
Всю Россію облетѣло..."

Опять выходили на снѣгъ и непрестанно говорили, держа другъ друга за руки.

На разсвѣтѣ Кира послала въ Каменскую телеграмму: „Мамочка, я жива и ужасно счастлива".

Потомъ она спала на моемъ мѣстѣ въ нашемъ купэ; я смотрѣлъ на ея тонкія, точно углемъ вычерченныя брови, на поразительныя рѣсницы, слушалъ ея ровное легкое дыханье, и не зналъ, что дѣлать съ собой отъ переполнявшаго меня счастья. Выходилъ изъ вагона, шагалъ вдоль эшелона, что-то бормоча себѣ подъ носъ и размахивая руками, и, встрѣтивъ нашего сожителя по купэ, юнкера артиллериста, снялъ свои часы-браслетъ и уговорилъ его принять ихъ отъ меня, какъ подарокъ.

Послѣ обѣда нашъ эшелонъ былъ вызванъ въ Каменскую.

Чернецовъ былъ произведенъ Атаманомъ въ полковники и рѣшилъ брать Глубокую, но не въ лобъ, а сдѣлавъ обходное движеніе по степи съ тыла. Уйти намъ съ Кирой къ ней домой такъ и не удалось: весь вечеръ и полъ ночи готовились къ походу, сгружали орудіе съ платформы, искали лошадей, подгоняли хомуты, устанавливали пулеметы на дроги мобилизованныхъ дрогалей. Чернецовъ сидѣлъ въ дамской комнатѣ вокзала въ своемъ крытомъ синимъ сукномъ полушубкѣ безъ погонъ, въ фуражкѣ мирнаго времени, и необычайно весело и бодро отдавалъ приказанія приходившимъ къ нему офицерамъ и юнкерамъ. Часа въ два ночи пришла Кирина мать съ сенбернаромъ, принесла намъ котлетъ и пирожковъ. Она сквозь слезы смотрѣла на нашу суету, а сенбернаръ вилялъ хвостомъ.

Выступили мы - человѣкъ 80 партизанъ при трехъ пулеметахъ и одной пушкѣ - часовъ въ шесть утра. На дворѣ стояла та ужасная погода степной зимы, когда, послѣ крѣпкаго мороза, наступаетъ оттепель, и густой туманъ сразу съѣдаетъ снѣгъ.

Объ этомъ, можетъ быть,самомъ,отважномъ Чернецовскомъ налетѣ много говорилось, много писалось въ свое время; теперь же рѣдко кто вспоминаетъ эти январьскіе дни.

Мы опоздали, блуждая по степямъ, атаковали Глубокую вечеромъ, ворвавшись съ налета на станцію, но насъ не поддержали со стороны Каменской, и, уставшіе отъ безсонныхъ ночей, изнеможденные въ непрерывныхъ бояхъ, партизаны отошли въ исходное положеніе къ буграмъ, что къ сѣверо-востоку отъ Глубокой.

Здѣсь, дрожа отъ холода, не смѣя развести костра, мы провели ночь. Утромъ двинулись обратно къ Каменской; но по серединѣ дороги насъ встрѣтилъ Голубовъ съ двумя полками казаковъ, перешедшихъ на сторону „военно-революціоннаго комитета", въ упоръ разгромилъ нашу жалкую цѣпь изъ своихъ четырехъ орудій и загналъ насъ въ оврагъ.

Казаки пошли въ атаку; наше орудіе было подбито; пулеметы заклинились и патронъ для винтовокъ не было...Чернецовъ упалъ, раненый въ ногу, и вынулъ бѣлый носовой платокъ. Мы сдались.

Полковникъ Міончинскій, съ тремя-четырьмя юнкерами,будучи верхомъ, прорвались и ускакали; насъ же осталось въ живыхъ человѣкъ тридцать. Казаки окружили насъ и погнали къ красногвардейцамъ на Глубокую.

Я былъ раненъ въ руку. Кира, разорвавъ на убитомъ партизанѣ рубаху, ловко и крѣпко перевязала мою рану. Казаки сняли съ меня сапоги. Послѣ оттепели ударилъ морозъ, въ степи была гололедица, и мои носки порвались сразу. Шелъ я бо-

сикомъ рядомъ съ Кирой; она все время спрашивала о моей ранѣ и вытирала рукавомъ своей куртки вытекающую изъ раны на мои пальцы кровь. У меня за пазухой былъ наганъ, и я прошепталъ Кирѣ: – Красногвардейцамъ живьемъ не дадимся; я убью тебя, а потомъ себя. Согласна?-Она кивнула головой.

– Отлично, только я скажу, когда.

Чернецова посадили на какую-то клячу, и онъ ѣхалъ впереди, рядомъ съ Голубовымъ. Казаки ругали насъ и погоду и подгоняли отстающихъ партизанъ. Потомъ гдѣ-то недалеко ахнула пушка; къ Голубову подскакалъ казакъ и онъ, оставивъ съ нами человѣкъ пятнадцать казаковъ, съ остальными на рысяхъ пошелъ къ югу.

Партизаны вели наступленіе со стороны Каменской. Насъ торопили. Къ намъ подъѣхалъ самъ Подтелковъ въ кожаной курткѣ съ болтающимся на груди биноклемъ и, выхвативъ изъ ноженъ шашку, закричалъ:– Живо шевелись, а то всѣхъ порублю!

Мы почти бѣжали. Я, нащупавъ свой наганъ, прошепталъ Кирѣ:

– Пора!...Но она, почти со злобой, меня перебила:

– Не выдумывай ерунды. Еще рано.

Подтелковъ, поднимая на дыбы своего рыжаго жеребца, гарцевалъ рядомъ съ Чернецовымъ, вертя шашкой и ругаясь. Глубокая лежала передъ нами; четко и близко горѣли станціонные огни.

– Кира, – шепталъ я, – пора, ей-Богу, пора...

Но она, сжимая мою руку, опять просила:

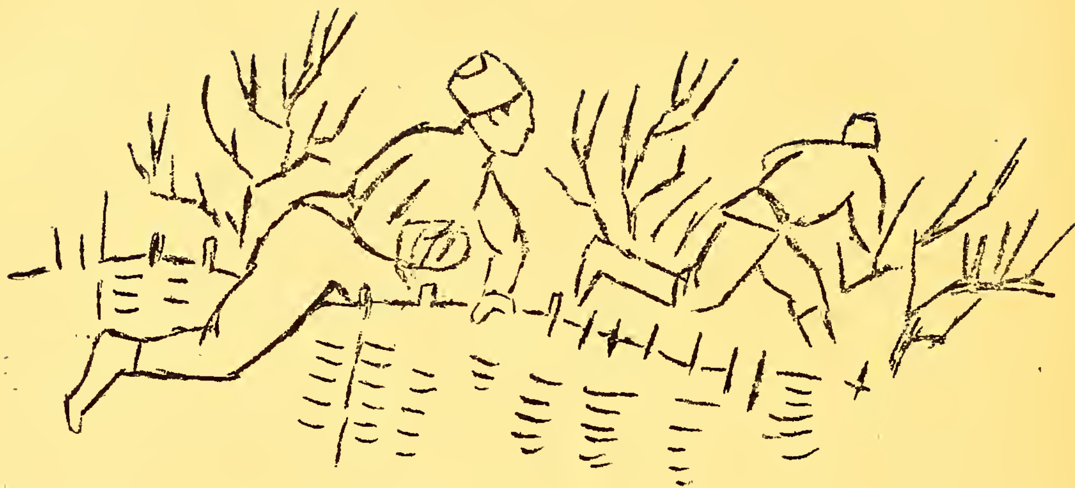
– Ну, подожди еще немного, десять минутъ подожди!

Со стороны станціи къ намъ подъѣзжало двое конныхъ. Подтелковъ опросилъ ихъ, но Чернецовъ, не дожидаясь отвѣта, звонко и весело крикнулъ:

– Это наши – ура!..

Ударилъ наотмашь Подтелкова по лицу, круто повернулъ своего коня и поскакалъ прочь. Подтелковъ вывалился изъ сѣдла; конвой наметомъ сталъ уходить отъ насъ, и мы, бѣшено крича „ура! Бей ихъ!" бѣжали врассыпную по синей вечерней степи.

Какъ передать это чувство неожиданной свободы, ощущені жизни, которое мы испытывали въ это мгновеніе!



Мы съ Кирой перебѣжали черезъ желѣзнодорожное полотно, перелѣзли черезъ плетень какой-то левады и залѣзли въ терны. Сзади уже раздавались окрики опомнившагося конвоя, крики пойманныхъ партизанъ и глухіе удары шашекъ. Мы лежали въ густомъ тернѣ, на обледенѣлой землѣ, боясь громко дышать, пока совсѣмъ не стемнѣло и надъ нами, въ прутьяхъ левадныхъ вербъ, не повисъ тонкій, точно изъ жести, рогъ мѣсяца. Въ полѣ стояла тишина. Рѣдко кричалъ на Глубокой паровозъ. Мы поднялись и пошли по звѣздамъ на югъ, къ Каменской. Переходили, проваливая тонкій ледъ, какую-то рѣчку, обходили хутора, замирая на мѣстѣ отъ собачьяго лая, шли по степи, по крѣпкой ледяной землѣ.

Кира держала и гладила мою раненую руку, отобравъ мой наганъ, и гордясь своей выдержкой. Она была возбуждена, весела и бодра; зимнія звѣзды сіяли въ ея глазахъ.

Я же, пройдя верстъ пятнадцать, почувствовалъ сразу смертельную усталость, молча, какъ куль, осѣлъ на землю и оставался лежать пластомъ, не чувствуя своихъ сбитыхъ по гололедицѣ ногъ. Кира сѣла рядомъ, посидѣла немного, кутая полами своей куртки мои ноги, потомъ встала и сказала:

– Ну, пойдемъ; возьми себя въ руки.

Но я уже засыпалъ внезапнымъ сномъ и мнѣ снилось, что Подтелковъ скачетъ на меня; я просилъ пощады и, проснувшись, ничего не могъ понять. Кира стояла надо мной и кричала:

– Ты – жалкая баба! – Какой позоръ! Ты хуже бабы. Если ты не встанешь, я разлюблю тебя! Слышишь, Никита, я уже не люблю тебя и запрещаю называть меня на ты... Вы – мокрая курица. Какая ерунда! Я ухожу... Прощайте, Никита!

Она сдѣлала нѣсколько шаговъ, потомъ вернулась, сняла свою куртку, оторвала рукава, натянула ихъ мнѣ на ноги, и, разстегнувъ свою солдатскую рубаху, спрятала, отогрѣвая, у себя на груди мою раненую руку.

– Ну, вотъ, немного отдохнешь и пойдемъ потихоньку. До Каменской осталось два шага, мы будемъ дома, ты будешь лежать на папиномъ диванѣ, а я буду сидѣть рядомъ и читать вслухъ.

И, слушая ея нѣжный дрожащій голосъ, борясь съ невѣроятной усталостью я поднялся и, опираясь на Кирино плечо, медленно зашагалъ, поминутно роняя съ ногъ рукава ея куртки. Мы шли безконечно долго. Кира, подбадривая меня, болтала о веселыхъ пустякахъ институтской жизни, рисовала картины нашего будущаго отдыха въ ея домѣ и даже вполголоса запѣла пѣсенку, что-то въ родѣ колыбельной. Ночью, въ степи, это звучало,какъ бредъ. Я молчалъ, чувствуя, что скоро свалюсь опять и уже больше не встану. Ногъ и раненой руки я не чувствовалъ.

Наконецъ, во мглѣ начинающагося разсвѣта, какъ-то сразу мы увидѣли желѣзнодорожный мостъ черезъ Донецъ: Каменской была передъ нами, на томъ бугрѣ. На мосту насъ встрѣтилъ партизанскій патруль. Отъ него мы узнали, что, кромѣ насъ, добралось до Каменской только пять партизанъ. Чернецова не было. На вокзалѣ мнѣ сдѣлали перевязку и дали сапоги, и Кира, подведя меня къ огромному станціонному образу Николая Угодника, сказала:

– Давай помолимся, развѣ наше спасеніе не чудо?

Но...вдругъ, неожиданно согнувшись, закрыла ладонью свой ротъ.

Между ея пальцами текла страшная черная кровь.

Она зашаталась. Я подхватилъ ее, отводя ото рта ея руку Кровь текла по подбородку, стекая за воротъ рубахи, капая густыми большими каплями на грязный асфальтовый полъ вокзала.

Лицо Киры стало сразу восковымъ. Глаза были закрыты, и подъ ними лежали синіе круги. Я съ трудомъ подвелъ ее къ скамейкѣ, положилъ вверхъ лицомъ и побѣжалъ за докторомъ въ перевязочную. Когда мы съ нимъ пришли, Кира лежала и ужасными, расширившимися глазами смотрѣла на свои окровавленныя руки.

Кровь изо рта уже больше не шла, и на щекахъ ея пылалъ необычайно яркій румянецъ. Докторъ пожалъ плечами и сказалъ:

– Что я могу здѣсь сдѣлать? Надо въ госпиталь.

– Я знаю – отвѣтила Кира, и, обратясь ко мнѣ, сказала:- ищи извозчика; поѣдемъ домой; только мамѣ ни слова; это наша родовая болѣзнь.

Въ Кириномъ домѣ мы пробыли всего сутки. Коммунисты нажимали; Каменская была наканунѣ сдачи. О Чернецовѣ ничего не было извѣстно, а безъ него отрядъ не могъ быть прежнимъ, единственнымъ „Чернецовскимъ". И какъ ни оставляла мать Киру дома, она эвакуировалась со мной послѣднимъ поѣздомъ въ Новочеркасскъ.

Мы лежали въ областной больницѣ, въ одной палатѣ, рядомъ. Я видѣлъ, ужасаясь, какъ на моихъ глазахъ таяла Кира. Кровь горломъ шла у нея ежедневно, все такая же черная, страшная; все съ такимъ же нѣмымъ ужасомъ смотрѣла Кира, какъ вода въ подставленномъ тазу изъ нѣжно розовой становилась красной, рубиновой.

Моя же рана оказалась пустячной – въ мякоть. Рука и отмороженныя ноги заживали скоро и легко.

Кира почти ничего не говорила. На мои попытки ее успокоить, подбодрить, на мои увѣренія въ скоромъ выздоровленіи она коротко отвѣчала:

– Не надо, Никита; я знаю...

И только разъ, уже наканунѣ смерти, она повѣрила, что будетъ жить. Въ этотъ день – неожиданно солнечный, отчего у насъ въ мрачной палатѣ стало какъ-то по праздничному свѣтло – Кира проснулась поздно и, открывъ глаза, улыбалась, поманивая меня къ себѣ своей слабой, восковой рукой.

– Мнѣ снился сейчасъ папа. Онъ увѣрялъ меня, что я не умру. Понимаешь, Никита, я себя уже отлично чувствую, вотъ только слабость небольшая.

И, дѣйствительно, въ этотъ день кровь горломъ у нея не шла. Я чувствовалъ, что близокъ къ безумію отъ радости. Въ полдень меня вызвали изъ штаба къ телефону и поздравили съ производствомъ въ прапорщики. Это еще болѣе увѣрило Киру въ ея радостномъ снѣ. Она отправила меня покупать погоны. Жуткіе слухи носились по городу. Противникъ былъ въ двадцати – тридцати верстахъ. На моемъ миломъ Новочеркасскѣ, на встревоженной толпѣ, снующей по снѣжнымъ улицамъ, лежала печать обреченности.

Я съ трудомъ нашелъ офицерскій галунъ /въ это время офицерскіе погоны были еще клеймомъ смертниковъ/ и, купивъ въ кафэ полдесятка мандаринъ, Богъ вѣсть, какимъ образомъ попавшихъ въ городъ, вернулся въ госпиталь.

Кира, упросивъ сестру милосердія, ждала меня полулежа, на грудѣ подушекъ, одѣтая въ голубое платье и причесанная новой, женской уже прической. На ея осунувшемся лицѣ пылали два яркихъ пятна румянца и восторженно сіяли громадные глаза. Она обняла меня слабыми руками, поцѣловала въ лобъ и глаза, усадила къ себѣ на кровать и, держа меня за руку, разспрашивала о городѣ, о слухахъ, любуясь купленнымъ галуномъ, и, какъ бы извиняясь, сказала:

– Я забыла тебя попросить купить два кольца. Мы должны обручиться. Тогда я совсѣмъ поправлюсь. Купи ихъ завтра, а сейчасъ переломи пополамъ мой крестъ: мы будемъ носить половинки, я давно объ этомъ думала.

Она протянула свой серебряный натѣльный крестъ, и я его сломалъ наискосъ.

Потомъ, очистивъ мандаринъ – отъ его радостнаго зимняго рождественскаго запаха вспомнилось дѣтство и елка – я началъ рисовать ей восхитительныя картины нашего похода, о которомъ уже говорили въ городѣ. Походъ этотъ мнѣ представлялся необычайнымъ: куда-то въ Персію, за Кавказъ.

Я говорилъ о вѣчно зеленыхъ деревьяхъ, голубомъ небѣ, невиданныхъ тканяхъ и коврахъ, о плоскихъ кровляхъ, о нѣгѣ и лѣни Востока. Наша будущая блаженная жизнь, гдѣ-нибудь въ Тегеранѣ, казалась мнѣ близкой и неоспоримой. Вѣрила и Кира, задыхаясь отъ счастья.

– Ты поступишь офицеромъ къ шаху и будешь ѣздить на настоящемъ арабскомъ конѣ! Правда, Никита? А потомъ мы выпишемъ маму.

Я уже началъ говорить объ ятаганахъ, персидскихъ сѣдлахъ въ бирюзѣ и рубинахъ и объ арабскихъ лошадяхъ неописуемой красоты и рѣзвости, но Кира, все еще держа мою руку, сказала:

– Я немного засну. Я такъ устала. Какой сегодня счастливый день!

Она сразу и крѣпко заснула въ чужомъ голубомъ платьѣ и – больше не проснулась. Умерла во снѣ.

Главный врачъ мнѣ объяснилъ, что это феерическій /такъ и сказалъ: феерическій/ расцвѣтъ скоротечной чахотки.

Вы говорите – счастливая смерть? А по моему, вообще, счастливой смерти не можетъ быть.

Хоронили Киру въ этомъ же голубомъ платьѣ въ одинъ день съ застрѣлившимся Калединымъ.

Плакалъ ли я?

Нѣтъ, не могъ, не умѣлъ. Но, навѣрное, отъ слезъ было бы легче. Несчастіе никогда не приходитъ одно: на другой

день послѣ похоронъ Киры, я узналъ, что моего отца, ѣхавшаго съ фронта красногвардейцы растерзали гдѣ-то совсѣмъ близко отъ Дона.

Итакъ, я сталъ совершенно одинокъ. Какъ и два мѣсяца назадъ, ожидая Киру съ батареей, - я опять пилъ у „Самсона" безобразно и непробудно, не помню сколько дней, а потомъ, уведя изъ какого-то плохо закрытаго двора отличную кобылу, я уѣхалъ на ней въ походъ. Конечно, это былъ не персидскій, а недалекій походъ по Сальскимъ степямъ, который потомъ назвали степнымъ...

Въ этомъ походѣ мы, кажется, съ вами и познакомились? Кобылу я назвалъ „Ерундой". Вы помните ее - гнѣдая, рѣдкой красоты!"

Это все мнѣ разсказалъ Никита Бабаковъ, герой гражданской войны, любимецъ казаковъ, отличный другъ и рубаха парень, служащій теперь шофферомъ у знаменитаго парижскаго адвоката.

Мы пили съ нимъ залпомъ французскіе аперитивы, забывъ о содовой водѣ, и монументальная хозяйка смотрѣла на насъ съ восхищеннымъ ужасомъ.

- Вотъ, что осталось отъ моей первой любви, - сказалъ Бабаковъ, распахивая свое великолѣпное кожаное пальто и разстегивая рубаху. На его могучей груди я увидѣлъ неровный обломокъ натѣльнаго креста...

- Вотъ, все, - что я вывезъ изъ Россіи - повторилъ онъ - Но въ Парижѣ со мной случилась странная исторія: хозяйка моего патрона оказалась похожей на Киру. Понимаете, абсолютное сходство въ лицѣ, въ фигурѣ, въ голосѣ, даже въ манерахъ, только не понимаетъ по русски. Она двойникъ Киры, и это становится невыносимо... Сейчасъ она выйдетъ. Обратите вниманіе.

Мы вышли. Минутъ черезъ пять изъ небольшого особняка напротивъ вышла дама. Бабаковъ распахнулъ дверцы автомобиля и снялъ фуражку. Дама быстро и легко вскочила въ машину. Я успѣлъ замѣтить только черкесскія тонкія брови, громадные глаза, за темной вуалью, да великолѣпные дорогіе мѣха.

Бабаковъ сѣлъ за руль. Огромный сорокасильный Paccard неслышно ушелъ въ туманъ.

А. Туроверов

Смерть Ермака.

/6 августа 1584 года/.

/Стихотвореніе К.Ф.Рылѣева, ставшее казачьей пѣсней./

Ревѣла буря, дождь шумѣлъ;
Во мракѣ молнія блистала;
И безпрерывно громъ гремѣлъ,
И вѣтры въ дебряхъ бушевали.

Ко славѣ страстію дыша,
Въ странѣ суровой и угрюмой,
На дикомъ брегѣ Иртыша
Сидѣлъ Ермакъ, объятый думой.

Товарищи его трудовъ,
Побѣдъ и громозвучной славы
Среди раскинутыхъ шатровъ
Безпечно спали близъ дубравы.

„О, спите, спите,- мнилъ герой;
Друзья подъ бурею ревущей!
Съ разсвѣтомъ гласъ раздастся мой,
На славу, иль на смерть зовущій.

Вамъ нуженъ отдыхъ:-сладкій сонъ
И въ бурю храбрыхъ успокоитъ;
Въ мечтахъ напомнитъ славу онъ
И силы ратниковъ удвоитъ.

Кто жизни не щадилъ своей,
Опасность въ сѣчахъ презирая,
Тотъ думать будетъ ли о ней,
За Русь Святую погибая?

Своей и вражьей кровью смывъ
Всѣ прегрѣшенья буйной жизни
И за побѣды заслуживъ
Благословенія отчизны?...

Намъ смерть не можетъ быть страшна;
Свое мы дѣло совершили:
Сибирь Царю покорена,
О, мы не праздно въ мірѣ жили!"

Ревѣла буря, дождь шумѣлъ;
Во мракѣ молнія блистала;
И безпрерывно громъ гремѣлъ,
И вѣтры въ дебряхъ бушевали.

Иртышъ кипѣлъ въ крутыхъ брегахъ;
Вздымалися сѣдыя волны
И разсыпались съ ревомъ въ прахъ,
Бія о брегъ казачьи челны...

Съ вождемъ покой въ объятьяхъ сна
Дружина храбрая вкушала;
Съ Кучумомъ буря лишь одна
На ихъ погибель не дремала.

Страшась вступить съ героемъ въ бой,
Кучумъ къ шатрамъ, какъ тать презрѣнный,
Прокрался тайною тропой
Татаръ толпами окруженный.

Мечи сверкнули въ ихъ рукахъ
И окровавились долины,
И пала, грозная въ бояхъ,
Не обнаживъ мечей, дружина...

Ермакъ воспрянулъ ото сна,
И, гибель зря, стремится въ волны;
Душа отвагою полна,
Но далеко отъ брега челны!

Иртышъ волнуется сильнѣй...
Ермакъ всѣ силы напрягаетъ -
И мощною рукой своей
Валы сѣдые разсѣкаетъ.

Плыветъ...ужъ близко челнока!
Но сила року уступила,
И, закипѣвъ страшнѣй, рѣка
Героя съ шумомъ поглотила.

Лишивши силъ богатыря
Бороться съ ярою волною,
Тяжелый панцырь - даръ Царя
Сталъ гибели его виною.

Ревѣла буря...Вдругъ луной
Иртышъ на мигъ осеребрился,
И трупъ, изверженный волной,
Въ стальной кольчугѣ озарился.

Носились тучи, дождь шумѣлъ,
Во мракѣ молнія блистала,
И громъ вдали еще гремѣлъ,
Но Ермака уже не стало!...

÷÷÷÷÷÷÷÷÷÷÷

ХРОНИКА.

Юбилей Донского Войскового Атамана.

Десятилѣтіе избранія на постъ Донского Атамана г.-л. Африкана Петровича Богаевскаго отмѣчено въ Парижѣ и многихъ казачьихъ организаціяхъ въ провинціи и въ другихъ странахъ торжественными собраніями. Атаманъ получилъ массу привѣтствій. Редакторъ „Казачьяго Журнала" привѣтствовалъ ген. А.П.Богаевскаго и принесъ наилучшія пожеланія.

Юбилей Терскаго Войскового Атамана.

„17-го марта с.г. въ Бѣлградѣ состоялся банкетъ по поводу 10-лѣтняго юбилея Терскаго Войскового Атамана, Герасима Андреевича Вдовенко. Общее впечатлѣніе отъ банкета прекрасное. Банкетъ прошелъ оживленно, торжественно и организованно.

Юбиляръ, въ своей темно-вишневой черкескѣ съ золотой перевязью, съ усами „матераго" казака, казалось переживалъ тѣ дни, когда, призванный терскимъ казачествомъ на свой высокій постъ, съ гордостью и радостно шелъ на служеніе Казачеству. Первымъ привѣтствовалъ Атамана Е.А.Букановскій, предсѣдатель Терскаго Правительства. „Вы съ импровизированнымъ отрядомъ, составленнымъ изъ дѣдовъ и молодежи, очистили Терекъ. Вы съ конвоемъ боролись за славу Терскаго Войска. Вы послѣднимъ ушли съ Терека. Не наша вина, что побѣда покинула насъ." /„В.К."/.

Г.А.Вдовенко получены многочисленные привѣтствія и адреса. Редакція „Казачьяго Журнала" шлетъ привѣтъ Терскому Атаману и пожеланія всего лучшаго.

Принимается подписка
на

ежемѣсячный

КАЗАЧІЙ ЖУРНАЛЪ

25 апрѣля вышелъ № 3.

СОДЕРЖАНІЕ:

Иллюстраціи Л.Л.МАСЯНОВА.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

Во Франціи: цѣна номера съ пересылкой 5 франк.
За-границей: четыре номера съ пересылкой I дол.

Деньги можно высылать въ любой валютѣ по адресу:
Mr. Konovaloff, 19, rue Bosquet, Paris (7e)

Г.г. подписчики, выписывающіе черезъ „Казачій Журналъ" книги, издательства У.М.С.А. Press. 10,B-d Montparnasse, Paris, (15e) и иныхъ издательствъ, за пересылку не платятъ.

REDACTEUR-EDITEUR: E.D.KONOVALOFF.   LE GERANT W.LERAT.

Impr.: Office "Hièrogliphe", 4, rue Armand-Moisant, Paris(15e)

ПОСЫЛКИ ВЪ РОССІЮ изъ Гамбурга съ гарантіею германской почты.

Посылки составляются по выбору заказчика, но также выработаны три стандартныя посылки:

№ 2 цѣна 70 фр.
100 г. Чая KUSMI
400 г. Кофе KUSMI
2000 г. Рису
1000 г. Манной крупы
1000 г. Тапіока.
Пошлина около 2 рублей или 34 фр. 60 с.

№ 4 цѣна 85 фр.
500 г. Чая KUSMI
500 г. Какао KUSMI
1000 г. Манной крупы
1000 г. Рису
1000 г. Муки пшенной
Пошлина около 6 р. 30 к. или 91 фр. 80 с.

№ 3 цѣна 125 фр.
1000 г. Чая KUSMI
1000 г. Кофе KUSMI
1500 г. Рису
1000 г. Манной крупы
Пошлина около 9 р. 50 к. или 134 фр. 35 с.

Въ цѣну включены всѣ расходы по упаковкѣ и отправкѣ посылки германскою почтою, какъ застрахованный цѣнный пакетъ. Квитанціи почты передаются заказчику. Въ случаѣ пропажи деньги возвращаются. По порученію кліентовъ, сумма, необходимая для оплаты пошлины, можетъ быть нами переведена черезъ англійскій банкъ получателю въ Россіи. Заказы на наши стандартныя посылки можно передавать русскимъ магазинамъ, торгующимъ нашимъ чаемъ и кофеемъ, а также нашей Парижской конторѣ:

11 bis, Av. Victor-Hugo; Etoile; PARIS Passy 56-43 : P. M. KOUSMICHOFF et Fils

Образцы продуктовъ и цѣны можно видѣть въ наш. конторѣ

Кондитерское Производство

JULIEN

(бывш. шефъ Борманъ)

Куличи, кулебяки, кренделя. боярскія ватрушки, ванильн. сухари и пр.

25, rue Bosquet, Paris (7)

Принимаются заказы на куличи и пасхи по телефону : SÉGUR 40-90

Доставка на домъ.

ПЕЙТЕ

лучшіе по качеству водки и ликеры завода

„ТРОЙКА“

Оптовый складъ и депо :

19, rue Emile Zola, 19

ISSY-LES-MOULINEAUX Tél. : Issy 285

NICO = PRIX-FIXE =

Завтраки и Обѣды

4 блюда 7 франк.

и à la carte.

30, r. Bosquet --(Ecole-Militaire)--

Н. Нижерадзе.

Русскій Ресторанъ

«AUX ABEILLES» (ПЧЕЛКИ)

37, Avenue Lowendal — PARIS-15^e^

Métro : Cambronne, M.-P.-Grenelle

Tramways : 25 & 26.

Домашній столъ на свѣжемъ маслѣ

обѣды и ужины по **6 fr. 50** c. et à la carte

Открытъ отъ 12 ч. дня до 12 ч. ночи.

Оптово-розн. колб.-гастроном. магаз. **И. Ростовцевъ**

28, r. Reine Blanche, Paris-13e M-ro Italie

Téléphone : Gob. 23-08.

Крупа гречневая. пшено и др. Малина сухая, краска для яицъ, икра кетовая ф. 15 фр., сельди боченокъ 15 и 45 фр., экстракты: клюквен., черн. смородины, вишни, малины. Русская водка, спотыкачъ, запеканка, вишневка и др. Огурцы Нѣжинскіе кило 5.75

Отправка въ пров. и загран.

Винно-Гастрономич. Магазинъ

ШИШМАНЪ и К°

28, rue du Champs de Mars, 28

Всѣ русскіе продукты

Цѣны умѣренныя.

Пріемъ посылокъ въ провинцію и въ Россію.

РЕСТОРАНЪ «ДЖИГИТЪ»

19, Boul. Edgar Quinet (14)

(Montparnasse)

Завтраки и обѣды по 6.50

et à la carte.

Ежедневно играетъ оркестръ балалаечниковъ «Аскольдъ».

БИБЛІОТЕКА

А. И. Куприна

ВСѢ новинки

Открыто ежедневно отъ 10-12 часовъ и отъ 5-8 часовъ вечера.

По воскр. и праздн. отъ 3-6 час.

49, rue Fondary, Paris - 15^e^

Métro : Commerce et Motte-Piquet-Grenelle

БЮРО «ІЕРОГЛИФЪ»

Печатаніе на ротаторѣ

Лекцій,

Журналовъ,

Книгъ.

4, rue Armand Moisant, 4

PARIS-15^e^

Métro : Maine — N. S. : Falguière.

« ЗАРУБЕЖНАЯ КАЗНА »

ОБЩЕСТВО ВЗАИМН. СБЕРЕЖЕНІЙ.

Къ 1 марта на приходѣ 53.395 фр. Обращается вниманіе гг. членовъ на возможность при взносѣ въ шесть франк., участвовать въ одной десятой долѣ билета новаго французск. выигрышн. займа на выставку 1931 г.

KAZNA, 6, rue Lechapelais, PARIS-17e.

АНГЛІЙСКІЙ Отрѣзъ

на мужской костюмъ

3 метра отъ 195 фр. за отрѣзъ

Крепъ-де-шинъ и Туаль-де-суа отъ 15 фр. за метръ

Подписчик. журнала *особая скидка*

Прииду на домъ съ купонами и образцами

Жалко-Титаренко

25, rue BOSQUET Tél. : Ségur 40-90

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

на

КАЗАЧІЙ ЖУРНАЛЪ

Цѣна 5 франковъ.

Mr. KONOVALOFF

19, Rue Bosquet PARIS-7e.

EPARGNE-OBLIGATION ВЗАИМНО-СБЕРЕГАТЕЛЬНОЕ О-ВО

Частное предпріятіе, состоящее подъ контролемъ государства. 10, rue de la Bourse, PARIS-2e

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ на **паи** Общества Epargne-Obligation въ **500** или **5000** франковъ.

УПЛАЧИВАЕМЫЕ:

Наличными 500 фр. или ежемѣсячными взносами отъ 10 фр.

безъ повышенія цѣны.

Наличными 5,000 или ежемѣсячными взносами отъ 50 фр.

безъ повышенія цѣны.

Подписанныя суммы употребляются на пріобрѣтеніе **цѣнныхъ бумагъ, гарантированныхъ государствомъ**, какъ-то: выигрышныхъ облигацій Crédit National, Ville de Paris, Crédit Foncier etc.

P. S. Напоминаемъ, что:

облигаціи Crédit National 1919, 1920 и 1921 г.г. даютъ ежегодно: въъ 16 тиражахъ:

12	выигр. по	1.000.000
12	»	500.000
16	»	200.000
68	»	100.000
112	»	50.000
96	»	10.000
96	»	5.000
6.960	»	1.000

Пайщику извѣстны съ момента подписки номера облигацій, составляющихъ фонды сберегательныхъ серій.

Облигаціи Ville de Paris 1912, 1919 и 1921 года даютъ ежегодно въ 22 тиражахъ:

2	выигр. по	1.000.000
7	»	200.000
3	»	150.000
14	выигр. по	1000.00
26	»	50.000
1	»	12.500
66	»	10.000
56	»	5.000
2.570	»	1.000
420	»	500

Бумаги депонируются въ Banque de France.

Скопировать и послать

Epargne Obligation (Serv. K.) 10, rue de la Bourse, Paris.

Я, нижеподписавшійся, подписываюсь, ознакомившись съ Уставами Общества, на . . . . Пай въ . . . фр. Epargne Obligation, выплачиваемый въ . . . . . ежемѣсячныхъ взносовъ по . . . . фр.

Одновременно съ настоящимъ высылаю свой первый взносъ почтовымъ переводомъ.

Адресъ: ....

Дата: ....

....

Подпись

КОМПЕТЕНТНОЕ МНѢНІЕ

Профессора медицины о лечебныхъ свойствахъ Калефлюида.

«Я признаю **Калефлюидъ** могущественнымъ лечебнымъ средствомъ, чрезвычайно укрѣпляющимъ и возстанавливающимъ силы организма и **совершенно безвреднымъ**. Онъ обогащаетъ организмъ энергіей, полностью возрождаетъ утраченныя силы и укрѣпляетъ нервную систему. Я примѣнялъ **Калефлюидъ** на тѣхъ больныхъ, изъ которыхъ два молодыхъ человѣка, но страдавшихъ большимъ слабосиліемъ, быстрой утомляемостью и нервной слабостью. Послѣ курса леченія **Калефлюидомъ** они совершенно выздоровѣли и теперь благословляютъ изобрѣтателя **этого чудеснаго средства**. Третій случай касается преждевременнаго старческаго одряхлѣнія у человѣка 60 лѣтъ, у котораго послѣ одного лишь флакона **Калефлюида** совершенно возстановились силы и здоровье: **онъ теперь можетъ работать, какъ молодой**, и считаетъ себя окончательно выздоровѣвшимъ». Д-ръ М. Кафрисъ — Профессоръ Афинскаго Университета 30 января 1927 г.

Послѣ курса леченія **Калефлюидомъ**, недомоганія, слабосиліе, болѣзни и быстрая утомляемость исчезаютъ, и бывшій больной вновь испытываетъ всю прелесть молодой и трудоспособной жизни, что **удостовѣрено** на протяженіи болѣе 26-ти лѣтняго функціонированія лабораторіей Д. Калениченко **тысячами наблюденій врачей на милліонахъ больныхъ**. Брошюра **«Омоложеніе, укрѣпленіе и леченіе организма»** высылается безплатно. **Калефлюидъ** продается въ аптекахъ. Высылается наложеннымъ платежомъ.

ПЕРЕСЫЛКА БЕЗПЛАТНО.

Адресуйте:

Во Франціи:
Bureau Kalefluid, D. Kalenitschenko. 5, Cité Pigalle, Paris.

Въ Англіи:
Generale Agency of «Kalefluid». 65, Harington Gardens, London S. W. 7.

Въ Америкѣ:
I. Tschernoff, 50 East 127 str. New-York-City 2. Bibikoff. 7934, Belle, au. Detroit Mich. U. S. A.

Въ Германіи:
W. Andrejeff, Bismarkstr. 42, Berlin-Charlottenbourg.

ИСПОЛЬЗУЙТЕ ВОЗМОЖНОСТЬ ИЗУЧИТЬ К. Л. СПЕЦІАЛЬНОСТЬ

Электрот. Радіотех. Машиностроеніе. Двиг. внутр. горѣнія. Автомоб. Паров. машины. Жел. Дор. Строит. искусст. Землемѣріе. Агрономія, Бухгалтерія, Иностран. яз.

не прерывая Вашей работы

Учебн. пособ. выс. по почтѣ.

Заочное преподаваніе—для всѣхъ, безъ различія возраста и положенія, 7500 учащ.

во всѣхъ странахъ.

Требуйте каталоги безплатно

РУССКАЯ ПОЛИТЕХНИЧ. ШКОЛА Y. M. C. A.

10, Bd. Montparnasse, Paris (XVe)

Русско-французское издательство и книжный магазинъ

J. POVOLOZKY

13, rue Bonaparte - PARIS-6e

Télèphone: Fleurus 42-01

Собственныя изданія на русскомъ и французскомъ язык. Всѣ зарубежныя изданія. Всѣ книги Совѣтской Россіи. Дѣтскія книги. Учебники. Словари и самоучители иностранныхъ языковъ. Ежемѣсячные бюллетени всѣхъ французскихъ изданій. Каталоги высылаются безплатно.

Всѣ книги по искусству. Художественныя изданія на всѣхъ язык.

Годъ изданія III-й

АРТИЛЛЕРІЙСКІЙ ЖУРНАЛЪ

Органъ Общества Русскихъ Офицеровъ Артиллеристовъ за рубежомъ

1929

12, rue Armand - Moisant, 12
PARIS (XVe)

Цѣна: во Франціи — франк. 3.
за-границей — дол. 0,15.

Пейте настоящій русскій чай

Т-ва П. М. Кузмичева съ С-ми

« KUSMI-THÉ »

Фирма существуетъ съ 1867 года.

Чай «Kusmi-Thé» имѣется въ продажѣ во всѣхъ русскихъ магазинахъ Парижа.

СКЛАДЪ и КОНТОРА:

11-*bis*, Av. Victor-Hugo, Paris-16e

Вниманію казаковъ.

ОТКРЫЛСЯ

Русскій Винно-Гастрономическій и Бакалейный магазинъ

231, rue de la Convention, 231

Métro: Convention, вблизи русской поликлиники.

Всевозможные русскіе, итальянскіе и восточные продукты и сладости. Вина, водки, ликеры.

Горячія и холодныя закуски.

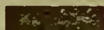
Цѣны дешевле, чѣмъ всюду.

№ 4

КАЗАЧІЙ ЖУРНАЛЪ

Journal des Cosaques

(MENSUEL)



1929

PARIS

ЦѢНА: во Франціи — 5 франковъ
за границей — 25 центъ

ВИДѢНЬЕ.

Мнѣ вспомнилась картина дорогая,
Которую я видѣлъ столько разъ...
Вотъ Донъ сѣдой, въ своихъ пескахъ сверкая,
На солнцѣ отливаетъ, какъ алмазъ.
Все тотъ же ты, и низко надъ водою
Твоей склонились ивы, тихій Донъ;
Заросъ осокой и кугой затонъ,
Камышъ уснулъ, поникши головою.
А на косѣ, раскинувъ шалаши
И вытянувъ на берегъ плоскодонки,
Сидятъ рыбалки у огня въ тиши...
Раздастся колокольчикъ звонкій
Почтовой тройки и замолкнетъ. Зной
Опять, какъ будто, вкругъ не дышетъ,
Пахнетъ чуть вѣтеръ низовой
И легкія тростинки заколышетъ.
Пройдетъ съ баржами пароходъ -
Плеснетъ въ песокъ волна лѣниво,
Разбудитъ гладь уснувшихъ водъ,
Дымкомъ застелетъ прихотливо.
Порою утокъ стая пролетитъ
И сядетъ на воду въ кугѣ высокой...
Камышъ слегка зашелеститъ...
Сазанъ плеснется въ заводи глубокой...
Заплачетъ чибисъ надъ рѣкой...
Зальется гдѣ-то пѣсня степовая,
Растетъ и катится волной.
И снова тишина нѣмая...
Колосья клонятъ надъ землей
На берегу желтѣющія нивы,
Хлѣбовъ безкрайные разливы,
Просторъ, просторъ степи родной...
И вижу я, синѣютъ тамъ вдали,
Курганы - древнія могилы;
Дорога вьется среди нихъ въ пыли,
Кресты на нихъ стоятъ унылы...
На берегахъ, за зеленью садовъ,
Передо мною, точно чайки-птицы,
И хутора и пышныя станицы, -
Всѣ, какъ одна, изъ бѣленькихъ домовъ...
И изъ-за рощъ, изъ-за садовъ
Далекія чуть видны зданья,
То городъ нашъ, и эти очертанья
Милѣй другихъ мнѣ городовъ.
И тамъ, спокойно, величаво
Съ крестомъ подъ ясной синевой

Сіяетъ золотою славой
Соборъ... Послушною мечтой
Не могъ я долго оторваться,
Картины новыя вставали предо мной;
И не хотѣлось разставаться
Съ тобою, Донъ. Хоть мыслью быть съ тобой.

Николай Крюковъ

Мы съ каждымъ годомъ помнимъ хуже,
Безсвязнѣе и неяснѣй
Карпатскихъ зимъ снѣга и стужи,
Жестокій зной варшавскихъ дней,
Чередъ отчаянья и славы,
Дни пораженій и побѣдъ -
О, какъ мы слабы и неправы
Передъ лицомъ суровыхъ лѣтъ!
И что мы скажемъ, что отвѣтимъ
Что наше сердце говоритъ,
Когда на улицѣ насъ встрѣтитъ
Нашъ современникъ инвалидъ?
Какія чувства насъ волнуютъ,
Когда, ища нашей руки,
Онъ вдругъ приблизитъ къ намъ вплотную
Свои незрячіе очки
И убѣдительно разскажетъ
Тяжелымъ стукомъ костылей
О забываемомъ пейзажѣ
Когда-то памятныхъ полей?

Николай Туровѣровъ

Развалины римскаго моста
Надъ южной, надъ старой рѣкой.
Взглянуть - это цѣлый островъ,
Размытый на части водой.

На немъ выростаетъ шиповникъ,
Цвѣты и густая трава,
И его окрестилъ я любовно:
Блаженные острова.

Въ часы дневного купанья,
Когда солнце кипитъ въ синевѣ,
Я взлѣзаю по вѣчнымъ камнямъ
И лежу въ прохладной травѣ.

Тишина, синева и безпечность
Низлетаютъ ко мнѣ надъ рѣкой,
Обѣщая желанную вѣчность:
Тоже свѣтъ и тепло и покой.

А.П.

ВОИНЫ АРХИСТРАТИГА МИХАИЛА.

Въ 1915 году, во время нашего отступленія, штабъ 25-го корпуса, гдѣ я служилъ, послалъ меня для связи въ Ураль - скую казачью дивизію, державшую въ пѣшемъ строю участокъ фронта. Напоръ со стороны противника ослабѣлъ, ружейный огонь былъ не силенъ, а кое-гдѣ онъ даже совсѣмъ затихалъ, и тамъ казаки, выйдя изъ окоповъ, лежали на травкѣ, раз - говаривали, занимались своими дѣлами. Подошли мы къ одной группѣ; знакомый офицеръ-уралецъ, знавшій, что я старообрядецъ, говоритъ:

- Вотъ и ваши, и иконки у нихъ на кустахъ повѣшены.

Стоятъ двое; лица строгія, чуть-чуть гордыя, некрасивыя, и бороды рѣдкія, а сами рослые, стройные, точно изъ крѣпкаго дерева складно вытесанные. Разговорились: о не - удачахъ на фронтѣ, о шатаніяхъ духа, о позорныхъ,кое-гдѣ, сдачахъ.

- Вы-то не сдадитесь!

Одинъ изъ казаковъ вытянулся во весь ростъ, поднялъ высоко руку и, медленно грозя указательнымъ перстомъ, не то заповѣдуя кому-то, не то самъ всенародно исповѣдуя свои убѣжденія, сказалъ:

- Не токмо сдаться, помыслить объ этомъ великій грѣхъ.

Вспомнилась сложенная въ двуперстіе рука боярыни Морозовой на знаменитой картинѣ Сурикова -„Тако вѣруйте".

Прошло почти 15 лѣтъ. Какъ и всѣ русскіе, видѣлъ я много грозныхъ дѣлъ, слышалъ много пустыхъ словъ. Пустыя рѣчи вѣтромъ развѣяло, да и иныя дѣла стали забываться, но этихъ справедливыхъ казачьихъ словъ забыть не могу и не хочу. Легло костьми почти поголовно Христолюбивое Яицкое войско, защищая честной крестъ; сожженъ, и порубленъ, и вытоптанъ сей прекрасный лѣсъ, но осталась еще поросль, хотя и разнесенная по всему бѣлому свѣту, и вѣримъ: во время, которое Господь укажетъ, опять выраститъ и возродится Уральское казачество.

Мы же, живые, поучимся у мертвыхъ: не склонимъ головъ, не согнемъ духа памятуя непоколебимое, праведное слово,сказанное тѣмъ твердымъ яицкимъ воиномъ:

- Не токмо сдаться, помыслить объ этомъ - великій грѣхъ!

В.П.Рябушинскій.

КЪ УРАЛЬЦАМЪ.

Уральцы! Мы вспомнимъ-ка время былое,
Какъ встарь-то жилось на просторѣ степей,
Яика Горыныча - дно золотое...
Горячую степь...Серебро ковылей...

Луга заливные, озера да гривы
И птицъ перелетныхъ весеннiй прилетъ,
Родныхъ хуторовъ золотистыя нивы
И... пули киргизской нежданный полетъ...

Сѣнокосной порой ароматы степные,
Багряную крапь золотыхъ таблаковъ;
Станичныхъ церквей перезвоны святые
И крикъ по заснувшей степи куликовъ.

По выгонамъ сочнымъ, степному простору,
Паслися отары, безъ счета головъ,
Жирѣли бараны въ осеннюю пору,
Играли, рѣзвясь, косяки скакуновъ.

Отвагу и силу, богатство и волю
Все брали уральцы съ простора степей,
Походную славу, завидную долю.
Презентомъ дарили Россiйскихъ царей...

Прапрадѣдамъ нашимъ ихъ дѣды твердили:
„Живите, пока не узнала Москва".
Пророчествомъ страшнымъ слова эти были -
Въ крови, въ униженьи казачья страна.

Да, время промчалось и все миновалось,
Былого приволья не стало слѣда,
На долю казачью лишь горе осталось,
Сиротамъ казачьимъ - тюрьма, нищета...

Извѣдать пришлось неизбывное горе,
Разлуку съ родными, скитанья, позоръ.
И слезъ безконечнаго горькаго моря
Не высушитъ степи безбрежный просторъ.

Разрушены грады... Поруганы храмы...
Пылаютъ станицы... Горятъ хутора...
И душатъ и рѣжутъ насъ подлые хамы...
Великихъ страданiй настала пора!

И юноши гибнутъ, и старцы, и дѣти.
И власть инородцамъ надъ нами дана.
Хоть сбросить неволи пытались мы цѣпи,
Да въ боѣ неравномъ побѣда трудна.

Пусть послѣ борьбы насъ немного осталось...
Храбрѣйшіе пали на радость врагамъ.
Съ надеждой возврата мы все жъ не разстались,
Душа наша, сердце и думы – все тамъ.

Мы родины жаркій привѣтъ не забыли!
Забудемъ ли степи, свою колыбель?
Въ скитаніяхъ силы свои закалили.
Отнынѣ пробиться туда – наша цѣль!

Часъ грозный настанетъ. Вернутся уральцы
Къ родимымъ степямъ и врагамъ отомстятъ,
И кровью казачьей, горячей и честной,
Какъ влагой святою, свой край окропятъ.

И минетъ несчастье, забудется горе,
Вернется приволье, и слава, и власть!
И съ сѣвера вплоть до Каспійскаго моря
Старинная пѣсня ужъ чу! понеслась.

Не гнитесь, уральцы! Храните завѣты,
Храните въ сердцахъ пламя мести святой.
Пусть въ день выступленія будутъ запѣты
Призывныя пѣсни къ свободѣ былой.

ВСПОМНИМЪ НАШУ ИСТОРІЮ!

Послѣ первыхъ статей І.И.Желѣзнова редакція „Казачьяго Журнала" получила отъ читателей рядъ писемъ съ просьбой помѣстить рядъ очерковъ по исторіи Уральскаго Войска Ахилла Бонифантьевича Карпова.

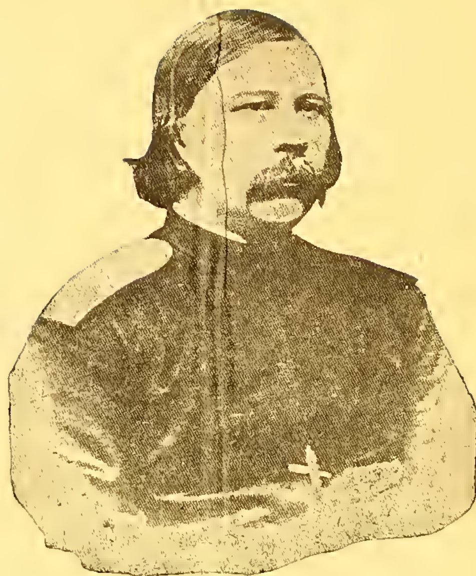
Къ сожалѣнію, до настоящаго времени редакція „Казачьяго Журнала" этой книгой не располагаетъ и убѣдительно проситъ лицъ, имѣющихъ ее, предоставить въ распоряженіе редактора.

Мы должны вспомнить исторію всѣхъ Войскъ.

Присылайте статьи историческаго характера, указывайте источники.

Исторія насъ учитъ, воскрешаетъ славу казачества.

К.



КАРТИНЫ АХАННАГО РЫБОЛОВСТВА.

/Продолженіе/

Мѣсто около устьевъ Урала, дотолѣ шумное и многолюдное опустѣло. Только близъ одного островка осталось трое саней. Около нихъ ходили: казакъ, довольно пожилыхъ лѣтъ, молодой казаченокъ, да киргизъ-работникъ.

Старикъ рылся въ возахъ, отыскивая въ нихъ что-то съ озабоченнымъ видомъ. Наконецъ, отошедъ отъ послѣдняго и бросивъ съ досадой подъ ноги холщевый мѣшокъ, изъ котораго посыпались пирожки и кокурки, онъ съ какимъ-то страхомъ сказалъ:

- Такъ и есть, забыли нашего кормильца!

- Что забыли, дѣдушка? - спросилъ молодой казаченокъ.

- Миколу Святителя, отвѣчалъ старикъ, будто нехотя, сквозь

зубы, и потомъ, обратясь къ киргизу, сказалъ: -

- Бисбатырка! выпряги пѣгаго, да скачи домой, скорѣй скачи, дуй во всѣ лопатки! Скажи Татьянѣ: я забылъ образъ Миколы Святителя, знаешь? онъ тамъ въ мѣшочкѣ, на образной полицѣ.

- Знай, бачка, знай! пробормоталъ киргизъ и стремглавъ бросился выпрягать лошадь. Черезъ двѣ минуты онъ мчался уже на пѣгомъ, забывъ даже второпяхъ скинуть съ него хомутъ.

По отъѣздѣ работника старикъ присѣлъ на возъ и призадумался. Внукъ, собравъ на полу разсыпанные дѣдомъ пироги и кокурки, подошелъ къ нему. Оба молчали. Наконецъ, парень заговорилъ:

- Дѣдушка!

- Что тебѣ надо?

- Зачѣмъ ты Бисбатырку послалъ домой, въ такую даль? Вѣдь, туда, да оттуда будетъ безъ мала верстъ 30; наврядъ ли онъ вернется сюда и къ ночи.

- Зачѣмъ! Развѣ ты не слыхалъ зачѣмъ?

- Слышать-то слышалъ, дѣдушка, да...

- Что да?

- Да, вѣдь, образъ-то у насъ есть еще другой.

- Какой?

- Складной. Мнѣ бабушка дала.

- А что на немъ?

- На немъ Спаситель, Пречистая Богородица, Иванъ Креститель.

- Гм...

- Что же ты, дѣдушка, ничего не скажешь? Развѣ мало съ насъ одного образа? Есть на что помолиться.

- Мало не мало, а все-таки образъ не тотъ!

- По мнѣ, такъ все равно: тотъ ли образъ, другой ли, былъ бы только истовый.

Старикъ искоса посмотрѣлъ на внука и покачалъ головой. Потомъ, окинувъ его грустнымъ взоромъ, сказалъ:

- Ты, Миша, молодъ и больно глупъ! Ничего не смыслишь, ничего

не знаешь, а споришь со мной, со старикомъ. Слава Богу, шестой уже десятокъ доживаю на бѣломъ свѣтѣ, - всего извѣдалъ, всего натерпѣлся. А ты что? Ты еще молокососъ! У тебя и материно молоко на губахъ не обсохло. Ты ни на грошъ не понимаешь; такъ я тебѣ скажу: Миколинъ образъ - родительское благословеніе. Покойникъ мой батюшка - царство ему небесное, не ной его косточки въ сырой землѣ - оставилъ мнѣ этотъ образъ; съ нимъ онъ и самъ всю жизнь не разставался.

Бывалъ онъ и на службѣ царской, бывалъ и въ сраженіяхъ. Разъ въ Туречинѣ, подъ Анапой - онъ сказывалъ - турокъ выстрѣлилъ въ него изъ пищали, почитай въ упоръ; но Микола Святитель закрылъ, защитилъ его: басурманская пулька попала въ образъ, который висѣлъ у отца на шеѣ, и разлепешилась.

Я и самъ, въ свою пору, когда былъ молодъ и когда силъ было побольше, потаскался по походамъ довольно-таки.

Гдѣ я ни былъ? Былъ и на Аральскомъ морѣ съ Бергомъ, былъ и съ Цилковскимъ въ степи, былъ и съ Мансуровымъ на Марышлакѣ; но вездѣ возилъ съ собой Миколу Святителя и всегда, по его заступленію, возвращался цѣлъ и невредимъ, даже ни одинъ конь подо мной никогда не издыхалъ; а чего ужъ мы тамъ ни терпѣли: и голодъ, и холодъ, всего, всего вдоволь, что только казакъ можетъ вынести!

На рыболовства ли какія я отправлялся, въ Астрахань ли плавалъ - чуть не въ рѣшетѣ, ты знаешь, какое у меня было плохое суденышко, на охоту ли за лебедями или за кабанами ѣздилъ - Микола Святитель всегда былъ со мной и оттого-то я всегда и вездѣ имѣлъ удачу, а ежели и случались въ иную пору маленькія неудачи, такъ, по крайности, большого несчастія не видалъ.

Одинъ разъ только, тому, не солгать, будетъ лѣтъ двадцать - я по гробъ это не забуду - поѣхалъ я на Городище по звѣря и какъ-то второпяхъ забылъ образокъ и вовсе, окаянный, не помолился св. Угоднику. Что жъ, думаешь, случилось?

То, что и разсказывать индо стыдно: звѣря-то я не убилъ, чего со мной, почесть, никогда не случалось, а только слегка ранилъ, а онъ былъ, безъ хвастанья скажу, превеличайшій кабанъ, какихъ только мнѣ доводилось на своемъ вѣку видѣть, чуть не съ полуторника.

Вотъ онъ и бросился на меня прямо - а винтовки-то, вишь, зарядить я ужъ не успѣлъ, - да и какъ успѣешь, - да и давай изъ стороны въ сторону косить рубить, чуть-чуть не выпустилъ мнѣ кишки. Я совсѣмъ думалъ-было проститься съ вольнымъ свѣтомъ; да по счастью, недалеко былъ ерикъ: я какъ бросилъ въ звѣря винтовку! онъ какъ принялъ ее на клыки! а я, этимъ временемъ, - бухъ въ воду! да на другой берегъ, въ камышъ, - тѣмъ и спасся!

Винтовку ужъ на третій день я взялъ; вся она была измята, а ложа изгрызена въ щепки. Хоша я дешево отдѣлался отъ звѣря, одна-

кожъ по сю пору у меня на икрахъ, да на бедрахъ остались рубцы отъ ранъ, которыхъ, по милости кабана, было штукъ десять. Съ тѣхъ поръ до сего времени не случалось со мной такой напасти, да и не дай Богъ. А нынче , вотъ видишь...

Съ послѣдними словами старикъ замолчалъ, опустилъ голову и призадумался. Черезъ нѣсколько минутъ онъ снова, не приподнимая головы, заговорилъ, но уже не съ прежнимъ жаромъ, а съ какой то грустью, тихо, будто самъ съ собой:

– Да, да! Это не къ добру... быть несчастью надъ моей головушкой! Или лошадушекъ съ сбруей я въ синемъ морѣ погублю, или животикъ свой тамъ схороню... Думалъ было я пристать къ артели Мирошихина и отправиться въ глубь, въ вольны воды, но видно теперь пораздумать приведется... Хорошо было бы оставаться въ черняхъ... безопасно... но чорта-ли, Господи прости, я тамъ добьюсь? да это еще – Христосъ съ нимъ – не терпитъ!

Тутъ онъ положилъ руку на сердце и, помолчавъ немного, продолжалъ: – Такъ и быть! поѣду же! Одинъ поѣду, свою одну голову понесу, а Мишу оставлю въ черняхъ... Пропадать, такъ ужъ пропадать мнѣ, старику, а ему надо еще пожить на утѣху и на подпору матери-сироткѣ. Быть по сему!

Кончивъ рѣчь, старикъ выпрямился, поднялъ сѣдую голову и, положивъ руку на плечо внука, съ прежнимъ веселымъ видомъ сказалъ:

– Не тужи, не думай ни о чемъ, Миша! Чему быть, того не миновать! Учись у меня, пока я живъ, быть твердымъ, молодцомъ, настоящимъ казакомъ. Спознавайся и съ моремъ; когда нибудь доведется и одному тебѣ по немъ разъѣзжать. Главное, помни Бога и Святыхъ Его, да не пренебрегай родительскимъ благословеніемъ, а о другомъ прочемъ и думочки не думай.

– И радъ-бы не думать ни о чемъ, дѣдушка, да по-неволѣ думается. Вотъ, какъ мы сидимъ себѣ здѣсь безъ дѣла, а этимъ временемъ другіе по прежде насъ и займутъ хорошія мѣста, такъ мы и съѣдемъ послѣ на голыхъ. Небось, есть о чемъ подумать.

– Нечего объ этомъ думать! Господь Богъ милостивъ: Онъ за насъ обдумаетъ; на Него надо надѣяться.

– Какъ же! Разставляй карманы; большая нужда до насъ Богу; больно люди-то мы важны, – нельзя не заботиться о насъ Богу.

– Э, э, э, касатикъ! Ты, какъ видно, изъ молодыхъ, да ранній. Желалъ бы знать, откуда это ты наимался такого духа? Смотри, голубчикъ, берегись: у Бога востеръ топоръ. Не залетай больно высоко, – такъ рѣзнешься оттуда, что и своихъ не узнаешь! Кстати, я разскажу тебѣ на это одинъ случай. Помнишь ты Ивана Иваныча Есырева? Да какъ тебѣ его не помнить: десяти годовъ еще нѣтъ, какъ угомонили его, сердечнаго, басурманы. – Онъ былъ казакъ хорошій,

степенный, отважный; силу онъ имѣлъ богатырскую, ну, просто молодецъ, какихъ рѣдко. Исходи хоть изъ конца въ конецъ все наше войско, немного сыщешь такихъ, каковъ былъ Иванъ Иванычъ; только одинъ грѣшокъ водился за немъ, не въ укоръ будь сказано его памяти: онъ ужъ слишкомъ много надѣялся на себя. Все: "я, да я; мы, да мы", а о Богѣ ни слова. "Самъ плохъ - говорилъ онъ завсегда - не дастъ Богъ".

Оно, пожалуй, и такъ съ одной стороны, но съ другой не очень то ладно. Есыревъ забывалъ или вовсе не зналъ другую поговорку старыхъ людей, которые, даромъ-что были люди простые, съ виду немудрящіе, говорили безъ затѣй, спроста, но пустяковъ никогда не говорили, какъ нынѣшняя Ваша братія, молодежь. Когда я еще былъ мальчишкой, какъ ты теперь, я слыхалъ отъ стариковъ, что "безъ Бога - ни до порога" и доселѣ этого правила держусь; помни и ты его, Миша.

Есыревъ-то, вишь, этого знать не хотѣлъ и оттого онъ угодилъ впросакъ. Много ходитъ толковъ на счетъ этого, но или кто переретъ, или кто не довретъ, а изъ этого и выходитъ чушь. Пока Бисбатырка ѣздитъ домой, я успѣю поразсказать тебѣ, какъ это было. Слушай-ка!

- Однимъ лѣтомъ - кажись въ 1836 году - поѣхали наши гурьевцы въ Астрахань на судахъ гурьбой. - Такъ приказано было отъ начальства, чтобы сподручнѣе отбиваться отъ туркменцевъ, которые въ тѣ времена, за грѣхи, видно, наши, сильно разбойничали на нашемъ морѣ и полонили русскихъ людей.

Въ числѣ другихъ поѣхалъ въ Астрахань и Есыревъ. Тамъ ему удалось прежде всѣхъ нагрузить судно подрядомъ. Вотъ онъ накупилъ и для себя хлѣба и собрался плыть назадъ въ Гурьевъ одинъ, не дождавшись товарищей. Съ нимъ была жена его съ маленькой дочерью и двое работниковъ-киргизъ. Жена и товарищи уговаривали его подождать прочихъ и всѣмъ вмѣстѣ плыть въ Гурьевъ, какъ плыли они изъ Гурьева. Но онъ не слушалъ никого. Ему говорили о туркменцахъ. Куда-те! Иванъ Иванычъ плевалъ на нихъ. "Развѣ у меня отсохли, что-ли, руки!" кричалъ онъ. "Развѣ меня даромъ называютъ Иванъ-батырь!"

Его, дѣйствительно, такъ называли киргизы за его молодечество. Жена совѣтовала ему хоша отслужить молебенъ Господу Богу. - "Молись, если хочешь, сама!" - сказалъ онъ ей съ сердцемъ. "Ты баба; это твое дѣло; а меня, казака, и безъ того Богъ знаетъ". И не разсуждая ни съ кѣмъ больше, онъ закричалъ своимъ работникамъ: "якорь ч и г а р ъ! парусъ к у т т е р ь!1/. Сѣлъ на румпель, да и былъ таковъ.

Дня черезъ три по выѣздѣ изъ Астрахани разыгралась сильная буря и отнесла Есырева къ туркменскимъ берегамъ, къ Колпиному кряжу. Когда буря затихла, онъ направилъ судно къ Гурьеву; но послѣ

1/ Это значитъ: якорь в ы н и м а й, парусъ п о д н и м а й!

шторма вѣтеръ дулъ тихонькій, и судно чуть-чуть двигалось впередъ. -Вотъ, въ одну темную ночь Есыревъ замѣтилъ лодку, которая подплывала къ нему сбоку. Онъ окликалъ ее, и ему съ лодки отозвались по-русски, что это были астраханцы.

- Чего вамъ надо, друзья? - спросилъ Есыревъ.

- Хлѣба, - отвѣчали ему съ лодки, - выручи насъ, Бога ради, да укажи, по какому курсу намъ держаться; насъ этимъ штормомъ отбило отъ судна, и мы теперь безъ компаса не можемъ попасть на него; оно около Кулаковъ 1/.

- Хорошо, братцы, - сказалъ Есыревъ, и передалъ румпель киргизу, а самъ спустился въ трюмъ, чтобы достать оттуда хлѣба.

Не вышелъ еще Есыревъ изъ трюма, какъ на палубѣ раздалось нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ.

- Эхъ, мошенники! Надули, бестіи! - закричалъ Есыревъ и, какъ тигръ, выпрыгнулъ изъ трюма. Туркменцы кинулись на него кучей, человѣкъ до десяти. На ту пору случился на палубѣ желѣзный ломъ. Есыревъ какъ схватитъ этотъ ломъ, да какъ примется крестить имъ и вправо и влѣво - только шлычки басурманскія полетѣли на полъ! Двоимъ разбойникамъ онъ раскроилъ башки; двоимъ или троимъ переломалъ ребра; кому отшибъ руку, кому ногу. Но, вѣдь, одинъ въ полѣ богатырь не будешь, голубчикъ, и на рать, говорится, не песокъ сыпать. Къ туркменцамъ подоспѣли изъ лодки еще товарищи. Какъ вода, нахлынули они, собаки, на Ивана Иваныча, и влѣпили въ него нѣсколько сабель и чакановъ 2/; брызнула во всѣ стороны кровь Есырева и залила его, сердечнаго; онъ упалъ безъ памяти... Киргизы же, его работники, какъ только туркменцы вскочили на судно и выстрѣлили изъ ружей, пали ницъ и не шевелились.

Вотъ такимъ-то манеромъ заполонили нехристи нашего Есырева и поплыли на его суднѣ къ Марышлаку. - У туркменцевъ, надо сказать тебѣ, былъ въ полону астраханецъ; его-то они застращали и принудили говорить съ Есыревымъ, когда подплывали къ его судну; этимъ они его и обманули, а безъ того бы имъ, собакамъ, и во снѣ не видать заполонить его; онъ бы и близко не допустилъ ихъ къ судну; вѣдь, у него въ казенкѣ всегда были на-готовѣ заряжены два ружья, да пребольшая турецкая сабля.

На берегу разбойники судно сожгли; хлѣбъ же и все добро, какое въ суднѣ было, а также и людей, раздѣлили по себѣ. Есыревъ достался одному, жена его другому, а малютка-дочь - третьему. - Работниковъ Есырева, киргизъ , какъ одной съ собой вѣры, разбойники отпустили на волю.

1/ Названіе островов.

2/ Общеупотребительное киргизское оружіе, состоящее изъ небольшого топорика на длинной, аршина въ два, рукояткѣ. Раны, нанесенныя чаканомъ, особенно по головѣ, смертельнѣе сабельныхъ.

Въ то время у туркменцевъ былъ праздникъ или просто-на-просто поминки, которыя они дѣлали по убитымъ своимъ товарищамъ. На этихъ поминкахъ разбойники хотѣли-было зарѣзать Есырева, чтобы, по своему закону, отлить кровь за кровь; но одинъ какой-то а к с а к а л ъ /старикъ/ разговорилъ это дѣлать; онъ присовѣтовалъ лучше продать русскаго въ Хиву, за дорогую цѣну. Такъ и положили.

Недѣли через три, когда поджили немного у Есырева раны, туркменцы повезли плѣнниковъ въ Хиву. Есыревъ, какъ человѣкъ опасный, былъ закованъ въ желѣзы. Дня три туркменцы ѣхали по степи, и вотъ вечеромъ остановились въ лощинѣ ночевать. Иванъ Иванычъ каждую минуту только и думалъ - какъ бы избавиться отъ разбойниковъ и отомстить имъ за безчестіе своей жены, которую, вишь, одинъ изъ туркменцевъ безъ церемоніи прибралъ къ себѣ... Какой мужъ вынесетъ такую кровную обиду! Не стерпѣлъ Иванъ Иванычъ! Несмотря на слова жены, которая уговаривала его покориться волѣ Божіей, не смотря ни на что - онъ рѣшился дѣйствовать не на животъ, а на смерть. Въ полночь, когда туркменцы спали, онъ всталъ, сотворилъ крестное знаменіе, благословился и сорвалъ съ ногъ своихъ желѣзы почесть съ кожей и мясомъ; подошелъ сперва къ тому разбойнику, который завладѣлъ его женой, - размахнулъ кандалами и раскроилъ злодѣю черепъ! Послѣ того онъ принялся и за другихъ, - размозжилъ голову еще одному поганцу; хотѣлъ урѣзать третьяго, но тотъ, бестія, проснулся и закричалъ; туркменцы вскочили и бросились на Есырева.

Долго онъ, бѣдняжка, отбивался отъ нихъ кандалами; долго они съ нимъ возились и не одолѣвали; напослѣдокъ, человѣкъ съ шесть или съ семь разбойниковъ окружили его со всѣхъ сторонъ, изранили его саблями и кинжалами, кинулись на него кучкой, повисли у него на рукахъ и на ногахъ, повалили его на земь, и тутъ ужъ изрубили въ куски."

Кончивъ это, старикъ вздохнулъ, снялъ шапку, перекрестился и сказалъ: "царство небесное тебѣ, нашъ храбрый Иванъ Иванычъ!"

Потомъ, помолчавъ немного, продолжалъ:

- Конечно, кому что на роду написано, того не обойдешь, не объѣдешь; ну, а все-таки лучше выйдетъ, ежели мы станемъ во всемъ полагаться на Господа Бога и надѣяться на Его помощь и заступленіе, а не на свою силу и молодчество.

- А вонъ, дружище, смотри-ка, - прибавилъ старикъ: и Бисбатырка къ намъ летитъ, да какъ скоро! Видно съ образомъ ему на дорогѣ повстрѣчались.

Черезъ четверть часа послѣ того старикъ съ маленькой своей артелью скрылся въ морѣ и догонялъ уѣхавшихъ прежде него рыболововъ.

/Продолженіе слѣдуетъ/

Москва.
1854 г.

-+++++++++-

Желѣзновъ.

ВЪ 1855 ГОДУ.

/Изъ газеты „Русскій Инвалидъ"/

„Въ маѣ мѣсяцѣ 1855 года, впереди войскъ лѣваго фланга, расположенныхъ на Мекензіевой Горѣ и занимавшихъ ущелья Юхары-Каралезъ и Ташъ-Башты, по Черной Рѣчкѣ, близъ Чоргуна, былъ расположенъ полкъ пѣхоты и полкъ казаковъ.

На разсвѣтѣ 13-го мая, непріятель въ значительныхъ силахъ кавалеріи атаковалъ наши аванпосты. Двѣ сотни казачьяго №9-го, полковника Фомина полка, составлявшія резервъ цѣпи, ударили на французовъ, но,встрѣченныя новыми непріятельскими резервами,отступили подъ прикрытіемъ цѣпи. Подъ казакомъ Донского № 9-го полка, Петромъ Дерябкинымъ, находившимся въ цѣпи, была ранена лошадь. Казакъ, отставшій отъ своихъ товарищей, оборонялся пикой отъ наскакавшихъ на него всадниковъ; но, будучи раненъ самъ, остался въ рукахъ непріятеля.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ, Донского казачьяго № 9-го Фомина полка,казакъ Петръ Дерябкинъ, при размѣнѣ плѣнныхъ, былъ доставленъ въ Одессу.

При возвращеніи къ полку, о плѣнѣ своемъ и пребываніи въ Тулонѣ, Дерябкинъ разсказывалъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„13-го мая, едва проглянуло солнышко, какъ французская кавалерія съ гикомъ ударила на наши аванпосты; резервныя сотни сѣли на коней и - навстрѣчу врагу. Къ французу сикурсъ подошелъ, - народу сзади было видимо-невидимо. Сотни повернули назадъ, я остался въ цѣпи. Выпалилъ, ранили подо мной лошадь - и я поотсталъ отъ своихъ. Наскакалъ на меня французскій офицеръ, боронился я отъ него пикою - сломилась и пика. Ударъ палашемъ по лѣвому боку ошеломилъ меня. Дважды раненая лошадь повалилась, а вмѣстѣ съ ней рухнулся и я на сыру землю - охватило меня обморокомъ; когда же я очнулся, то былъ ужъ только въ одной рубахѣ, а вокругъ меня стояли все синіе плащи, да красные штаны - свои ужъ были далеко.

Перевязали мнѣ рану и повели къ лагерю, что на Федюхиныхъ горахъ и надѣли желѣза. Не то, что кандалы какіе, а такъ, дротяныя цѣпи, тоньше шомпола; былъ при насъ караулъ небольшой - изъ нихъ кто сидѣлъ, кто лежалъ. Ну, извѣстное дѣло, окова непрочная - караулъ какой ни на есть - безпечный - оно бы и можно на утекъ, къ своимъ - да силы то не было, отъ раны поизрасходовался; ночь же на бѣду была такая

свѣтлая, что на землѣ хоть иглы считай. Покорился я грустной долѣ моей и заснулъ.

На другой день, ни свѣтъ ни заря, по генеральямъ повели, – разспрашивали: гдѣ у насъ сколько войска стоитъ,гдѣ артиллерь есть, и пѣхоты сколько? Не знаю, отвѣчалъ – и, право, не солгалъ. Сказалъ: что полкъ нашъ, полкъ Фомина, на постахъ стоитъ, сзади полкъ пѣхоты – а за ними, дескать, много всякаго войска. Повели насъ въ главный штабъ.

Навстрѣчу всадникъ – заговорилъ не то, что по русски, а понимать было можно – ругался по нашему – говорилъ-де, что мы убили ихъ двухъ казаковъ – махалъ саблею и больно ругался; я молчалъ. Станишникъ мой, тоже израненный, вымолвилъ ему:

– Что на то-де война, чтобы другъ друга бить.

Разсвирѣпѣлъ нашъ всадникъ и плашмя сабли ударилъ два раза станишника; да спасибо караулу – ссадили коннаго и съ нами вмѣстѣ подъ арестомъ повели. Полякъ, вишь, былъ – въ ихъ войскѣ служилъ.

Главнокомандующій тоже про артиллерь разспрашивалъ – ну – „ничего, молъ, не знаю". Отправили въ городъ Камыши, что надъ бухтой Камышевой выстроенъ – положили въ ошпиталь. Знатное заведеніе – были тамъ и наши сердечные израненные – дохтора ходили. Помнится мнѣ, 24-го мая, посадили насъ на фрегатъ какой-то, дохтора къ намъ поставили и въ четыре дня моремъ къ Константинополю доставили. Четыре дня въ виду города стояли – хорошій городъ – на берегъ насъ не пускали – водой и продуктомъ всякимъ запасались; потомъ во Францію повезли. Всего были мѣсяцъ въ пути. Кормили хорошо – то же, что и свои ѣли – утромъ кохфе давали, за обѣдомъ и ужиномъ – супъ; оно бы и вкусно – да ужъ больно мало!

Привезли насъ въ крѣпость Тулонъ. Была казарма большая, а подъ нею – темная, – въ землѣ вырыта, ступеней десять внизъ, за двумя желѣзными дверьми. Оно и сухо, да ужъ больно темно – свѣтъ выходилъ только изъ дверей. Всѣхъ комнатъ съ восемь было, въ каждой человѣкъ по тридцать насъ русскихъ сидѣло. Обращались ничего – оно хоть и не понимаешь, но съ виду привѣтливо; кормили только мало – бѣлой булки отпускали по три фунта на два дня. Кашевары были изъ нашихъ, а супъ былъ жидкій, – французскій, – вишь, провизіи давали мало!

Чтобъ прикрыть наготу, мнѣ дали капотъ синій, французскій – такъ и сидѣлъ. За водой посылали по очереди, подъ карауломъ ходили. Въ недѣлю разъ рубашку мыть дозволяли – рубашка была одна – вымоешь, бывало, да и ждешь на рѣчкѣ пока высохнетъ, – а нагота подъ синимъ капотомъ!

Разъ пришелъ къ намъ консулъ, говорятъ, какой-то; небольшого росту, кругленькій, рябоватый - говорилъ онъ по нашему, по грамотному, и, дай Богъ ему здоровья, по одной рубашкѣ далъ.

Сапоги у насъ продырявили - дали намъ сули(soulier).Они и хороши, да нашему брату не пригодны - вотъ, смотрите,- братцы, позавчера два раза поѣздилъ, - анъ ужъ и ногу натеръ.

Говорили, что всѣхъ насъ русскихъ плѣнныхъ и раненыхъ было 860 человѣкъ; половина изъ нихъ сидѣла въ другомъ отдѣлѣ - ихъ и на работы посылали - кто портняжничалъ, кто ковалъ, кто земляныя работы велъ. Въ Тулонѣ, слышь, новая крѣпость строится. Сами французы каменныя стѣны клали, - а наши - земляныя работы держали.

Что день - французское начальство насъ посѣщало, перeводчикъ съ нимъ бывалъ и все уговаривалъ:

- Останьтесь, братцы, здѣсь - нашему-де императору присягу примите...

Досадно слушать бывало - да что дѣлать - молчишь. А вотъ былъ тамъ, тоже нашъ братъ казакъ, что побойче прочихъ другихъ - какъ пристали они къ нему -„присягни, да присягни", а онъ имъ въ отвѣтъ:

- Хорошо - дескать, - камрады - подождите немного - дайте сначала по присягѣ моей дослужить свои 25 лѣтъ.

Пуще же всего, французское начальство привязалось ко взятому въ плѣнъ, 24-го мая, Донского Полякова полка, казаку Семену Калинину. Больно красивый былъ парень Семенъ Калининъ - волосы, какъ смоль, черные, кучерявые, завитко́мъ за ухо ложились. Приглянулся онъ французскому начальству.

Бывало, кто ни прійдетъ, руку ему въ волосы - и почнетъ уговаривать:

- Останься-де,братъ,у насъ, - будетъ-то хорошо.

Анъ даже грусть брала Калинина. И придумали мы, что вся-де приманка въ волосахъ - больно хороши были волосы! И присовѣтывали мы Калинину пожертвовать кудрями. Ночью обстригли Калинина совсѣмъ въ гладкую. На другое утро пришло начальство и не узнало молодца; когда же провѣдали, что это тотъ самый казакъ, чьими кудрями они любовались - отвратились отъ него.

- Варвары, - сказали.

Съ той поры, какъ рукой сняло - больше Калинина и прельщать не стали!

Ходилъ къ намъ священникъ въ казармы - достойная духовная особа - самъ Воронежской губерніи - отправлялъ онъ при насъ всякія службы церковныя и улещалъ онъ насъ: „Братцы - говорилъ - не губите души христіанскія, не нарушьте присяги вашему Царю-Батюшкѣ и родной землѣ - не поддавайтесь на льстивыя слова враговъ отчизны нашей!"

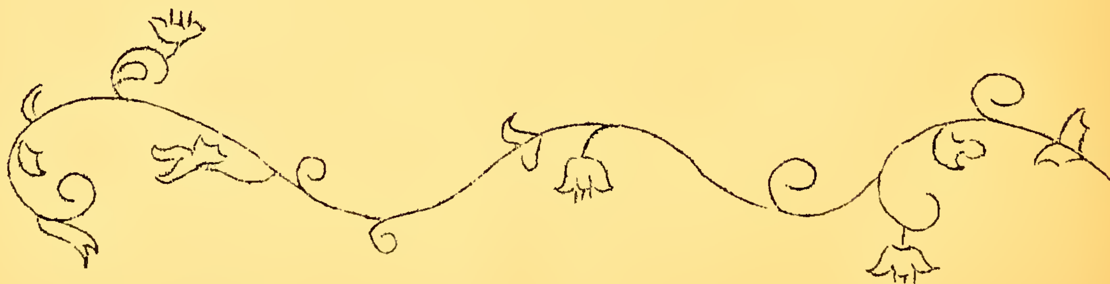
Наконецъ объявили, что насъ везутъ на размѣнъ въ городъ Одессъ, и въ одинъ день, когда еще все въ Тулонѣ спало, нашу партію, - тѣхъ самыхъ, что на работы не гоняли, - привезли къ пристани и на пароходъ посадили, гдѣ, кромѣ насъ, были еще рекруты французы - въ Крымъ, ихъ, вишь, везли на укомплектованіе полковъ.

Молодой народъ - воспитанія нѣжнаго; такъ вотъ и видно, что ни въ какой черной работѣ не бывалъ; - все поетъ и шумитъ, - да и забіяка большой.

Больно они огорчали насъ - какъ бывало сойдемся вмѣстѣ - такъ и учнутъ говорить черезъ переводчика: что мы-де у васъ всю Россію завоюемъ - на Донъ вашъ придемъ - женъ и дѣтей заберемъ и ваше разбойничье казачье гнѣздо на своей землѣ поселимъ! Досадно бывало - такъ грусть и заберетъ - выругаешь ихъ по своему - и начнется ссора; но матросы ихъ всегда сторону нашу держали, - прикрикнутъ, бывало, на неуковъ, да и разгонятъ ихъ по каютамъ. Вотъ про матросовъ-то ихъ - нечего сказать - народъ образованный - и по наукѣ своей способный - люди степенные, въ обращеніи великатны!

Тринадцать дней были мы въ дорогѣ. Къ Одессу подошли, высадили насъ на берегъ. То-то ужъ радости-то было!...Какое-то его благородіе двугривенный мнѣ пожаловалъ. Ну, братцы, на праздникѣ на этомъ, что на родную землю вернулся - на весь двугривенный выпилъ!..."

20-го октября 1855 года.



КУБАНЦЫ СРЕДИ СВОИХЪ И ЧУЖИХЪ.

/Время перваго Кубанскаго Похода/.

I.

Въ литературѣ о гражданской войнѣ на югѣ Россіи довольно много мѣста удѣлено Кубани и кубанцамъ. Многое было сказано при этомъ съ непріязнью:

– Самостійники..

Для установленія безспорныхъ исторически репутацій пока еще не наступило время. Пусть улягутся сначала страсти человѣческія.

Долгъ современника дать будущему историку необходимый матеріалъ для составленія безпристрастныхъ сужденій.

Дѣйствующими силами въ южно-россійской драмѣ, кромѣ общаго противника-большевиковъ,- были, какъ извѣстно, добровольцы и казаки-донцы, кубанцы и терцы. Въ общій конгломератъ вкрапливались также ставропольскіе и другихъ мѣстностей крестьяне, Украина со всей гаммой своихъ переливовъ отъ гетмана черезъ Петлюру и другихъ атамановъ до Махно, включительно; нѣкоторыя другія, наконецъ, силы; одно время нѣмцы, напримѣръ.

Взаимоотношенія этихъ силъ сплелись со временемъ весьма сложнымъ узоромъ. Чтобы отыскать концы его, естественно обратиться къ истоку движенія.

Предметомъ настоящей статьи и будетъ разсказъ о томъ, какъ и съ кѣмъ завязывались сношенія одной изъ дѣйствующихъ силъ, именно кубанцами.

x x
x

Въ началѣ неизбѣжно остановиться на самой кубанской группѣ.

Совсѣмъ непродолжительнымъ, въ смыслѣ историческомъ, былъ періодъ существованія единаго Кубанскаго казачьяго войска. Лишь въ 1861 г. Черноморское казачье войско и шесть

бригадъ Кавказскаго линейнаго были объединены и образовали одно войско Кубанское, съ объединеніемъ ихъ правъ на занимаемыя земли и др. богатства, съ объединеніемъ, такъ же, другихъ правъ и служебныхъ обязанностей.

Войско Черноморское образовалось изъ послѣднихъ остатковъ Запорожья; линейцы, преимущественно, выселенцы съ Дона, Терека и другихъ окраинъ.

За недолгій періодъ совмѣстнаго существованія не были изжиты различія въ воспріятіи идеи россійской государственности.

–„Катеріна",– говорилось въ популярной среди черноморцевъ пѣснѣ по адресу царицы „зруінувавшей" Запорожскую Сѣчь,
...що ти наробила?
Край веселій, степъ широкій тай занапастила!"

–„Днесь возсіялъ свѣтъ въ государствѣ,
Россія стала во славѣ жить"...
пѣлось въ то же время въ линейныхъ станицахъ. Пѣсня, несомнѣнно, привитая искусственно казенно-усердными піитами, но устойчиво державшаяся въ репертуарѣ линейно-казачьей улицы.

Несмотря на указанныя различія, ко времени революціи /1917 г./Кубанское казачье войско въ цѣломъ было живымъ организмомъ. Всякая попытка рѣзать пришлась бы по живому тѣлу и неизмѣнно кровоточила бы.

Деклараціи Кубанскихъ Радъ /декабря 1917 и 1918 г.г./ неизмѣнно говорили о республикѣ, демократіи и федераціи, какъ о желательныхъ началахъ устройства государства Россійскаго. Неизмѣнно добавлялось при этомъ:–„а Кубань ея /Россіи/ составная часть."

Это было синтезомъ кубанскихъ политическихъ чаяній, при наличіи въ черноморской группѣ вліяній центробѣжныхъ силъ, какъ въ линейной – силъ центростремительныхъ. Это нужно имѣть въ виду для вѣрнаго усвоенія кубанской обстановки и для правильнаго подхода къ дѣлу установленія здоровыхъ взаимоотношеній съ этой группой противобольшевицкихъ силъ.

– Черезъ федерацію къ созданію единой Россіи – это была не только лишь оффиціальная формулировка мнѣнія, которой будто бы можно было въ серьезъ не принимать, не вѣрить ей. Эти деклараціи каждый разъ являлись на свѣтъ Божій въ результатѣ серьезной внутренней борьбы и были обязательными для обѣихъ сторонъ документами.

– Мы этому не вѣрили,[x/] – признается позже ген. А.И.Дени-

---

x/ См. А.И.Деникинъ „Очерки русской смуты" т.4 стр.60-61

кинъ и въ подтвержденіе своего невѣрія сошлется на то, какъ въ I92I году въ Прагѣ „вся соль кубанской революціонной демократіи "- Бычъ, Тимошенко и др. ополчились „противъ національной Россіи "и объявили, будто Кубань боролась за свою независимость.

Эти пражскія постановленія были или явнымъ извращеніемъ **истины**, произведеннымъ въ угоду какимъ-то другимъ соображеніямъ, или болѣе поздняя догадка людей, не имѣвшихъ мужества высказать на Кубани свои подлинные взгляды. Какой бы „солью„ указанныя лица ни являлись - все же это была лишь группа лицъ, а не вся Кубань, не вся Рада.

Въ другомъ мѣстѣ x/ мнѣ приходилось уже отмѣчать, какъ въ группѣ кубанскихъ черноморцевъ, подъ вліяніемъ обстановки, наиболѣе активную роль стали играть кубанскіе дѣятели украинской оріентаціи, т.е. люди, готовые связать судьбу Кубани съ судьбою Украины, рѣшать обще-россійскій вопросъ подъ украинскимъ угломъ зрѣнія. Въ то же время въ другой половинѣ кубанскихъ политиковъ, - въ линейныхъ кругахъ, было стремленіе рѣшать всѣ вопросы, въ томъ числѣ и украинскій, подъ обще-россійскимъ угломъ зрѣнія.

Сами кубанцы съ большой ревностью слѣдили другъ за другомъ и за всякими уклоненіями отъ синтезирующей системы рѣшеній.

Каждый разъ, когда они входили въ орбиту чужихъ политическихъ взглядовъ, въ ихъ собственной средѣ поднимался вопросъ объ оріентаціяхъ: украинской или общероссійской - Кіевъ или Москва?

II.

Февраль I9I8 года - время наиболѣе безпросвѣтной анархіи по всей русской землѣ. Такъ, по крайней мѣрѣ, воспринимались событія въ Екатеринодарѣ.

Уже раздался выстрѣлъ Каледина. Былъ разогнанъ Донской Войсковой Кругъ. Раньше того разсѣялось Донское правительство. Добровольцы, подъ водительствомъ генераловъ Алексѣева и Корнилова, оставили Ростовъ и пустились въ невѣдомое путешествіе, въ походъ, -„За синей птицей."„

Сдало позиціи сжатое со всѣхъ сторонъ, сотни лѣтъ боровшееся со стихіей, враждебной русской государственности

---

x/ См. „Драма Кубани ". „Голосъ Минувшаго" Январь I926 г. Стр. 224 - 225.

маленькое Терское Войско, былые гребенцы и сунженцы. По пѣснѣ, по народному преданію, еще передъ Грознымъ стояли послы гребенскихъ казаковъ и печаловались на тяжесть жизни на далекой окраинѣ и получили отъ Грознаго царя широкимъ и щедрымъ жестомъ дарованную землю - отъ „самого Гребня" /Кавказскаго хребта/ до „моря Хвалынскаго", землю, кровью тѣхъ же гребенскихъ казаковъ политую.

Теперь авторитетомъ московской власти будились уснувшія страсти кавказскихъ племенъ, стиралось съ лица земли „вредное сѣмя". Были предварительно уничтожены Атаманъ Карауловъ и его помощникъ - Мѣдяникъ, оба всенародно избранные.

Екатеринодаръ, заложенный нѣкогда на болотистыхъ низинахъ Прикубанья, на „комариныхъ кочкахъ", въ цѣляхъ сосредоточенія силы по примучиванію строптивыхъ черноморскихъ казаковъ, именно Екатеринодаръ оставался той географической точкой, гдѣ теперь держалась надежда на возстановленіе государственнаго порядка. Въ Екатеринодарѣ цѣпко держались за законо-преемственную власть.

Разсужденіе объ этой законной преемственности велось приблизительно такъ:

Кубанское Войсковое Правительство въ свое время было признано Всероссійскимъ Временнымъ Правительствомъ и работало въ согласіи съ Комиссаромъ его, несмѣняемымъ кубанскимъ депутатомъ всѣхъ 4-хъ Государственныхъ Думъ К.Л.Бардижемъ. Создавшееся послѣ большевицкаго переворота Кубанское Краевое Правительство восприняло свою власть, согласно новой конституціи Кубанскаго Края /вмѣсто -„Войско"/ отъ законнаго Войскового Правительства. Отказавшись признать власть московскихъ комиссаровъ, Краевая Рада, созыва декабря 1917 г., дала Атаману и правительству общую директиву руководствоваться въ дальнѣйшемъ общимъ Всероссійскимъ законодательствомъ, включая послѣднія постановленія Временнаго Правительства, и только, при неизбѣжности, дополнять или видоизмѣнять его, согласно требованіямъ жизни.

Въ ночь съ 28 февраля на 1 марта Атаманъ, Рада и Правительство, вмѣстѣ съ небольшимъ отрядомъ войскъ - 3-4 тысячи человѣкъ - ушли изъ Екатеринодара на другую сторону рѣки Кубани.

Когда, по истеченіи ряда мѣсяцевъ, вновь былъ занятъ Екатеринодаръ, вновь собралась Краевая Рада и вновь приступили къ организаціи краевой власти, атаманъ возвратился къ вопросу о законопреемственной власти. Рѣшеніе итти въ походъ, а не склонять головы передъ „захватчиками" Атаманъ, съ общаго согласія, объяснилъ , какъ продуманное намѣреніе до-

нести законную народную власть до „свѣтлаго дня", когда соберутся вновь представители кубанскаго населенія и свободно выскажутся о дальнѣйшемъ государственномъбытіи Края.

– Мы уносили порученную намъ власть въ горы и кубанскія степи, чтобы, возвратившись, передать ее въ руки народныхъ избранниковъ. Только вы въ правѣ теперь распорядиться ею.

Генералъ Филимоновъ положилъ при этомъ на столъ Президіума Рады кубанскую булаву, которую возилъ въ походѣ въ своихъ переметныхъ походныхъ сумахъ.

Рада особыми адресами благодарила Атамана и Предсѣдателей Рады и Правительства за сохраненіе законо-преемственной власти.

Врученіе булавы вновь переизбранному Атаману Филимонову А.П. сопровождалось торжественнымъ церемоніаломъ: выносомъ знаменъ, грамотъ, бунчуковъ и прочихъ войсковыхъ регалій. Спеціально вызванные изъ станицъ почетные старики, парами, длинной вереницей, несли регаліи къ Войсковому собору. Впереди шелъ старый генералъ съ большой сѣдой бородой, за нимъ вели свѣтло-сѣрую лошадь съ возложенными по обѣ стороны сѣдла историческими литаврами.

– Дождались свѣтлаго дня...

И литавры, и бунчуки, и знамена, и грамоты на время похода были поручены на храненіе казакамъ большой, степной, черноморской станицы. Тѣ закопали ихъ въ землю, сумѣли сохранить тайну и, когда собралась Рада, доставили въ Екатеринодаръ „въ цѣлости и неприкосновенности !"

– Сохранили честь и достоинство войска.

Атаманъ Филимоновъ, со вновь врученной ему булавой, мѣрнымъ атаманскимъ шагомъ прослѣдовалъ во главѣ предводимыхъ имъ войскъ передъ историческими регаліями. Играла музыка.

III.

Генералъ Алексѣевъ М.В., по прибытіи своемъ на югъ Россіи, приглашался въ Екатеринодаръ для переговоровъ по созданію арміи юго-востока Россіи.

Тогда только что создалось Правительство этого образованія съ предсѣдателемъ донцомъ В.А.Харламовымъ и тов. предсѣдателя кубанцемъ И.Л.Макаренко. На Кубани оставался въ качествѣ эмиссара Добровольческой Арміи ген. Эрдели,

привлекаемый затѣмъ на совѣщанія въ атаманскій дворецъ. Вмѣстѣ съ кубанцами онъ выступилъ затѣмъ въ походъ.

Въ добровольческой литературѣ имѣются указанія, будто бы кубанцы избѣгали соединенія съ генераломъ Корниловымъ; „не повѣрили или не хотѣли повѣрить„ докладу корниловскаго офицера о движеніи Добровольческой Арміи къ Екатеринодару и не желали, будто бы, потомъ встрѣчи съ нею за Кубанью. Это не вѣрно. Кубанцы были въ положеніи схваченныхъ за горло, а въ такомъ положеніи отъ союзника не отказываются. Корнилова въ Екатеринодарѣ ждали съ большимъ нетерпѣніемъ, но слишкомъ долгія и тщетныя ожиданія поколебали вѣру въ существованіе его отряда, а большевицкая способность ко всякаго рода провокаціи пріобрѣла уже къ этому времени большую извѣстность.

За Кубанью, въ ст. Пензенскую, были доставлены свѣдѣнія о томъ, что 4-го марта подъ Екатеринодаромъ былъ слышенъ гулъ безпрерывной кононады. По общему предположенію, это могъ быть ген. Корниловъ. Рѣшено было предпринять обратный маршъ къ Екатеринодару, чтобы установить связь съ Корниловымъ и, если возможно, соединиться съ нимъ. Но и это движеніе успѣха не имѣло. Кубанцы захватили переправу черезъ Кубань у ст. Пашковской, два дня продержались, но съ Корниловымъ связи не установили.

Соединеніе кубанцевъ съ добровольцами произошло нѣсколько позже, подъ ст. Калужской. Кубанцы пережили очень тяжелый моментъ. Въ бой противъ насѣдавшихъ большевиковъ были пущены всѣ резервы. Взявъ винтовки въ руки, ходили въ цѣпь члены Рады и Правительства.

Къ ночи путь былъ свободенъ. Обозъ вытянулся въ ленту, чтобы итти въ ст. Калужскую, а тамъ дальше, въ ст. Ставропольскую и, имѣя въ тылу Кавказскій горный хребетъ, задержаться. Въ концѣ обоза раздались вдругъ какіе-то неясные крики, нерѣшительное „ура!", потомъ были потребованы пулеметы. Оказалось, прибылъ взводъ всадниковъ, съ отличительными бѣлыми повязками на шапкахъ. Говорятъ,-посланы ген. Корниловымъ.

– Это провокація. Большевицкія штучки...

Больше всѣхъ горячился и не хотѣлъ вѣрить въ подлинность Корниловскаго разъѣзда начальникъ кубанскаго войскового штаба, войсковой старшина Г. Самъ принялся строить цѣпь изъ пулеметчиковъ на случай движенія впередъ „провокаціоннаго" разъѣзда. Прибывшимъ учинили очень обстоятельный допросъ и ужъ потомъ убѣдились: корниловцы. Часамъ къ II ут-

---

См. Ген. А.И.Деникинъ. „Очерки Русской Смуты" т.II,стр.270.

ра на другой день, въ расположеніе кубанцевъ прибылъ болѣе значительный разъѣздъ добровольцевъ и произошло, такимъ образомъ, фактическое соединеніе двухъ отрядовъ.

Одинъ изъ нихъ былъ перегруженъ представителями высшаго командованія, другой – представителями власти.

Подписанное въ ст. Ново-Дмитріевской соглашеніе между кубанцами и добровольцами, съ кубанской стороны, должно остаться почти всецѣло на отвѣтственности Филимонова, Быча, Рябовола, выѣзжавшихъ для оформленія соглашенія изъ ст. Калужской въ ст. Ново-Дмитріевскую. Въ Радѣ условія соглашенія не подвергались тщательному обсужденію ни до, ни послѣ соглашенія. Поговорили лишь приблизительно. Въ средѣ членовъ Рады преобладало мнѣніе: поосторожнѣе съ политической частью соглашенія.

Ускоренію сговора способствовала сама обстановка его. Домъ, гдѣ происходило совѣщаніе, подвергался бѣшеному обстрѣлу. Большевики ворвались въ станицу, ихъ цѣпи залегали уже на самой площади, совсѣмъ близко отъ штаба. Пока Филимоновъ, Бычъ и Рябоволъ обдумывали сдѣланныя имъ предложенія, ген. Корниловъ лично занялся ликвидаціей насѣдающаго противника.

Большевиковъ выгнали изъ станицы. Соглашеніе подписали.

Для характеристики начала взаимоотношеній верховъ добровольчества и кубанцевъ слѣдуетъ отмѣтить, что ген. Корниловъ, среди почти непрекращающейся боевой суматохи, все же нашелъ время сдѣлать особые визиты предсѣдателю Рады Н.С.Рябоволу и предсѣдателю правительства Л.Л.Бычу, какъ только тѣ прибыли вмѣстѣ съ Радой изъ ст. Калужской въ ст. Ново-Дмитріевскую. Кубанцы не замедлили сдѣлать отвѣтные визиты.

Впослѣдствіи, при многочисленныхъ случаяхъ рѣзкихъ столкновеній съ наслѣдниками Корнилова, неоднократно приходилось слышать отъ Быча и отъ Рябовола:

– Эхъ, если бы былъ живъ Корниловъ!...

Въ какой степени это былъ чистый піэтизмъ или лишь плодъ желанія демонстративно подчеркнуть разницу отношенія къ мертвымъ и живымъ – объ этомъ трудно судить.

Личныхъ впечатлѣній отъ Корнилова у меня нѣтъ.

Д.Е.Скобцовъ.

1929 г.

Въ послѣднiй разъ.

Разсказъ И. Сургучева.

Десять часовъ вечера. Посрединѣ церкви, у плащаницы, окруженной свѣчами, читаютъ Дѣянiя. Скоро Пасхальная ут - реня. Читаетъ какой-то парень, одѣтый въ городскую жакетку поверхъ ситцевой, ни разу еще не стиранной рубахи. Въ лѣ - вой рукѣ у него зажата тонкая восковая свѣча, и голова съ наморщеннымъ лбомъ близко наклонена къ книгѣ. Онъ, видимо, полагаетъ, что церковный текстъ нужно читать особымъ, не житейскимъ порядкомъ, и поэтому голосъ его торжественно приподнятъ, напряженъ, и слово „вода" онъ произноситъ такъ: „вода".

Вокругъ чтеца стоятъ нѣсколько мѣщанъ и, осторожно поддерживая въ рукахъ новые, праздничные картузы, съ бла - гоговѣйнымъ вниманiемъ слушаютъ, плохо понимая читаемое, но съ сознанiемъ исполняемой необходимости: слушать подъ Пасху Дѣянiя.

Сильный свѣтъ только у плащаницы, а остальныя части церкви тонутъ во мракѣ, робко выдѣляя изъ себя красные и синiе огоньки таинственныхъ лампадокъ такъ, что, если стать около чтеца, то не разберешь, близко они или далеко...

Тихо, вереницей богомольцы подходятъ къ плащаницѣ, благоговѣйно ступаютъ на приступки, много крестятся и сквозь кисею прикладываются къ Евангелiю.

Около свѣчного ящика сидятъ, согнувшись, старухи, похожiя въ темнотѣ на огромныя гнѣзда, и суетливымъ громкимъ шопотомъ разговариваютъ между собой: хорошо для спасенiя души забраться въ Пасхальную ночь съ самыхъ сумерекъ въ церковь и сидѣть тамъ до утрени. И старухи сидятъ.

Сторожъ Власъ, стоя на высокой раздвижной лѣстницѣ, наматываетъ на люстру зажигательную нитку, и свѣтъ, который снизу идетъ отъ плащаницы, такъ причудливо падаетъ, что изъ всей его фигуры видны только ноги, да большiе сапоги съ новыми подковками.

Обыкновенно Власъ угрюмъ; въ Страстную Седьмицу, какъ въ дни, въ которые нечестивцы мучали его Бога, онъ бываетъ еще угрюмѣе, но сегодня у него есть радостная тайна, и скользитъ она улыбкой въ чащѣ его солдатскихъ дремучихъ усовъ... Онъ знаетъ, что несчастные черти, весь постъ то -

чившіе зубами веревку, на которой виситъ главный колоколъ, всѣ посыплются съ колокольни вверхъ тормашками, какъ только сегодня, въ двѣнадцать часовъ, раздастся его первый могучій ударъ. И полетятъ окаянные внизъ головой, какъ орѣхи, и всѣ свои нечестивыя рогатыя морды побьютъ о камни.

И, зная, что сейчасъ анаѳемамъ, которые,несомнѣнно,чуютъ свои послѣднія минуты, особенно тошно и что, все-таки, надѣясь на авось, они съ особымъ усердіемъ грызутъ канатъ,- Власъ ехидно думаетъ про себя:

– Грызите, грызите! Все равно вашъ номеръ не пройдетъ. Грызите!

И улыбается.

Въ темномъ алтарѣ, съ правой стороны престола, покрытаго шелковой пеленой, на маленькомъ бархатномъ табуретѣ сидитъ, въ ожиданіи службы, старый настоятель храма, о.Петръ.

Въ большія стрѣльчатыя окна, съ рѣшетками наружу, глядитъ тихая весенняя ночь. Стоятъ еще оголенныя деревья и не шелохнутся, вѣтра нѣтъ, будто бы и онъ гдѣ-то готовится къ празднику и, ради Свѣтлаго дня, хочетъ быть теплымъ и ласковымъ. Вонъ – кресты могилъ. Здѣсь, недалеко отъ алтаря похоронены люди, близкіе церкви: священники, ктиторы, благотворители.

Сегодня они, въ своемъ вѣчномъ покоѣ вновь услышатъ, что на землю пришелъ воскресенія день и порадуются за людей, которые, быть можетъ, въ этотъ день, единственный въ году, бросятъ, какъ въ перемиріе, свою проклятую борьбу за сытость желудка, мягче, ласковѣй и добрѣй поглядятъ другъ другу въ глаза, вспомнятъ, можетъ быть, что всѣ они – братья и всѣ одинаково хотятъ счастья, вздохнутъ, что на землѣ такъ мало справедливости и совѣсти, а есть много мечей, пушекъ и гранатъ, и что, несмотря на телеграфы, телефоны и желѣзныя дороги, сильный все-таки побиваетъ праваго слабаго и пользуется почетомъ.

Вдалекѣ, за деревьями, видна желѣзная рѣшетка ограды и какія-то двигающіяся фигуры: это сторожа разставляютъ плошки для пасхальной иллюминаціи.

– Ставъ же Павелъ посреди ареопага и рече,– слышится отцу Петру съ середины церкви: – Богъ, сотворивый міръ и вся, яже въ немъ, сей небесе и земли Господь сый...

Съ умиленіемъ, ласково улыбаясь неправильнымъ удареніямъ, вслушивается протоіерей въ знакомый дорогой текстъ. Онъ отлично сознаетъ, что и этотъ голосъ и эту главу „Дѣяній" онъ слышитъ въ послѣдній разъ. Скоро – смерть. И ве-

сеннюю ночь, и оголенныя деревья, и дарохранительницу, въ видѣ пятиглаваго золотого храма, пожалованную императоромъ Павломъ, и высокое стрѣльчатое окно, - все это въ послѣдній разъ видитъ онъ.

И кажется ему, что среди темноты и монотоннаго чтенія, иконы, написанныя на стѣнахъ алтаря, и царскія врата и жертвенникъ, и престолъ, покрытый шелковой пеленой, шепчутъ ему:

- Въ послѣдній разъ!

Вотъ картина: принесеніе въ жертву Исаака. Теперь она потрескалась и отсырѣла, а протоіерей помнитъ ее новою, только что написанною, цвѣтущею яркими красками. А теперь и Авраамъ кажется старымъ, и шелкъ его одежды померкъ, и только связанный Исаакъ, лежащій на дровахъ, улыбается такъ же безпомощно, какъ и прежде. И это оттого, что со всѣхъ сторонъ слышится:

- Въ послѣдній разъ!

Что-то скрипнуло, и изъ двери, ведущей въ пономарку, вышла какая-то темная фигура. Это - церковный староста Антипа Лыковъ, Антипычъ - какъ его зовутъ, ровестникъ о.Петра, такой же сморщенный и старый. Какъ и въ былые годы, онъ, осторожно, крестясь, обходитъ престолъ, наклоняется къ отцу протоіерею, беретъ благословеніе, и, сознавая святость мѣста, тихо говоритъ:

- Полунощницу въ половинѣ двѣнадцатаго начнемъ?

- Конечно, конечно, - шепчетъ протоіерей, - какъ всегда, по обыкновенію.

Въ темнотѣ онъ старается разглядѣть лицо Антипыча, его отложную крахмальную сорочку, которую онъ надѣваетъ два раза въ годъ, и которой почему-то стыдится, медаль на красной лентѣ, - и не можетъ.

Прежде онъ, несомнѣнно, подшутилъ бы надъ „крахмалами" Антипыча, но теперь - не до этого, теперь есть другой маленькій секретъ, который невдомекъ тому.

Вотъ онъ нагнулся и спрашиваетъ, когда начнется полунощница, а того не знаетъ, что этотъ вопросъ, предлагаемый имъ сорокъ первый годъ, теперь звучитъ въ послѣдній разъ. И никто, никто этого не знаетъ, что человѣкъ, котораго уважаютъ и любятъ, не хочетъ огорчать своихъ друзей предчувствіемъ смерти. И какъ это хорошо...

- Погода гарная, - шепчетъ староста, - тихо, тихо... Звѣзды горятъ, тепло... Небось, въ Москвѣ или Питерѣ еще

снѣгъ, а у насъ уже яблони скоро зацвѣтутъ...

– О-о! Радостно соглашается протоіерей, – конечно, въ Москвѣ еще снѣгъ!... Пасха ранняя. А у насъ хорошо...У насъ югъ, тепло... А вотъ, смотри, Антипычъ... Видишь вонъ звѣ – зду... Смотри, какъ она горитъ... Оріонъ, называется... А вотъ, примѣчай: лѣто будетъ прохладное, не жаркое...

О.Петръ гладитъ себя рукой по колѣну и лукаво смотритъ въ окно. Слышно, какъ въ оградѣ, ожидая иллюминацію, шумятъ ребятишки.

– А сколько лѣтъ мы вмѣстѣ служимъ? – вдругъ спрашиваетъ о.Петръ, поворачиваясь къ Антипычу.

Тотъ шевелитъ пальцами и долго припоминаетъ, глядя въ потолокъ.

– Вы уже три года священствовали, когда меня въ старосты выбрали, говоритъ онъ наконецъ:-годовъ за сорокъ будетъ. Тогда еще у вашей покойницы сынъ Гриша родился. Много время! Два раза полы въ церкви перестилали, три колокола треснуло... Много время!

О.Петръ низко склонился, подперши голову руками.

...Да, да, Гриша... Умеръ и онъ... Вонъ его могилка, отсюда видно...Маленькій крестъ подъ вишенкой... Да, сорокъ годовъ! Бобыли мы съ тобой, Антипушка, никому не нужные, несчастные старики... И оба мы съ тобой прожили неуютную, непривѣтливую, холодную жизнь...

О.Петръ вдругъ поднялся и нервно, какъ друга, обнявъ Антипыча, медленно и раздѣльно сказалъ дрожащимъ голосомъ, показывая на престолъ:

– Вотъ алтарь Господа нашего! Ему Единому послужили!Ему Единому поработали! Ему! Ему!

Онъ затрясся, сразу усталъ, опустился, придерживаемый Антипой, на табуретъ и зашепталъ:

– А теперь и на покой пора... Туда... Домой...Ноги уже не ходятъ...Страстную не могъ служить...Совсѣмъ не могъ... Хоть отруби ноги-то...

Антипычъ нагнулся къ нему, оправляетъ его, знаетъ,что ему нужно что-то сказать, утѣшить старика, въ душѣ у него самого накопилось много горькаго, невысказаннаго, но что онъ можетъ вымолвить? Какія слова можетъ найти онъ, без – грамотный старый купецъ, чтобы протоіерей, человѣкъ огромной учености , могъ понять его, и почувствовать, какъ онъ

горячо любитъ его и какъ ему жалко его... Молчитъ Антипычъ и только что-то острое и теплое падаетъ о.Петру на щеку и длинно, длинно катится, какъ дорожка. Наконецъ, Антипычъ обрѣтаетъ даръ слова:

- Ничего, ничего о.Петръ,- бормочетъ онъ:-ничего...Ужъ что дѣлать? Ужъ какъ-нибудь! Я вамъ, о.Петръ, кваску на праздникахъ пришлю...Ужъ что же дѣлать? Хорошій квасокъ у насъ заварили на Страстной...Все Устинья старается. Это, говоритъ, для отца Петра... Ужъ что жъ? Ужъ какъ-нибудь!..

И долго два старика сидятъ и думаютъ про свою длинную холодную жизнь. А изъ церкви попрежнему слышно монотонное, неумѣлое чтеніе и попрежнему длинной вереницей подходятъ люди къ плащаницѣ и цѣлуютъ умершаго Бога.

Но вотъ боковая дверь иконостаса отворяется и въ полосѣ проникнувшаго снаружи свѣта показывается Власъ. На ципочкахъ приближается онъ къ о.Петру, и тихимъ, сдавленнымъ голосомъ, спрашиваетъ:

- Какъ же насчетъ вдара, о.протоіерей? Благословите ровно въ двѣнадцать!

Спрашиваетъ онъ, конечно, для формальности, изъ чувства дисциплины, а у самаго сердце екаетъ и хочется,какъ можно скорѣе,дать генеральный бой нечистой силѣ. Онъ за церковное добро горой стоитъ. Еще бы! Самый плохой канатъ дай Богъ за 15 рублей купить.

- Конечно, въ двѣнадцать! - говоритъ протоіерей: - какъ полночь, такъ и Господи благослови!

- Такъ-съ! - протягиваетъ Власъ и, постоявъ немного, снова исчезаетъ во тьмѣ. И когда онъ выходитъ на свѣтъ, то лицо его не перестаетъ играть довольной улыбкой и губы что-то шепчутъ.

За четверть часа до службы приходитъ дьяконъ, о.Алексѣй, заспанный еще, только что умывшійся. Онъ - балагуръ, живой человѣкъ, и шелковая ряса его, которую онъ собирался шить шесть лѣтъ и, наконецъ, сшилъ, теперь шуршитъ особенно весело. Онъ молодецки поправляетъ рукава съ синими отворотами и даетъ пробовать о.Петру матеріалъ:

- Три рублика аршинъ, батя,- задорно говоритъ онъ. -Жили бѣдно, да и будя. А ты, Антипычъ, при сорочкѣ! И при медали! Ого-го! Сторожа не узнаютъ и подумаютъ, что губернаторъ.

Антипычъ конфузится, а дьяконъ смѣется длиннымъ, дѣтскимъ, пересыпчатымъ смѣхомъ.

Слышно, какъ на клиросѣ собираются пѣвчіе. Всѣ они похрипли за Страстную, пѣть имъ уже нечѣмъ, и теноры, у которыхъ есть длинное соло въ концертѣ, сосутъ „для голоса" красные леденцы. Ребята, дисканты и альты, - всѣ примасленные, въ новыхъ, оттопыренныхъ книзу, рубашкахъ, шумятъ, топаютъ ногами и ссорятся изъ-за огарковъ. Чтеніе „Дѣяній" прекратилось, церковь сразу, какъ водой, наполнилась народомъ, и Антипычъ, осторожно ступая по амвону, строгимъ голосомъ приказываетъ, кому брать „святости" для крестнаго хода.

Началась полунощница.

- Волною мо-орско-о-ою скрывшаго древле,- тихонько,какъ лѣтній вѣтерокъ, понеслось по церкви пѣніе хора, и весь шумъ сразу смолкъ.

- Въ послѣдній разъ! - опять пронеслось въ головѣ о.Петра. Онъ уже облачился и тяжелыя ризы еще больше горбили его.

- Го-онителя! Му-учителя! - вскрикивали басы.

И онъ представлялъ себѣ, какъ Антипа заплачетъ,когда онъ, протоіерей, будетъ лежать въ гробу, съ улыбающимся лицомъ, въ дорогой блестящей ризѣ, съ крестомъ въ рукахъ. Лицо его покроютъ парчевымъ платкомъ, около гроба будутъ читать дьяконы и онъ еще разъ, уже мертвый, услышитъ свое самое любимое Евангеліе отъ Іоанна, когда Христосъ спрашиваетъ Петра: „Симоне, Іонинъ! Любиши ли мя?" А если смерть придетъ до Вознесенія, то хоръ будетъ пѣть „Воскресенія день", погребеніе выйдетъ радостнымъ и торжественнымъ: заупокойныхъ напѣвовъ не полагается, и священники одѣлись бы въ золотыя ризы. О.Петръ чувствовалъ, что за его гробомъ пойдетъ много людей, но слезъ не будетъ: будетъ солнце,вдали заблеститъ рѣка, и запоютъ птицы. И изъ всей толпы будетъ плакать только одинъ Антипычъ, который понесетъ изголовье его гроба, - будетъ плакать горько, неутѣшно.

- Что съ вами, о.Петръ? - надъ самымъ ухомъ слышится у него заботливый голосъ дьякона: - вы бы присѣли, отдохнули..

- Нѣтъ, нѣтъ, ничего, - лепеталъ о.Петръ:- это такъ, ничего...

И снова говоритъ дьяконъ, - только такъ, будто издали, издали:

- Читать Евангеліе сегодня будете по латыни, о.Петръ. Вотъ ужъ ничего не понимаю по латыни! Вѣчно колы въ училищѣ получалъ! Pater noster, - только и знаю.

Ноги у протоіерея дрожали, въ глазахъ то темнѣло, то

отпускало, набедренникъ казался сдѣланнымъ изъ чугуна: такъ онъ тянулъ шею. И опять, но уже надъ самымъ ухомъ, говорилъ дьяконъ:

– А родительный падежъ будетъ patrum nostrum. Это еще не забыли. Помнимъ.

Протоіерей ясно представилъ себѣ, что родительный падежъ будетъ не такъ, но отвѣчать не хотѣлось. Хотѣлось слушать пѣвчихъ, которые тихо пѣли скорбные ирмосы. Какъ бы въ отвѣтъ этой скорби на клиросѣ читали канонъ скоро и невнятно, словно желая, чтобы скорѣе окончились эти черные печальные дни. Но время тянулось долго, очень долго, и, казалось, никогда не будетъ конца скорбнымъ напѣвамъ. Но вотъ дьяконъ, веселый, съ торжественнымъ лицомъ, растворилъ царскія врата и поклонился народу. О.Петръ стоялъ у престола. Онъ чувствовалъ, что позади колышется цѣлое море людей съ зажженными свѣчами, и огоньки этихъ свѣчей теперь улыбаются, предчувствуя радостное событіе. Въ алтарь пришли Антипа, Егоръ Прохорычъ и другіе почетные прихожане,– всѣ съ толстыми, повитыми золотомъ свѣчами, чтобы крестнымъ ходомъ нести плащаницу. И эти толстыя свѣчи, въ сравненіи съ тоненькими, походили на басовъ. Около клиросовъ мѣрно колыхались хоругви. На клиросѣ что-то спѣшно дочитывали. И наконецъ!

– Воскресеніе Твое, Христе Спа-асе! – первымъ запѣлъ о. Петръ и оборвался: въ послѣдній разъ!

Хоръ, Антипычъ, дьяконъ, всѣ люди и, казалось, стѣны, свѣчи, колыхающіяся хоругви подхватили за нимъ и понеслось:

– Ангелы поютъ на небеси-и...

И въ этотъ моментъ торжественно и побѣдно ударилъ на колокольнѣ Власъ:

– Ббб-омъ!

Слезы полились у о.Петра изъ глазъ. Все заволновалось впереди него, и сквозь прозрачную сѣтку, которая застлала ему зрѣніе, казалось, что это-не народъ, а огненная лава. Кто-то мягко взялъ его подъ-руки и осторожно ведетъ. Надъ головой его распростерта плащаница.

Крестный ходъ тронулся. Вотъ онъ спускается по дорожкамъ и идетъ къ выходу.

– И насъ на земли сподо-оби... – заливаются дѣтскіе голоса.

„Кончилась жизнь", – думаетъ о.Петръ, еле передвигая ноги: „не надо бы служить...Упаду...Послѣдній разъ обойду

кругомъ церкви...Взгляну на могилки..."

Вышли въ ограду. Чудная весенняя, южная ночь! За свѣтомъ никого не видно, кромѣ ближайшихъ лицъ, и на этихъ лицахъ написано умиленіе: всѣ - братья, всѣ - одна семья.Подъ ногами мягко шуршитъ свѣжій, еще сыроватый песокъ. Надъ головой о.Петра - мертвый, ласковый Богъ, умершій за міръ. Еще выше - безконечное, осыпанное брилліантами небо, теплое, улыбающееся.

- А въ Москвѣ снѣгъ, - почему-то вдругъ вспомнилъ протоіерей и засмѣялся.

Хоръ продолжалъ свою пѣснь, Власъ звонилъ,и всѣ звуки неслись далеко, перелетали черезъ рѣку и были слышны, вѣроятно,на Песчаной улицѣ.

Вотъ и могилки. Вотъ и вишенка. Скоро она покроется бѣлыми цвѣтами и засыплетъ ими его могилу. Онъ будетъ лежать на давно облюбованномъ мѣстѣ, между женой и Гришей.И Антипычъ, по вечерамъ, при заходѣ солнца, будетъ приходить сюда и плакать, жаловаться на свою жизнь, на судьбу, на одиночество. Будетъ сидѣть долго, до звѣздъ, вишенка будетъ шумѣть надъ нимъ, и Антипычъ подумаетъ, что это онъ, протоіерей, отвѣчаетъ ему изъ могилы.

Вдругъ отецъ Петръ остановился, какъ вкопанный. Что это? Миражъ? Дѣйствительность? На могилахъ, подъ вишнею, стоятъ двѣ фигуры въ бѣломъ: Вѣра, жена его, и съ нею - маленькій мальчикъ. Жена - молодая, здоровая, какъ и въ тѣ далекіе дни, когда и онъ былъ молодъ и пѣлъ веселыя пѣсни. Оба они крестятся, поютъ, а когда завидѣли о.Петра, Вѣра начала манить его пальцемъ, а Гриша радостно протянулъ рученки. И тихій голосъ коснулся души его:

- Иди къ намъ!

И дѣтскій звонкій голосъ прибавляетъ, впервые за сорокъ лѣтъ:

- Папа!

Его звали отцомъ Петромъ, батюшкой, но папой не звалъ никто въ жизни. И первый разъ онъ почувствовалъ, отчего такъ горька и такъ тяжела была его жизнь: не было личнаго счастья. Съ женитьбой оно помянуло его, но черезъ годъ, со смертью Вѣры и Гриши, исчезло безвозвратно. И онъ сдѣлался стражемъ чужого человѣческаго счастья и горя. Когда онъ вѣнчалъ или крестилъ, то бывалъ доволенъ, глядя на радость другихъ людей, но не радовался. Когда онъ хоронилъ, то жалѣлъ плачущихъ, но не печалился. И эта жизнь безъ своей радости, но съ печалью, которая не давала чувствовать чужія

печали, показалась ему теперь ужасной, какъ кошмаръ. Но кошмаръ замеръ - и впереди прекрасная, чудная жизнь! Приступъ огромнаго счастья, безмѣрной радости сковалъ его движенія. Онъ слышалъ, какъ остановился крестный ходъ, и кто-то заботливо спрашивалъ его:

- Что съ вами, о.Петръ? Вамъ нездоровится?

Въ глазахъ у него мелькнулъ Авраамъ, закалывающій Исаака, дьяконъ, съ улыбкой говорящій: „Три рубля аршинчикъ". Кто-то кричитъ, что родительный падежъ отъ pater noster будетъ patris nostris; звѣзды на небѣ обратились въ человѣческія лица и запѣли на весь міръ: „Воскресеніе Твое, Христе Спасе"...Но яснѣе всего были двѣ фигуры въ бѣломъ, манящія:

- Иди къ намъ!

Ласково звучалъ дѣтскій голосъ:

- Папа!

Отцу Петру вдругъ сдѣлалось нестерпимо жалко Антипыча, сидящаго подъ вишенкой и разсказывающаго свое горе, вспомнилъ онъ, что не удалось ему окончить крестнаго хода и отвалить отъ гроба камень. Улыбкой отвѣтилъ онъ на ласковыя, манящія улыбки двухъ бѣлыхъ фигуръ, протянулъ къ нимъ руки, въ которыхъ были крестъ и кадило, и крикнулъ, какъ ему показалось, на весь міръ:

- Иду!

И упалъ... Ему вдругъ стало легко и весело...Съ неба смотрѣли невинныя дѣтскія лица и пѣли:

- И насъ на земли сподо-оби...

И пѣніе неслось далеко, далеко...

И. Сургучевъ

БОГА ЖАЛКО...

Разсказъ С.В.Яблоновскаго.

– Не хочу, не хочу, не хочу! Все перенесъ: ужасы на родинѣ, ужасы родины, разлуку съ нею...Долгую, страшно долгую разлуку, земскую давность превзошедшую... А вотъ съ этимъ мириться не хочу и не могу...

– Съ чѣмъ,Александръ Михайловичъ?

– Съ ихней французской Пасхой, съ мертвой Пасхой, никому ни на что ненужной. Что это за Пасха? Люди бродятъ,какъ бродили во всѣ будни; дѣти – такіе же дѣловые старички, какими выглядятъ и всѣ двѣнадцать мѣсяцевъ... Даже магазины открыты. Моя квартирная хозяйка хоть бы лишній бантикъ прицѣпила... Впрочемъ, теперь, кажется, бантиковъ не носятъ – ну, хоть бы ноги открыла повыше, что ли. Консьержка, если бы я далъ ей „праздничныя", посмотрѣла бы на меня, какъ на сумасшедшаго. Обычные, блеклые, нудные дни – нѣтъ Пасхи. Нѣтъ потому, что нѣтъ уже Христа... Сдѣлались взрослыми, сдѣлались умными, а, вѣдь, вы знаете, что Христосъ приходилъ прежде всего къ дѣтямъ, да къ немудрымъ, которыхъ глубоко презирали всякіе, воистину ученые и воистину достойные фарисеи и саддукеи...

Всѣ эти слова говорилъ мнѣ старый земскій дѣятель, наслѣдственный позитивистъ, родители котораго воспитывались на Чернышевскомъ, Герценѣ, Писаревѣ. И самъ Александръ Михайловичъ на нихъ воспитывался, и никакого переворота въ его мышленіи за рубежомъ не послѣдовало; такъ что и тютчевское:

„Мужайся, сердце, до конца –
И нѣтъ въ твореніи Творца,
И смысла нѣтъ въ мольбѣ" –

повторялъ весьма равнодушно и увѣренно; и мужаться не надо было.

И вотъ, теперь, наигравшись со мною въ шахматы, перешелъ какъ-то на бесѣду о предстоящей Пасхѣ, и прорвало его:

– Самое свѣтлое, самое великое, самое необычайное и ни съ чѣмъ несравнимое была наша Пасха. Вѣрь въ Бога, не вѣрь въ Бога, а въ Пасхальную заутреню приходилъ Онъ къ намъ и оставался съ нами рядъ дней. До такой степени приходилъ, что если бы захотѣть, то и персты можно было бы

вложить въ раны Его.

Съ какою великою радостью приходилъ! Весною. Нашей, русской, фантастической весною. Сумасшедшая, вѣдь, весна наша. Какъ мы такую выдерживали? Въ воздухѣ творилось столпотвореніе вавилонское: земля изъ-подъ снѣга, изъ-подъ ледку, изъ-подъ мороза посылала запахи прѣлыхъ листьевъ, свѣжей зелени, цвѣтовъ, набухающихъ почекъ, талой воды и тысячи другихъ, которыхъ не умѣю ни разобрать, ни опредѣлить, но которые всѣ пахнутъ жизнью и любовью. Наши поля и луга! Наши цвѣты луговые! Бабочки, птицы, жуки, звѣрьки, при-рода! Господи, Боже мой! Какая природа, природища, непокоренная человѣкомъ, а его покоряющая. И вотъ, эта природища, Мать великая, радостная, прекрасная, богатѣйшая - воскресаетъ. На глазахъ чудо. Ледяная, снѣжнымъ саваномъ повитая, смерть, и солнечная, хохочущая, кричащая, зовущая, звенящая, поющая, свистящая, аукающаяся, изнемогающая отъ страсти весна, воскресеніе. Намъ, ежегодно переживавшимъ это чудо чудесъ, развѣ можно было не вѣрить чуду Воскресенія?

Вѣрили. Всѣ вѣрили. Вѣрили вѣрующіе, вѣрили невѣрующіе - въ этомъ тоже было чудо великое. Да развѣ невѣріе мѣшало вѣровать?

Величайшая прелесть, вознесеніе душевное, было въ томъ, что въ эти дни всѣ мы, русскіе, становились дѣтьми. Старымъ и матеріалистамъ на нѣсколько дней давался отпускъ отъ ихъ старости и матеріализма. Вотъ, вѣдь, какое счастье! Потому, что проходить всю жизнь взрослымъ и умнымъ - это такая пошлость...

Помню, помню, помню нашу Пасху. И всегда чувствовалъ себя въ дни ея счастливымъ и добрымъ ребенкомъ.

Сперва въ провинціи помню. Въ Малороссіи, въ университетскомъ городѣ. Еще оскудѣнія не было. Былъ домъ свой, былъ каретный сарай, были уютъ и гнѣздо. На фонѣ этого - слышу носящійся въ воздухѣ, въ солнечныхъ лучахъ, звонъ. Пасхальный звонъ. Заливной, пляшущій, надрывающійся отъ свѣтлаго восторга; несется ото всѣхъ церквей, справа, слѣва...Сталкиваются золотые и серебряные звуки, разбѣгаются и отъ этого становятся еще радостнѣе.

Идутъ христосоваться. Горничная въ накрахмаленомъ платьи, съ шумящей верхней и нижней юбками; милая толстая няня Меланья Никифоровна; экономка Анна Евграфовна, фрейлейнъ и мадемуазель - всѣ христосуются, ото всѣхъ пахнетъ чѣмъ-то новымъ, свѣжимъ, праздничнымъ. Даже отъ кухарки Татьяны пахнетъ сегодня не лукомъ, не печкой, а праздникомъ. Царапаетъ дѣтскія щеки сизо-красный, жесткій, какъ терпугъ, подбородокъ дворника Михайлы, и колютъ его солдатскіе рыжіе усы; пріятно щекочетъ черная волнистая борода кучера Васи-

лія. И отъ Михайлы и отъ Василія разитъ водкой, но сегодня даже и этотъ запахъ радуетъ и умиляетъ. Запахъ веселья.

Купаемся въ праздникѣ. Позади - церковныя службы, говѣнье, исповѣдь, причастіе, страстныя свѣчи, свяченіе пасокъ и куличей, которые здѣсь, въ Малороссіи, тоже зовутся пасхами; впереди - вся пасхальная пестрая мозаика: розговѣніе, подарки, гости, гости, гости, и путешествіе всей семьей на главную площадь города, Михайловскую, на которой весь городъ.

Тамъ-качели со взлетающими досками, съ перекидными люльками, съ лодками; всевозможныя карусели, русскія горы, балаганы и звѣринцы, продажа чего-то пестраго, яркаго, праздничнаго. Въ воздухѣ сіяютъ гигантскія грозди блестящихъ, разноцвѣтныхъ пузырей, трубятъ трубы съ балаганныхъ балконовъ, кричатъ пискливымъ голосомъ клоуны, слышна изъ-за полотняныхъ стѣнъ пушечная канонада, рычатъ изъ-за другихъ полотенъ какіе-то звѣри; худая намазанная дѣвица въ коленкоровомъ великолѣпіи, съ открытыми руками и шеей, покрытыми гусиной кожей, обертываетъ вокругъ себя издыхающаго удава; мороженники, появляющіеся всегда въ первый день Пасхи, въ ситцевыхъ рубахахъ подъ жилеткой, съ серебряной часовой цѣпочкой, штаны въ сапоги бутылкой, молодцевато несутъ на головахъ кадку и выкрикиваютъ:

- Сахарно морожено!...

Сѣмячки, гармоніи, шарманки, радостная толкотня, смѣхъ, визгъ, христосованіе, пыль, поднимаемая съ немощеной широкой площади тысячами ногъ, пѣсни, остроты - гуляетъ южный демосъ и этою же радостью - на площади и въ домѣ - живетъ и „интеллегенція".

То, что я воспринималъ на югѣ ребенкомъ - то я воспринималъ потомъ взрослымъ и пожилымъ и на сѣверѣ, и въ центрѣ, и на западѣ, и на востокѣ Россіи. Наивно, безхитростно, примитивно, но всюду радость, сіяніе. Всѣ сбросили съ себя работы, годы, знаніе жизни, скептицизмъ,- всѣмъ хорошо, какъ мнѣ и Зинѣ. Зинѣ - шестнадцать, мнѣ восемнадцать; у нея большіе, каріе, необыкновенно мѣняющіе выраженіе глаза, и именно на свѣтлый праздникъ, христосуясь, мы почувствовали...

Однимъ словомъ, всѣ всегда на Пасху въ Россіи были необыкновенно счастливы.

Моя парижская хозяйка никакъ не можетъ понять:

- Мало знакомые цѣлуются?

- Цѣлуются.

— Sur la bouche?

— Еще бы мы во имя Христа щеки подставляли!

Знаете, были въ нашей русской Пасхѣ элементы дѣтства и святости. Утраченная Западомъ способность творить душевное чудо, праздникъ воскресающаго духа. Этого до конца своихъ дней не утрачу. Вотъ почему хочется мнѣ растолковать ино — племеннымъ, что такое Пасха и какъ въ душѣ цвѣтутъ ландыши, щебечутъ ласточки, и поцѣлуй — одинъ и для мужчины и для женщины, и для царицы и для кухарки и, что на коротенькое время, но могутъ сходить на землю liberté, égalité и fra — ternité . Но растолковывать не стоитъ: не поймутъ.

А я хочу, больше всего въ жизни хочу, снова увидать въ Россіи русскую Пасху, и вдругъ снова почувствовать благо — говѣйно принимая всей душой, не разговаривая съ пошлымъ ra- tio , что есть въ мірѣ высшее, чистое, достойное..."

Голосъ Александра Михайловича сдѣлался душевнымъ, взволнованнымъ, а самъ онъ сталъ, какъ будто роднымъ.

— Мнѣ, —сказалъ вдругъ воспитанникъ Чернышевскаго и Герцена, — мнѣ, какъ Митѣ Карамазову, Бога жалко. Мнѣ ширины русской хочется, которая вмѣщаетъ и скепсисъ и вѣру. Мнѣ надо слышать:

— Христосъ воскресе!

— Воистину воскресе!

— Россія воскресла!

Христосъ воскресшій — когда же?!

Сергѣй Яблоновскій

Ангелъ съ неба мнѣ руку простеръ
И привелъ меня: вотъ предо мною
Ало-желтый прозрачный костеръ,
Страженный вечерней водою.

Свѣтлый западъ горитъ и живетъ
Надъ сѣрѣющей влагой безкрайной
На востокѣ объятъ небосводъ
Темносинею тусклою тайной.

Синій воздухъ густѣетъ дрожа,
Желтый дрокъ въ полутьмѣ серебрится,
И прохлада нѣжна и свѣжа
И даетъ позабыть и забыться.

А.П.

ПОДЪ АЗОВОМЪ.

Пируетъ царь Петръ и дружина его
У берега Дона сѣдого,
И старое бочками льется вино
По случаю взятья Азова.

И льются заморскія вина рѣкой,
И сутки тамъ пьютъ, и другіе,
И, пиръ освѣщая разгульный ночной,
Боченки горятъ смоляные.

Притихла дружина, объятая сномъ.
Не спятъ казаки удалые!
И пѣсни гремятъ ихъ во мракѣ ночномъ,
И кубки стучатъ круговые.

Вотъ царь съ атаманомъ идетъ войсковымъ
Средь пира и видитъ онъ... Что же?
Сидитъ, улыбаясь, казакъ передъ нимъ
На бочкѣ... верхомъ... безъ одежи...

Хоть голъ, но оружіе цѣло на немъ:
При шашкѣ. Пищаль за плечами.
И полную чашу съ кипучимъ виномъ
Двумя поднимаетъ руками.

Задумался царь. „Почему это такъ?"
Спросилъ атамана. „Въ чемъ дѣло?
Тумакъ и одежду все пропилъ казакъ,
Оружіе жъ бранное цѣло?"

„Все можетъ пропить, прогуляетъ казакъ
Но шашку, пищаль – сохраняетъ:
Въ бою онъ достанетъ съ оружьемъ въ рукахъ
Все то, что сейчасъ потеряетъ".

И царь былъ доволенъ отвѣтомъ такимъ,
И сталъ по приказу его же,
Печатью и старымъ гербомъ войсковымъ
На бочкѣ казакъ безъ одежи.

1929 г. Н.К.

REDACTEUR-EDITEUR: E.D.KONOVALOFF. LE GERANT W.LERAT.

Impr.: Office "Hièrogliphe", 4, rue Armand-Moisant, Paris (15°)

EPARGNE-OBLIGATION ВЗАИМНО-СБЕРЕГАТЕЛЬНОЕ О-ВО

Частное предпріятіе, состоящее подъ контролемъ государства. **10, rue de la Bourse, PARIS-2e**

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ на паи Общества Epargne-Obligation въ **500** или **5000** франковъ.

УПЛАЧИВАЕМЫЕ :

Наличными 500 фр. или ежемѣсячными взносами отъ 10 фр.

безъ повышенія цѣны.

Наличными 5,000 или ежемѣсячными взносами отъ 50 фр.

безъ повышенія цѣны.

Подписанныя суммы употребляются на пріобрѣтеніе **цѣнныхъ бумагъ, гарантированныхъ государствомъ**, какъ-то : выигрышныхъ облигацій Crédit National, Ville de Paris, Crédit Foncier etc.

P. S. Напоминаемъ, что:

облигаціи Crédit National 1919, 1920 и 1921 г.г. даютъ ежегодно: въ 16 тиражахъ:

12	выигр. по	1.000.000
12	»	500.000
16	»	200.000
68	»	100.000
112	»	50.000
96	»	10.000
96	»	5.000
6.960	»	1.000

Пайщику извѣстны съ момента подписки номера облигацій, составляющихъ фонды сберегательныхъ серій.

Облигаціи Ville de Paris 1912, 1919 и 1921 года даютъ ежегодно въ 22 тиражахъ:

2	выигр. по	1.000.000
7	»	200.000
3	»	150.000
14	выигр. по	1000.00
26	»	50.000
1	»	12.500
66	»	10.000
56	»	5.000
2.570	»	1.000
420	»	500

Бумаги депонируются въ **Banque de France.**

Скопировать и послать

Epargne Obligation (Serv. K.) 10, rue de la Bourse, Paris.

Я, нижеподписавшійся, подписываюсь, ознакомившись съ Уставами Общества, на . . . . Пай въ . . . фр. Epargne Obligation, выплачиваемый въ . . . . . ежемѣсячныхъ взносовъ по . . . . Фр.

Одновременно съ настоящимъ высылаю свой первый взносъ почтовымъ переводомъ.

Адресъ : ______

Дата : ______

______

Подпись

КОМПЕТЕНТНОЕ МНѢНІЕ

Профессора медицины о лечебныхъ свойствахъ Калефлюида.

«Я признаю **Калефлюидъ** могущественнымъ лечебнымъ средствомъ, чрезвычайно укрѣпляющимъ и восстанавливающимъ силы организма и совершенно безвреднымъ. Онъ обогащаетъ организмъ энергіей, полностью возрождаетъ утраченныя силы и укрѣпляетъ нервную систему. Я примѣнялъ **Калефлюидъ** на тѣхъ больныхъ, изъ которыхъ два молодыхъ человѣка, но страдавшихъ большимъ слабосиліемъ, быстрой утомляемостью и нервной слабостью. Послѣ курса леченія **Калефлюидомъ** они совершенно выздоровѣли и теперь благословляютъ изобрѣтателя **этого чудеснаго средства**. Третій случай касается преждевременнаго старческаго одряхлѣнія у человѣка 60 лѣтъ, у котораго послѣ одного лишь флакона **Калефлюида** совершенно возстановились силы и здоровье : **онъ теперь можетъ работать, какъ молодой,** и считаетъ себя окончательно выздоровѣвшимъ». Д-ръ М. Кафрисъ — Профессоръ Афинскаго Университета 30 января 1927 г.

Послѣ курса леченія **Калефлюидомъ**, недомогаиія, слабосиліе, болѣзни и быстрая утомляемость исчезаютъ, и бывшій больной вновь испытываетъ всю прелесть молодой и трудоспособной жизни, что **удостовѣрено** на протяженіи болѣе 26-ти лѣтняго функціонированія лабораторіей Д. Калениченко **тысячами наблюденій врачей** на **милліонахъ больныхъ**. Брошюра **«Омоложеніе, укрѣпленіе и леченіе организма»** высылается безплатно. **Калефлюидъ** продается въ аптекахъ. Высылается наложеннымъ платежомъ.

ПЕРЕСЫЛКА БЕЗПЛАТНО.

Адресуйте :

Во Франціи :

Bureau Kalefluid, D. Kalenitschenko. 5, Cité Pigalle, Paris.

Въ Англіи :

Generale Agency of «Kalefluid». 65, Harington Gardens, London S. W. 7.

Въ Америкѣ :

I. Tschernoff, 50 East 127 str. New-York-City 2. Bibikoff. 7934, Belle, au. Detroit Mich. U. S. A.

Въ Германіи :

W. Andrejeff, Bismarkstr. 42, Berlin-Charlottenbourg.

ИСПОЛЬЗУЙТЕ ВОЗМОЖНОСТЬ ИЗУЧИТЬ К. Л. СПЕЦІАЛЬНОСТЬ

Электрот. Радіотех. Машиностроеніе. Двиг. внутр. горѣнія. Автомоб. Паров. машины. Жел. Дор. Строит. искусст. Землемѣріе. Агрономія, Бухгалтерія, Иностран. яз.

не прерывая Вашей работы

Учебн. пособ. выс. по почтѣ.

Заочное преподаваніе—для всѣхъ, безъ различія возраста и положенія, 7500 учащ.

во всѣхъ странахъ.

Требуйте каталоги безплатно

РУССКАЯ ПОЛИТЕХНИЧ. ШКОЛА

Y. M. C. A.

10, Bd. Montparnasse, Paris (XVe)

Русско-французское издательство и книжный магазинъ

J. POVOLOZKY

13, rue Bonaparte - PARIS-6e

Téléphone : Fleurus 42-01

Собственныя изданія на русскомъ и французскомъ язык. Всѣ зарубежныя изданія. Всѣ книги Совѣтской Россіи. Дѣтскія книги. Учебники. Словари и самоучители иностранныхъ языковъ. Ежемѣсячные бюллетени всѣхъ французскихъ изданій. Каталоги высылаются безплатно.

Всѣ книги по искусству. Художественныя изданія на всѣхъ язык.

Годъ изданія III-й

АРТИЛЛЕРІЙСКІЙ ЖУРНАЛЪ

Органъ Общества Русскихъ Офицеровъ Артиллеристовъ за рубежомъ

1929

12, rue Armand - Moisant, 12 PARIS (XVe)

Цѣна : во Франціи — франк. 3. за-границей — дол. 0,15.

Пейте настоящій русскій чай

Т-ва П. М. Кузмичева съ С-ми

« KUSMI - THÉ »

Фирма существуетъ съ 1867 года.

Чай « Kusmi - Thé » имѣется въ продажѣ во всѣхъ русскихъ магазинахъ Парижа.

СКЛАДЪ и КОНТОРА :

11-*bis*, Av. Victor-Hugo, Paris-16e

Вниманію казаковъ.

ОТКРЫЛСЯ

Русскій Винно - Гастрономическій и Бакалейный магазинъ

231, rue de la Convention, 231

Métro : Convention, вблизи русской поликлиники.

Всевозможные русскіе, итальянскіе и восточные продукты и сладости. Вина, водки, ликеры.

Горячія и холодныя закуски.

Цѣны дешевле, чѣмъ всюду.

Directeur E. Konovaloff
Rédaction et Administration :
37. Av. de la Motte-Picquet, 37
PARIS-7e, France

КАЗАЧІЙ ЖУРНАЛЪ

MENSUEL.
Prix du numéro 5 fr.
Цѣна номера :
во Франціи — 5 франк.
за границей — 25 цент.

Кондитерская **THO-LE-NI** Гастрономическій Магазинъ

Фирма сущ. 9 лѣтъ. 129-bis, rue de la Pompe, Paris-16e. Tél. : Passy 12-69. **А. Капреліанъ**

Пейте настоящій русскій чай *Т-ва П. М. Кузмичева съ С-ми*

Фирма существуетъ съ 1867 года **«KUSMI-THÉ»** Фирма существуетъ съ 1867 года

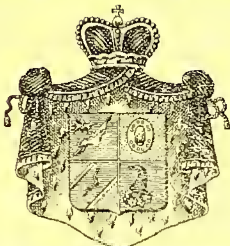
Чай « Kusmi-Thé » имѣется въ продажѣ во всѣхъ русскихъ магазинахъ Парижа

Складъ и контора : 11-*bis*, Av. Victor-Hugo, Paris 16e

KUSMI-THÉ

THÉ RUSSE

11bis Av. Victor Hugo, Paris



S-té « ASTRA »

Кн. Циціановъ и К°

Несравненные по качеству и вкусу ВОДКИ, ЛИКЕРЫ.

Особо рекомендуется *экстра монополь тройной очистки*

Заводъ : Butte de la Loire, (Halle aux Vins). Paris-5e.

ОТПРАВКА въ ПРОВИНЦІЮ и ЗАГРАНИЦУ Tél. : Gobelins 47-86.

КОНДИТЕРСКАЯ SALON DE THÉ

64, rue de Longchamp. Tél. : Passy 82-08.

Г. Сердечнаго : Фирма осн. въ Крыму въ 1889 г. Только « **GEORJANA** » сочетаетъ наивысшее качество издѣлій съ крайней умѣренностью цѣнъ. Соб. механич. оборудов. конд. фабрика **25, rue de Longchamp. Passy 65-39.**

АРТЕМІЙ ТАРГУЛОВЪ

Икра : зернистая паюсная-ачуевская, кетовая русская и канадская. *Балыки* бѣлорыбьи и осетровые; *Тешки;* малосольная двинская *семга; Дагестанскіе огурцы ; Эриванскіе компоты; Мороженая осетрина, продажа, начиная отъ одного кило ; Шпроты* королевскіе; *Рыбцы; Шамая.*

92, Rue Saint-Lazare, 92, Paris. Téléphone : Gutenberg 38-57; 39-21

Русское кондитерское производство **JULIEN**

быв. шефъ THO-LE-NI и Жоржъ Борманъ

25, Rue Bosquet, 25, Paris-7e.

Tél. : Sègur 40-90

выпустилъ всевозможные фруктовые торта. Тянучки, ванильные сухари, пастила, боярск'я ватрушки, вся русская сдоба.

Принимаются заказы. Доставка на домъ.

ТРЕБУЙТЕ ВСЮДУ ЛУЧШІЙ по КАЧЕСТВУ **ЧАЙ** подъ фирмою Торгово-Промышленнаго Товарищества

ПРЕЕМНИКЪ

АЛЕКСѢЯ ГУБКИНА А. КУЗНЕЦОВЪ и К°

Asiat. Trad. Corp. Ltd., London

Главный складъ для Франціи : 53, rue J.-J. Rousseau, Paris-1er. Tél. : Richelieu 91-63

Пейте русскій чай

Вас. ВЫСОЦКАГО

и кушайте шпроты и кильки

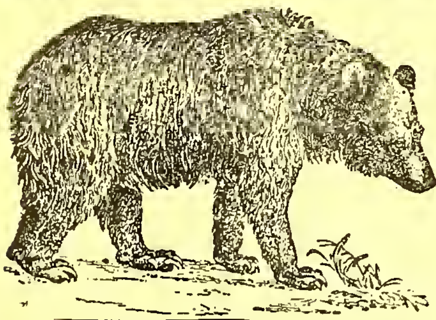
Зерексена.

Оптовый складъ всѣхъ русскихъ продуктовъ

у **Як. Мих. Герви.**

Генеральный представитель J. GUERVIT

24, rue Albouy, Paris-10e



МЕДВѢДЬ (L'OURS)

PLACE DUPLEIX — PARIS (XV)

Ресторанъ открытъ отъ 12 ч. дня до 2 ч. ночи.

Ежедневно свѣжіе продукты. Лучшія вина.

Отдѣльное помѣщеніе для подписныхъ обѣдовъ. Музыка, программа, танцы.

Первая Русская Колбасная Фабрика

ФАЛИКЪ

41, rue Broca PARIS-5e

Изготовляетъ всѣ сорта рус. колбасъ высшаго качества. Цѣны умѣренныя.

Доставка на домъ.

Заказы принимаются по телефону

Gobelins 24-24

Винно - Гастрономическій Магазинъ

ШИШМАНЪ и К°

28, rue du Champs de Mars, 28

Всѣ русскіе продукты

Цѣны умѣренныя.

Пріемъ посылокъ въ провинцію и въ Россію.

Ресторанъ «ДЖИГИТЪ»

19, Boul. Edgar Quinet-14e (Montparnasse)

ЗАВТРАКИ и ОБѢДЫ

цѣны общедоступныя

Ежедневно играютъ и поютъ балалаечники подъ управленіемъ

М. К. Геращеневскаго

РУССКІЙ РЕСТОРАНЪ

65, RUE LETELLIER, (XVe)

Métro : Cambronne, Commerce, Тр. 25, 26.

ОБѢДЫ — **6** фр. **50** и à la carte.

Новый залъ для подписныхъ обѣдовъ

Вниманію казаковъ.

Русскій Винно-Гастрономическій и Бакалейный магазинъ

231, rue de la Convention,

Métro Convention, вблизи рус. поликлиники

Всевозможные русскіе, итальянскіе и восточные продукты и сладости.

Вина, водки, ликеры.

Горячія и холодныя закуски.

Цѣны дешевле, чѣмъ всюду.

РЕСТОРАНЪ БРАГА

70, RUE SEBASTIEN-MERCIER. PARIS (XV)

Уголъ Convention et St-Charles, M-ro Beaugrenelle, Aut. **AH, Y.**

Tram. 123-124, 18. Цѣны доступны всѣмъ. | Стоянка автомобилей.

DOLLY DAVIS

КІЕВЪ

Городъ широкихъ улицъ,
Тѣнистыхъ улицъ — аллей,
Городъ старинныхъ храмовъ
И бѣлыхъ монастырей.

Днемъ на желтыхъ дорожкахъ
Узорныхъ кленовъ листы,
Въ небѣ высокомъ Лавры
Сіяющіе кресты.

Осенью въ грустныхъ паркахъ,
Сквозь листьевъ зыбкій навѣсъ,
Южныя звѣзды ярки
На черномъ шелкѣ небесъ.

Звонкое эхо пѣсенъ
Съ широкой синей рѣки,
Гдѣ подъ зубчатымъ лѣсомъ
Спятъ золотые пески.

Городъ грустнаго дѣтства,
Я слышу сквозь шумъ морей
Шелестъ ночного вѣтра
Въ вѣтвяхъ твоихъ тополей...

Галина Кузнецова

ДНЕВКА

Іюльскій день. Оврагъ. Криница.
Отъ зноя пересохшій прудъ.
Стреноженная кобылица,
Звеня желѣзомъ крѣпкихъ путъ,
Бредетъ на жаркомъ косогорѣ
Въ сухихъ колючкахъ будяка,
И звону путъ печально вторитъ
Лѣнивый посвистъ кулика.
О, сонный полдень лѣтней дневки!
И вспомню ль я иные дни,
Подъ грушей лежа на поддевкѣ
Въ неосвѣжающей тѣни,
Когда зоветъ къ глухимъ дремотамъ
Своимъ журчаніемъ родникъ
И остро пахнетъ конскимъ потомъ
На солнцѣ сохнущій потникъ?

ПАРАДЪ

Флагами городъ украшенъ
Въ память побѣдной войны —
Старая дружба, безъ нашей,
Сразу забытой страны.
Что жъ, можетъ быть, такъ и надо
Намъ, распятымъ судьбой...
Выйду на праздникъ парада
Вмѣстѣ съ Парижской толпой,
Увижу, какъ вѣтеръ полощетъ
Флаги въ срывахъ дождя;
Круглую людную площадь;
Пеструю свиту вождя;
Запомню звѣздное знамя,
Рослый, веселый народъ
И легкое сизое пламя
Въ сквозящемъ просвѣтѣ воротъ.

Іюнь 1929.
Парижъ.

Николай Туроверовъ

ТѢНИ МИНУВШАГО

Свѣтаетъ... Прохладное октябрьское утро. Густой туманъ медленно поднимается надъ спокойной рѣкой, причудливо играя и извиваясь легкой волной на верхушкахъ шумящаго камыша.

Медленно плывутъ по Иртышу, длинной колонной, одинъ за другимъ, многовесельные казачьи струги. На переднемъ, высокомъ расписномъ стругѣ — статная фигура атамана лихого, донского казака Ермака Тимофеевича, а за нимъ на другихъ стругахъ храбрая дружина его подъ командой за старшаго Ивана Кольцо, Никиты Пана и другихъ вѣрныхъ помощниковъ, есауловъ лихихъ и славныхъ сподвижниковъ.

Дологъ путь казачій, далека дорога станичниковъ. Давно покинули они городокъ Строгановыхъ, а теперь въ пути къ завѣтному царству Сибирскому. Перевалили они Каменный Поясъ, проплыли по Камѣ, Чусовой, прошли по Серебряной, миновали Тоболъ, и на 52 день пути, на другой день послѣ Покрова Пресвятой Богородицы, подошла дружина Ермака, числомъ 840 бойцовъ, къ татарскому городищу Чувашеву.

Быстро, весело шли казачьи лаюки подъ сильными взмахами гребцовъ, а, какъ вошли въ Иртышъ, медленно, осторожно идутъ они...

Замолкли молодецкія пѣсни, сосредоточились казаки...

Врагъ давно провѣдалъ про ихъ походъ, и каждую минуту ждутъ казаки засады въ пустыхъ, высокихъ заросляхъ камыша.

Зорко, по орлиному, смотритъ впередъ Ермакъ. Нахмурились брови атаманскія изъ-подъ тяжелаго стального шлема

Легкій предразсвѣтный вѣтерокъ ласково играетъ надъ молчаливой рѣкой; чуть колышется на атаманскомъ стругѣ стягъ Ермака съ иконой св. Георгія и святой хоругви съ ликомъ Спасителя.

Дружно ходятъ еловыя весла по водѣ.

А кругомъ, по берегамъ Иртыша, тянутся горы, сплошь покрытыя дремучимъ лѣсомъ: вѣковыми дубами, вѣтвистыми кедрами и высокими соснами. Шумитъ, гудитъ лѣсъ...

***

А въ полдень разыгрался бой.

«Бысть сѣча, за руки емлюще сѣчахуся», — запишетъ о ней лѣтописецъ.

Взяла дружина Ермака главный городъ Сибирскаго царства — Искеръ. Бѣжалъ ханъ Кучумъ со своей многочисленной дружиной, и билъ челомъ Ермакъ царю Грозному царствомъ Сибирскимъ, пославъ къ нему гонцовъ съ Иваномъ Кольцо, съ подарками — поклониться царю Сибирью дорогими соболями, рѣдкими чернобурыми лисицами, самороднымъ золотомъ и самоцвѣтными каменьями.

С. БОЛДЫРЕВЪ.

Посольство Ивана Кольцо передъ Грознымъ

Донской Атаманъ Данила Ефремовъ (1738 - 1753).

Сынъ убитаго Булавинымъ въ 1708 году старшины Ефрема Петрова (родоначальника фамиліи Ефремовыхъ).

Въ 1734 году, послѣ неудачныхъ переговоровъ князя Барятинскаго, склонилъ калмыцкаго хана Дундукъ-Омбо къ покорности Россіи.

Въ 1736 году съ ордой Дундукъ - Омбо и казаками участвовалъ въ блестящемъ по своей стремительности походѣ на Кубань.

Въ 1738 году «за долговременныя и усердныя его службы» указомъ отъ 17 марта былъ пожалованъ Войсковымъ Атаманомъ (первымъ не по избранію Круга).

Въ 1753 г. испросилъ, по преклонности своихъ лѣтъ, увольненія отъ занимаемой должности, съ передачей атаманства своему сыну Степану.

Въ семилѣтнюю войну, въ чинѣ генералъ-маіора, командовалъ 10 казачьими полками.

Умеръ въ 1760 году.

Донской Атаманъ Данила Ефремовъ

Лѣтъ сорокъ тому назадъ А. А. Карасевъ разсказалъ въ своей газетѣ «Донской Вѣстникъ» интересный случай изъ жизни атамана Данилы Ефремовича, который привожу по памяти.

Казаки ушли въ далекій походъ. Донъ опустѣлъ. Престарѣлый атаманъ мирно отдыхалъ отъ былыхъ боевыхъ трудовъ въ своей усадьбѣ, расположенной недалеко отъ Черкасска.

Передъ нимъ проносились картины безчисленныхъ походовъ и битвъ въ Пруссіи, въ Крыму, въ Кавказскихъ степяхъ и самый трудный бой подъ Калишемъ, гдѣ онъ цѣлыя сутки успѣшно отбивался съ тремя казачьими полками отъ втрое болѣе многочисленной польской кавалеріи.

Но покой Данилы Ефремовича былъ нарушенъ появленіемъ казака на взмыленномъ конѣ, сообщившаго, что ногайцы, узнавъ объ уходѣ казаковъ, идутъ на Черкасскъ, забирая по пути казачьи табуны и стада.

Разославъ гонцовъ по станицамъ вверхъ по Дону и быстро собравъ находившихся въ Черкасскѣ старыхъ казаковъ, атаманъ приказалъ имъ двинуться навстрѣчу ногайцамъ. Но «не стерпѣло сердце казачье», и старый воинъ самъ сталъ во главѣ соратниковъ.

Встрѣча съ передовымъ отрядомъ ногайцевъ произошла при выходѣ изъ Донского займища на Задонскую степь, гдѣ и тогда уже казаки сѣяли свои бакши.

Данила Ефремовичъ бросился со своими казаками на ногайцевъ. Бой немедленно распался на отдѣльныя схватки между небольшими группами всадниковъ и даже на поединки особо лихихъ наѣздниковъ. Данило Ефремовичъ, забывъ свои годы и свою тучность, проломилъ уже своимъ атаманскимъ перначемъ не одну ногайскую голову.

Въ пылу битвы атаманъ незамѣтно подался въ сторону и, сваливъ послѣдняго изъ насѣдавшихъ на него враговъ, замѣтилъ, что онъ одинъ среди поспѣвающихъ арбузовъ и дынь, около шалаша бахчевника.

Былъ нестерпимо жаркій день, августовское солн-

це ярко сіяло на безоблачномъ небѣ. Грузный старикъ задыхался отъ жары и усталости. Онъ слѣзъ съ лошади и въ полусознаніи упалъ около шалаша.

Отдышавшись въ тѣни, утоливъ сочнымъ арбузомъ мучившую его жажду, Данила Ефремовичъ свистнулъ коня, покорно ждавшаго любимаго хозяина. Умная лошадь пригнулась, чтобы помочь старику сѣсть въ сѣдло. На конѣ Данила Ефремовичъ окончательно пришелъ въ себя и почувствовалъ, что всѣ силы его вернулись. Онъ оглядѣлся и увидѣлъ, что ногайцы тѣснятъ казаковъ, съ боемъ отступающихъ къ Черкасску.

Можетъ быть, забытье атамана продолжалось довольно долго. Его отсутствіе было замѣчено обѣими сторонами, смутило казаковъ и придало бодрости ногайцамъ.

Данила Ефремовичъ въ гнѣвѣ перетянулъ лихого коня, который стрѣлой внесъ его въ задніе ряды ногайцевъ. Съ обычнымъ своимъ боевымъ кличемъ, степнымъ орломъ налетѣлъ на нихъ старый атаманъ, и снова тяжелый перначъ загулялъ по ногайскимъ головамъ. Казаки услышали кличъ своего вождя и съ новымъ приливомъ энергіи бросились на выручку атамана. Данила Ефремовичъ возвышался на своемъ росломъ конѣ надъ толпою окружавшихъ его юркихъ степняковъ, желавшихъ взять его живьемъ.

Подъ стремительнымъ напоромъ казаковъ ногайцы дрогнули. Еще натискъ, и они бросились вразсыпную въ дикомъ бѣгствѣ.

Ногайскій ханъ, узнавъ, что ему не удалось захватить Данилу Ефремовича врасплохъ, повернулъ назадъ и ушелъ въ степи. А казаки долго разсказывали, какъ старый атаманъ отлеживался, послѣ тяжелаго боя, въ шалашѣ бахчевника и на арбузахъ набирался силы для окончательнаго разгрома дерзкихъ кочевниковъ.

И. Ефремовъ.

УРАЛЬЦЫ

(ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ).

Каждое казачье Войско имѣетъ свои историческія и бытовыя особенности. Даже съ внѣшней стороны, не говоря уже о формѣ военной одежды, не такъ трудно отличить донца отъ кубанца, забайкальца отъ амурца. Но кого трудно смѣшать съ кѣмъ - либо другимъ — это уральца, въ особенности пожилого казака.

Высокіе, стройные, съ большой бородой, въ большинствѣ старовѣры, уральцы производятъ впечатлѣніе здоровыхъ, крѣпкихъ и энергичныхъ людей. Свою бодрость и энергію они показали во время Великой и гражданской войны, а непримиримость къ большевикамъ знаменитымъ сопротивленіемъ — Уральскъ не былъ сданъ до начала 1919 года, а Гурьевъ, казачій городокъ на берегу Каспійскаго моря, до начала 1920 г., — и зимнимъ походомъ по ужаснымъ пустынямъ восточнѣе Каспійскаго моря, когда погибли отъ холода и голода почти всѣ, выступившіе въ походъ, уральцы.

Только часть отряда попала въ Мессопотамію подъ покровительство англичанъ, которые переправили ихъ потомъ на Дальній Востокъ. Отсюда эта группа доблестныхъ уральцевъ, послѣ прекращенія военныхъ дѣйствій въ Приморьи, отправилась въ Австралію. Здѣсь они, вмѣстѣ съ ихъ Войсковымъ Атаманомъ генераломъ Толстовымъ работаютъ и нынѣ на фермахъ и, главнымъ образомъ, по рубкѣ сахарнаго тростника. Нѣкоторые изъ нихъ стали уже собственниками.

**
*

Своего выборнаго Атамана, храбраго боевого генерала, уральцы искренно любили и берегли.

Мнѣ вспоминается такой эпизодъ:

Лѣтомъ 1919 года мной былъ посланъ аэропланъ съ Дона для связи съ адмираломъ Колчакомъ. Къ сожалѣнію, летчику не удалось достигнуть поставленной цѣли. Онъ долетѣлъ до Оренбурга и, за недостаткомъ бензина и по разнымъ другимъ причинамъ, вынужденъ былъ вернуться на Донъ.

Въ первую половину своего пути онъ пролеталъ надъ Уральской областью и попалъ какъ разъ въ районъ, гдѣ въ это время шелъ бой между уральцами и большевиками. Летчикъ снизился въ расположеніи уральцевъ въ нѣсколькихъ верстахъ въ тылу за боевыми линіями. Здѣсь сосредотачивались не только войска резерва, но и главная масса покинувшаго родныя станицы казачьяго населенія. Здѣсь были старики, женщины и дѣти съ лошадьми, скотомъ и жалкимъ скарбомъ, который удалось вывезти изъ дому.

Все населеніе тыла окружило аэропланъ, съ жаднымъ любопытствомъ разспрашивая летчика, откуда онъ прилетѣлъ и что дѣлается на Дону. Провели его къ атаману, которому онъ доложилъ о цѣли своего полета. Генералъ Толстовъ, узнавъ, что летчикъ предполагаетъ летѣть черезъ боевыя линіи, рѣшилъ летѣть вмѣстѣ съ нимъ, чтобы съ птичьяго полета посмотрѣть расположеніе своихъ и непріятельскихъ силъ.

Полетъ прошелъ благополучно. Осмотрѣвъ позиціи, атаманъ вернулся въ тылъ. И здѣсь произошла интересная сцена:

Генералъ Толстовъ разсказалъ собравшимся старикамъ о томъ, что онъ только что видѣлъ на фронтѣ, и выразилъ желаніе снова черезъ нѣкоторое время полетѣть туда же. Но старики неожиданно заявили рѣшительный протестъ и тутъ же, при атаманѣ, заявили летчику:

— Ты, милый другъ, воленъ въ своей жизни. Лети, куда тебѣ приказалъ твой атаманъ, а нашего — не

трожь. Онъ нуженъ Войску, и мы его больше не пустимъ...

Генералъ Толстовъ пытался протестовать, но старики твердо стояли на своемъ. Пришлось подчиниться «волѣ народа». Летчику, довольно недвусмысленно, дали понять, хотя и въ очень дружеской формѣ, что ему лучше по добру, по здорову улетѣть: потому — не ровенъ часъ — атаманъ вздумаетъ все-таки полетѣть на фронтъ. Лучше отъ грѣха подальше...

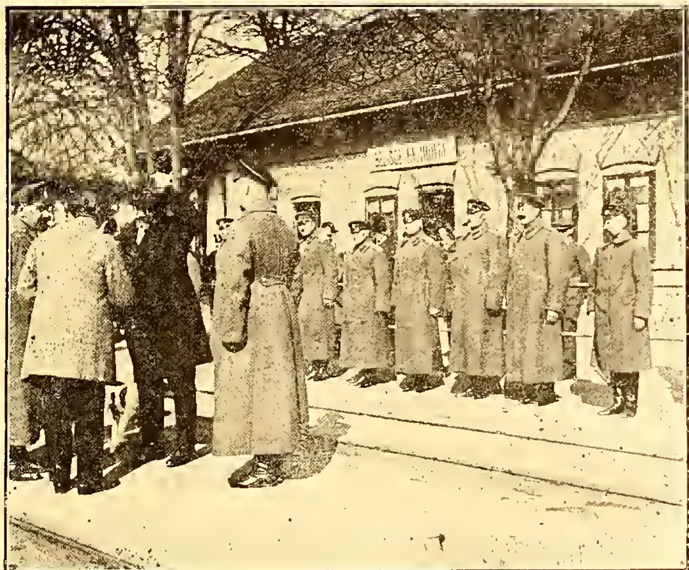
***

Немного осталось въ живыхъ славныхъ уральцевъ, участниковъ ужасной гражданской войны. За - границей, въ Европѣ ихъ всего нѣсколько сотъ. Но, какъ и вездѣ, казаки уральцы не падаютъ духомъ, работаютъ, не покладая рукъ, и такъ же, какъ и всѣ мы, крѣпко вѣрятъ въ то, что Великая Россія и наши Родные Края будутъ свободны отъ проклятой коммунистической власти.

А. Богаевскій.

Встрѣча съ казаками

Общими впечатлѣніями о своей поѣздкѣ по Чехіи и Югославіи я уже дѣлился съ представителями печати.



Очень охотно повторю ихъ вкратцѣ и для «Казачьяго Журнала».

Россійская эмиграція продолжаетъ выказывать свою жизнеспособность и стойкость. Несмотря на очень тяжелыя условія жизни, сила ея духа не сломлена. Во многомъ эмиграція проявляетъ полное единодушіе — для малолѣтнихъ устраиваются дѣтскіе дома, дѣтей воспитываютъ въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ въ національномъ духѣ, для больныхъ есть прекрасныя свои санаторіи.

Въ борьбѣ за сохраненіе національнаго лика на чужбинѣ, россійская эмиграція не забываетъ своего Отечества и всѣ ея помыслы устремлены къ нему. Жертвенный порывъ и сознаніе долга передъ Родиной не ослабѣваютъ. Буквально по трудовымъ грошамъ собираются деньги въ фондъ имени Великаго Князя Николая Николаевича.

Особую сплоченность я долженъ отмѣтить въ Русскомъ Обще - Воинскомъ Союзѣ. Воинскіе чины, несмотря на тяжелую физическую работу на заводахъ, въ шахтахъ и т. п., продолжаютъ охранять свое національное и воинское достоинство.

Такая же сплоченность и у строевого казачества, входящаго въ Русскій Обще - Воинскій Союзъ.

Я пріѣхалъ на станцію Бѣлищи въ Югославіи, гдѣ стоятъ дивизіонъ Л. - Гв. Кубанскихъ и Терской сотни и 2-я Линейная сотня.

Всѣ казаки работаютъ на танинномъ заводѣ. Но

когда я пріѣхалъ въ сопровожденіи генераловъ Абрамова и Зборовскаго, меня встрѣтили казачьи сотни въ строю, въ формѣ, со своимъ штандартомъ и съ хоромъ трубачей. Заиграли встрѣчу, раздалась команда, и я увидѣлъ, какъ жива и неистребима сила казачьяго духа.

Не только въ своихъ пѣсняхъ, но и во всемъ своемъ бытѣ эта семья хранитъ отцовскіе обычаи и любовь къ роднымъ краямъ.

Встрѣча съ казаками и время, проведенное съ ними, оставили у меня неизгладимое впечатлѣніе.

Не скрою, у меня дрогнуло сердце при звукахъ фанфаръ и при видѣ стройной воинской части — осколка той славной Арміи, которая создавала славу и величіе Россійскаго Государства....

На общемъ обѣдѣ, на которомъ были казаки со своими офицерами, было видно между тѣми и другими полное единодушіе и, по истинѣ, они составляли единую казачью семью со своимъ обычнымъ радушіемъ и гостепріимствомъ.

Но встрѣчался я не только со строевымъ казачествомъ. Повсюду, во время моего объѣзда Чехіи и Югославіи, ко мнѣ заходили казаки и представители казачества. И у всѣхъ нихъ, начиная съ простого казака, кончая генераломъ или общественнымъ дѣятелемъ, единая мысль и единое стремленіе — увидѣть свое Отечество и свой родной край свободными, снова могучими и великими...

Генералъ А. Кутеповъ.

Памяти одного изъ послѣднихъ

По донесенію Дыбенко: «въ началѣ мая с. г. при окруженіи группы басмачей подъ городомъ Гармомъ на границѣ Бухары и Ферганы, былъ взятъ въ плѣнъ казачій офицеръ Питаловъ, съ 1921 г. работавшій съ басмачами».

Помнимъ тебя, доблестный воинъ-казакъ. Помнимъ весь твой честный и скромный путь, весь вдохновенный постригъ твой, когда, съ первыхъ сознательныхъ шаговъ, въ глухомъ углу, у китайской границы, учуялъ ты свое призваніе и слился с нами, семирѣченцами, стражами русской государственности на далекой окраинѣ.

Помнимъ, какъ жадно бросился ты впередъ въ Великую войну. Помнимъ и отуманенное злою кручиной лицо твое, когда однимъ изъ первыхъ вызвался ты добровольцемъ провести черезъ красное кольцо горсть героевъ-казаковъ, пробивавшихся съ оружіемъ съ далекаго запада. Помнимъ тебя и въ тотъ тяжелый мигъ, когда бросилъ ты послѣднюю прощальную горсть земли въ братскую могилу, куда опустили и горячо любимаго брата твоего...

Всегда ты былъ мужественен, всегда безстрашенъ, всегда и скромен. А мысль о Родинѣ, Великой Россіи, о смертномъ боѣ за нее была путеводной звѣздой твоей.

Не омрачилъ ты честный путь твой въ день предательства. Не снеся общаго позора сдачи — поклонился Великой Страдалицѣ и вмѣстѣ съ другими ушелъ... Ушелъ въ горныя трущобы, къ «дикокаменнымъ», къ рыцарямъ номадамъ. Ушелъ туда, гдѣ съ уваженіемъ, довѣріемъ и любовью примутъ «бѣлаго воина» Великой Россіи.

Восемь лѣтъ провелъ ты среди нихъ. Восемь лѣтъ непрерывной упорной страды. Восемь лѣтъ ежечасной мысли о борьбѣ за Россію и смерти за нее.

И, вотъ, роковая случайность... и прерванъ яркій, славный путь твой, путь доблестнаго служенія Родинѣ.

Каковъ конечный жребій твой? Быть можетъ, лучезарный образъ твой уже предсталъ предъ Вѣчнымъ Судіей... Но предсталъ въ чистыхъ ризахъ бѣлаго воина, мученика за Русскую Правду.

Вѣримъ, что и въ этотъ послѣдній мигъ, когда взошелъ ты на чекистскую дыбу, львиное сердце твое не дрогнуло, а уста шептали имя — Россія...

Быть можетъ, въ этотъ мигъ ты искалъ глазами своихъ? И не нашелъ!... Но правда дошла до твоихъ, и на предсмертный вопль души твоей:

— Батько, слышишь ли ты меня?

Отъ имени всѣхъ твоихъ отвѣчу:

— Слышу!

Атаманъ.

МАКЕДОНІЯ

Первое, что мы увидѣли при переходѣ греко-югославянской границы, былъ сербскій солдатъ. Онъ стоялъ, высокій, подтянутый, на дамбѣ еще по походному наведеннаго моста и отдалъ нашему эшелону честь.

Это былъ удивительный день.

Послѣ шестимѣсячнаго Лемносскаго пайка изъ неизмѣнныхъ консервовъ и галетъ, мы ѣли свѣжій хлѣбъ, варили жирную убоину, разбивъ наши палатки не на скалахъ, отъ которыхъ со звономъ и огнемъ отскакивала кирка, а на подлинной землѣ съ травой и деревьями, и веселымъ пламенемъ пылали костры жаркихъ дровъ вмѣсто привѣчныхъ колючекъ Архипелага. Казаки неистово объѣдались съ голодухи и голосили пѣсни, какъ будто вернулись домой. Братская страна насъ накормила, и это было тогда для насъ счастьемъ.

**

Казаки купались въ Вардарѣ, плавали, ныряли, доставали дно. Быстрая и холодная, цвѣта охры, вода послѣ Эгейскаго моря казалась родной. Стирали Лемносскую бязь рубашекъ и сушили на песчаныхъ отмеляхъ, чтобы чистымъ воинствомъ пройти передъ сербами.

Гремѣли уцѣлѣвшія отъ Новороссійскихъ и Крымскихъ катастрофъ трубы бодростью имперскихъ маршей, волновались офицеры торжественнымъ волненіемъ забытыхъ парадовъ и, старательно равняясь и выбивая шагъ, пѣшими по конному, шли казаки. И пріѣхавшимъ насъ смотрѣть сербскимъ офицерамъ и пришедшимъ изъ сосѣдняго Джевджели жителямъ, быть можетъ, и почудился въ пыли нашихъ маршей образъ Майки Русіи, такъ непостижимо для нихъ переставшей существовать.

**

Вечеромъ казаки уже братались съ мѣстнымъ населеніемъ, съ неподражаемой убѣдительностью изъяснялись на незнакомомъ языкѣ, весело удивлялись домотканному грубому сукну мужскихъ одеждъ, пестрымъ женскимъ передникамъ, монистамъ изъ золотыхъ дукатовъ, — терли другъ о друга свои указательные пальцы, какъ знакъ кровнаго альянса, непрестанно кричали «братушка» и пили крѣпкую сливовицу въ ближайшей къ лагерю гостинницѣ «Леп изглед» — «Красивый видъ».

Пограничный городъ Джевджели невеликъ и неинтересенъ. Я прошелъ по типичной греческой улицѣ, пыльной и неширокой, съ домами на высокихъ фундаментахъ, зашелъ на почту, почиталъ, мало понимая, казенныя объявленія, посмотрѣлъ на юго-славянскій гербъ — поджараго сербскаго орла со щитомъ тріединаго ко-

ролевства на груди — и глухимъ переулкомъ вышелъ за городъ.

Горы тѣсно окружали долину. Вечернее небо съ крупными звѣздами было поразительно легкое, горное. Пахло травой, близкой рѣкой и еще чѣмъ-то луговымъ, знакомымъ.

Въ лагерѣ пѣли. Сильный и твердый баритонъ, растягивая каждое слово, печально запѣвалъ:

Всѣмъ я, мальчикъ, былъ доволенъ,
Никакой бѣды не зналъ...

И хоръ торжественно и медленно подхватывалъ:

А теперь все испыталъ —
Въ Севастополѣ стоялъ,
Въ ратномъ полѣ
Страхъ и горе
Каждый день, каждый часъ!

И, неожиданно мѣняя ритмъ, съ разудалымъ свистомъ, съ вырвавшимся неистовымъ подголоскомъ, грянулъ почти плясовую:

Море Черное шумитъ,
Въ корабляхъ огонь горитъ
Огонь тушимъ,
Турокъ душимъ!
Слава бѣлому царю
И сербскому королю!
Пущай царь нашъ не боится
Что на насъ идетъ война —
Наша русская граница
Есть китайская земля...

Пѣли эту пѣсню, сложенную Львомъ Толстымъ, дѣды на Севастопольскихъ бастіонахъ, на Кавказѣ, подъ Шипкой, пѣли отцы въ Манчжуріи, подъ Варшавой, въ Галиціи, пѣли и внуки въ дикіе годы гражданской войны. Эту плясовую

Шашка — вѣрная подруга,
Пистолетъ разитъ врага —

пронесли черезъ всѣ эвакуаціи, въ трюмахъ вывезли изъ Россіи и вотъ теперь поютъ въ Македоніи.

Я смотрѣлъ, какъ рыжій мѣсяцъ, не спѣша, поднимался изъ-за горы, и думалъ о Македоніи. Но что я зналъ объ этой странѣ съ такимъ волнующимъ древнимъ именемъ. Только то, что великій Александръ былъ изъ Македоніи, да еще съ дѣтскихъ лѣтъ помню по иллюстрированнымъ журналамъ македонцевъ, увѣшанныхъ патронташами, съ ружьями въ рукахъ: что-то звѣрское, разбойное...

***

Итакъ, наша бригада вошла въ «команду плѣна» — мы съ сербскими солдатами должны были собирать военное имущество и снаряженіе, оставшееся на Салоникскомъ фронтѣ, самомъ молодомъ, на которомъ сербскимъ прорывомъ въ сентябрѣ 1918 года была закончена Великая война. Мы выгрузились на маленькой станціи Градско; не такъ давно это былъ главный тыловой пунктъ болгаро - нѣмецкаго фронта. Отсюда, съ чисто нѣмецкимъ упорствомъ, была проведена узкоколейная желѣзная дорога на Битоль черезъ, казалось, непроходимыя горы, проложены къ фронтовымъ участкамъ шоссе: сюда стекались изъ глубокаго тыла новыя и новыя толпы бойцовъ - нѣмцевъ, австрійцевъ, венгровъ, болгаръ, чтобы уже отсюда растечься по выдолбленнымъ въ горахъ окопамъ: недавно еще здѣсь бился лихорадочный пульсъ прифронтовой жизни, приходили и уходили эшелоны, по ночамъ горѣло электричество, бились для голодающей Германіи сгоняемые со всей Македоніи быки, овцы, свиньи, вывозился поваленный и распущенный на доски нѣмецкими машинами вѣковой македонскій лѣсъ... Какія великолѣпныя мечты, какая желѣзная увѣренность!

При одномъ изъ комфортабельныхъ, построенныхъ нѣмцами для своего начальства, домикахъ, въ которомъ жилъ теперь престарѣлый сербскій маіоръ съ такимъ же дряхлымъ псомъ, — въ садикѣ, я нашелъ плиту съ барельефомъ кентавра, два три обломка античныхъ колоннъ, кусокъ мозаичнаго пола; нѣмцы знали толкъ въ старинѣ, и не эти ли обломки римскаго владычества, найденные ими въ окрестностяхъ, должны были оправдать ихъ право на эту варварскую страну?

Но все проходитъ. И теперь Градско съ одной кафаной и пятью-шестью домиками его коренныхъ обитателей походитъ на полустанокъ, гдѣ экспрессъ Парижъ-Константинополь даже не замедляетъ хода.

***

Около шоссе, на пустырѣ, обнесенномъ колючей проволокой, была свалена первая добыча нашей «команды плѣна». Тутъ были исковерканные пулеметы, ржавыя винтовки, лафеты, желѣзные колья для проволоки, машины для набивки колбасъ и, отдѣльно подъ охраной часового, скирды орудійныхъ снарядовъ. Тутъ же былъ и театръ для пріѣзжавшихъ съ фронта: громадный досчатый баракъ, построенный прочно, добросовѣстно — не на одинъ годъ. Внутри въ полутьмѣ я различилъ на стѣнахъ въ медальонахъ, увѣнчанныхъ лаврами, добротно нарисованныхъ Гинденбурга, Макензена, Энвера-Пашу.

Я тронулъ занавѣсь — съ нея щедро посыпалась пыль — на пустой сценѣ, прямо на полу, въ холодкѣ лежали три казака.

День былъ знойный, безвѣтренный, длинный. Недалеко отъ склада, въ пологой каменистой лощинѣ набрелъ я на нѣмецкое кладбище. Какой уже исторической древностью показались мнѣ и низкая бетонная ограда, и тщательно выравненные бетонные кресты, и кладбищенскій памятникъ: цементная площадка съ широкими пологими ступенями, упирающимися въ приземистый тевтонскій крестъ.

На ступеняхъ сидѣлъ пастухъ, сухой старикъ, босой и безъ шапки. Овцы, ища прохлады, сбились плотной кучей, засунувъ голову другъ другу подъ животъ. Въ выгорѣвшей травѣ сухо верещали кузнечики. Я перелѣзъ черезъ ограду, подошелъ къ пастуху, и сѣлъ рядомъ съ нимъ на горячій цементъ. Старикъ былъ въ длинныхъ изъ толстаго домашняго сукна штанахъ и мѣховой безрукавкѣ. Онъ протянулъ мнѣ негнущуюся ладонь и спросилъ:

— Русъ?

Я кивнулъ головой. Тогда онъ полѣзъ къ себѣ за пазуху, досталъ грязную тряпку, развернулъ ее и протянулъ мнѣ кусокъ овечьяго сыра. Сыръ былъ теплый, грязный, но я съѣлъ его, боясь обидѣть старика, еще

разъ подержалъ его корявую руку и лощиной прошелъ къ Вардару.

Здѣсь на песчаной косѣ, у быстрыхъ желтыхъ водъ, среди лопуховъ и тальника, подъ раскаленнымъ іюньскимъ солнцемъ я почувствовалъ, не увидѣлъ, не понялъ, а именно почувствовалъ Македонію — древній и нищій горный пустырь. И скудные, какъ будто нежилые, изъ дикаго камня домики села на томъ берегу, и стремительныя воды рѣки, и бурыя горы вокругъ, и бѣлесое жаркое небо, и старика пастуха. И вкусъ овечьяго сыра я запомнилъ навсегда.

***

Въ Битолѣ, главномъ городѣ южной Македоніи, просторно лежащемъ въ плодородной долинѣ у греческой границы, намъ была устроена встрѣча. Здѣсь находился штабъ военнаго округа (дивизіи).

Офицеры и солдаты славянскаго королевства, только что созданнаго на пеплѣ двухъ имперій, встрѣтили насъ, потерявшихъ Россію и во имя ея ушедшихъ въ неизвѣстный и долгій путь, такъ тепло, такъ сердечно — привѣтливо и широко, что становилось какъ то неловко — да ужъ заслужили ли мы такую встрѣчу и намъ ли надлежитъ принимать благодарность за то, что наше Отечество въ свое время жертвенно помогало, какъ увѣряли насъ сербы, одинокой братской странѣ?

Въ эти два дня, среди непрерывныхъ угощеній и чествованій, мы столкнулись съ той Сербіей, увидѣть которую намъ пришлось уже много позже въ нашемъ балканскомъ пути изъ Македоніи черезъ пограничную службу на венгерской границѣ къ лѣснымъ работамъ около Пожареваца, столицы Милоша Обреновича. Ощущеніе Сербіи не покидало насъ въ этомъ просторномъ городѣ съ еще свѣжими слѣдами войны. Здѣсь мы впервые увидѣли и услышали «коло», единственный, а потому и подлинно національный сербскій танецъ (его танцуетъ вся Македонія) и ходили въ кругу этого общаго хоровода; здѣсь мы познали балканскую кухню: жирную, наварную чорбу, огненные паприкаши и гуляши, ражничи и чебабчичи, и крѣпкія фруктовыя водки — клековагу, сливовицу, камовицу, которыя пьютъ не изъ рюмокъ, а изъ малюсенькихъ бутылочекъ, прямо изъ горлышка; здѣсь же мы узнали и трогательный домашній обычай «сладкое», когда къ вамъ, только переступившему черезъ порогъ дома, подходитъ съ подносомъ хозяйка и предлагаетъ варенье и стаканъ ледяной воды. Черезъ десять минутъ вы сядете за обильный столъ, но все равно, варенье вы должны попробовать.

Все это: и коло, и сладкое, и мужское коричневое домотканное сукно и тяжелыя, наслоенныя и грубыя женскія одежды съ ихъ вышитыми крестомъ узорами, такъ напоминающими по орнаменту и краскамъ (черная, бѣлая, желто-оранжевая) нашъ великорусскій узоръ, и легкую, безъ подбора, обувь — опанки, съ круто загнутыми носками, и самый типъ высокихъ, сухихъ, смуглыхъ, темноусыхъ мужчинъ и небольшихъ, черноволосыхъ, черноглазыхъ женщинъ мы встрѣтили потомъ и въ Скопье, и въ Нишѣ, и въ Пожаревацѣ, и подъ Бѣлградомъ.

Здѣсь, въ Битолѣ, нашъ полкъ получилъ отъ мѣстнаго архіерея походную церковь, оставленную одной изъ бывшихъ на Салоникскомъ фронтѣ русскихъ бригадъ. Русскимъ солдатамъ семнадцатаго года церковь была уже не нужна, и они оставили ее, уѣзжая въ свою страну «мира, земли и хлѣба». Въ просторныхъ тихихъ покояхъ архіерейскаго дома, съ дорожками на безукоризненно навощенномъ полу паковалъ я съ двумя казаками ризы, богослужебныя книги, легкій, раздвижной иконостасъ. Небольшой тучный чернобородый архіерей стоялъ рядомъ и говорилъ намъ о величіи нашей Родины, о богоносности русскаго народа, о Достоевскомъ.

Церковь была во имя святого Александра Невскаго — покровителя нашего полка.

***

Окопы были выдолблены въ скалахъ, глубоки и благоустроены, съ ходами сообщеній, съ прочными блиндажами, съ отличными убѣжищами, съ частыми пулеметными гнѣздами. Попадалась и воздушная дорога — по ней поднимались на высоты орудія, посылались снаряды. Забвеніе и тишина парили теперь надъ всѣмъ этимъ. Мы выкручивали желѣзные, штопоромъ загнанные въ камень колья для колючей проволоки; подбирали проржавленныя винтовки, гильзы, натыкаясь на костяки размытыхъ дождями неглубокихъ могилъ; шарили по убѣжищамъ, находили брошенныя въ спѣшкѣ отступленія канцеляріи съ картами, телефонами, запасами бумаги, карандашей; открывали артиллерійскіе склады и тогда бережно, какъ грудныхъ дѣтей, переносили на рукахъ и укладывали въ грузовые автомобили тяжелые орудійные снаряды.

Стояли погожіе ясные дни.

Кочуя, разбивали мы наши Лемносскія палатки у скудныхъ горныхъ рѣчушекъ подъ бѣдными македонскими селами: казаки днемъ рвали на колючей проволокѣ свои англійскіе френчи, а по вечерамъ жгли костры и пѣли пѣсни.

Были съ нами и дамы, жены офицеровъ, тѣ, кто изъ Новочеркасска и Ростова по раскаленному кубанскому чернозему ушли съ нами въ походъ. Во вшахъ и отрепьяхъ, пройдя сквозь катастрофы, голодъ, тифъ, наслѣдницы Пушкинскихъ Татьянъ и Тургеневскихъ Лизъ открыли новую страницу литературы о русской женщинѣ, можетъ быть, самую трудную для писателя: какъ передать всю горечь, все величіе ихъ подвига!

Простымъ и безкорыстнымъ было наше житье въ то лѣто на Македонскихъ планинахъ. И теперь, много лѣтъ спустя, въ Парижѣ дивишься легкости и безпечности того бытія, безъ копейки денегъ, безъ воротничковъ, чарльстоновъ, безъ Рено и Ситроена, безъ этого привычнаго міроваго города.

***

Бабѣ Катѣ лѣтъ сто, а, можетъ, и больше. Но она, бодра, отлично видитъ и носитъ двѣ толстыхъ, бурыхъ изъ овечьей шерсти косы - прилетки.

Раннимъ воскреснымъ утромъ она шла со мной и нашей дамой, несущей своего младенца къ причастію, шла съ нами, опираясь на огромный черный зонтикъ, прямикомъ черезъ кукурузу, черезъ капустное поле, по которому въ канавкахъ текла отведенная изъ ручья вода, и у воды сидѣлъ съ ружьемъ селякъ, стерегъ воду, чтобы не перехватилъ драгоцѣнную влагу сосѣдъ. Отъ села до церк-

ви версты три, и мы шли, не спѣша, останавливаясь и присаживаясь на еще прохладные съ ночи камни. Дама кормила ребенка, прикрывъ грудь носовымъ платкомъ, а баба Ката разсказывала про старинные ужасы, про турокъ, про янычаръ, и зонтикомъ, какъ ятаганомъ, тыкала меня въ грудь.

— Пріѣхалъ къ намъ въ село разъ самъ паша изъ Монастыря (Битоля). Пріѣхалъ съ янычарами, всѣ на бѣлыхъ лошадяхъ. Кричитъ паша нашему кмету (старостѣ) — хайдуцкое (разбойничье) все ваше село, и всѣ вы, собаки, ходите въ церковь, а потому выведи мнѣ сейчасъ самую красивую на селѣ дѣвойку и десять самыхъ лучшихъ барановъ. Не исполнишь этого, буду палить ваше село.

Побѣжалъ кметъ искать дѣвойку и барановъ. Прибѣгаетъ къ намъ и говоритъ мнѣ:

— Ты, Ката, самая красивая у насъ дѣвойка, выходи къ пашѣ, а то будетъ палить онъ наше село.

Заплакала моя мать, заплакалъ отецъ и братья заплакали и всѣ говорятъ:

— Иди, Ката, а то паша запалитъ село.

Вышла я къ пашѣ, дрожу вся, плачу. Посмотрѣлъ на меня паша и говоритъ кмету:

— Мршава (худа) она очень, не хочу я такой дѣвойки, веди другую.

Привелъ кметъ другую, и та не допада (не нравится) пашѣ, привелъ третью, тоже не годится. Такъ пересмотрѣлъ паша всѣхъ нашихъ дѣвекъ, плюнулъ и сказалъ:

— Собачье ваше село, плохой вашъ Богъ, ниште не кошта (ничего не стоятъ) ваши дѣвойки. Давай еще десять барановъ....

Привязали турки барановъ къ сѣдламъ, уѣхалъ паша и не тронулъ нашего села....

***

Церковь стояла на холмѣ въ деревьяхъ. Не похожи македонскія церкви на наши — ни маковокъ, ни колоколенъ — приземисты невелики онѣ, съ многограннымъ невысокимъ куполомъ, съ плоской черепичной кровлей.

Но есть въ этой простотѣ и убогости что-то трогательное, древнее, первохристіанское. Мы поднялись по зеленому косогору, прошли черезъ густо засаженное деревьями кладбище и вошли въ церковь.

Служба уже началась. Въ церкви было сумрачно, сѣровато. Невысокій деревянный иконостасъ былъ вызолоченъ и тронутъ легкими красными и черными разводами, точь въ точь, какъ наши русскіе кадушечки, боченочки и коробки, продававшіеся на ярмаркахъ.

Иконы были новаго плохого письма; видимо, недавно была сдѣлана и стѣнная роспись: надъ алтаремъ, на крутыхъ, колесами, сизыхъ облакахъ сидѣлъ Богъ-Саваоѳъ съ непомѣрной синей бородой. Слѣдовъ старыхъ фресокъ я не нашелъ. Если онѣ и были, то старательный недавній богомазъ не пожалѣлъ красокъ и труда, чтобы изгнать старину изъ этой безусловно старой церкви.

Женщины стояли отдѣльно отъ мужчинъ, сзади, на возвышеніи, за рѣшеткой. Туда же увела баба Ката и нашу даму, а ея младенца принесла и положила на каменныя плиты у царскихъ вратъ. Высокій худой священникъ служилъ торопливо, невнятно; ладонный дымъ буйно летѣлъ изъ кадила: тихо плакалъ у царскихъ вратъ ребенокъ, пѣвчіе на клиросѣ пѣли въ унисонъ, и въ ихъ пѣніи, тягучемъ, однообразномъ речитативѣ было тоже что-то очень древнее. Такъ, навѣрно, пѣли еще въ катакомбахъ.

Пріобщала дитя баба Ката — матери, по мѣстному обычаю, дѣлать этого не полагалось — и, пріобщивъ, сейчасъ же плюнула ребенку въ лицо: на счастье, на богатство, отъ сглаза.

Послѣ службы мы сидѣли на кладбищѣ и ѣли захваченные бабкой изъ дому сыръ, вареныя яйца и кукурузный хлѣбъ. Солнце стояло уже высоко, зыбкія, ажурныя тѣни отъ деревьевъ падали на грубые, каменные кресты, на плиты, на прелестное, исполненное материнскаго счастья, лицо дамы, на золотистую головку спящаго у нея на колѣняхъ ребенка, на коричневыя столѣтнія руки бабы Каты.

Бываютъ минуты, когда мы по иному воспринимаемъ окружающія насъ и лица и вещи. И такой волнующей, такой воистину чудесной показалась тогда мнѣ эта группа изъ старухи, молодой женщины и спящаго ребенка, что я не зналъ, какъ мнѣ выразить охватившее меня чувство восторженности и благодарности Творцу за это золотистое утро, за узоры древесныхъ тѣней, за сидящихъ противъ меня людей, за мои двадцать два года...

(Окончаніе слѣдуетъ)

Николай Туровѣровъ.

УРОЖАЙ

—Экая благодать, Антоша!

Антонъ Ивановичъ ничего не отвѣтилъ женѣ. Съ молоду привыкъ съ нею обращаться сурово — такимъ остался и къ старости. Однако, и ему было радостно: отъ дороги до самой сливовой рощи тянулось поле мака — его поле, гордость и надежда.

Попавъ заграницу, генералъ нѣкоторое время ничего не предпринималъ: надѣялся на скорое возвращеніе въ Россію. Деньги, какія были, тратилъ и жену, боявшуюся будущаго и прятавшую копейку, ругивалъ:

— Если мы съ тобою, мать, сумнѣваемся, — кому же и вѣрить.

Потомъ пришлось туго. Главное, что никто не давалъ работы: мѣшалъ возрастъ.

Уцѣлѣвшіе текинскіе ковры ихъ выручили. Генералъ переѣхалъ въ Македонію, на дешевыя земли и занялся хозяйствомъ. Самъ пахалъ, сѣялъ, отводилъ воду, самъ же чинилъ крышу, бѣлилъ и чистилъ мазанку, отъ которой даже македонецъ-хозяинъ отступился.

Супруги свернули съ дороги и пошли межею. То

разступаясь и обнажая сильные стебли, то приникая къ самымъ плечамъ людей, замыкая ихъ въ своемъ кругу, дурманя острымъ запахомъ, склонялись бѣлые и лиловые гигантскіе цвѣты. Стояла жара. Видно было, какъ дрожитъ горячій воздухъ и въ струяхъ его ныряютъ комары. Небо, тоже горячее и синее, опрокидывалось и замыкало своимъ куполомъ это благоухающее плодородіе.

Антонъ Ивановичъ оглянулся на жену. Она немного отстала. Межъ цвѣтовъ виднѣлась только ея бѣлокурая сѣдѣющая голова. Солнце золотило ее. И вдругъ — точно залило его тепломъ, счастьемъ. Онъ увидѣлъ свой кубанскій хуторъ, садъ, Нину, остановившуюся въ такомъ же лучѣ, и — запомнилъ, удержалъ въ годахъ — тоже въ бѣлой кофточкѣ. Она стояла одна, такъ же слегка щурилась, а надъ нею опускала вѣтви цвѣтущая яблоня. Онъ возвращался съ занятій. Мѣсяца еще не было, какъ они поженились. Ему хотѣлось подбѣжать, обнять жену, расцѣловать нагрѣтые солнцемъ волосы. Но онъ не двинулся: спрятался за дерево и долго, со сладкой и тайной нѣжностью, любовался ею.

Ему и теперь захотѣлось подождать Нину Петровну, взять за руку, разсказать, какъ двадцать шесть лѣтъ назадъ стояла она подъ цвѣтущимъ деревомъ. Но вмѣсто этого онъ только спросилъ:

—Ты не устала? Пройдемъ на виноградникъ.

По камушкамъ перебрались черезъ рѣченку. На холмѣ сѣли, молча, думая свое. Впрочемъ, думали они одно и то же. Вжились другъ въ друга, рѣдко разговаривая, но въ рѣшительныхъ случаяхъ жизни, безо всякаго сговору, поступая каждый именно такъ, какъ это сдѣлалъ бы и другой изъ нихъ. Уѣзжая изъ дому, Антонъ Ивановичъ не отдавалъ хозяйственныхъ распоряженій: и Нина Петровна въ его дѣла не вмѣшивалась. Недоразумѣніе произошло только однажды, когда, изъ неосновательной ревности, жена разсчитала Мотьку, веселую, бойкую дѣвку.

За послѣдніе же годы, когда Нина Петровна стала болѣзненна и раздражительна, изводило ее непомѣрное мужево чаепитіе. Чай Антонъ Ивановичъ пилъ многократно на дню и по своему. Самовара не было. Кипятилъ на примусѣ налитый до верху эмалированный синій чайникъ. Заваривалъ каждый разъ свѣжаго. Спрашивалъ:

—Нина, чай пить будешь?

На зло ему, она отказывалась.

Антонъ Ивановичъ долго кипятилъ воду, заглядывая подъ крышку, хорошо ли булькаетъ. Наливши стаканъ, увивалъ чайникъ въ два кухонныхъ полотенца и сверху прикутывалъ старой шерстяной фуфайкой.

—Если потомъ захочешь, чай тамъ теплый.

Когда онъ уходилъ, жена выдергивала чайникъ изъ всѣхъ пеленокъ, и черезъ два-три часа Антонъ Ивановичъ снова доливалъ его до-верху и снова долго кипятилъ.

За виноградникомъ шли горы, голыя по сторонѣ, обращенной къ селу, а по другому скату крутыя и лѣсистыя. На далекихъ высотахъ росли неохватимые буки, водились кабаны, — а еще дальше спокойно сіяла вѣчными снѣгами вершина Султанъ-Тепе. Поселокъ остановился внизу, бурый, грязный, стонущій зимой отъ вѣтровъ, лѣтомъ испепеляемый засухами. За нимъ шахматной доскою лежали рисовыя поля. Ячмень тянулъ свѣтлую щетину. Въ этой убогой и дикой странѣ снимали въ лѣто два урожая, давили дичающій за недостаткомъ ухода виноградъ, гнали водку изъ крупныхъ, серебристыхъ сливъ.

—Если Богъ дастъ урожая, сказалъ Антонъ Ивановичъ, — мы, Нина, однимъ опіумомъ окупимся. А сливы высушимъ, продадимъ — глядишь, и на зимовку хватитъ. А тамъ можетъ и еще землицы прикупимъ. Каштаномъ займусь.

Онъ прослѣдилъ за взглядомъ жены. На самой тропинкѣ, чуть вздрагивая крылышками, лежала бабочка, павлинье око. Тяжелая въ полетѣ, она грѣлась прижимая къ самому песку мохнатое тѣльце. Невольно понизивъ голосъ, Антонъ Ивановичъ, продолжалъ:

—Печку я къ зимѣ самъ сложу, по настоящему, кирпичную. Ты насчетъ простуды не бойся. Ну, а съ маляріей справимся — а, Нина? Я тебѣ изъ подсолнуховъ настойку заготовлю... Нина, а?

Она отвѣтила:

—Края въ родѣ Туркестана... Конечно, что жъ...

Хотя болѣзнь вовсе не уменьшалась, а все больше и больше ее тревожила.

— Да, вздохнулъ мужъ и поднялся:— это тебѣ, какъ ни есть, не городъ. Ну тамъ малое хозяйство, — а все не у чужихъ.

Неспѣшно, разстегнувъ воротъ бешмета, онъ началъ спускаться, не подавая женѣ руки, но иногда пріостанавливаясь и палкой раздвигая передъ нею густые кусты шиповника, цѣпкую дикую малину. Еще разъ глянулъ на свои маки.

— Никуда я отсюдова не двинусь.

***

Когда цвѣтъ опалъ, и тяжелыя зеленыя головки начали обмякать подъ нажимомъ пальцевъ, Антонъ Ивановичъ уговорился съ цыганомъ, заготовилъ кривой ножъ и посуду для собиранія сока. Порою набѣгали тучки: всѣ крестьяне слѣдили за ними. Надо было по-суху собрать опіумъ — неровенъ часъ, брызнетъ дождь, смоетъ драгоцѣнную бѣловатую жидкость.

Нина Петровна лежала въ жару. Взмокшая сѣдая косичка металась по подушкѣ. Пожелтѣвшія руки то и дѣло хватались за стаканъ съ водою, падали, натягивали и сбрасывали одѣяло, нащупывали наболѣвшую селезенку.

Приткнувшись на табуретѣ, генералъ читалъ газету. Изрѣдка онъ спрашивалъ:

— Нина, тебѣ, можетъ, подать чего?

Не отвѣчая, она махала рукою. Даже негромко произнесенныя слова отдавались въ ея головѣ стукомъ молотка.

Наконецъ она задремала и проснулась отъ быстраго и ужаснаго грохота.

— Ты не пугайся, сказалъ ей мужъ: — это гроза.

Разомъ она вспомнила объ опіумѣ.

Антонъ Ивановичъ ее успокоилъ:

— Ничего, слава Богу, еще не начинали рѣзать.

Однако, подошелъ къ окну и выглянулъ, хотя зналъ, что видны ему только сараи.

Сухо сверкало и гремѣло,рвало жалкіе дома, смерчами взвивало пыль. Наконецъ, хлынулъ ливень, прямой, темный и грозный. Лило такъ, что не видно было струй. Разомъ размякшая земля разлеталась брызгами. Въ оконныя щели заливало. Крыша протекала. Генералъ передвигалъ изъ угла въ уголъ кровать жены, подставлялъ тазы и кастрюльки. Потолокъ пошелъ пятнами. Крупныя рыжія капли часто срывались и звонко шлепали въ тазъ.

И вдругъ послышался шумъ, похожій на грохотъ приближающагося поѣзда. Онъ шелъ отъ верхней части села и приближался, наростая.

— Вода, подумалъ Антонъ Ивановичъ и перекрестился.

Долго выло, звенѣло. Онъ видѣлъ, какъ разворотило и смыло черепицы на сосѣдскомъ сараѣ. Мало по малу, то пріостанавливаясь, то снова проливаясь, точно кто то выплескивалъ остатки, дождь началъ отдаляться.

— Нина, ты не побоишься одна? Я выйду.

По серединѣ горбатой улицы уже можно было пройти, а по бокамъ неслись веселые стремительные потоки Отовсюду выскакивали люди, что то кричали и бѣжали на базарную площадь. Безъ пояса и шапки, летѣлъ толстый староста, первый богатѣй. На самомъ углу онъ вдругъ остановился, схватился за голову и пронзительно, по бабьему, заголосилъ.

Тамъ, гдѣ недавно цвѣли маки, зеленой плѣсенью затягивались рисовыя поля и вела почтовая дорога, всюду, куда хватало глаза, широкимъ бурымъ потокомъ лилась рѣка. Бревна, домашняя утварь, свалившійся на бокъ козленокъ плыли изъ горнихъ селъ, крутились, исчезали и выплывали снова. Около сливовой рощи, на другой сторонѣ, по самой границѣ воды, въ окнѣ чудомъ устоявшей хибарки, безостановочно, безнадежно махали чѣмъ-то большимъ и краснымъ.

Хватаясь за руки, падая другъ другу въ объятія, бросаясь ничкомъ въ липкую грязь, плакали женщины. Молодой парень, у котораго жена съ тестемъ ушли въ горы за дровами, сидѣлъ на камнѣ, охвативъ колѣни, качаясь взадъ и впередъ и потужно, однотонно вылъ. Тамъ, гдѣ вода прошла и опала, лежала засыпанная пескомъ рожь, словно длинная расчесанная коса.

**
*

Вечерѣло. Солнце садилось ясно. Мутныя воды закровавили, мѣстами побѣжала по нимъ дорожка ржаваго золота, — и онѣ текли, мчались и бурлили съ вершины, росли, мощно изливались надъ селами и, замедляя ходъ, растекались все дальше, все шире.

Антонъ Ивановичъ шагалъ твердо. На лбу выступала испарина, і — съ внутренней стороны — мелко, неудержимо дрожали локти.

— Ну что, какъ? спросила Нина Петровна, съ трудомъ поворачиваясь.

— Рѣка разлилась. Кое-что попортила.

Онъ подошелъ къ кровати, наклонился и холодной огрубѣвшей рукой пощупалъ ея лобъ.

— Ты горишь вся... Слушай, Нина, разъ такой климатъ, разъ ты все болѣешь — не губить же себя. Уѣдемъ въ Бѣлградъ. Вонъ, въ газетахъ пишутъ — наши столярныя артели образовали... Или тоже малярные курсы пройти можно.

Угадывая, что онъ скрываетъ бѣду, растроганная его лаской, не зная, какъ бы доставить ему радость, жена сказала:

— Антонъ Ивановичъ, голубчикъ, пить что-то хочется. Ты бы, можетъ, сварилъ чайку.

Н. Городецкая.

О Чеховѣ

Недавно, возвращаясь съ И. Д. Сургучевымъ съ Монпарнасса, въ душную лѣтнюю ночь, мы говорили о Чеховѣ, о томъ, что онъ умиралъ въ такую же лѣтнюю ночь и говорили такъ, какъ будто его кончина произошла не двадцать пять лѣтъ тому назадъ, а на прошлой недѣлѣ. Удивлялись, до чего нелѣпо и одиноко проходили послѣдніе мѣсяцы его жизни...

(Клише газеты «Россія и Славянство»).

Всегда казалось труднымъ понять, почему ни врачи, ни-самъ Чеховъ, ни любящіе его люди не могли наладить его питанія, ни выбрать для него мѣстожительства, хотя и въ деньгахъ не было недостатка и не было еще большевицкаго рабства, требующаго визъ.

На дѣлѣ выходило такъ:

Чѣмъ меньше Чеховъ исполнялъ предписанія докторовъ и чѣмъ раньше до срока вырывался въ любимую Москву, тѣмъ легче себя чувствовалъ. Здѣсь онъ радовался по юношески встрѣчѣ съ актерами Художествен-

наго театра и любимой женой. Ложился поздно, ѣлъ все, что ѣли другіе, грубо нарушая діэту.

Пріѣхавшій больнымъ и едва вышедшій на сцену 17 января 1904 года въ день перваго представленія «Вишневаго сада», Чеховъ пробылъ въ столь «вредной ему Москвѣ до 14 февраля.

И... И уѣхалъ почти здоровымъ. По крайней мѣрѣ въ письмахъ къ женѣ отъ 15-18 февраля нѣтъ ни одной жалобы на нездоровье, но есть много жалобъ на ялтинскій климатъ. А въ письмѣ отъ 6 марта онъ пишетъ:

«Откуда ты взяла, что я простудился на пути въ Москву изъ Царицына? Что за чепуха, извините за выраженіе. Простуживаются люди только въ Ялтѣ, у меня насморкъ отчаяннѣйшій».

Дальше опять діэта, и съ каждымъ днемъ здоровье хуже и хуже... Только духъ его долго не сдавался. Въ мартѣ 1904 года совершенно серьезнымъ тономъ Чеховъ писалъ мнѣ во Владивостокъ, что хочетъ поѣхать врачемъ въ дѣйствующую армію.

Это за четыре мѣсяца до смерти.

И сейчасъ я убѣжденъ, что, если бы Чеховъ не перемѣнилъ сухого, континентальнаго климата Москвы на морской климатъ Ялты, его «Теплой Сибири», то смерть пришла бы за нимъ гораздо позже.

***

Я много писалъ о Чеховѣ, и многіе изъ его біографовъ воспользовались отрывками изъ этихъ статей, которыхъ не хочется назвать банальнымъ словомъ «воспоминанія». Но все же въ дружескомъ разговорѣ всегда больше искренности и приходятъ на память новые эпизоды и афоризмы.

Въ его записной книжкѣ меня глубоко поразила фраза:

«Если боитесь одиночества, то не женитесь».

И онъ, написавшій эту истину и почти всю жизнь прожившій по студенчески, съ начала 1898 года, вдругъ всѣми своими помыслами рванулся къ идеѣ семейной жизни.

Встрѣтилъ О. Л. Книпперъ и загорѣлся первой настоящей любовью. Повѣнчался, свилъ уютное гнѣздо на горѣ, возлѣ Ялты, а что такое семейная жизнь, такъ и не узналъ: разлука, встрѣча, разлука, встрѣча...

Вмѣсто одного бога-литературы, сталъ служить двумъ богамъ.

***

До сихъ поръ я никогда не упоминалъ въ печати объ одномъ эпизодѣ при встрѣчѣ съ Чеховымъ въ Севастополѣ, весной 1900 года. Сюда пріѣхалъ Московскій Художественный театръ съ «Чайкой», «Эддой Габлеръ» и «Одинокими» Гауптмана.

Въ послѣднюю пьесу Чеховъ былъ влюбленъ. Она поражала его не только какъ художника, но и какъ человѣка.

Возможно, что подсознательно въ драмѣ героя Іоганнеса онъ предчувствовалъ свою личную драму.

Роль Анны Мааръ играла Книпперъ и играла великолѣпно.

Въ одномъ изъ антрактовъ на бульварѣ я увидѣлъ Чехова, сидѣвшаго на скамеечкѣ. И, когда я подошелъ, онъ спросилъ:

— Нравится вамъ пьеса?

—Очень.

—А актриса, играющая роль Анны Мааръ?

—Она удивительно играетъ. Чувствуется, что ей легко...

—Почему?

—Мнѣ кажется потому, что она и въ жизни такая... Можетъ взять отъ человѣка все и взамѣнъ не дать ничего...

Чеховъ поднялъ голову и спросилъ:

—Вы это искренно?

—Совершенно искренно.

—Ну, пойдемте въ театръ.

И показалось мнѣ, что его голосъ сталъ холоднѣе.

Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, Чеховъ пріостановился и, будто шутливо, пробормоталъ:

—А вотъ я на ней женюсь...

Я почувствовалъ, что произошло нѣчто непоправимое. И вспомнилъ этотъ моментъ, когда много позже вклеивалъ въ дневникъ газетную вырѣзку о томъ, что А. П. Чеховъ и О. Л. повѣнчались.

Не знаю, сказалъ ли онъ ей объ этомъ эпизодѣ, но съ тѣхъ поръ его письма ко мнѣ стали не такими ласковыми.

***

Много позже, уже во время бѣженства, въ Прагѣ Ольга Леонардовна сказала, что рѣшила издать письма Чехова къ ней. Я очень обрадовался и отвѣтилъ, что это давно пора сдѣлать.

Она чуть поджала губы, улыбнулась и произнесла:

—А вотъ онъ васъ тамъ бранитъ.

—Этого не можетъ быть...

—Ну, вотъ, увидите.

Когда эта, всегда святая для меня, книга, наконецъ, вышла въ Берлинѣ въ 1924 году, я увидѣлъ, что Чеховъ въ двухъ письмахъ дѣйствительно жалуется женѣ, что я накурилъ въ комнатѣ и много говорилъ о литературѣ...

***

Тѣмъ не менѣе и сейчасъ я перечитываю эту книгу съ великимъ волненіемъ и съ тоской думаю, какъ безотрадно кончилъ свою жизнь огромный писатель, имѣвшій право на всѣ радости жизни.

И только въ одномъ ему можно позавидовать, что Чеховъ не увидѣлъ издѣвательствъ коммунистовъ надъ родиной и надъ дорогимъ ему Художественнымъ театромъ.

Чеховъ часто любилъ повторять:

—Вотъ увидите, когда умретъ Толстой, во всей Россіи все пойдетъ къ черту...

Такъ оно и случилось, но начало это пророчество сбываться немного раньше, сейчасъ же послѣ смерти самого Чехова.

***

Навѣрное, найдутся люди, которые спросятъ, почему это я написалъ о Чеховѣ въ «Казачьемъ Журналѣ»?

И имъ отвѣчаю:

Прежде всего потому, что Чеховъ казакамъ понятенъ, и затѣмъ потому, что, кажется, никто изъ русскихъ писателей еще не нарисовалъ такъ ярко и степи, и Матвѣева Кургана, и станицы Иловайской, какъ сдѣлалъ это уроженецъ Таганрогскаго округа Донской области Антонъ Чеховъ.

Борисъ Лазаревскій.

Наша библіотека

Николай Ивановичъ Красновъ.

1833 - 1900.

«Земля Войска Донского». С.-Петербургъ. 1863 г.: историческія изслѣдованія о войсковыхъ атаманахъ Денисовѣ, Иловайскомъ и Кутейниковѣ въ «Русской Старинѣ» 1873-1874 г.г. «Историческіе очерки Дона» въ «Русской Рѣчи» 1881-82-83 г.г.: «Донское Войско, какъ главный членъ казачьей семьи» въ «Военномъ Сборникѣ» 1888 г.; «Уральскіе казаки и экономическія условія ихъ быта» тамъ же 1889 г.

Н. И. Красновъ сотрудничалъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, велъ критическій отдѣлъ въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» и за свой разборъ труда И. А. Лобко «Терскіе казаки» получилъ золотую медаль Академіи Наукъ.

Донцы

(«Земля Войска Донского»).

Въ нравахъ казаковъ низовыхъ станицъ осталось нѣсколько нравовъ татаръ, съ которыми они въ древніе времена часто враждовали, но иногда мирились и пировали вмѣстѣ.

Удальство и отвага составляютъ ихъ отличительныя качества; но къ нимъ нерѣдко присоединяются хитрость и тщеславіе. Низовые казаки любятъ чины и почести, а первымъ благомъ на землѣ считаютъ матеріальное богатство: наряды, красивые дома, хорошую мебель, статныхъ лошадей и модные экипажи, но они не расчетливы и склонны къ удовольствіямъ общественной жизни, такъ что скоро нажитое скоро и проживается. Общественная жизнь у низовыхъ казаковъ можетъ развиться весьма быстро и они, подобно французамъ, готовы слушать по цѣлымъ днямъ адвокатовъ и ораторовъ: краснобайство у нихъ въ общемъ почетѣ, и за краснорѣчивымъ ораторомъ они готовы пойти въ огонь и въ воду; напротивъ, не любятъ строгихъ резонеровъ, какъ, напримѣръ, не полюбили Войскового атамана Андріана Денисова, который постоянно стремился къ истиннымъ пользамъ казаковъ, но часто дѣлалъ имъ замѣчанія и даже сердился, если видѣлъ простыхъ казачекъ въ роскошныхъ платьяхъ.

Низовые казаки не любятъ, чтобы недостатки ихъ выговаривали имъ прямо. Брань и поношеніе имени казаковъ были причинами убійства посланника Карамышева въ началѣ 16 столѣтія, и теперь желающій имъ пользы, долженъ остерегаться высказывать голую правду, иначе добрыя его намѣренія только ожесточатъ низовыхъ казаковъ какъ противъ лица, такъ и противъ идеи, имъ проповѣдуемой. Напротивъ, любезностью, мягкостью, обходительностью можно согласить низовыхъ казаковъ даже на нарушеніе ихъ матеріальныхъ привиллегій, которыя они считаютъ неприкосновенными, не обращая вниманія, что эти привиллегіи имъ приносятъ болѣе вреда, нежели истинной пользы. Вообще, низовые казаки имѣютъ большое сходство съ французами и, подобно имъ, готовы на высокое самопожертвованіе въ минуту увлеченія; но, когда пылъ простынетъ, они тотчасъ же выкажутъ неспособность преслѣдовать одну идею.

Серединцы, по всему теченію Дона, отъ Казанской до Раздорской станицы, говорятъ русскимъ языкомъ съ малою примѣсью своесозданныхъ словъ; русскій языкъ, въ своей первоначальной чистотѣ, занесенъ сюда выходцами изъ Новгорода, и въ нравахъ своихъ серединцы выказываютъ прямыхъ и честныхъ новгородцевъ.

Къ военной службѣ серединцы подготовлены болѣе, чѣмъ другіе казаки, находясь съ утра до ночи подъ чистымъ небомъ, привыкая къ непогодамъ и лишеніямъ разнаго рода по самому свойству своихъ занятій: они занимаются или хлѣбопашничествомъ или извозничествомъ, а также въ обширномъ размѣрѣ скотоводствомъ; виноградники же, бахчи и огороды они предоставляютъ женскому полу. Къ сожалѣнію, простота ихъ нравовъ не допускаетъ и введенія улучшенныхъ способовъ хозяйства. Серединцы — это сердце донской земли, со своей

важною осанкою, мѣрною, красиво русскою рѣчью они истинные сыны нынѣшняго Дона, настоящіе его представители: у нихъ народность казаковъ сохранилась во всегдашней готовности итти по первому призыву правительства на войну: въ постоянной дѣятельности и даже въ играхъ дѣтей, которыя любятъ здѣсь наѣздничать, упражняются въ кулачныхъ бояхъ и подготовляются къ дѣйствію изъ огнестрѣльнаго оружія, стрѣляніемъ изъ пистолетовъ: только у серединцевъ можно услышать казачьи воинственныя пѣсни про Ермака, про Азовское сидѣніе, про Стеньку Разина и Некрасова. И теперь еще лучшіе воины - герои большею частью изъ среднихъ станицъ донской земли. Серединцы усвоятъ и новый порядокъ вещей, лишь бы толкователи его сами сочувствовали этому дѣлу.

Наконецъ, собственно верховые казаки, также русскіе выходцы, но мало привившіе себѣ казачьяго элемента, и въ языкѣ и въ нравахъ отличаются отъ серединцевъ. Въ языкѣ ихъ много своесозданныхъ словъ, Богъ вѣсть откуда набранныхъ, такъ что даже рѣчь ихъ постороннему не совсѣмъ понятна. Они твердо и немного въ носъ выговариваютъ букву г отчего, кажется, и получили названіе: чига. Въ нравахъ своихъ они болѣе суровы, чѣмъ патріархальны: отцы ихъ — деспоты своихъ семействъ и отъ дѣтей требуютъ безусловнаго повиновенія, такъ, что сынъ, несмотря на свое званіе, обязанъ передъ отцомъ стоять и безъ приказанія не смѣть садиться. Но вмѣстѣ съ этимъ верховцы отличаются болѣе другихъ радушіемъ и хлѣбосольствомъ, рачительны и трудолюбивы въ хозяйствѣ: но къ военной службѣ выказываютъ холодность, не щеголяя красивыми лошадьми и хорошимъ вооруженіемъ: къ нравамъ и привиллегіямъ казаковъ равнодушны, такъ что болѣе выражаютъ военно-поселенное, а не казачье войско: но, поступивъ на службу, они оказываются старательными и уступчивыми, исполнительными и аккуратными, за что чаще другихъ получаютъ награды, но далеко не идутъ, предпочитая славѣ и почестямъ матеріальное спокойствіе.

Картины Аханнаго рыболовства

Уральцы въ относѣ

Аханщики вольныхъ водъ помышляли уже, выбравъ изъ воды аханы, ѣхать въ дома, какъ вдругъ въ половинѣ февраля (это было въ 1843 году), сильнымъ южнымъ вѣтромъ взломало ледъ со стороны моря, вплоть до острововъ, лежащихъ въ войсковыхъ дачахъ, не въ дальнемъ разстояніи отъ устьевъ Урала. Не успѣли аханщики опомниться, вѣтеръ заворотилъ отъ сѣвера, и вотъ разнесло и разсѣяло ихъ на льдинахъ по всему морю! Болѣе двухсотъ казаковъ и киргизъ подверглось этой плачевной участи.

Ахнули гурьевскіе жители, когда узнали объ этомъ, безпримѣрномъ въ памяти ихъ, относѣ и призадумались. Хотя не было дотолѣ примѣровъ смертности на аханномъ рыболовствѣ, но гурьевцамъ нельзя было не бояться за участь отнесенныхъ аханщиковъ, смотря на наступившую въ то время оттепель. Даромъ, что былъ февраль, дожди почти каждый Божій день шли; ледъ на Уралѣ совсѣмъ пропалъ: словомъ настала чистая весна... Между тѣмъ, какъ на зло, ледъ въ морѣ противъ устьевъ Урала и по всѣмъ чернямъ казачьихъ дачъ еще держался и, какъ ни былъ онъ рыхлъ, но все-таки преграждалъ собою путь гурьевцамъ, пытавшимся ѣхать на легкихъ судахъ и лодкахъ спасать аханщиковъ.

Гурьевъ впалъ въ уныніе, но однакожъ не отчаивался. Одинъ изъ тамошнихъ старожиловъ, проведшій свою жизнь въ морѣ, П. Деревяновъ, бывшій за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ въ относѣ и выѣхавшій оттуда въ саняхъ на бурдюкахъ, утѣшалъ осиротѣвшія семейства.

— Зачѣмъ плакать — говорилъ онъ всѣмъ и каждому, въ особенности казачкамъ, — развѣ я даромъ что-ли плавалъ на пузыряхъ? Показалъ примѣръ — и баста! Стыдъ и срамъ послѣ того казакамъ - молодцамъ пропасть въ морѣ, когда я — посмотрите-ка на меня старикашка дряхлый, да и то выѣхалъ изъ него здоровъ и невредимъ. Дайте-ка срокъ, родныя. Вотъ, какъ будетъ потеплѣе, такъ, небось, приплывутъ къ намъ наши рыболовнички.

— Да какъ же оно сбудется? возражали ему старушки. — Ты говоришь, когда будетъ потеплѣе: а тогда, вѣдь, знаешь, и льду-то на морѣ не останется.

— Въ томъ-то и штука, мои касатушки, — отвѣчалъ Деревяновъ. Вотъ извольте-ка понять и обсудить, что я, глупая голова, скажу. Извѣстно, отъ самыхъ Пѣшныхъ теперь вода: тамъ за ними ледъ въ морѣ взломанъ, плаваетъ кусками; на этихъ-то льдинкахъ мотаются наши удальцы. Выѣзжать имъ оттуда, полагать надобно, приведется уже на пузыряхъ, а на это-то о: и не тотчасъ рѣшатся. Ну, къ чему они, примѣромъ

Іоасафъ Игнатьевичъ Желѣзновъ.
1824 - 1863.
(«Уральцы». Очерки быта уральскихъ казаковъ. Полное собраніе сочиненій. тт. I, II и III. С.-Петербургъ 1888 г.)

сказать, твои дѣтки, даромъ зарѣжутъ теперь лошадушекъ, когда подъ ними ледъ еще твердый и они въ чаяніи проплавать на немъ нѣсколько недѣль?

Можетъ случиться, напримѣръ, и то, что носитъ, носитъ ихъ на льдинѣ, да и принесетъ къ другой; ежели она побольше да попрочнѣе ихней — они и переберутся на нее, а ту, глядишь, поднесетъ къ другой, еще побольше и покрѣпче — они и на ту — маршъ, а тамъ, съ помощью Божіею, и къ черневому льду недолго добраться; въ черняхъ же ледъ теперь еще держится.

Но когда это имъ не удастся и когда льдины будутъ исчезать, — вотъ ужъ тогда-то аханщики и примутся за лошадей: снимутъ съ нихъ кожи; сдѣлаютъ... извѣстно какъ, что вамъ объ этомъ говорить — сдѣлаютъ пузыри, да и поплывутъ на нихъ, какъ на косныхъ, съ Христомъ Богомъ, кому куда поближе, какъ и я, грѣшный, плавалъ въ прежни годы. Такъ, стало быть, тужить и горевать не о чемъ!...

Слушали казачки рѣчь Деревянова и, вспоминая его приключеніе, отъ котораго онъ такъ удачно отдѣлался, утѣшались.

***

Что же дѣлали въ это время аханщики? Они бѣдствовали, въ полномъ смыслѣ этого слова. Какъ взломало ледъ и разнесло ихъ на льдинахъ по морю, они ясно увидѣли, что имъ приходится не до рыболовства и не до сбереженія рыболовныхъ снастей, а только бы какъ - нибудь спасти себя. У кого ахаты были вынуты изъ воды, тѣ взяли ихъ, а у кого они остались въ водѣ, тѣ такъ тамъ ихъ и бросили, и всѣ устремились къ Гурьеву. Но было уже поздно: кругомъ охватило ихъ волнующееся море!

Съ людьми, говорится, и смерть красна.

Слѣдуя этой пословицѣ, аханщики стали собираться партіями чтобы вмѣстѣ, общими силами, изыскивать средства къ своему спасенію. Примѣръ Деревянова былъ еще свѣжъ, памятенъ имъ. Сначала онъ былъ ненуженъ имъ; они надѣялись какъ - нибудь и гдѣ - нибудь выѣхать къ чернямъ, но подъ конецъ они убѣдились, что нѣтъ другого средства избавиться смерти, какъ сѣсть на бурдюки. Но, къ сожалѣнію, нѣкоторые изъ рыболововъ не знали искусства, какъ снять съ лошади кожу, чтобы вышелъ изъ нея годный бурдюкъ.

Это проявилось въ артели С. Затворникова, молодого, лѣтъ 22, казака. Въ его артели было четверо киргизъ, людей неопытныхъ и отъ природы трусливыхъ, двое казачьихъ мальчиковъ, которые не болѣе смышлены въ этомъ дѣлѣ, чѣмъ киргизы да, къ довершенію несчастія, двое русскихъ мужиковъ, которые только и [illegible]ли во все время бѣдствія, что плакать.

Бѣда приходила Затворникову съ такими товарищами. Еще хуже было то, что льдина, на которой онъ держался съ артелью, попала не изъ толстаго, съ первозимья образовавшагося, льду, а изъ тонкаго, покрывавшаго передъ тѣмъ какой - нибудь разносъ. Вскорѣ льдина эта, обтираясь и обламываясь съ краевъ о другія, мелкія, но не меньше того вредныя въ этомъ случаѣ, начала уменьшаться и недѣли въ двѣ до того уменьшилась, что стала погружаться, такъ что аханщикамъ доводилось стоять на ней по щиколотку въ водѣ.

Въ такой крайности Затворниковъ рѣшился столкнуть и столкнулъ въ воду пять лошадей, чтобы облегчить льдину. Бѣдныя животныя не могли сразу утонуть и, плавая около льдины, жалобно ржали и вскидывали переднія ноги на льдину.

— Сердце такъ и вело коробомъ, — говорилъ послѣ Затворниковъ: слезы противъ воли такъ и текли изъ глазъ, какъ я смотрѣлъ на муку лошадей! Меня такое взяло въ то время зло, что я забылъ о Богѣ, забылъ о грѣхѣ, — былъ, какъ бѣшеный, — и чуть-чуть въ азартѣ не огрѣлъ одного изъ мужиковъ по башкѣ пѣшней за то, что они мнѣ ни въ чемъ не помогали, сидѣли въ саняхъ, какъ бабы, и выли голосомъ, словно за покойника.

Между тѣмъ день ото дня становилось теплѣе, льдина часъ отъ часу исчезала, и Затворниковъ каждую минуту видѣлъ неминуемую гибель; но, какъ казакъ, какъ сынъ стараго моряка, не унывалъ и старался, какъ умѣлъ, утѣшать и ободрять своихъ горемычныхъ товарищей.

Посмотрите-ка, братцы, — говорилъ онъ имъ: вонъ впереди насъ шиханы. Они, я знаю, около Пѣшныхъ, недалеко отъ черней; насъ къ нимъ уваливаетъ и сейчасъ ударитъ о нихъ: по слушайте-ка. Льдина подъ нами и безъ того чуть держится, а какъ толкнетъ ее въ шиханъ, такъ и поминай, какъ звали. Что призадумались? Аль боитесь утонуть? Гм! Какъ бы не такъ! Ужъ эта стара штука! Видали мы еще не то, да не трусили. Вотъ веревка, возьмись каждый крѣпче за нее, да и держись. Не всѣ сразу утонемъ: насъ не одинъ: кто-нибудь успѣетъ вскочить на шиханъ, а тамъ, одинъ за другимъ, и всѣ вскарабкаемся на него, а тамъ, Богъ милостивъ, переберемся и на черневой ледъ; а ежели не удастся, такъ наѣдутъ какіе-нибудь ловцы или тюленьщики: теперь ужъ время такое: чай, полно на морѣ астраханскихъ судовъ.

Лишь только успѣлъ Затворниковъ кончить рѣчь свою, какъ льдину поворотило въ сторону и внесло въ мелкій, подобный кашѣ ледъ, который казаки называютъ саушъ. Тутъ она увязла и остановилась.

— Опять, чертъ возьми, неудача! вскричалъ Затворниковъ голосомъ человѣка, разсерженнаго на весь свѣтъ, плюнулъ съ досады и сѣлъ въ раздумьи на сани.

Затѣмъ наступила темная ночь, не первая, надобно замѣтить, а ужъ двадцатая съ того времени, какъ Затворниковъ скитался по морю. Товарищи его рыдали и тѣмъ его бѣсили.

— Слушайте. . . . трусы! сказалъ онъ имъ: ежели вы не перестанете плакать, да сидѣть, спустя рукава, то въ послѣдній разъ видите меня съ собой! Завтра, чѣмъ свѣтъ, брошу васъ здѣсь, какъ подлецовъ. Хоть вплавь, хоть какъ-нибудь доберусь до шихановъ. Пропадайте вы тутъ, какъ собаки! Лучше, спокойнѣе десять разъ умереть одному, чѣмъ съ вами, съ такой, Господи прости, дрянью . . .

— Да, что же мы будемъ дѣлать? проговорили, сквозь зубы мужики.

— Что хотите, олухи, только не плачьте. Изрубите которыя-нибудь сани, разведите огонь, сядьте кругомъ него и сказки сказывайте или пѣсни пойте, боритесь или хоть деритесь: тогда все таки будетъ какъ-то повеселѣе. А то, вишь, какъ расхныкались, словно дѣвки, которыхъ насильно замужъ выдаютъ. По нашему — не

ковъ. Была бы честь предложена, а убытка Богъ избавилъ.

Ну, не хотите — какъ хотите, сказалъ Затворниробѣть, такъ выйдетъ дѣло! Двухъ смертей, знаете, не будетъ, а отъ одной не отмолился и Аника воинъ, а онъ, вѣдь, не намъ чета былъ. Ну, молодцы, за дѣло!

Ободренные, а, можетъ быть, и устрашенные угрозою Затворникова, артельщики и работники развели огонь.

— Вотъ хорошо; давно бы такъ, болваны, сказалъ Затворниковъ. А что, Петя, много ли у насъ хлѣба? спросилъ онъ одного изъ казачатъ.

— Много еще, отвѣчалъ тотъ.

— А сколько, по твоему, много?

— Да цѣлыхъ два мѣшка.

— Ну, не больно много. Нынче на ночь, такъ и быть, по витушкѣ на брата, а завтра на всѣхъ одну. Станемте, братцы, какъ въ походѣ, порціями ѣсть, чтобы послѣ не голодать да маханину не жрать. А вы, нехристи, хотите лошадинки? Зарѣжьте чубараго, да и полакомьтесь, все равно, бурдюковъ дѣлать не станемъ, не умѣемъ.

Киргизы, къ которымъ были обращены послѣднія слова, отрицательно покачали головами; имъ было не до ѣды, не до лакомства.

Разсвѣтало. Солнце жарко пекло аханщиковъ. Это было уже въ первыхъ числахъ марта. Льдина, на которой они держались, таяла; цѣлыя стаи чаекъ вились и играли надъ ними: вокругъ нихъ, время отъ времени, выныривали тюлени и, плавая около льдины, съ какой то завистью посматривали на людей, овладѣвшихъ льдиной, на которой только бы имъ, жителямъ моря, слѣдовало полежать и погрѣться на весеннемъ солнцѣ. Виднѣвшіеся съ вечера вблизи шиханы топули въ синей дали; ясно было, что аханщиковъ за ночь отнесло отъ нихъ вглубь моря.

Спутники Затворникова, киргизы, начисто оробѣли, пали внизъ лицомъ и готовились къ смерти. Смотря на нихъ, можно было подумать, что они мертвы, если бы по временамъ не слышались испускаемые ими глухіе стоны и частыя воззванія: Алла!

Русскіе, хотя и держались на ногахъ, но находились не въ лучшемъ состояніи, чѣмъ самые киргизы. Одинъ Затворниковъ бодрствовалъ. Онъ сдвинулъ въ одно всѣ сани и связалъ ихъ между собою веревками, надѣясь держаться еще сколько нибудь на такомъ весьма ненадежномъ плоту.

Послѣдній овесъ, какой у него къ тому времени остался, онъ разсыпалъ по полу и подпустилъ къ нему лошадей, чтобы онѣ, голодая до того на малыхъ порціяхъ, хотя бы передъ концомъ жизни насытились вдоволь; но бѣдныя животныя, какъ бы предчувствуя по инстинкту, что имъ не пережить этого дня, только понюхали овесъ, но ѣсть его не стали. Это озадачило и бодраго Затворникова, а трусливыхъ его товарищей и подавно.

Черезъ нѣкоторое послѣ того время Затворниковъ увидѣлъ вдали черную точку, которая мало-по-малу приближалась къ нему и, наконецъ, приблизилась до того, что онъ ясно разсмотрѣлъ троихъ людей съ лошадью. «Видно, такіе же, какъ мы, горемыки» — подумалъ Затворниковъ.

Дѣйствительно, то былъ казакъ Курбетевъ съ мальчикомъ и киргизомъ. Судьба свела страдальцевъ вмѣстѣ. Льдина подъ Курбетевымъ была больше и крѣпче. Затворниковъ со своими людьми перебрался къ нему.

— Что же вы до сихъ поръ, оболтусы, не дѣлаете пузырей? — былъ первый вопросъ Курбетева Затворникову.

— Не умѣемъ, какъ дѣлать, — отвѣчалъ послѣдній.

— Не умѣете... Ахъ, чортъ возьми. Да, это скверно. Я и самъ-то не мастеръ на эти штуки. Однако, попробуемъ. Много ли лошадей? Восемь у васъ, одна у насъ — девять. Людей? Васъ девятеро, насъ трое. По трое на пару. Одна лошадь въ запасѣ. Гмъ, поучимся-ка на ней. Я слыхалъ когда-то отъ Деревянова, какъ онъ сочинялъ пузыри; сочинимъ и мы, можетъ статься, не хуже его. Эй, вы, орда, закричалъ онъ на киргизъ. — Вставайте да за дѣло принимайтесь. Вишь, какъ они разналялись, словно не до нихъ дѣло. Хорошо вамъ отлеживаться: лишь только на берегъ, вы и пошли себѣ въ аулы на айрянъ да на кумысъ, а намъ, вѣдь, еще надо службу царску справлять, да на курхай собираться. Ну, что разинули рты? Аль хотите, чтобъ я нагрѣлъ вамъ бока линьками? Живѣй за работу!

Киргизы, покорные голосу Курбетева, принялись вмѣстѣ съ нимъ и Затворниковымъ за дѣло...

Въ нѣсколько часовъ лошадей не стало. На мѣсто ихъ явились бурдюки...

Лишь только Затворниковъ и Курбетевъ успѣли приладить къ санямъ бурдюки, какъ льдина, служившая имъ подножіемъ, также отъ волненія разломалась на мелкіе куски и разсѣялась.

Къ счастью, у обѣихъ артелей было довольно хлѣба. Раздѣливъ его еще заранѣе поровну, аханщики усѣлись по три человѣка на каждыя сани и пустились по морю, по направленію къ чернямъ, а чтобы не разнесло ихъ врозь, они связали сани веревкой однѣ за другія. По временамъ они приставали къ льдинамъ, которыя попадались имъ на пути и выходили на нихъ, чтобы отдохнуть и расправить свои члены.

Тутъ они подновляли воздухомъ и бурдюки, которые отъ продолжительнаго плаванія на водѣ теряли изъ себя часть воздуха и отъ того больше, чѣмъ слѣдовало, грузнули въ воду.

Пять дней такимъ образомъ плавали Затворниковъ и Курбетевъ съ товарищами, пробираясь къ чернямъ, но вѣтеръ, къ счастью, не очень рѣзкій, уносилъ ихъ отъ нихъ и кружилъ по морю, мало повинуясь весламъ аханщиковъ, сдѣланнымъ изъ санныхъ оглобель да изъ лопатокъ лошадиныхъ ногъ.

Наконецъ, въ шестой день такого мучительнаго и гибельнаго состоянія, судьба нанесла ихъ на судно тюленьихъ промышленниковъ.

Добросовѣстные астраханцы немедленно привезли ихъ къ Гурьеву на Стрѣлецкую косу.

Письмо изъ Creusot

Меня нѣсколько удивляетъ французскій обычай:

Я работаю на заводѣ Крезо. Послѣднюю недѣлю подъ Троицу наша смѣна работала ночью, до 4 часовъ утра.

По окончаніи работъ каждый рабочій спѣшитъ домой, т. е. не домой, а на квартиру, потому что у насъ, изгнанниковъ, столько домовъ, какъ у зайца дремовъ.

По дорогѣ нѣсколько будущихъ солдатъ французской арміи, на веселѣ, встрѣчаютъ насъ. Одинъ — съ гармошкой въ рукахъ. Нѣкоторые изъ нихъ протягиваютъ руки, одинъ кружку, и просятъ рабочихъ:

— 10 су!

Съ прибаской:

— А ла пуль, мусью, а ла пуль...

Нѣкоторые кричатъ:

— 10 су, мусью, 10 су!

А нѣкоторые:

— Шапинъ, мусью, шапинъ!...

***

У насъ, казаковъ, проводы малолѣтковъ въ полкъ не такіе. Я хочу разсказать о томъ, — какъ меня, какъ казака, провожали въ полкъ.

Прежде проводъ, въ послѣднее воскресенье, казаки отслужатъ напутственный молебенъ. Потомъ нѣсколько служивыхъ съ ихъ женами и родителями идутъ сначала къ одному, потомъ къ другому, къ третьему и такъ далѣе, и эта веселая компанія переходитъ изъ дома въ домъ въ теченіе трехъ-четырехъ сутокъ.

Выходъ изъ дома у насъ обыкновенно 2 января, чтобы 4 числа явиться въ управленіе окружного атамана (въ станицу Константиновскую).

До дня выхода недѣли за двѣ меня ни сонъ не бралъ, ни ѣда не шла, хотя послѣднее время, такъ около мѣсяца, — служивымъ особое приготовленіе пищи.

Такъ сказать, въ груди залегла тоска.

Бывало, нерѣдко меня покойница родительница спроситъ:

— Ванярка, ты что же, сынокъ, ничего не ѣшь?

Я отвѣчаю:

— Не могу, мамынька. Что-то у меня въ груди болитъ.

Мать посмотритъ, — посмотритъ и заплачетъ.

День выхода. Утромъ встаю. Ни ѣсть, ни пить не хочу. Думаю, что нужно бросить родину и итти служить. На душѣ было очень больно. Пошелъ въ конюшню. Заплакалъ. Потрепалъ своего Рыжака коня по шеѣ, вернулся въ курень. Хотя не съ охотой, но взялъ шашку съ уже застегнутой на пряжку портупеей, накинулъ на плечо.

Мой родитель говоритъ:

— Нѣтъ, Ваня, ремень долженъ быть подъ погономъ. Я, какъ старый служака, да еще старшій урядникъ, знаю, какъ надлежитъ казаку убираться.

Потомъ родитель снялъ съ Божницы икону. Благословилъ меня. Далъ мнѣ хорошее напутствіе служить честно и добросовѣстно и исполнять приказанія начальства.

Попрощался я съ родителями, съ женой. Простился съ дѣтьми, съ родными и знакомыми, съ которыми не мало пролили слезъ, и пошелъ въ церковь, гдѣ былъ совмѣстно со всѣми служивыми отслуженъ молебенъ. Послѣ молебна вышли на площадь, гдѣ уже было отходящимъ казакамъ ихъ матерями и женами не мало наставлено на раскинутыхъ на снѣгу скатертяхъ водки, а, главное, закуски.

Но мнѣ и здѣсь не хотѣлось ѣсть.

У меня одна мысль была: какъ я буду разставаться съ родителями, съ молодой женой, а, главное, жаль мнѣ было оставить двухъ сыновей - казачатъ. Коня моего держалъ мой родной дядя Андрюша. Людей на проводѣ собралось очень много.

Хуторской атаманъ подошелъ къ столамъ, подозвалъ всѣхъ отходящихъ и сказалъ:

— Дорогіе дѣти. Я, какъ хозяинъ хутора, считаю моимъ долгомъ проводить васъ на святое дѣло. Богъ знаетъ, можетъ быть, намъ не придется съ вами повидаться. Вотъ вамъ, дорогимъ служивымъ, отъ хуторского сбора ведро водки.

Мы всѣ, молодюки, въ одинъ голосъ крикнули:

— Покорнѣйше благодаримъ и тебя, господинъ атаманъ, и господъ стариковъ.

Всѣмъ было налито по рюмчашкѣ. Всѣ, конечно, цокнулись рюмка о рюмку и выпили за здоровье отходящихъ.

Рюмки дѣйствовали очень слабо. Начали водочку тащаковыми стаканами. Она скоро привела въ дѣйствіе какъ отходящихъ, такъ и остающихся.

Начались танцы «подъ трындычку».

Потомъ пришелъ съ гармошкой Трушка Степана Рябого. Началъ играть казачка.

Вотъ здѣсь ужъ отходящіе дали, какъ говорится, по басамъ.

Несмотря на сильный морозъ и большую мятель, стало жарко!

Подходитъ къ танцующимъ хуторской пѣсенникъ А. Ф. Запорожцевъ (ни за что его убили потомъ большевики), поздоровался со всѣми присутствовавшими. Поднесли ему сейчасъ же чайный стаканъ водки. А. Ф. спрашиваетъ насъ:

— Ну, какъ, ребята, можетъ, какую-нибудь сыграемъ?

— Да, дядя, начинай!

Дядя запѣлъ:

«Конь боевой съ походнымъ вьюкомъ
У церкви ржетъ, кого-то ждетъ,
Въ оградѣ бабка плачетъ съ внукомъ,
Молодка возлѣ слезы льетъ»...

Я, хотя слабо управлялъ голосомъ и, признаться, совершенно не имѣлъ слуха, но, когда залилъ за галстухъ мнѣ казалось, что я такой пѣсенникъ, какихъ и дѣвчата не родятъ.

Послѣ нѣсколькихъ пѣсенъ опять танцы. Теперь уже танцевали всѣ — молодые и старые, танцевали даже и жалмерки.

Смѣху было не мало...

По распоряженію атамана, казаки начали прощаться съ родителями, съ женами, съ дѣтьми, да, вообще, со всѣми родственниками и хуторянами.

Здѣсь слезъ пролито было больше, потому что эта прощальная минута была для нѣкоторыхъ дѣйствительно послѣдней.

Мы всѣ, отходящіе казаки, сѣли на коней, которые рвались поскакать по хутору. Я, хотя не слишкомъ былъ развязенъ, но нисколько не боялся, когда мой Рыжакъ становился на дыбы.

Атаманъ сказалъ:

— Ребятежъ! Время — не рано. На дворѣ мятель. А поэтому нужно въ старую станицу поспѣшить на ночевку. Съ Богомъ впередъ!

Послѣ атаманскаго предложенія мы всѣ, отходящіе, сняли шапки, перекрестились на церковь, потомъ подняли шапки вверхъ, крикнули:

— Ура! Ура! Ура!

Послѣ этого шапки надѣвали на-бекрень, какъ это насъ учили въ станицѣ на ученьи и въ лагерѣ на Б. рѣчкѣ.

Я опять заплакалъ, видя моихъ милыхъ сыновъ, остающихся безъ меня.

Затѣмъ запѣли:

«Прощай ты, милая станица,
Прощай, прелестный хуторокъ!
Теперь отъ васъ мы уѣзжаемъ
На вѣкъ въ далекіе края»...

По прибытіи насъ въ 9 Донской казачій полкъ, я былъ зачисленъ въ первую сотню, въ которой въ это время командиромъ былъ господинъ есаулъ В. В. Короченцевъ. Человѣкъ былъ очень строгій, но до высшей степени честный. У него по службѣ не было ни своихъ, ни чужихъ.

Прослужилъ я въ полку четыре года.

Тогда я вспомнилъ, что передъ проводами я напрасно не кушалъ и напрасно плакалъ. Служба въ полку была веселая.

Оно, правду сказать, съ хорошимъ начальникомъ хорошо и служить. И еще скажу, что, если самъ хорошъ и опрятенъ, тогда и начальство не будетъ плохимъ.

Если бы Богъ благословилъ вернуться на родину, съ такимъ командиромъ полка я еще согласился бы послужить годика три. *П. А. Ѳоминъ.*

КАЗАКИ ВЪ ПЕРУ

Передъ отъѣздомъ
Генералъ И. Д. Павличенко обходитъ ряды кубанцевъ

24-го мая изъ Бѣлграда въ Южную Америку, въ республику Перу, выѣхала группа казаковъ - кубанцевъ, въ составѣ 96 человѣкъ, во главѣ съ генералъ-маіоромъ И. Д. Павличенко, представителемъ Войскового Атамана.

Атаманъ генералъ В. Г. Науменко напутствовалъ отъѣзжающихъ иконой и добрымъ словомъ, и сотня, при хорѣ трубачей и со значкомъ, направилась черезъ Италію въ дальній путь.

Переходъ отъ Генуи по перуанскаго порта Калляо, при хорошей погодѣ, длился 27 дней.

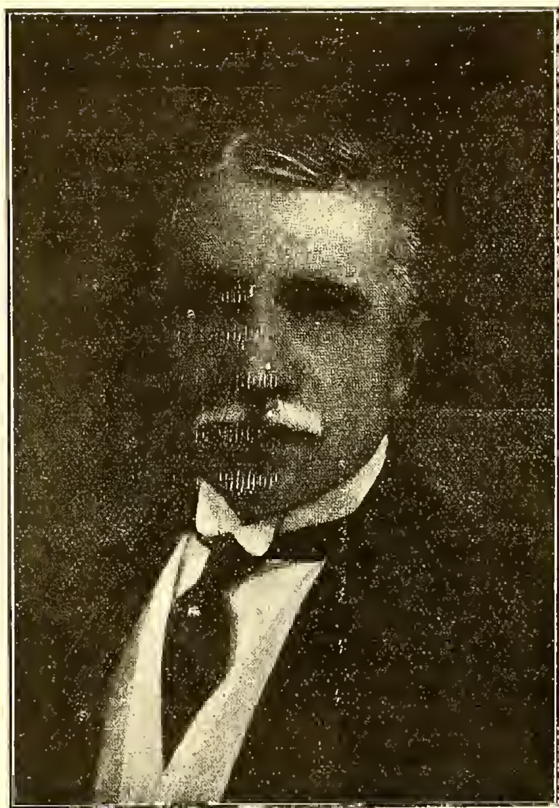
Путешествіе казакамъ показалось чудесной прогулкой.

Въ Калляо на пристани прибывшихъ встрѣтили три офицера, командированныхъ военнымъ министромъ, и въ тотъ же вечеръ казаки получили приглашеніе во дворецъ президента республики.

Обратившись къ казакамъ, выстроеннымъ шпалерами, со значкомъ и оркестромъ на правомъ флангѣ, президентъ сказалъ:

— Я счастливъ видѣть у себя казаковъ, славныхъ воиновъ, сохранившихъ свои обычаи и дисциплину, свой воинскій бодрый видъ и даже казачью форму, несмотря на долгіе годы изгнанія, когда имъ не было въ Европѣ поддержки отъ бывшихъ союзниковъ по оружію.

Президентъ республики Перу
ЛЕГІА



Sr D. Augusto B. Leguía.
Presidente Constitucional del Perú
1.924 — 1.929

Второе отечество найдутъ себѣ казаки въ республикѣ Перу. Правительство окажетъ казакамъ самую широкую помощь, имъ будутъ даны всѣ возможности обезпечить себя, чтобы имѣть заслуженный отдыхъ въ старости.

Пусть и слѣдующія партіи казаковъ - переселенцевъ приходятъ въ Перу, какъ вы, съ офицерами и въ строю, въ славной казачьей формѣ.

Я заявляю, что вамъ, казаки Россіи, будутъ предоставлены всѣ возможности для переселенія и устройства въ Перу, предпочтительно передъ всѣми другими эмигрантами . . .

Рѣчь эта, переведенная позже казакамъ, пришлась имъ особенно по душѣ.

Послѣ пріема тѣмъ же поѣздомъ казаки вернулись въ Калляо, гдѣ 2-го іюля ихъ пригласилъ на ужинъ министръ земледѣлія.

Казаки прибыли въ новой, только что сшитой, формѣ, пѣли, угощались, плясали. Танго и фокстротъ перуанцевъ смѣняли казачью пляску.

Радушный хозяинъ только въ 3 часа ночи простился съ казаками, которые на слѣдующій день должны были встрѣчать высшихъ начальствующихъ лицъ страны.

3-го іюля утромъ казаки съ оркестромъ выстроились на площади.

Прибыли: предсѣдатель совѣта министровъ и министръ внутреннихъ дѣлъ докторъ Benjamín Huamán de los Heros; военный министръ генералъ José Luis Salman; архіепископъ Лимы; директоръ полиціи генералъ Pedro Pablo Martínez; директоръ синдиката по колонизаціи горнаго района príncipe Mitchel Gretzer и др.

Казаки прошли церемоніальнымъ маршемъ.

Затѣмъ гости пожелали пройти въ ихъ помѣщенія, слушали пѣсни, любовались лезгинкой съ кинжалами.

Это скромное торжество отмѣтили и перуанскія газеты.

Въ полученномъ «Казачьимъ Журналомъ» номерѣ «El Mundo» («Міръ»), на первой страницѣ помѣщены снимки казаковъ въ строю и отдѣльно ихъ начальникъ — Jefe de los cosacos general Juan Pavlitchenko.

По сообщенію газеты, и религіозныя пѣснопѣнія и характерные танцы кубанцевъ очень понравились.

Послѣ исполненія программы военный министръ благодарилъ казаковъ за дисциплину, сохраненную ими зарубежемъ, и объявилъ о передачѣ казакамъ перуанскаго штандарта.

Министръ внутреннихъ дѣлъ объявилъ о передачѣ казакамъ оружія.

Архіепископъ благословилъ кубанцевъ.

Дамы роздали ихъ дѣтямъ и женамъ подарки.

По отъѣздѣ гостей, передъ вечерней молитвой прибылъ перуанскій офицеръ со штандартомъ, въ сопровожденіи почетнаго караула, и торжественно вручилъ его кубанцамъ.

Отъ имени арміи офицеръ просилъ россійскихъ казаковъ любить и хранить этотъ честный воинскій знакъ, какъ и свой кубанскій.

Тогда же кубанцамъ, отъ имени министра земледѣлія, было объявлено, что каждому казаку, когда онъ сядетъ на землю, правительствомъ будетъ данъ конь.

Настроены казаки были бодро.

Газета «Міръ» въ статьѣ «Наканунѣ путешествія въ Перуанскія горы» отмѣчаетъ, что, когда генералъ Павличенко держалъ рѣчь передъ строемъ о назначенномъ на завтра выступленіи, казаки приняли это извѣстіе смѣло, съ энтузіазмомъ.

Маршрутъ группы казаковъ, по словамъ газеты, такой: поѣздомъ она двигается до Хуанкао, ночуетъ тамъ и должна слѣдовать до мѣстечка Межорада. Здѣсь — стоянка и снова переходы до береговъ рѣки Апуримака.

4-го іюля, по сигналу трубача, казаки прошли на вокзалъ и двинулись дальше въ горы.

Поѣздъ идетъ къ перевалу. Самая высокая точка — 5.430 метровъ. Вершины покрыты снѣгомъ. Дорога, по письмамъ казаковъ, въ разрѣженномъ воздухѣ, тяжелая. Поѣздъ все время ныряетъ въ туннели. Отъ мѣста подъема до станціи спуска ихъ — 68.

Дальше казаки ѣдутъ по узкоколейной дорогѣ, около 280 клм., а затѣмъ размѣщаются въ автомобиляхъ.

6-го іюля братья Королевичи — съ казаками.

Куплены котлы, провизія, дрова. Обѣдъ. Традиціонный борщъ. Посмотрѣть на казаковъ приходитъ почти все населеніе городка.

8-го іюля вещи казаковъ отправляются впередъ къ городу Тамбо автомобилемъ; тамъ, гдѣ кончается шоссейная дорога (изъ намѣченныхъ 200 клм. проведено пока 30), вещи перекладываютъ во вьюки. Квартирьеры высланы въ Тамбо.

Сотня же, по настойчивой просьбѣ мэра, начальника гарнизона и префекта, остается на два дня: населеніе желаетъ чествовать казаковъ обѣдомъ, устроить проводы.

***

Раіонъ рѣки Апуримакъ, колонизировать который приглашаются казаки, по свѣдѣніямъ, добытымъ въ Перу, заселенъ рѣдко. Почва плодородная, луга богаты травой. Лѣсъ дорогой — черное и красное дерево; по горамъ — сосна. Лѣсъ трудно проходимъ, неиспользуемъ. Климатъ, по свѣдѣніямъ генерала И. Д. Павличенко, здоровый.

Перуанское правительство, въ цѣляхъ заселенія этого раіона, высказываетъ желаніе надѣлять каждаго женатаго иммигранта 30 гектарами и холостого 10 гектарами земли. Денежная помощь на переѣздъ, постройки и живой и мертвый инвентарь оказывается заимообразно, съ послѣдующимъ погашеніемъ долга частью урожая.

***

Войсковой Атаманъ въ приказѣ отъ 24 августа отмѣчаетъ:

«Генералъ Павличенко доноситъ о томъ тепломъ пріемѣ, который оказанъ казакамъ, прибывшимъ въ республику Перу, со стороны Президента республики, правительства, администраціи и народа.

Одной изъ причинъ такого вниманія съ ихъ стороны является выдержка и дисциплинированность казаковъ.

Съ большимъ удовольствіемъ я отмѣчаю и приношу благодарность генералу Павличенко и казакамъ его группы. Фундаментъ заложенъ, остается такъ же бережно продолжать и дальнѣйшее дѣло закладки новаго казачьяго поселенія».

***

Въ виду необходимости сохраненія и въ дальнѣйшемъ общественной дисциплины, уваженія права и порядка, казаки группы генерала И. Д. Павличенко представили ему приговоръ, подписанный всѣми казаками группы, которымъ они уполномачиваютъ его пользоваться правами командира полка въ цѣляхъ воздѣйствія на лицъ, могущихъ не пожелать выполнять свои обязанности.

Одновременно съ этимъ приговоромъ генералъ Павличенко представилъ Войсковому Атаману присяжный листъ, подписанный присоединившимися позже къ группѣ лицами, не принадлежащими къ казачьимъ войскамъ, въ которомъ они подтверждаютъ «свое рѣшеніе честно и неизмѣнно служить казачеству, исполнять его обычаи и поддерживать организацію, въ которую они вошли».

***

По частному письму, группа А. М. Лысенка отправлена на р. Маркопата, верстахъ въ 200 къ востоку отъ р.Апуримакъ, въ деп. Кузко, расположенномъ на границѣ съ республикой Боливія. Этотъ раіонъ отдѣленъ отъ р. Апуримакъ восточными Кордильерами.

***

По частнымъ письмамъ, опубликованнымъ въ журналѣ «Вольная Кубань» (9-го сентября):

«Консерваторія въ Лимѣ очень хорошая. Директоръ — проф. Антоновъ. Есть русскіе профессора. Министръ внутреннихъ дѣлъ обѣщалъ устраивать нашу молодежь въ учебныя заведенія, консерваторію, университеты и давать стипендіи».

"Кто насъ сердечно принялъ еще — это сербы. Ихъ тутъ много. Устроили обѣдъ».

"Дорога строится краснокожими. Половина партіи ѣдетъ впередъ строить съ краснокожими дома, церковь. Семейные остаются въ Томбо".

«Ѣдемъ дальше въ большое село Томбо. Черезъ мѣсяцъ уже будемъ на собственной землѣ. Долгъ за дорогу будемъ выплачивать черезъ 5 лѣтъ, по 10% съ урожая. Каждый казакъ получаетъ лошадь, семья — корову. Это безплатно. Даритъ правительство. Дешевизна тутъ такая, что если буду писать, не повѣрите: окорокъ свиной, еще не готовый, 40 динаръ. Сгущенное молоко — 12 динаръ, мясо свиное (око) — 10-15 дин., говядина (око) — 6-8 дин. Хлѣба бѣлаго нѣтъ. Тутъ темный».

***

«Казачій Журналъ съ признательностью отмѣчаетъ внимательное и ласковое отношеніе къ казакамъ высшихъ властей республики Перу, привѣтствуетъ казаковъ, создающихъ новую колонію, и ихъ главу — генерала И. Д. Павличенко и желаетъ благополучія и удачи.

К.

Поздравляемъ Терское казачество, во главѣ съ Атаманомъ, съ Войсковымъ Праздникомъ и шлемъ казакамъ и казачкамъ наилучшія пожеланія.

Редакція «КАЗАЧЬЯГО ЖУРНАЛА»

НА ДАЛЬНЕМЪ ВОСТОКѢ

Въ Харбинѣ

Въ связи съ агрессивными дѣйствіями коммунистовъ, выразившимися въ нападеніяхъ на станціи Китайско-Восточной ж. д. «Пограничная» и «Манчжурія», въ Харбинѣ организованы русскими отряды.

Во главѣ одного изъ нихъ сталъ забайкальскій казакъ Почекунинъ.

Въ Шанхаѣ

Въ настоящее время здѣсь существуютъ двѣ казачьихъ организаціи: «Казачій Союзъ», въ который входятъ оренбургскіе, енисейскіе, сибирскіе и семирѣченскіе казаки. Предсѣдатель — полковникъ Бологовъ (енисейскій казакъ) и «Объединеніе казаковъ Восточной Сибири и дальневосточнымъ». Въ составѣ его иркутскіе, забайкальскіе, амурскіе и уссурійскіе казаки. Предсѣдатель — г.-м. К. В. Ловцовъ (Забайкальскаго войска). Обѣ организаціи работаютъ въ тѣсномъ контактѣ, основанномъ на полномъ взаимномъ пониманіи.

КЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ

Наше скромное начинаніе — изданіе «Казачьяго Журнала», при Вашемъ любезномъ содѣйствіи имѣло успѣхъ.

Отпечатанные на пишущей машинѣ и размноженные на ротаторѣ, первые четыре номера журнала были приняты сочувственно и казаками и друзьями казачества.

Приступая, не безъ нѣкотораго риска, къ изданію журнала типографскимъ способомъ, мы просимъ читателей и читательницъ не оставлять насъ вниманіемъ.

Журналъ намѣченъ ежемѣсячнымъ до конца текущаго года.

Издатель.

ПѢСНЯ

Посвящается казачьимъ хорамъ.

Казакъ безъ пѣсни жить не можетъ —
Безъ пѣсни скучно казаку!
Коль дума сердце растревожитъ —
Поетъ и гонитъ прочь тоску.
Когда въ скитаньяхъ онъ томится,
Поетъ о Родинѣ своей,
Поетъ про милыя станицы —
И на душѣ его свѣтлѣй...
Судьбой обиженъ неминучей,
Работой тяжкой изнуренъ,
Поетъ онъ про Иртышъ могучій,
Про бурный Терекъ, тихій Донъ,
Про воды мутныя Кубани,
Про буйно плещущій Уралъ,
Про битвы въ дикомъ Туркестанѣ,
Про море славное — Байкалъ...
О, пѣсня! изъ груди казачьей
Ты льешься вольною струей,
Любовью къ Родинѣ горячей
Полна ты, вѣчной и святой!
О, пѣсня! ты полна и муки,
Ты говоришь намъ о быломъ,
Твои серебряные звуки
Родились тамъ, въ краю родномъ!
Тамъ наши дѣды ихъ сложили
Во дни далекой старины,
А мы — въ изгнаньи не забыли,
Завѣтамъ прошлаго вѣрны...
И какъ ни тяжко на чужбинѣ,
Какъ наша доля ни горька —
Вездѣ прославила отнынѣ
Ты, пѣсня, имя казака!

Сентябрь 1929.
Литва.

М. Волкова

Тиражъ 1.000 экз.

Редакторъ-Издатель *Е. Д. Коноваловъ.* Directeur: E. D. Konovaloff. Gérant: Mr W. Lerat.

Imp. Berta, 21, rue Cler — Paris

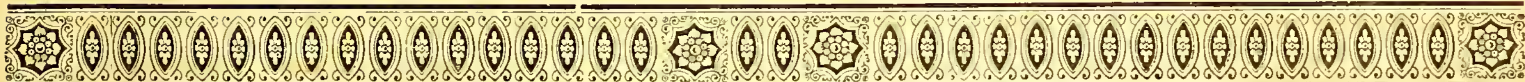
Ноябрь 1929 г.
Цѣна номера 5 фр. во Франціи.

Novembre 1929
Prix du numéro 5 francs en France.

КАЗАЧІЙ ЖУРНАЛЪ

(MENSUEL)
РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ Е. Д. КОНОВАЛОВЪ
Directeur : E. Konovaloff
Rédaction et Adminisration : 37, Avenue de la Motte-Picquet, 37
PARIS (VII°)

Уральскіе казаки въ Богеміи. 1799 г.



Кондитерская **THO-LE-NI** Гастрономическій Магазинъ

Фирма сущ. 9 лѣтъ. 129-bis, rue de la Pompe, Paris-16e. Tél. : Passy 12-69. **А. Капреліанъ**

Пейте настоящій русскій чай *Т-ва П. М. Кузмичева съ С-ми*

Фирма существуетъ съ 1867 года **«KUSMI-THÉ»** Фирма существуетъ съ 1867 года

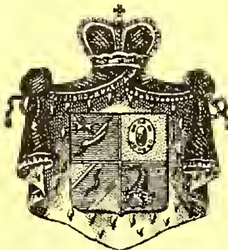
Чай « Kusmi-Thé » имѣется въ продажѣ во всѣхъ русскихъ магазинахъ Парижа

Складъ и контора : 11-*bis*, Av. Victor-Hugo, Paris 16e

KUSMI-THÉ

THÉ RUSSE

11bis Av. Victor Hugo, Paris



S-té « ASTRA »

Кн. Циціановъ и Ко

Несравненные по качеству и вкусу ВОДКИ, ЛИКЕРЫ.
Особо рекомендуется *экстра монополь тройной очистки*
Заводъ : Butte de la Loire, (Halle aux Vins). Paris-5e.
ОТПРАВКА въ ПРОВИНЦІЮ и ЗАГРАНИЦУ Tél. : Gobelins 47-86.

КОНДИТЕРСКАЯ SALON DE THE

64, rue de Longchamp. Tél. : Passy 82-08.
Г. Сердечнаго : Фирма осн. въ Крыму въ 1889 г. Только « **GEORJANA** » сочетаетъ наивысшее качество издѣлій съ крайней умѣренностью цѣнъ. Соб. механич. оборудов. конд. фабрика **25, rue de Longchamp. Passy 65-39.**

АРТЕМІЙ ТАРГУЛОВЪ

Икра : зернистая паюсная-ачуевская, кетовая русская и канадская. *Балыки* бѣлорыбьи и осетровые; *Тешки;* малосольная двинская *семга; Дагестанскіе огурцы ; Эриванскіе компоты; Мороженая осетрина, продажа, начиная отъ одного кило ; Шпроты* королевскіе; *Рыбцы; Шамая.*

92, Rue Saint-Lazare, 92, Paris. Téléphone : Gutenberg 38-57; 39-21

Русское кондитерское производство **JULIEN**

быв. шефъ THO-LE-NI и Жоржъ Борманъ

25, Rue Bosquet, 25, Paris-7e.

Tél. : Sègur 40-90

выпустилъ всевозможные фруктовые торта. Тянучки, ванильные сухари, пастила, боярск'я ватрушки, вся русская сдоба.

Принимаются заказы. Доставка на домъ.

ТРЕБУЙТЕ ВСЮДУ ЛУЧШІЙ по КАЧЕСТВУ **ЧАЙ** подъ фирмою Торгово-Промышленнаго Товарищества

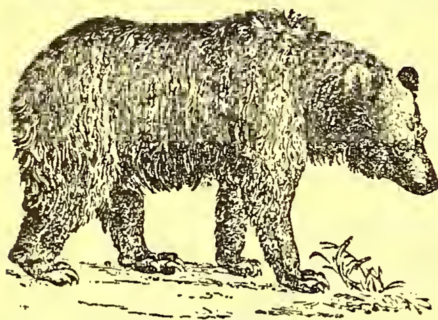
ПРЕЕМНИКЪ

АЛЕКСѢЯ ГУБКИНА А. КУЗНЕЦОВЪ и Ко

Asiat. Trad. Corp. Ltd., London

Главный складъ для Франціи: 53, rue J.-J. Rousseau, Paris-1er. Tél. : Richelieu 91-63

Пейте русскій чай
Вас. ВЫСОЦКАГО
и кушайте шпроты и кильки
Зеренсена.
Оптовый складъ всѣхъ русскихъ продуктовъ
у Як. Мих. Герви.
Генеральный представитель **J. GUERVIT**
24, rue Albouy, Paris-10e



МЕДВѢДЬ (L'OURS)

PLACE DUPLEIX — PARIS (XV)

Ресторанъ открытъ отъ 12 ч. дня до 2 ч. ночи.
Ежедневно свѣжіе продукты. Лучшія вина.
Отдѣльное помѣщеніе для подписныхъ обѣдовъ. Музыка, программа, танцы.

Первая Русская Колбасная Фабрика

ФАЛИКЪ

41, rue Broca PARIS-5e

Изготовляетъ всѣ сорта рус. колбасъ высшаго качества. Цѣны умѣренныя.
Доставка на домъ.
Заказы принимаются по телефону
Gobelins 24-24

Ресторанъ «ДЖИГИТЪ»
19, Boul. Edgar Quinet-14e (Montparnasse)
ЗАВТРАКИ и ОБѢДЫ
ЦѢНЫ ОБЩЕДОСТУПНЫЯ
Ежедневно играютъ и поютъ балалаечники подъ управленіемъ
М. К. Геращеневскаго

РУССКІЙ РЕСТОРАНЪ
65, RUE LETELLIER, (XVe)
Métro : Cambronne, Commerce, Tr. 25, 26.
ОБѢДЫ — **6** фр. **50** и à la carte.
Новый залъ для подписныхъ обѣдовъ.

Винно - Гастрономическій Магазинъ
ШИШМАНЪ и Ко
28, rue du Champs de Mars, 28

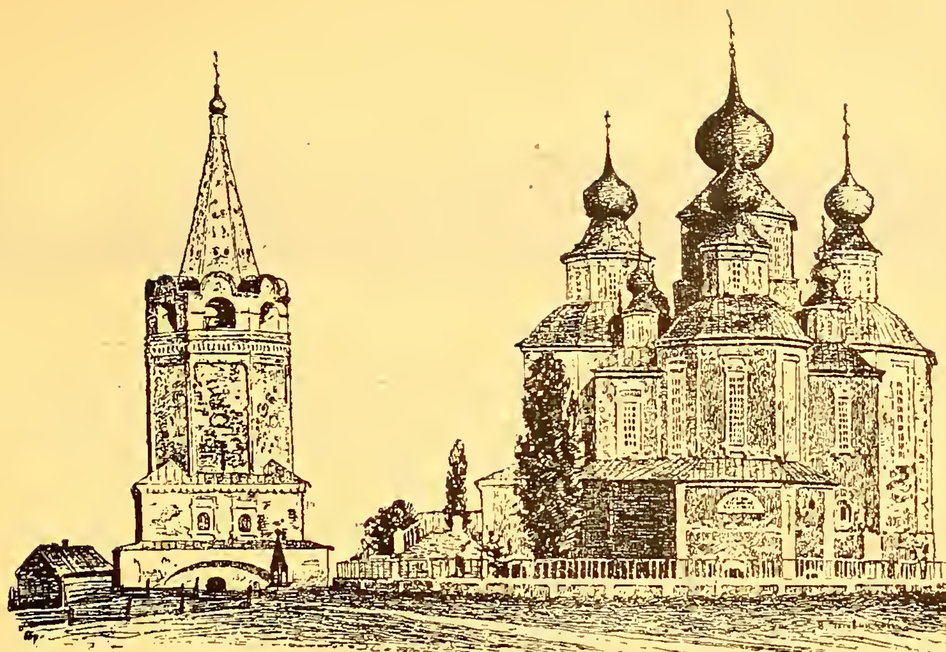
Всѣ русскіе продукты
Цѣны умѣренныя.
Пріемъ посылокъ въ провинцію и въ Россію.

РЕСТОРАНЪ БРАГА

70, RUE SEBASTIEN-MERCIER, PARIS (XV)

Уголъ Convention et St-Charles, M-ro Beaugrenelle, Aut. AH, Y.
Tram. 123-124, 18. Цѣны доступны всѣмъ. Стоянка автомобилей.

Вниманію казаковъ.
Русскій Винно-Гастрономическій и Бакалейный магазинъ
231, rue de la Convention,
Métro Convention, вблизи рус. поликлиники
Всевозможные русскіе, итальянскіе и восточные продукты и сладости.
Вина, водки, ликеры.
Горячія и холодныя закуски.
Цѣны дешевле, чѣмъ всюду.



Старочеркасскій Соборъ

Войсковой Атаманъ Войска Донского

Степанъ Даниловичъ Ефремовъ

(1753 — 1772)

Сынъ Войскового Атамана Данилы Ефремовича Ефремова.

Въ 1764-мъ году императрицей Екатериной II былъ впервые присланъ запросъ Атаману о заселенныхъ и пустующихъ земляхъ на Дону и о войсковыхъ доходахъ.

Нежеланіе Атамана давать отчетъ Петербургу во внутреннихъ дѣлахъ Войска, а также неосновательное подозрѣніе въ сношеніяхъ Черкасска въ Крымскимъ ханомъ, привело въ 1772-мъ году къ аресту Степана Даниловича Ефремова, увозу его въ Петербургъ и заточенію въ Петропавловскую крѣпость.

Во время атаманствованія С. Д. Ефремова донскіе казаки участвовали:

1) въ Семилѣтней войнѣ (полки: Краснощекова, Пушкарева, Луковкина, Попова, Себрякова, Дячкина, Туровѣрова, Перфильева, Ребрикова и Машенкина);

2) въ конфедеративной войнѣ противъ поляковъ и

3) въ первой Турецкой войнѣ (1769-1774).

ВЪ МИРНОЕ ВРЕМЯ

Если хочешь — бѣги, но храни
Нерушимый на сердцѣ завѣтъ:
Съ нимъ ты правъ, хоть темны твои дни,
Безъ него — оправданія нѣтъ.

Если можешь — останься, но жди,
Охраняй разоряемый домъ,
Затаи ожиданье въ груди,
Умирай на погостѣ родномъ.

Гдѣ бъ ты ни былъ — умчался ли въ даль,
Иль скитаешься въ отчихъ краяхъ, —
Береги, какъ святыню, печаль
О минувшихъ, но будущихъ дняхъ.

И страшись только сердцемъ упасть
Въ безпечалья позорящій плѣнъ:
Есть у прошлаго страшная власть
И она не прощаетъ измѣнъ.

В. Хрусталевъ

БАГРЕНЬЕ

Знаютъ всѣ икру Урала
И уральскихъ осетровъ,
Только знаютъ очень мало
Про уральскихъ казаковъ.

(Казачья пѣсня)

Кажется мнѣ, что тотъ, кто никогда не бывалъ на Уралѣ или же не встрѣчался съ уральскими казаками, даже и не слыхалъ такого слова, а, между тѣмъ, багренье — это цѣлое событіе въ жизни уральцевъ.

Багренье — особый видъ зимняго рыболовства. Я думаю, что не ошибусь, если скажу, что оно существовало только на Уралѣ.

Багренье — торжество, казачій праздникъ.

Съ осени, съ началомъ первыхъ холодовъ, красная рыба — осетры, севрюга — идетъ на зимовку. Она собирается въ станки (стада) и, выбравъ себѣ мѣсто, опускается на дно, гдѣ и проводитъ время до теплыхъ дней. Казаки слѣдятъ за Ураломъ и замѣчаютъ эти мѣста.

Обычно около Рождественскихъ праздниковъ особая комиссія изъ стариковъ, наблюдающихъ за Ураломъ, опредѣляла, что ледъ достаточно окрѣпъ, чтобы выдержать все Войско. Назначался день. Заблаговременнс приготовлялись багры, подбагренники, пѣшни, чистилась сбруя, подновлялись сани, пеклись багренныя витушки и наканунѣ, въ ночь, казаки на лучшихъ коняхъ выѣзжали на багренье. Ѣхали туда же жены и дѣти.

Казаки и казачата одѣты въ спеціальный багренный костюмъ: папаха съ малиновымъ верхомъ, черная суконная куртка, заправленная въ бѣлые холщевые

шаровары и подпоясанная малиновымъ кушакомъ. Казачки одѣты по праздничному — въ бархатныя на лисьемъ мѣху шубы и въ дорогія шали.

Выѣзжали цѣлыми станицами, ѣхали и въ одиночку, но всѣ сливались въ одинъ потокъ саней и двигались, не нарушая порядка, куда велъ головной. Тамъ ставили лошадей въ строгіе правильные ряды. Казаки выстраивались на обоихъ берегахъ Урала длиннымъ фронтомъ и ждали. Казачки веселыми группами толпились сзади.

На берегу стояла киргизская кибитка, и около нея собирались старшіе чины Войска, ихъ семьи.

Около девяти часовъ, въ дали, на фонѣ снѣжной степи, показывалась тройка, конвоируемая конными казаками. Ѣхалъ атаманъ.

Тройка подкатывала къ кибиткѣ, и атаманъ, выйдя изъ саней, громко здоровался со станичниками. Дружный громкій отвѣтъ Войска несся въ морозномъ воздухѣ.

Потомъ наступала торжественная тишина. На ледъ, на середину Урала, выходилъ багренный атаманъ и давалъ знакъ къ началу багренья.

***

Колыхнулись ряды казаковъ и бѣгомъ двинулись къ Уралу. Съ длинными баграми въ рукахъ прыгали казаки съ яра въ глубокій снѣгъ, катились по нему внизъ и бѣжали по льду на стремя Урала. Останавливались и пѣшнями начинали пробивать во льду небольшія проруби. Проходило нѣсколько секундъ. Толстый ледъ прорубленъ. Почти одновременно поднимались длинныя древки багровъ, образуя цѣлый лѣсъ, и тотчасъ же погружались въ проруби. Начиналось багреніе.

Рыба, напуганная шумомъ, поднималась и шла подо льдомъ, но встрѣчала на своемъ пути багры и, поддѣтая крюкомъ, подтягивалась ко льду. Сейчасъ же пробивалась большая прорубь и черезъ мгновенье рыба, подхваченная еще нѣсколькими подбагренниками, уже билась на льду и замерзала. Подъѣзжали сани съ флагомъ; казаки, часто съ трудомъ, клали на нихъ огромную рыбу и увозили въ баракъ на берегу, куда складывался весь уловъ.

Съ большимъ вниманіемъ и интересомъ слѣдила толпа на берегу за тѣмъ, что дѣлалось на льду, и появленіе каждой новой рыбы встрѣчалось восторженнымъ гуломъ.

Первый день, по обычаю, разбагривали лучшую ятовь недалеко отъ Уральска; багренье было особое. Царское багренье. Царю въ даръ Войско отправляло по традиціи весь этотъ уловъ. Большіе обозы, а въ послѣднее время нѣсколько вагоновъ, груженыхъ рыбой, шли ежегодно въ Петербургъ, «въ презентъ».

***

Къ полудню начинали разъѣзжаться.

Застоявшіеся на морозѣ кони рвались впередъ, и казаки, довольные хорошимъ уловомъ, давали имъ полную волю. Начиналась скачка. По ровной широкой дорогѣ, обгоняя другъ друга, неслись въ санкахъ казаки. Крупной рысью шли сытыя лошади, забрасывая снѣжной пылью сѣдоковъ.

Вихремъ пролетаетъ мимо васъ пара въ маленькихъ санкахъ. Пригнувшись слегка къ передку и выставивъ одну ногу изъ саней, сидитъ казакъ. Папаха, брови, усы и борода его бѣлы отъ инея, и онъ, понемногу отпуская возжи, даетъ лошадямъ все больше и больше хода. А рядомъ съ нимъ, откинувшись, повернувъ голову отъ вѣтра и летящаго изъ подъ копытъ снѣга, сидитъ молодая казачка съ раскраснѣвшимся счастливымъ лицомъ, взвизгиваетъ слегка на ухабахъ, и смѣются ея черные глаза изъ подъ соболиныхъ бровей и сверкаютъ на солнцѣ бѣлые зубы. А за ними, догоняя или уже обгоняя, мчится другая пара, тамъ третья, четвертая... И, глядя на нихъ, вы чувствуете, что сегодня праздникъ, особый, уральскій праздникъ.

Бодрые и веселые, казаки возвращаются домой. Ихъ ждутъ пироги, лепешки и весело кипящій самоваръ. Послѣ мороза пріятно побаловаться чайкомъ и въ тепломъ уютѣ вспомнить и разсказать, что было утромъ.

А къ вечеру начинались опять сборы, и рано утромъ, часто и ночью, уѣзжали казаки снова багрить, на этотъ разъ уже для себя, на другіе рубежи. И такъ продолжалось нѣсколько дней.

Дворы купцовъ рыбниковъ бывали завалены рыбой и тамъ кипѣла работа. Распарывались огромныя рыбы и вываливались въ рѣшета мѣшки икры. Тутъ же ее раздѣлывали, засаливали и наполняли ею большія и маленькія банки. Тутъ же пластали рыбу на балыки и тешку.

У каждаго рыбника гости, и онъ съ гордостью водитъ ихъ по двору. Да и было, чѣмъ похвалиться. Бывали бѣлуги въ 60 пудовъ. Если сѣсть на нее верхомъ, то не достать земли ногами. Обойдя дворъ и осмотрѣвъ рыбу, всѣ шли въ комнаты пробовать новую икру и пить чай. Подавалась икра въ большихъ мискахъ, одна миска смѣняла другую, и радушный хозяинъ уговаривалъ попробовать изъ каждой:

— Эта, можетъ быть, лучше: засолъ другой.

Когда гости разъѣзжались, въ сани каждаго клалась банка съ икрой, и никто не смѣлъ отъ нея отказаться.

По всему свѣту разсылали купцы уральскую икру и уральскихъ осетровъ, и весь міръ лакомился ими.

Но многіе ли знали, какъ казаки доставали эти сокровища изъ «Яика, золотого донышка»?

Б. Кировъ

Поздравляемъ Уральское и Сибирское казачество, во главѣ съ Атаманами, съ Войсковымъ Праздникомъ и шлемъ казакамъ и казачкамъ наилучшія пожеланія. *РЕДАКЦІЯ «КАЗАЧЬЯГО ЖУРНАЛА»*

„Въ степи широкой, подъ Икаиомъ"

(Изъ книги К. К. Абаза «Казаки», 1890 г.)

«По завѣту Петра Перваго, русскіе люди подвигались въ глубь Средней Азіи съ двухъ сторонъ: отъ Урала и со стороны Сибири. Шли впередъ не потому, чтобы жаждали новыхъ земель, а въ силу необходимости: того требовали выгоды торговли, обереженіе границы отъ разбойничьихъ наѣздовъ тамошнихъ народовъ.

Наши караваны подвергались разграбленію, русскіе промышленники и казаки, не десятками или сотнями, а тысячами томились въ неволѣ; ихъ продавали на рынкахъ Хивинскаго ханства, какъ рабочую скотину.

Но прежде, чѣмъ добраться до Хивы, пришлось втянуться въ долгую войну, построить на берегу Каспія укрѣпленія, овладѣть теченіемъ Сыръ-Дарьи, штурмовать коканскія и бухарскія крѣпости.

На рубежѣ этой многолюдной и обширной страны остановилось нѣсколько оренбургскихъ и сибирскихъ линейныхъ батальоновъ.

Суровыя, опаленныя зноемъ лица старыхъ николаевскихъ солдатъ ясно говорили, что они прошли тяжелую школу труда, лишеній, что они не мало настрадались въ непривычной для нихъ странѣ.

Десятки лѣтъ подвигались шагъ за шагомъ линейцы въ киргизскихъ степяхъ, прожигаемые палящими лучами солнца, или шли навстрѣчу зимнимъ буранамъ.

Сегодня линейцы лежали въ канавѣ, съ ружьемъ на прицѣлкѣ, а завтра копали землю, насыпали бруствера, рубили деревья. Имъ приходилось то взбираться по зыбкой лѣстницѣ на высокія стѣны коканской крѣпости, то мѣсить глину, дѣлать кирпичъ, выводить стѣны, класть своды.

На пустынныхъ берегахъ Сыръ-Дарьи или Каспійскаго моря появились пароходныя пристани, церкви, госпитали, казармы, сады — все это построено руками линейцевъ; каждый камень, каждая щепотка земли — дѣло ихъ рукъ.

За то какихъ-нибудь семь линейныхъ батальоновъ не только покорили, а обстроили пограничную линію отъ Урала до китайской границы.

Рядомъ съ линейнымъ солдатомъ шелъ казакъ, этотъ его вѣрнѣйшій другъ, окрещенный именемъ «Гаврилыча».

Сколько разъ запасливый и смѣтливый Гаврилычъ выручалъ линейца изъ бѣды? Сегодня онъ подѣлится съ нимъ хлѣбушкомъ, завтра дастъ испить водицы, послѣзавтра подвезетъ усталую «крупу» на своей лошадкѣ.

Онъ берегъ его сонъ, очищалъ ему путь, добывалъ баранту, рядомъ съ нимъ ковырялъ землю, стоялъ на валу.

Кромѣ того, что уральцы составляли гарнизоны дальнихъ степныхъ укрѣпленій, они, какъ уже сказано, наряжались во всѣ экспедиціи для изслѣдованія края, они гонялись по степямъ за разбойничьими шайками; уральцы же составляли почетный конвой киргизскихъ султановъ, нашихъ друзей.

И первый подвигъ въ Туркестанскомъ краѣ, подвигъ, прогремѣвшій на всю Среднюю Азію, совершенъ уральскими казаками.

Это было въ 1864-мъ году, когда наши взяли города Туркестанъ и Чемкентъ; отъ Ташкента же, по малочисленности силъ, пришлось отступить.

На усиленіе передового отряда была послана изъ форта Перовскаго уральская сотня, подъ начальствомъ есаула Сѣрова.

1-го декабря Сѣровъ вступилъ въ Туркестанъ, а черезъ три дня его уже отправили на розыскъ.

Прошелъ слухъ, что за городомъ появилась шайка въ нѣсколько сотъ человѣкъ; надо было ее разогнать, потому что какъ разъ въ это время наряжался транспортъ въ Чемкентъ.

На праздникъ Варвары, послѣ полудня, Сѣровъ выступилъ изъ города со своею сотней. Въ ней находился сотникъ Абрамичевъ, 5 урядниковъ, 98 казаковъ и 4 артиллериста при горномъ единорогѣ.

Отъ встрѣчныхъ киргизъ казаки узнали, что селеніе Иканъ, отстоящее въ 20 верстахъ отъ города, уже занято непріятелемъ, но въ какомъ именно числѣ, киргизамъ неизвѣстно.

Стало уже темнѣть, когда сотня подходила къ Икану, правѣе котораго горѣли огни.

Сѣровъ остановился и послалъ киргиза Ахмета узнать, что это за огни? Киргизинъ скоро вернулся съ отвѣтомъ:

— Непріятеля такъ же много, какъ камыша въ озерѣ.

Тогда Сѣровъ отвелъ свою сотню нѣсколько назадъ, занялъ канавку, которую раньше намѣтилъ, и приказалъ спѣшиться. Казаки живо развьючили верблюдовъ, окружили себя завалами изъ мѣшковъ съ провіантомъ и фуражемъ, лошадей уложили въ середину и сами залегли по краямъ.

Между тѣмъ коканцы сверху ихъ замѣтили. Не успѣли еще казаки приладиться, какъ конная толпа, приблизившись «тихимъ молчаніемъ», вдругъ съ визгомъ и оглушительнымъ крикомъ кинулась въ атаку.

Уральцы дали залпъ, артиллеристы угостили картечью, что сразу поубавило азіатскій пылъ. Много убитыхъ и раненыхъ осталось на мѣстѣ.

Оправившись, коканцы, съ криками «Алла! Алла!» налетѣли вторично — опять ихъ отбили съ такой же потерей. Еще раза два-три они повторили атаку и, наконецъ, оставили уральцевъ въ покоѣ.

Въ виду небольшой кучки казаковъ коканцы расположились станомъ, среди котораго скоро запы-

лали костры. Опасность часъ отъ часу становилась очевиднѣй: уйти ночью нельзя, бороться въ открытую — нѣтъ мочи; оставалось приподнять завалы да дождаться выручки.

Къ счастью, среди уральцевъ находились люди, бывалые, со знаками отличій, которые не разъ встрѣчались съ коканцами въ полѣ; были между ними даже севастопольцы.

Такіе люди не робѣютъ, не падаютъ духомъ, что бы тамъ ни случилось, а распорядительность офицеровъ довершила остальное.

Непріятель всю ночь палилъ изъ своихъ трехъ орудій; казаки отстрѣливались изъ единорога, пока не сломалось колесо.

Съ разсвѣтомъ огонь усилился. Гранаты и ядра все чаще и чаще ложились въ отрядъ, убивали лошадей, ранили людей. Въ то же время къ непріятельскому стану то и дѣло подбѣгали изъ Икана сарбазы, коканская пѣхота, стрѣлявшая изъ ружей. Казаки больше мѣтили въ артиллеристовъ, снимали джигитовъ, подъѣзжавшихъ, ради удовольствія, поближе; попадали въ начальниковъ, отличавшихся своимъ нарядомъ, лошадьми и конскимъ уборомъ.

Многіе вызывались, было, броситься въ штыки, однако, Сѣровъ не позволилъ. Имъ и въ голову не приходило, что передъ ними не шайка бродячая, а цѣлая коканская армія, съ пѣхотой, артиллеріей, обозомъ, боевыми припасами, силой отъ десяти до двѣнадцати тысячъ.

Алимкулъ, правитель ханства Коканскаго, послѣ удачной защиты Ташкента распустилъ слухъ, что идетъ къ себѣ домой, а, между тѣмъ, обошелъ нашъ передовой отрядъ, выдвинутый къ Чемкенту, и прямо двинулся на Туркестанъ, въ надеждѣ его отнять. Въ случаѣ удачи онъ могъ бы надѣлать намъ большихъ хлопотъ.

Время было зимнее, глухое, никто не ожидалъ отъ коканцевъ такой прыти. Какъ же злились они теперь, что горсть «урусовъ» разрушила ихъ тонкіе разсчеты!

Атаковать отрядъ открыто они боялись, считали, что онъ гораздо больше, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ, и придумали плесть изъ хвороста щиты, чтобы, прикрываясь ими, «идти подкатомъ», то-есть, подъѣзжать на двухколесныхъ арбахъ.

Они продолжали отстрѣливаться такъ же спокойно, мѣтко, какъ въ первую минуту боя; всѣ 4 артиллериста полегли у своего единорога; уральцы заступили ихъ мѣсто; причемъ должны были перетаскивать на рукахъ подбитое орудіе.

Около двухъ часовъ пополудни со стороны города раздались орудійные выстрѣлы; казаки были увѣрены, что къ нимъ поспѣшаютъ на помощь: они участили пальбу, все чаще и чаще поглядывали назадъ — вотъ-вотъ покажется выручка!

Здоровые встрепенулись, точно въ нихъ удвоились силы; раненые ожили; приподнимая головы, они глядѣли мутными очами туда же... Пальба то прекращалась, то снова усиливалась; сомнѣнія не могло быть ни малѣйшаго — это наши: они сейчасъ появятся изъ-за бугра...

Но пальба вдругъ смолкла, еще одинъ-другой выстрѣлъ, и прикончилась. Казаки опять остались одни.

А дѣло было такъ.

По выстрѣламъ отъ Икана въ городѣ догадались, что казаки отбиваются, и на утро комендантъ выслалъ небольшой отрядъ, въ полтораста человѣкъ, съ двумя пушками, но съ такимъ приказаніемъ, что, если непріятель окажется черезчуръ силенъ, то въ бой съ нимъ не вступать, а отойти назадъ.

Въ такомъ большомъ городѣ, какъ Туркестанъ, всего то находилось 2½ роты, такъ что каждый защитникъ былъ на счету. Отрядецъ не дошелъ до казаковъ версты три-четыре, такъ какъ былъ окруженъ сильными толпами конныхъ, угрожавшихъ отрѣзать его отъ города.

Тогда онъ повернулъ назадъ, съ трудомъ уже пробился къ Туркестану, а въ 6 часовъ вечера непріятель разсыпался въ городскихъ садахъ. Въ цитадели явственно слышались звуки непріятельскихъ трубъ. Положеніе защитниковъ многолюднаго города, въ виду окружавшей ихъ измѣны, также становилось опаснымъ...

***

Былъ удобный случай соблазнить казаковъ на уступку.

Алимкулъ прислалъ записку:

— Куда теперь уйдешь отъ меня? Отрядъ, высланный изъ Азрета — такъ назывался у нихъ Туркестанъ, — разбитъ и прогнанъ назадъ; изъ тысячи твоихъ, — Алимкулъ, видно, плохо считалъ, коли сотню принялъ за тысячу, — не останется ни одного; сдайся и прими нашу вѣру; никого не обижу!..

Доблестный командиръ сотни не отвѣчалъ; казаки отвѣтили за него мѣткой пальбой. Къ ночи они насыпали нѣсколько новыхъ заваловъ, подтащили убитыхъ лошадей, верблюдовъ и приготовились дорого продать свою жизнь.

Всѣ думали, какъ одинъ. Розни не было.

Наступила ночь.

Сѣровъ написалъ записку коменданту.

Бравые казаки Борисовъ и Акимъ Черновъ съ киргизомъ Ахметомъ, вызвались доставить ее въ городъ.

Они надѣли, поверхъ полушубковъ, ружья, взяли по револьверу и, принявъ напутствіе, исчезли въ темнотѣ. То пробираясь между огней, то между коканскихъ разъѣздовъ, избѣгая встрѣчныхъ партій, эти отважные люди появились въ 9 часовъ, точно выходцы съ того свѣта, въ городскихъ воротахъ.

***

Пересидѣли въ истомѣ уральцы другую ночь, — вотъ и праздникъ заступника Русской земли — святителя Николая.

— Заступится ли онъ за насъ, грѣшныхъ? — думалъ каждый про себя.

А, между тѣмъ, казаки насчитали 16 щитовъ, готовыхъ двинуться подкатомъ.

Сѣровъ выступилъ изъ-за валовъ и подалъ знакъ рукой, что хочетъ говорить. Съ ихъ стороны подошелъ коканецъ съ ружьемъ. Сѣровъ, поглядывая на дорогу, завязалъ переговоры. Въ этихъ переговорахъ прошло около двухъ часовъ и, должно быть, коканцы замѣтили, что нашъ есаулъ хочетъ только оттянуть время; щиты придвинулись; трое пѣшихъ приблизились незамѣтно, ползкомъ.

— Ваше Благородіе! — закричали казаки: уходите, стрѣлять будемъ!

Въ 7 часовъ утра закипѣлъ отчаянный бой.

Непріятель палилъ жарко, наступая разомъ съ трехъ сторонъ. Всѣ лошади были перебиты, 37 человѣкъ лежали уже мертвые; раненые, припавъ ничкомъ къ землѣ, молча ждали смерти; остальные выглядѣли не лучше мертвецовъ: глаза красные, воспаленные; голова, какъ въ огнѣ, лица черныя, измученныя; во рту пересохло. Они уже забыли, когда ѣли, жажда мучила ихъ ужасно.

Въ какомъ-то чаду казаки отбили четыре атаки, одна за другой. Дальше держаться они были не въ силахъ, но пробиться надѣялись: отчаяніе способно придать нечеловѣческую силу. Заклепавъ свой единорогъ, уральцы собрались въ кучку, крикнули, что было мочи, «ура!» и ринулись наудалую.

***

Бывали случаи, что кучка бойцовъ геройски умирала подъ напоромъ тысячной толпы, но тутъ случилось нѣчто необычное: горсть пѣшихъ казаковъ, голодныхъ, изнуренныхъ трехдневнымъ боемъ, пробивается успѣшно черезъ непріятельскую конницу. Въ рукахъ у нихъ были только ружья; была еще дерзкая отвага, готовность умереть. Это-то и устрашило коканцевъ.

Они не посмѣли напасть сразу, сокрушить однимъ ударомъ, а подвозили на крупахъ лошадей пѣшихъ сарбазовъ, а тѣ уже разстрѣливали проходившихъ мимо уральцевъ. Но, если кто-либо изъ послѣднихъ, истекая кровью, падалъ на землю, то конные налетали съ дикимъ восторгомъ на свою жертву и спѣшили отрѣзать у несчастнаго голову. Часто мѣткая пуля снимала такого хищника въ минуту его торжества, когда онъ поднималъ свою добычу. Жутко, обидно становилось на душѣ за такое издѣвательство! Всякій шелъ, пока только могъ влачить свои ноги; раненыхъ вели подъ руки до полнаго истощенія силъ. То тамъ, то тутъ, среди небольшой кучки шепталъ казакъ:

— Прощай, товарищъ!

Это значитъ, приходилъ ему конецъ.

Сотнику Абрамичеву пуля попала въ високъ, онъ пошелъ подъ руку; другая пуля ударила въ бокъ, — онъ продолжалъ переступать; наконецъ, разомъ двѣ пули прострѣлили ему ноги.

— Рубите скорѣй голову, не могу идти! — вскрикнулъ сотникъ отчаяннымъ голосомъ, склоняясь къ землѣ.

Послѣ едва узнали его истерзанный трупъ.

Тяжекъ былъ пройденный путь!

Онъ обозначался слѣдами крови, изломанными ружьями, обезглавленными трупами.

Зимній день кончался. Начинало темнѣть.

Напрягая послѣднія силы, уральцы все шли да шли. Наконецъ, подъ самымъ городомъ они услыхали ружейные залпы, все ближе, ближе, и вотъ, съ пригорка бѣгутъ имъ навстрѣчу съ радостными криками наши солдаты... Вздохнули казаки свободно, перекрестились: то была вторая выручка, высланная какъ разъ во время, чтобы принять на руки уцѣлѣвшихъ бойцовъ.

Ихъ уложили на подводы.

Такъ, на подводахъ и привезли страдальцевъ прямо въ лазаретъ.

Иканская сотня потеряла половину своего состава; сверхъ того, 36 человѣкъ были ранены, артиллеристы тоже.

***

Государь пожаловалъ тогда всѣмъ иканскимъ героямъ знаки отличія военнаго ордена, а есаулу Сѣрову — орденъ св. Георгія 4 ст. и слѣдующій чинъ.

Царская грамота 6-го мая 1884-го года отмѣчаетъ этотъ подвигъ уральцевъ:

«Начавъ первую боевую службу свою, какъ показываютъ историческіе документы, въ 1591-мъ году, участіемъ въ походѣ Царскихъ войскъ противъ шамхала Тарковскаго, Уральское войско съ той поры служило живымъ оплотомъ государства, охраняя значительную часть границъ его отъ набѣговъ кочевыхъ народовъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, принимало участіе и во внѣшнихъ войнахъ, являя всегда примѣръ самоотверженія и воинской доблести; при завоеваніи же Туркестанскаго края и водвореніи въ немъ порядка, оно, съ самыхъ первыхъ шаговъ туда Нашихъ войскъ, несло непрерывные труды и ознаменовало себя въ многочисленныхъ бояхъ, въ особенности же въ 1864-мъ году, въ дѣлѣ противъ коканцевъ подъ Иканомъ, подвигами отваги и мужества»...

Памяти генерала Э. А. Мистулова

Въ началѣ ноября 1918-го года коммунисты повели наступленіе со стороны Минеральныхъ Водъ на жидкія цѣпи терскихъ казаковъ, занимавшихъ позиціи на востокъ отъ береговъ рѣки Малки, по долинѣ Куры, на протяженіи болѣе 50-ти верстъ.

Отъ неравной борьбы, которая продолжалась болѣе четырехъ мѣсяцевъ, казаки несли громадныя потери убитыми. Съ наступленіемъ же холодной погоды, скудно питавшіеся и не имѣвшіе теплой одежды и обуви, казаки стали страдать отъ эпидемій тифа и маляріи. Позиція тянулась тогда по болотистой, заросшей камышемъ и водорослями, долинѣ р. Куры.

Изсякли скудные боевые запасы патроновъ, орудій на весь фронтъ было 6-8, снарядовъ ограниченное количество. Связи съ Добровольческой арміей, наступавшей со стороны Кубани, не было, и казаки - терцы были лишены моральной поддержки.

Поэтому, когда, въ началѣ ноября, коммунисты навалились всей массой на жидкія цѣпи казаковъ, — фронтъ дрогнулъ, казаки откатились назадъ. Часть, потерявъ надежду на успѣхъ, разошлась по станицамъ.

7-го ноября генералъ Э. А. Мистуловъ у станицы Прохладной пытался съ остатками бойцовъ задержать противника, но казаки окончательно пали духомъ. Не желая оставить свой постъ, генералъ Мистуловъ, слѣдуя девизамъ: «мертвые сраму не имутъ» и «со щитомъ или на щитѣ», оставшись наединѣ, покончилъ счеты съ жизнью.

***

Генералъ Мистуловъ коренной офицеръ 1 Волгскаго полка Терскаго казачьяго войска, въ рядахъ котораго онъ прослужилъ болѣе 20-ти лѣтъ, участникъ трехъ войнъ: Китайской (боксерское движеніе), Японской и Великой. Своей беззавѣтной храбростью онъ прославился еще въ Японскую войну, въ рядахъ Терско-Кубанскаго полка, когда за рядъ подвиговъ онъ былъ награжденъ всѣми наградами до Георгіевскаго креста включительно.

Въ Великую войну командовалъ 2 Сунженскимъ полкомъ Терскаго казачьяго войска, и 1 Кавказскимъ полкомъ Кубанскаго войска, на Турецкомъ фронтѣ, и во главѣ своихъ полковъ не разъ ходилъ въ конныя атаки. Своей отвагой генералъ прославился далеко за предѣлами Терека и Кубани.

Необыкновенно чуткій въ жизни, съ добрымъ сердцемъ, прекраснымъ характеромъ, онъ располагалъ къ себѣ всѣхъ, съ кѣмъ ему приходилось встрѣчаться. Въ немъ не было ничего показного. Онъ не искалъ популярности. Всегда скромный, жизнерадостный, веселый, онъ держался съ ласковымъ достоинствомъ. Его совѣсть была кристально чиста. Словомъ, онъ воплощалъ въ себѣ «рыцаря безъ страха и упрека».

Спартанецъ въ жизни, онъ и окончилъ жизнь свою спартанцемъ — «на щитѣ».

Генералъ Мистуловъ принадлежалъ къ разряду тѣхъ безстрашныхъ людей, которые стоятъ выше жизни и властно распоряжаются своей жизнью и смертью. Онъ ушелъ отъ насъ, но и обрывая свою жизнь, призвалъ продолжать борьбу за Россію.

Намъ, друзьямъ и соратникамъ Эльмурзы Асланбековича, остается сказать:

— Миръ праху твоему, доблестный и дорогой Эльмурза, —

и хранить память о немъ въ назиданіе потомству.

К. Л.

УТОЛИ МОЯ ПЕЧАЛИ

1.

Послѣ тихаго житія въ старинной русской Островной обители, о. Панкратій широко открылъ глаза, когда, выйдя съ вокзала, ступилъ на торцовую мостовую огромнаго европейскаго города.

Преизобильная суета мірская била въ глаза и слѣпила.

Между тѣмъ, необходимость ходить отъ одного высокаго духовнаго лица къ другому, дабы опредѣлить свое служебное положеніе, приковала о. Панкратія къ улицѣ.

И вотъ, то, что, казалось, безвозвратно опустилось на дно преобореннаго житейскаго моря, теперь всплывало и тревожило монашеское сознаніе воспоминаніемъ пережитого въ юности подъ подобный же шумъ россійской столицы.

Тогда, въ поискахъ чуда, онъ дѣлилъ надежду узрѣть его своими чувственными очами или на порталахъ богатаго собора, гдѣ волна смѣняла волну богомольцевъ, приходившихъ къ протоіерею прозорливцу, или у скромныхъ келій Оптиной пустыни, гдѣ преемственно жила идея старчества и гдѣ старцы учили и цѣлили приходившихъ къ нимъ потерявшихъ пути людей.

И тамъ и здѣсь онъ оказался въ числѣ избранныхъ и близкихъ.

Юноша отъ сермяжной Руси съ заливчатымъ голосомъ и немного грубоватымъ откровеннымъ смѣхомъ, съ мечтательнымъ взоромъ, съ крѣпкими сильными руками и высокимъ здоровымъ станомъ, онъ привлекалъ симпатіи и ходившаго въ шелку и бархатѣ столичнаго протоіерея и глубоко-умнаго простоватаго старца.

Старецъ однажды примѣнилъ его, какъ длань, разящую грѣшника.

Сидѣли они въ кельѣ за утреннимъ послѣ ранней обѣдни чаемъ. Старецъ предложилъ просфору и, подавая ему большую часть, съ полнымъ блюдечкомъ земляничнаго варенья, молвилъ:

— Угощайся, Петръ (былое его мірское имя), подкрѣпляй тѣлеса свои, тебѣ нонѣ будетъ работа.

— Какая, отецъ, работа?

— Будетъ, а какая — про то я знаю...

Начался пріемъ пришедшаго люда. Старецъ велѣлъ Петру оставаться въ кельѣ и ждать, когда онъ его позоветъ.

Въ пріоткрытую дверь въ пріемную Петръ наблюдалъ за приходящими и выходящими отъ старца. И видитъ: вошелъ рослый красивый человѣкъ, съ проборомъ во всю голову, съ подстриженными усами, въ дорогомъ, прекрасно сидящемъ на немъ, городскомъ костюмѣ.

— Вонъ какой тузъ пожаловалъ нынѣ къ старцу, — подумалъ Петръ и вдругъ слышитъ, старецъ зоветъ:

— Иди, — говоритъ, — Петръ, твоя работа пришла... Ну-ка, проводи съ честью отсюда сего мазурика!

Петръ заколебался.

— Чего остановился? — спрашиваетъ старецъ. — Гони его!

Петръ повиновался. А старецъ снова поощряетъ:

— За дверь его, за дверь. — И Петръ изгналъ всенародно изъ кельи столичнаго франта.

На завтра повторилась та же картина. Купецъ пришелъ снова, снова просилъ старца выслушать его, и снова старецъ, рукой Петра, наказалъ его и выгналъ отъ себя. И такъ троекратно. На четвертый разъ старецъ допустилъ къ бесѣдѣ вернувшагося купца:

— Ну, что? Обдумалъ, голубь, за что отъ меня наказуемъ былъ?

— Обдумалъ...

— То-то...

Послѣ бесѣды, просвѣтленный и съ открытымъ взоромъ, вышелъ отъ старца купецъ. Идетъ по лѣсу и на міръ Божій радуется. Увидалъ за березой Петра. Тотъ по ея стволу вытянулся. — Авось-де, пройдетъ, не замѣтитъ... — Но купецъ подошелъ къ нему и радостно благодарилъ за содѣйствіе.

Петръ долго не могъ безъ смѣха вспомнить объ этомъ случаѣ. Подумать... Чудо?..

На сѣверѣ все вышло куда чудеснѣе.

Прозорливецъ временами учинялъ общую исповѣдь толпамъ богомольцевъ... Какіе только грѣхи тогда ни назывались вненародно! Не однажды юный Петръ ощущалъ, какъ волосы у него сами собой поднимались отъ затылка и даже до маковицы и какъ мурашки бѣгали по тѣлу.

Но то, что случилось, пошло не отъ общей исповѣди, не отъ толпы, вопящей и самоистязующейся, а отъ одной русской красавицы. Только въ сказкахъ о ней сказывалось.

Высокая, стройная, лицо, что твой цвѣтъ садовой яблони, съ любовью взращенной садовникомъ. Въ глазахъ несказанная загадка — лукавство со смиреніемъ и неугасаемый вызовъ.

Молодая соломенная вдова. Чего она искала у ризъ прозорливца — Петръ не могъ понять.

Одинъ разъ прозорливецъ улыбнулся своей искрящейся улыбкой такъ, что около сѣрыхъ глазъ собрались лапки мягкихъ морщинокъ.

— Вотъ что, Петръ, смотайся-ка ты въ городъ; возьмешь у одной жертвовательницы «воздухи» для нашей домовой церкви.

Того сразу какъ бы осѣнило: это къ той, къ лучезарной. И онъ не ошибся.

И такъ повторялось не однажды. Петръ былъ посылаемъ по различнымъ надобностямъ къ этой женщинѣ. А много ли молодому парню нужно, чтобы плотское желаніе сломило упорство неокрѣпшаго духа...

И жизнь его вдругъ озарилась свѣтомъ неосіяннымъ.

А прозорливецъ черезъ нѣкоторое время призвалъ его къ себѣ и приказываетъ, да такъ, что и отказаться нельзя:

— Тутъ ко мнѣ приводили одержимаго... Такъ ты, Петро, соберись-ка, не откладывая, да отвезешь его въ Оптину, къ старцу... А ту вдову-то безпутную брось...

Буря поднялась въ сердцѣ Петра... — Подумаешь, распорядитель какой нашелся... Самъ-то вонъ какой чревоугодникъ... — Это Петръ возсталъ уже противъ самого прозорливца.

Отправился въ Питеръ, а тамъ и вдова охотно его отпускаетъ и какъ бы подталкиваетъ:

— Поѣзжай, Петруша, миссія-то какая интересная у тебя будетъ...

— Эхъ, красавица, потѣшилась, а теперь не нуженъ больше...

Но поразмыслилъ. Что же другое остается?

Петръ пошелъ за благословеніемъ къ прозорливцу. У того опять лапки мягкія морщинокъ собрались около глазъ, заулыбался, преподалъ благословеніе и отпустилъ.

— Да помни, Петро, сюда спѣшить тебѣ незачѣмъ.

Въ Оптиной старецъ обрадовался ему и прибывшему съ нимъ.

— Что, юноша, забаловался въ Питерѣ... Радость, думалъ, обрѣлъ, а оно тебѣ же испытаніе.

Петръ даже сразу и не внялъ, полагая, что слова старца къ одержимому относятся. Но поднялъ глаза, а старецъ смотритъ строго, но не безъ жалости къ нему.

У Петра тогда стало сомнѣніе возникать, — чего это ради оба прозорливца заговорили съ нимъ загадками. — Понимай, де, а, что понимай, не говорятъ.

Въ Оптиной ему было назначено не отходить отъ одержимаго и вразумлять, когда понадобится. Онъ приводилъ одержимаго къ старцу и отводилъ обратно въ обитель. Было одно непріятное мѣсто по пути изъ скита въ обитель: въ низинѣ, среди ветлъ, угнѣздилось всякаго воронья видимо-невидимо.

Идутъ они поздно вечеромъ съ одержимымъ, а воронье какъ раскаркается, какъ начнетъ кружить, — жуть беретъ...

Старецъ, отпуская ихъ, только посмотритъ загадочно и скажетъ:

— Смотри въ оба, Петръ... Силенъ врагъ рода человѣческаго.

А въ послѣдній разъ добавилъ къ тому:

— Помни, Петръ, про силу крестнаго знаменія.

Удивился тогда Петръ.

— Да неужто же я запамятовалъ...

И опять мысль возвратилась къ старому:

— Должно, опять намекъ на красотку...

О томъ, что произошло въ послѣдній вечеръ, Петръ всегда разсказывалъ, широко открывъ глаза, вновь и вновь переживая, очевидно, испытанный тогда ужасъ.

— Какъ дошли мы до того мѣста окаяннаго... Какъ начало воронье летать... Того и гляди крыльями насъ забьетъ, клювами заклюетъ... И безъ всякаго страха на насъ бросается...

Одержимый съ торжествомъ хохочетъ:

— Что, Петруха, старецъ-то твой?

Тутъ-то Петръ и вспомнилъ: «Помни силу крестнаго знаменія». Самъ себя осѣнилъ крестомъ и окрестилъ бѣсноватаго. Лѣсъ кончился, вороны пропали, и они благополучно добрались до обители: радостный, тихій, выздоровѣвшій больной и онъ, Петръ, со вновь обрѣтеннымъ спокойствіемъ въ душѣ.

Поселился потомъ Петръ въ Пустыни и часто ходилъ къ старцу. А тотъ каждый разъ обрадуется ему и потчуетъ чаемъ съ земляничнымъ вареньемъ.

— Угощайся, юноша, во славу Создателя...

Болѣе, чѣмъ черезъ годъ, Петру, наконецъ, снова пришлось быть въ столицѣ. И ноги снова принесли его къ тому дому; а въ домѣ онъ нашелъ Лидію Андревну, но не одну, а съ нею дѣвочка, только-только ходить начала, и говоритъ забавныя слова: мама, баба... Самъ Петръ преобразился въ ея устахъ въ «Пепя»... Дѣтскія ручки, дѣтское тѣльце, мягкіе каріе глаза, и ласка и свѣтъ насказанный. — Дитя родное.

Сама Лидія Андревна совсѣмъ другая стала. Обрѣла душевное спокойствіе, вѣнецъ матери почилъ на ней, и плоть умирилась, освободивъ духъ.

— Вотъ оно чудо-то... Вотъ къ чему все шло, — повторялъ Петръ, идя къ прозорливцу. А тотъ встрѣтилъ его грустный-грустный. Съ тихой улыбкой на устахъ.

— Ну, вотъ, спасибо, Петя, за содѣянное... Былъ у меня больной-то нашъ... Здоровехонекъ...

Ни о чемъ другомъ прозорливецъ не сталъ говорить съ Петромъ. И такъ въ каждый приходъ къ нему Петра совсѣмъ замкнулся въ себя прозорливецъ и только грустно-грустно улыбается.

Захворалъ потомъ прозорливецъ и умеръ.

Но не его смерть потрясла такъ Петра.

— Захворала и умерла маленькая Дунюшка.

Неизгладимое горе навалилось и вошло въ сердце Петра.

Черезъ какой-то срокъ онъ ушелъ въ Островную обитель. Игуменъ, о. Савватій, любилъ такихъ монаховъ съ мужицкою костью. Онъ навалилъ на послушника Петра огромную чету работы. Петръ со смиреніемъ выдержалъ весь искусъ и потомъ принялъ постриженіе... И такъ до іерейскаго сана.

Съ годами появилась сѣдина, глубоко запавшіе глаза пріобрѣли тихій ровный свѣтъ грусти и смиренія...

А теперь, подъ гулъ чужой столицы, какъ будто рождалось новое — то ли жалость къ давно утраченному, то ли тоска о его невозвратности, а вмѣстѣ съ тѣмъ скорбь о своемъ недостоинствѣ.

II.

Когда іеромонахъ Панкратій отъѣзжалъ изъ Островной обители, онъ былъ полонъ желанія «послужить во имя Господа мятущимся русскимъ людямъ, въ разсѣяніи сущимъ». Въ этомъ была несомнѣнная доля гордыни человѣческой. — Я, іеромонахъ Панкратій, отъ обительской праведности наставлю ихъ на путь истины...

Панкратій это скоро понялъ и осудилъ въ себѣ.

Когда-то въ молодости ему пришлось слышать съ церковнаго амвона отъ ученаго проповѣдника:

— Міръ... то несется онъ на крыльяхъ сатаны, то у края опаснѣйшей стремнины осіяется крыломъ небожителя... — вотъ онъ какой... Міръ-то...

О. Панкратій остался доволенъ, узнавъ, что настоятельница женской обители «Утоли моя печали», куда онъ предназначенъ былъ на службу священникомъ, нрава крутого и неуживчиваго. До него за короткое время существованія обители смѣнились одинъ за другимъ двѣнадцать священниковъ, — онъ шелъ туда тринадцатымъ.

Въ сумрачный и мглистый день, когда уже вечерѣло, о. Панкратій прибылъ въ обитель. Попалъ онъ на пустынный дворъ ея, перейдя неуютный, скользкій горбатый мостъ черезъ каналъ и пройдя заржавѣвшую давно не крашеную калитку въ толстой каменной стѣнѣ, возведенной, видно, очень давно.

Во дворѣ у крана брала воду молодая послушница въ легкомъ черномъ платьѣ и какой-то упрощеннаго фасона кофтѣ и въ апостольникѣ на головѣ.

Когда онъ спросилъ ее, какъ повидать матушку, она, видно, сразу догадавшись о цѣли его пріѣзда, поспѣшно оставила ведро и, попросивъ подождать, быстро побѣжала во внутрь дома, огромнаго обветшалаго барскаго особняка.

О. Панкратій двинулся, было, за ней, а потомъ вдругъ остановился и засмотрѣлся:

— Какъ она бѣжитъ!.. Еле земли касается... Какъ на запрестольномъ образѣ Богоматери — воздушная быстрая поступь съ легкимъ отбиваніемъ ризы стопою...

Видѣніе смутило его и вызвало новый притокъ недовольства собой. Поэтому, когда мать Серафима при первомъ же пріемѣ, подъ общимъ видомъ свѣтской любезности — она была изъ дамъ свѣта — тутъ же показала большую ревность къ своему первенствующему положенію въ обители, то онъ опять счелъ за благо.

— Съ такой не замечтаешься...

Со рвеніемъ приступилъ онъ къ служенію въ обители «Утоли моя печали», тѣмъ болѣе, что видѣлъ, какъ весь молитвенный порывъ, все вниманіе живущихъ, сосредотачивались на церковныхъ службахъ и на томъ небольшомъ строеньицѣ, которое было приспособлено теперь подъ церковку.

Сюда вела широкая, хорошо расчищенная дорожка. Сюда были снесены всѣ, кому-либо изъ насельниковъ обители особенно дорогія, иконы или скромные предметы украшенія.

При тихомъ мерцаніи лампадъ, при скудномъ освѣщеніи свѣчами, по случаю бѣдности молящихся, отправлялись здѣсь церковныя службы.

Общимъ хоромъ, съ большой протяжностью, пѣли почти всѣ молящіеся, большіе и малые.

— Рабо-о-тайте Господеви со страхомъ и трепетомъ!..

О. Панкратій умозаключалъ:

— Да, здѣсь работаютъ Господу...

И у него возбуждался интересъ ,кто и какъ работаетъ.

Мать-настоятельница имѣла свой особый аналой, а черезъ него зорко и со строгостью слѣдила за дѣвочками-сиротами и полусиротами, нашедшими пріютъ при обители, и за сестрами — въ большинствѣ своемъ призрѣваемыми, по случаю бѣженской нужды, престарѣлыми дамами, — слѣдила, какъ кто стоитъ, какъ крестится, готовая во всякое время сдѣлать строгое внушеніе.

Она почитала за благо тѣлесное изнуреніе на молитвѣ и при выполненіи всѣхъ подробностей монастырскаго устава.

На повечеріи древнія словеса Антіоха, монаха Пандекта, въ ея устахъ звучали неподдѣльной мольбой ко Господу и Владыкѣ, даже съ удивительнымъ проникновеніемъ для ея возраста.

«... Угаси разженныя стрѣлы лукаваго, яже на ны льстивно движимыя: плоти нашея возстаніе утоми и всякое земное и вещественное мудрованіе успи...»

Во время службъ сзади матери Серафимы металась и суетилась ея тѣнь, задерганная и затурканная сестра-церковница. И матушкѣ прислуживала, подавая и убирая съ ея аналоя богослужебныя книги, и у свѣчного ящика ктиторствовала, а въ отношеніи дѣтей была какъ бы матушкинымъ экзекуторомъ: ту дернетъ, ту подтолкнетъ.

Всѣ другія сестры и дѣвочки знали свое мѣсто и свою часть въ пѣніи и чтеніи.

За псаломщика правила смуглая дѣвушка, не русская по виду, но съ замѣчательно правильнымъ монастырско-церковнымъ произношеніемъ чтимаго и поющагося. Особенно о. Панкратія поразило, какъ она канонировала въ недѣлю о Блудномъ сынѣ псаломъ о плачѣ Израиля: «На рѣкахъ Вавилонскихъ»...

Могущественнымъ контральто вела эта замѣчательная дѣвушка за собою хоръ отъ стиха къ стиху:

... Аще забуду тебе, Іерусалиме, забвена буди десница моя... Аллилуія!..

... Дщи Вавилоня, окаянная!.. Блаженъ, иже воздастъ ти воздаяніе... Аллилуія!

... Блаженъ, иже иметъ и избіетъ младенцы твоя о камень... Аллилуія!..

Вся церковь, въ томъ числѣ пяти-шестилѣтніе,

повторяли за канонархомъ страшныя слова, воспринимая ихъ въ реальной скорби собственнаго бытія въ изгнаніи...

Кафизмы на утрени читали по очереди двѣ молодыя послушницы.

На первыхъ порахъ о. Панкратію захотѣлось узнать, не та ли, которая первая встрѣтила его у источника, такъ сладостно передаетъ восторгъ псалмопѣвца. Внутренно, впрочемъ, онъ былъ въ этомъ увѣренъ, но все же пріоткрылъ боковую дверь и взглянулъ.

Читала, конечно, она.

... Кто есть сей Царь Славы?.. Господь!.. Той есть Царь Славы...

Поліелей совершался со скромной торжественностью и съ возженіемъ всѣхъ свѣтильниковъ, при всеобщемъ пѣніи.

— Хвалите имя Господне! Хвалите, раби, Господа!...

О. Панкратій обходилъ церковь съ кажденіемъ. Его чуть-чуть надтреснутый баритонъ вплетался и обволакивался хоромъ женскихъ голосовъ — чистыхъ дѣтскихъ и хрипящихъ старушечьихъ.

По окончаніи всей череды вечернихъ службъ, въ молчаніи, въ полумракѣ, въ порядкѣ, разъ установленномъ матушкой, сестры обходили чтимыя иконы и прикладывались къ нимъ: неслышной стопой, со скрещенными на груди руками.

Такъ текли дни...

Мать Серафима приняла однажды свое рѣшеніе, когда сидѣла въ кельѣ послѣ литургіи, послѣ трапезы и панагіи — особаго чина съ преломленіемъ освященной великой просфоры...

Тихимъ потокомъ лился въ комнату солнечный свѣтъ, передъ кивотомъ теплилась неугасимая лампада.

— Такъ!... — Въ лицѣ о. Панкратія она нашла то, что давно искала. Въ ея руки далось, наконецъ, то орудіе, котораго ей недоставало для свершенія предначертаннаго...

Призвавъ о. Панкратія, она долго и подробно разъясняла ему, какой великій долгъ лежитъ на нихъ, монашествующихъ, по уврачеванію душъ несчастныхъ русскихъ православныхъ людей. Обитель «Утоли моя печали» должна стать очагомъ, куда собирались бы ищущіе въ скорби своей утѣшенія.

Было нелегко отцу Панкратію узрѣть и себя отраженнымъ въ зеркалѣ, а также и то, какъ монашескій чинъ открываетъ свои пути человѣческому самомнѣнію, особенно въ лицѣ этой старой женщины, еще вчера жившей въ мірской суетѣ.

Но тѣмъ не менѣе онъ долженъ былъ согласиться выступить съ докладомъ, «для начала», какъ сказала настоятельница, на тему о старцахъ Оптиной Пустыни.

Эта тема бесѣды подкупала о. Панкратія. Старцевъ онъ любилъ и радъ былъ подѣлиться своей любовью къ этимъ страннымъ людямъ староцерковной русской жизни...

Ожидаемая большая аудиторія пріѣзжихъ изъ города на докладъ, однако, не составилась. На приглашеніе матери Серафимы откликнулись всего двѣ-три дамы. Были привлечены на бесѣду всѣ взрослые члены обители...

Въ апостольникѣ съ узкой мѣховой оторочкой, въ черномъ закрытомъ монашескомъ платьѣ, опершись на палку, усѣлась мать Серафима въ кресло у стола, приготовилась слушать. Хотѣла она того или нѣтъ, но то, какъ она сидѣла, ея одѣяніе — переносили воображеніе въ глубь временъ. Должно быть, Грозный царь такъ выслушивалъ своихъ дьяковъ.

О. Панкратій, чтобы какъ-нибудь оживить группу своихъ слушателей, возвратить имъ свободу положенія и мысли, воспользовался тѣмъ, что подали чай, и сказалъ:

— Ну, вотъ, вы вкушайте чай, а я буду разсказывать.

Разсказъ его былъ простъ, какъ, очевидно, была проста жизнь старцевъ, и эта часть его доклада находила прямые пути къ душамъ его слушателей, какъ просто и любовно относились старцы къ міру и какъ міръ открывался имъ и шелъ навстрѣчу. Какъ просто творилось чудо житейской повседневности.

Вѣроятно, на этомъ слѣдовало бы и кончить докладъ.

Но о. Панкратій рѣшилъ прибавить еще то, что должно, по его соображенію, заинтересовать мірскую часть его слушателей, разсказъ о томъ, какъ приблизился къ Оптиной въ послѣдніе дни своей земной жизни «Великій Писатель Земли Русской» Л. Н. Толстой.

Его сестра жила тогда монахиней въ Шамардино, женской обители, созданной попеченіемъ оптинскихъ старцевъ. Она весьма настойчиво убѣждала своего великаго брата пойти на собесѣдованіе къ здравствовавшему тогда старцу Варсонофію...

— И Левъ Николаевичъ пошелъ, было, къ старцу, — заявилъ іеромонахъ. — Чудо могло бы совершиться... Кто знаетъ, что значило бы это, въ особенности, для нашей интеллигенціи?

Старецъ Варсонофій молился и ждалъ къ себѣ Льва Николаевича и готовъ былъ поступить по велѣнію своей совѣсти.

Левъ Николаевичъ спустился къ рѣкѣ... Тихо въ лѣсу зимнимъ утромъ... Человѣку дано свободно рѣшать... Видѣли, какъ подошелъ къ рѣчкѣ старый человѣкъ, прошелъ по теченію небольшое разстояніе, потомъ вернулся обратно и снова побродилъ около рѣки, будто искалъ перехода.

Рѣчка была покрыта льдомъ, но ледъ еще не окрѣпъ. Можно было пройти къ устроенному переходу, но Левъ Николаевичъ туда не дошелъ. Повернувъ прочь отъ рѣчки, онъ потомъ вновь къ ней подходилъ. Но тутъ за нимъ пришли люди и увели его.

Старецъ Варсонофій ѣздилъ потомъ въ Астапово и тамъ оставался до самой кончины Льва Николаевича, все ждалъ, не обратится ли его сознаніе къ церкви...

Потомъ съ о. Панкратіемъ произошло нѣчто, что самому ему стало противно и почему у него пропала охота выступать въ послѣдующемъ съ какими бы то

ни было докладами подъ руководствомъ матери Серафимы... На него вдругъ накатило несдерживаемое желаніе разсказать возникшіе въ нѣкоторыхъ кругахъ слухи въ связи со смертью Л. Н. Толстого. Онъ даже произнесъ обычную въ подобныхъ случаяхъ оговорку, такъ не вязавшуюся со всѣмъ характеромъ его предыдущаго разсказа:

— За что купилъ, за то продаю...

— Говорили, что писатель умеръ не своею смертью, а его пристукнули молоткомъ въ високъ... Все боялись, какъ бы не отрекся отъ своего ученія...

Когда произнесъ о. Панкратій эти слова человѣческой сплетни, то почувствовалъ, какъ опорочилъ этимъ весь свой разсказъ о безхитростной жизни старцевъ. Даже краска залила его лицо. А посмотрѣлъ онъ на мать Серафиму; она благосклонно улыбалась ему. Іеромонахъ ощутилъ въ себѣ большой притокъ недоброжелательства къ этой старой женщинѣ и къ ея «миссіи».

III.

Со дня злополучнаго доклада стѣна непониманія и часто безпричиннаго раздраженія вырастала между іеромонахомъ и настоятельницей, вопреки даже тому, что настоятельница, какъ примѣчалъ о. Панкратій, не малое время, превозмогая свою гордость, старалась расположить его къ себѣ и къ своему начинанію, разобрать камни растущей стѣны.

Ощущеніе въ себѣ постоянной непріязни къ живому человѣку явилось для іеромонаха Панкратія новымъ источникомъ глубокаго душевнаго сокрушенія. Въ особенности подобный, напримѣръ, случай.

Читаетъ какъ-то мать Серафима въ церкви поучительное слово Іоанна Златоустаго, съ прилежаніемъ читаетъ, а о. Панкратій слушаетъ, и ему кажется что-то странно знакомое въ ея голосѣ; гдѣ-то когда-то онъ уже слышалъ что-то подобное.

Но что? И вдругъ звуковая связь раскрывается.

Вспомнилась родная деревня при большой трактовой дорогѣ. По веснѣ, когда почки набухали на ветлахъ и трава сѣялась зеленью между кочекъ, по тракту гнали партіи каторжниковъ въ сѣрыхъ халатахъ, и желѣзо ихъ кандаловъ лязгало въ тактъ шаговъ... Этотъ лязгъ на человѣческомъ тѣлѣ притертаго желѣза страннымъ образомъ сочетался теперь съ голосомъ читающей поученіе матери Серафимы.

О. Панкратій рѣшилъ всячески сокращать случаи общей со всѣми жизни: старался бывать только на молитвѣ въ церкви и за общей трапезой...

Мать Серафима, конечно, не могла не понять тщеты своихъ усилій и не почувствовать, какъ орудіе, которому она такъ обрадовалась, выпадаетъ изъ ея рукъ.

Перемѣна въ обращеніи ея съ іеромонахомъ не заставила себя долго ждать.

Передъ началомъ службы она стала являться къ нему въ алтарь, на что, по положенію мантійной монахини, имѣла право, и, подчеркивая свое значеніе въ обители, указывала ему, какъ и въ какомъ порядкѣ надлежало по уставу совершать службы, и стала совершать другія тѣсненія.

Іеромонахъ Панкратій утѣшалъ себя тѣмъ, что съ его предшественниками и не то случалось...

При домѣ обители былъ старый запущенный паркъ, куда въ удобную минуту скрывалось все молодое ея населеніе и здѣсь отдыхало отъ суетныхъ нотацій, упрековъ и всяческихъ внушеній.

О. Панкратій принялъ за обыкновеніе въ свободные часы удаляться въ глубь обительскаго двора и наблюдать тамъ, какъ рѣзвятся дѣти.

Среди питомицъ обители была одна, сходствомъ нѣкоторыхъ чертъ напоминавшая ему Дунюшку. И къ ней, къ «маленькой», какъ онъ назвалъ ее, у него образовалось особо-нѣжное чувство. Остановится, заговоритъ съ нею, вручитъ припасенный заранѣе пакетикъ леденцовъ или печенія и велитъ одѣлить изъ него подружекъ, а самъ радуется, съ какой строгой справедливостью она производитъ дѣлежку.

О. Панкратій не разъ примѣчалъ здѣсь ходившихъ по аллеѣ рука объ руку двухъ обительскихъ послушницъ; старшую, какъ будто немного юродствующую, и ту, легкостопную Фотинію.

Въ паркѣ было нѣсколько деревьевъ съ засохшими верхушками. Они портили общій видъ и были опасны, какъ разсадники заразы.

О. Панкратій испросилъ разрѣшенія настоятельницы вывести вредный сухостой.

Съ вечера онъ наточилъ топоръ, любимый инструментъ, привезенный изъ Островной обители, въ разсчетѣ, въ случаѣ затрудненій въ новой странѣ, добывать пропитаніе рубкою дровъ...

Рано утромъ, чуть посвѣтлѣло за окномъ, онъ всталъ, одѣлъ поверхъ подрясника кацавейку, а на голову старую скуфью и, вооружившись орудіемъ, вышелъ въ паркъ.

Утро было сухое, но облачное, и срывался мягкій пушистый снѣжокъ.

Его сухой хрустъ подъ ногами будилъ воспоминанія о покинутой Островной обители, отъ чего сладостно-тоскливо щемило сердце.

Въ Островной на рубку лѣса выходили цѣлыми артелями.

О. Панкратій любилъ ходить въ парѣ съ силачемъ Пахоміемъ, для котораго лѣсъ — родная стихія. Монахъ, и пожилой уже, а какъ зайдетъ въ боръ, да пуститъ: — Го-го-го! — за версту слышно кругомъ и будто хвоя начинаетъ дрожать отъ его переклички съ эхомъ.

О. Панкратій подошелъ къ облюбованному съ вечера дереву, у котораго нижняя часть еще сохраняла растительную сырость, — очевидно, корни еще жили. Для рубки такое дерево пріятнѣе. Топоръ не отскакиваетъ, сразу въѣдается въ древесину.

Какъ раньше съ Пахоміемъ, вмѣсто свѣтской, возбуждающей къ работѣ «Дубинушки», о. Панкратій затянулъ любимое духовное пѣснопѣніе, подъ тактъ котораго такъ хорошо рубилось въ дачахъ Островной обители:

— Пріидите ублажимъ Іосифа Приснопамятнаго, въ нощи къ Пилату пришедшаго и Живота всѣхъ испросившаго...

Первый ударъ топора онъ приберегъ къ первому сильному повышенію голоса:

— Да-а-ждь ми сего страннаго!..

Лезвіе сразу глубоко въѣлось въ корневище и потомъ зачастились болѣе мелкіе удары, пока не дошло опять:

— Его же мати зря-а-ще на крестѣ висяща...

И потомъ:

— Увы-ы мнѣ, Ча-а-до мое!.. — и такъ далѣе.

Мужицкая любимая работа подхватила. Въ плечахъ развернулась сила. Взыграло сердце.

Первое дерево, около полуметра въ діаметрѣ, онъ свалилъ, не замѣтивши. Подрубивши второе дерево настолько глубоко, что еще одинъ-два хорошихъ удара, и оно должно будетъ зашататься, крякнуть и повалиться именно туда, куда велитъ топоръ, о. Панкратій остановился и, выпрямившись во весь ростъ, поднялъ голову, чтобы сообразить, куда надлежало свалить великана.

Зыблющіяся снѣжинки осѣдали на заломленную назадъ скуфейку и на широкую окладистую бороду.

По невѣдомой причинѣ монахъ вдругъ глянулъ въ сторону. Показалось или нѣтъ, но какъ будто кто-то мелькнулъ между деревьями. Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ въ ту сторону и увидѣлъ послушницу Фотинію. Прижалась къ стволу стараго корявага вяза и, какъ пойманная школьница, не знаетъ, что съ собой дѣлать.

— А-а-а, сестра! Вы что тутъ прижукли?

— Да, вы тутъ рубите... а я услыхала и захотѣлось посмотрѣть...

— Что же тутъ интереснаго?..

По іерейскому долгу слѣдовало бы сказать приличествующее случаю нравоученіе о вредѣ празднаго любопытства, но такъ забавно-жалкимъ было ея смущеніе и собственная радость труда была еще такъ жива...

Отецъ Панкратій осклабился и молвилъ:

— Ну, Господь съ вами, сестрица... А, знаете что?.. Пока еще въ обители не проснулись, помогите мнѣ распилить дерево... — И самъ заторопился.

— Мы сейчасъ подвалимъ второе дерево, а потомъ и за пилку.

Фотинія осталась премного довольна.

— А что, сестрица, угадайте, куда свалится это дерево?

Та высказала свою догадку.

— Нѣтъ, не угадали... Вотъ, куда оно упадетъ... И ррразъ! и еще р-р-азъ!..

Дерево закачалось, будто застонало, и съ шумомъ и трескомъ повалилось именно по указанію іеромонаха.

Они усѣлись потомъ другъ противъ друга по обѣ стороны толстаго ствола и взялись за пилку.

Онъ терпѣливо объяснялъ ей, какъ не слѣдуетъ излишне давить на рукоять пилы, какъ нужно свободно попускать ее, когда она идетъ въ ходъ отъ нея и, какъ ровно, не смыкая, тянуть къ себѣ, когда пила идетъ назадъ. Дѣло кое-какъ наладилось и пошло.

Упираясь ногами въ стволъ, она то откидывалась верхнею частью корпуса назадъ, то наклонялась впередъ. Молодая упругая мускулатура женскаго тѣла схватила ритмъ движенія, и глаза іеромонаха съ трудомъ отрывались отъ игры линій.

Когда отпилили первый кряжъ, о. Панкратій далъ передохнуть дѣвушкѣ. Онъ спросилъ, давно ли она въ обители, гдѣ жила раньше..

— А развѣ вы, батюшка, не слыхали? Да, о моихъ похожденіяхъ весь городъ говорилъ...

О. Панкратій улыбнулся:

— Нѣтъ, не слыхалъ...

— Я же чуть въ католичество не перешла...

— Вотъ какъ!..

— Батюшка!.. А мнѣ понравилось, какъ вы о старцахъ разсказывали, — перевела она бесѣду на другую тему.

— Хорошо, небось, около нихъ... Не то, что у насъ...

— Да, сестра, хорошо, — совсѣмъ серьезно отвѣтилъ іеромонахъ:

— Самое главное — легко... Живешь, какъ будто вѣтромъ носишься...

— А этотъ-то Левъ Толстой... Долго онъ ходилъ тамъ по рѣчному берегу?.. Какъ, должно быть, тихо было въ томъ лѣсу! и какъ снѣгъ хрустѣлъ подъ его валенками!.. Я вѣдь помню нашъ русскій снѣгъ... Онъ хорошій... Мягкій... Особенно, когда и деревья всѣ въ снѣгу, и такія мохнатыя висятъ у нихъ вѣтки... А тутъ рѣчка подо льдомъ шумитъ... Хорошо!..

О. Панкратій видѣлъ, какъ она вся ушла въ мечту о пушистомъ снѣгѣ. Своя молодость вспомнилась. Онъ по-мужицки засмѣялся:

— Да, вы — мечтательница, сестрица...

— Ну, вотъ... Развѣ это мечта?.. Вѣдь это было...

Между тѣмъ, совсѣмъ разсвѣло. По аллеѣ послышались торопливые шаги, и изъ-за поворота вынырнула сестра-церковница.

— А-а, вотъ кто тутъ спозаранку бесѣды бесѣдуетъ... Тина, ступай на столъ накрывай... Дѣти проснулись...

И, изобразивъ на морщинистомъ лицѣ своемъ улыбку, обратилась къ о. Панкратію:

— А я, если хотите, вамъ помогу, батюшка!

И взялась за пилу...

— Утро-то какое чудесное...

Но у отца Панкратія уже пропало очарованіе труда.

— Нѣтъ, не стоитъ, сестра Анна. Зачѣмъ вамъ зря уставать, вы и такъ все время въ работѣ.

Такое уклоненіе отъ сотрудничества задѣло, однако, за живое старѣющую женщину.

— Охъ, батюшка, смотрите!.. Какъ съ молодой послушницей вы пилите, а со мной у васъ пропала охота... — И она съ холодкомъ засмѣялась.

— Что вы, сестра Анна? Къ чему такія словеса?.. Сами же вы говорите — дѣти проснулись, а мнѣ не хотѣлось бы, чтобы они видѣли меня въ семъ одѣяніи.

— Спаси Христосъ васъ на добромъ словѣ...

О. Панкратій собралъ инструменты и удалился въ свою келью.

Въ порядкѣ послушанія, сестра церковница въ то же утро доложила настоятельницѣ, какъ она застала за совмѣстной пилкой въ столь раннюю пору священника и послушницу Фотинію.

Къ послѣдней мать Серафима имѣла особаго рода отношеніе. Она считала своей собственной заслугой ея обращеніе вновь на путь ревностнаго православія, и считала Фотинію ближайшей своей духовной дочерью.

Къ тому же представлялся случай укорить строптиваго іеромонаха. Она пришла въ большое возбужденіе отъ сообщеннаго сестрой Анной, и еще и еще разъ требовала отъ нея разсказать въ подробностяхъ, какъ они сидѣли и какъ пилили.

Сестра Анна, добрѣйшій по существу человѣкъ, и только по нуждѣ превратившаяся въ потатчицу тяжелому нраву настоятельницы, почувствовала, какъ она неожиданно становится героиней дня, и подробно, и разъ и другой, передавала ей, что примѣтила рано поутру въ паркѣ.

— Такъ вы говорите, она противъ него сидѣла и ногами въ дерево упиралась? — допрашивала мать Серафима.

— Да, матушка, противъ сидѣла и колѣнями въ дерево упиралась, а онъ на колѣняхъ стоялъ... Да все пилитъ, да все пилитъ... По правдѣ сказать: пилилъ-то онъ одинъ, а Тина только голову морочила: за пилу держалась... О! если бы я, матушка, взялась за пилку... за мной и онъ не поспѣлъ бы...

Послѣ тщательнаго допроса, мать Серафима положила, наконецъ, такую резолюцію:

— Пока, сестра Анна, держите это про себя. Я не намѣрена обострять отношенія со священникомъ во время четыредесятницы... Изъ Тины же я выгоню этого бѣса...

— Да развѣ вы, матушка, не сдѣлаете!.. Вы все разсудите и все образуете...

Сестра Анна вышла отъ настоятельницы съ сознаніемъ совершеннаго долга.

Черезъ короткое время, все взрослое населеніе обители шушукалось по угламъ о происшедшемъ. Перешло это и въ дѣтскій міръ, и здѣсь пилка дровъ поутру воспринималась, какъ нѣчто безконечно интересное и заманчивое, но по непонятнымъ причинамъ запрещенное. Дѣвочки постарше сразу приняли сторону о. Панкратія и Фотиніи.

Дошло это и до о. Панкратія, но онъ не видѣлъ ни повода, ни возможности какъ-либо вмѣшаться и сдѣлать попытку распутать сѣть наговоровъ и соблазнительныхъ намековъ.

IV.

Кому стало тяжко, такъ это послушницѣ Фотиніи. Каждый вечеръ послѣ службы требовала ее къ себѣ матушка и на сонъ грядущій напоминала ей о грѣховности ея натуры и о томъ, какъ бѣсъ водитъ ее по садамъ искушенія...

— Ты должна научиться и понять, что значитъ въ молитвѣ: «Даруй намъ, Боже, сердце трезвящееся, сонъ легокъ и всякаго сатанинскаго мечтанія измѣненъ». Вотъ о чемъ молись, а не то, чтобы самой съ радостью отдаваться этимъ «сатанинскимъ мечтаніямъ»...

Фотиніи было запрещено выходить во дворъ обители въ тѣ дни, когда тамъ работалъ о. Панкратій. Въ церкви ей было запрещено читать. Мать Серафима ставила ее передъ собой такъ, чтобы во всякій моментъ молитвы можно было слѣдить за ней, какъ и куда она взглянула и какое движеніе сдѣлала.

Такимъ образомъ, сама того не желая, мать Серафима наполнила Панкратіемъ всю однообразную жизнь Фотиніи.

Но особенно острый припадокъ изгнанія изъ послушницы «бѣса плоти» случился на Святой недѣлѣ.

Отецъ Панкратій въ свѣтлыхъ ризахъ, въ благолѣпномъ восторгѣ отъ праздника праздниковъ, забылъ осторожность и со всѣми въ церкви христосовался, въ томъ числѣ и съ послушницей Фотиніей. Настоятельница видѣла, какъ зардѣлись прелестныя ланиты молодй послушницы, какъ задрожали ея длинныя рѣсницы. Но въ тайну, что отразилось въ этихъ глазахъ, она не могла проникнуть.

— Ну, что, голубушка! упилась яда сатанинскихъ мечтаній?.. Натѣшила вдоволь бѣса любовной прелести? — грознымъ полушопотомъ начала мать Серафима, когда Фотинія предстала передъ ней по ея вызову сейчасъ же послѣ розговѣнья. — Мало того, что сама себя губишь, но и меня тянешь въ бездну... Уже молиться спокойно не могу... Праздникъ мнѣ не въ праздникъ... Обитель — мое тихое послѣднее земное пристанище, хочешь всю грѣхомъ обволочить... Всѣхъ насъ опозорить хочешь передъ владыкой и людьми... Кто послѣ этого станетъ отдавать въ обитель дѣтей невинныхъ... — И, чѣмъ дальше, тѣмъ страшнѣе слова находила мать Серафима.

Когда же дѣло коснулось о. Панкратія, то тутъ мать Серафима уже не знала удержу. Она изнемогала отъ собственнаго негодованія и вопила:

— Какой онъ монахъ?.. Какой онъ іерей?.. Я все вижу... Я не потерплю... Развѣ я не замѣчаю, какъ на поліелеѣ онъ производитъ кажденіе... Мнѣ — настоятельницѣ — одинъ разъ кивнетъ кадиломъ, а передъ тобой вонъ какое облако дыма распуститъ!.. А ты и рада... Ты, въ самомъ дѣлѣ, воображаешь... Нѣтъ, я больше не могу терпѣть... Я положу этому конецъ... А тебя... на кухню запру!.. Въ церковь не буду пускать...

Нервное возбужденіе матери Серафимы разрѣшилось, наконецъ, тѣмъ, что она заставила Тину стать на колѣни передъ образомъ, сама опустилась возлѣ и ста-

ла громко читать пасхальныя пѣснопѣнія: «Да воскреснетъ Богъ»!.. И такъ до полнаго изнеможенія.

Положеніе послушницы Фотиніи было тѣмъ затруднительнѣе, что она во всѣхъ подобныхъ случаяхъ не могла ни оправдываться, ни защищаться. Она могла лишь плакать, сокрушаться и безмолвно выслушивать, что бы ни говорила мать Серафима... Молиться она должна была со смиреннымъ усердіемъ...

***

Весна въ этой странѣ приходитъ не сразу, а какъ бы крадучись и съ остановками. Выпадетъ два-три теплыхъ дня, на орѣшинѣ, смотришь, распустились цвѣты-сережки, зазеленѣло поземье, а среди травной зелени зазолотились узкоперистые чистяки.

Придавитъ снова морозъ, и все, какъ будто, снова застыло. Опять отпустило, — появились на вербѣ выпушины, набухли почки... Снова заморозки и снова стойка въ природѣ.

И такъ длятся недѣли.

Къ серединѣ апрѣля выпадетъ одинъ-два теплыхъ вечера, осмотришься кругомъ и видишь, что весна уже на полномъ ходу.

Подъ вязами земля усыпана коричнево-зеленоватой шелухой ихъ незамысловатаго цвѣта, съ абрикоса тоже сыплются, но еще не досыпались лепестки цвѣтовъ — розовые и душистые. Черешня, наоборотъ, только распустилась и стоитъ вся, дѣвственно-бѣлая и еще прозрачная.

Отцвѣтшія груши въ большинствѣ еще состоятъ изъ бутоновъ, но нѣкоторые цвѣточки успѣли уже распуститься и поймать лучъ солнца.

Почки дикаго каштана лопнули и изъ нихъ торчитъ вверхъ свѣчей то, что завтра-послѣзавтра станетъ темно-зелеными листьями, а теперь все это покрыто серебристо-коричневымъ пухомъ. У липы вышедшіе наружу листочки тонкіе и нѣжные.

Замѣтно тронулся дубъ.

***

Отецъ Панкратій въ своей кельѣ по совершеніи правила передъ завтрашней литургіей присѣлъ на кровать. Стеклянную дверь наружу онъ оставилъ полуоткрытой и черезъ нее тянуло въ келью изъ парка всей гаммой весенняго цвѣта.

Въ непритворномъ смиреніи іеромонахъ Панкратій не преувеличивалъ своей монашеской стойкости, но, достаточно поупражнявъ себя въ бореніи со страстями, онъ пріобрѣлъ простоту взгляда на нихъ и увѣренность въ собственной свободѣ отъ нихъ. Поэтому то, что происходило въ обители и въ немъ самомъ, не могло его не безпокоить.

— Храмъ носяй тѣлесный весь оскверненъ...

Фитиль въ лампадѣ передъ иконой затрещалъ и сталъ давать копоть.

У монаха вошло въ привычку — какъ и чѣмъ бы онъ ни былъ занятъ въ это время — отрываться отъ дѣла и оправлять лампаду. И тутъ онъ поднялся, оправилъ фитиль и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по тѣсной кельѣ.

Ощущаемое имъ съ нѣкотораго момента близкое присутствіе кого-то другого усилилось, и онъ, осторожно открывъ дверь, шагнулъ наружу.

И какъ ждалъ: прижавшись къ выступу стѣны, вобравъ голову въ плечи, стояла тутъ Фотинія.

О. Панкратій остановился, потомъ приблизился къ ней...

— Что вы тутъ дѣлаете, сестра?.. Развѣ такъ можно?..

Та вся съежилась, закрыла лицо руками, и о. Панкратій примѣтилъ, какъ стали вздрагивать ея плечи.

Была очевидна вся опасность, какой подвергала себя юная послушница въ обители, гдѣ стѣны и деревья слышатъ и видятъ ушами и глазами матери Серафимы.

— Нельзя тутъ стоять, — понизивъ голосъ до полушопота, сказалъ о. Панкратій. — Нельзя... Ну, войдите хоть въ мою комнату... Идите...

Онъ коснулся ея плечъ и подтолкнулъ ее къ двери. Самъ при этомъ ощутилъ полное смятеніе въ собственной душѣ: монашеское отвращеніе къ женщинѣ и жалость къ юницѣ и непреоборимое влеченіе къ ней, къ Фотиніи, съ легкой поступью Приснодѣвы, со всей прелестью дѣвическаго лица и яснымъ и чистымъ, какъ ключъ горныхъ высотъ, голосомъ.

Въ движеніяхъ іеромонаха появилась суетливость.

— Зачѣмъ... Зачѣмъ вы пришли сюда, Фотинія Сергѣевна?

— Батюшка, милый!.. Я не могу больше... Избавьте меня... Избавьте меня отъ этой...

Она широко раскрыла глаза, посмотрѣла съ затаеннымъ страхомъ и не докончила фразы...

— Что вы говорите, дѣвушка ясная?.. Она ваша духовная мать... Нельзя такъ...

— Я на все рѣшилась... Я больше не могу... Ни въ душѣ, ни на тѣлѣ у меня нѣтъ живого мѣста..

Она оперлась о его руку и голову склонила къ его плечу...

— Милый, дорогой батюшка! Не судите меня строго.. Вы только подумайте, какъ трудно мнѣ...

Именно въ этотъ моментъ, — вспоминалъ потомъ о. Панкратій, — у него у самого готово было сорваться все, и готовъ былъ рухнуть весь многолѣтній монашескій опытъ боренія съ тѣлеснымъ алканіемъ. Проснулось вдругъ въ немъ все то старое, задавленное, что жило еще отъ деревни родимой.

Въ большихъ открытыхъ глазахъ дѣвушки показалось удивленіе и страхъ...

Но это длилось только самый короткій моментъ. Она съ покорностью прильнула къ нему.

— Милый, дорогой...

И тутъ случай: вторично въ этотъ моментъ рѣзко затрещалъ фитиль въ лампадкѣ, и съ привычнымъ безпокойствомъ монахъ взметнулъ глаза къ божницѣ.

— Господи! Вскую мя оставилъ еси...

— Сестрица! Простите меня...

Мягкимъ усиліемъ оторвалъ онъ ея руки, коснул-

ся губами одной ея длани и другой. Подвелъ къ кровати.

— Прилягте здѣсь, сестрица... — А самъ о. Панкратій отошелъ къ двери и здѣсь еще на секунду задержался:

— Не гнѣвайтесь на меня, Фотинія Сергѣевна!..

Онъ вышелъ, плотно прихлопнувъ за собою дверь изъ кельи; войдя въ рядомъ расположенную кухню, напустилъ воды въ подвернувшійся подъ руку чайникъ и съ жадностью принялся пить.

Вдругъ характерный трескъ выключателя, и кухня освѣтилась. Ночной черной птицей показалась на порогѣ сестра церковница.

— А я думала, кто тутъ по ночамъ точитъ воду изъ крана, а это вы, батюшка. Вотъ чудеса пошли въ нашей обители: то Фотинія исчезла изъ кельи невѣдомо куда, а то вы, отче, ходите-бродите, яко тать въ нощи... А отъ матушки-то какъ мнѣ теперь достанется, что не уберегла Тину...

Отцу Панкратію хотѣлось прогнать ее, но не улегшееся волненіе еще душило, и страхъ за несчастную дѣвушку заставлялъ сдерживаться.

— Испить что-то заблазнило, сестра Анна...

Нужно было бы занять церковницу, чтобы дать тѣмъ временемъ уйти Фотиніи, но слова не клеились, а въ головѣ, какъ маятникъ, стучало:

— Все уже узнала и увидала соглядатайница и все повѣдаетъ матушкѣ.

Началъ, было, о. Панкратій говорить что-то о «прекрасномъ вечерѣ», дарованномъ Господомъ, но сестра Анна заулыбалась, закачала многозначительно головой:

— Шутникъ вы у насъ, батюшка, хотя бы и монахъ... Ой-ой, какой шутникъ!.. Однако, нечего намъ здѣсь бесѣды бесѣдовать... Простите, отче святый!

Засмѣялась весело и выкатилась изъ кухни.

У отца Панкратія какъ-то онѣмѣли члены. Упавшимъ голосомъ онъ проговорилъ самъ съ собой:

— Ну, вотъ и докатился до грани, Панкратій...

Когда онъ вошелъ въ келью, Фотиніи тамъ уже не было.

V

На другой день церковная служба прошла полнымъ чиномъ безъ какого-либо внѣшняго оказанія матерью Серафимой раздраженія или суровости принятаго рѣшенія. Но то, что гроза собирается и вотъ-вотъ разразится, можно было ощущать и предугадывать.

Какъ гонимая вѣтромъ, предвѣстникомъ бури, сухая щепка, носилась по обители сестра Анна. Лицо у нея было озабочено и весьма встревожено.

Къ обѣденному часу всѣ собрались въ трапезную и каждый занялъ мѣсто у своего, заранѣе опредѣленнаго стула.

И вотъ, наверху послышались шаги: мѣрные, неторопливые. Спускалась къ обѣду мать-настоятельница. Всѣ притихли.

Переступивъ порогъ, она взвизгнула:

— На молитву!

Дѣвочки тотчасъ же запѣли...

Трапеза прошла въ молчаніи подъ мѣрное чтеніе очередного житія святого на данный день. Трапеза скудная, изъ двухъ блюдъ.

Послѣ окончанія дежурная дѣвочка съ подносомъ подошла къ матушкѣ по чину, попросила благословенія «избытки укрухъ собрать».

Мать Серафима поставила на подносъ припасенную корзину съ остатками хлѣба въ кускахъ, а о. Панкратій преподалъ благословеніе съ молитвой объ умноженіи хлѣба въ «обители сей и во всемъ мірѣ Твоемъ»... Все, какъ положено по чину...

Уже всѣ присутствующіе за трапезой взрослые, освѣдомленные, конечно, въ подробностяхъ о ночномъ происшествіи, стали сомнѣваться, не пройдетъ ли все тихо-мирно.

И вдругъ всѣ услышали:

— Мнѣ надо съ вами поговорить, о. Панкратій. Можете подняться ко мнѣ сейчасъ же?

— Отчего же?.. Могу, матушка, — спокойно отвѣтилъ іеромонахъ, понимая, что это — развязка.

Не успѣвъ выйти изъ трапезной, старухи застыли на своихъ мѣстахъ, пропуская по узкому проходу чету: мать Серафиму и іеромонаха, высокаго сильнаго мужчину, съ сохраненіемъ спокойствія, съ опущеннымъ взоромъ поспѣшающаго за ней.

— Тринадцатый спекся! — подвела итогъ этому шествію добродушная сестра Даша.

— Вы, вѣроятно, догадываетесь, о чемъ я хочу говорить съ вами, — сказала мать Серафима, когда они поднялись къ ней въ келью, и она, занявъ мѣсто въ креслѣ, жестомъ указала ему на стулъ противъ себя.

Голосъ ея уже къ концу этой первой фразы поднялся на ту высоту, какая была знакома въ обители, какъ признакъ высшаго раздраженія настоятельницы.

— Ничьихъ романовъ я не могу допустить въ своей обители...

— Позвольте, матушка...

— Да что тамъ — «позвольте».. Мнѣ все извѣстно, что произошло прошлой ночью. Я не могу оставаться нѣмой свидѣтельницей вашего распутства... Вы сами лѣзете въ бездну, забывъ и санъ свой и ангельскій чинъ монашескій... Но зачѣмъ же вы совращаете къ тому моихъ послушницъ... Я не позволю... Я не допущу...

— Позвольте, — перекричалъ, наконецъ, ее на секунду о. Панкратій. — Грѣха своего не отрицаюся, но знайте же и вы... Не я толкаю на грѣхъ послушницъ, а вы...

— Какъ? — вскричала внѣ себя мать Серафима. Умная женщина, она чувствовала справедливость упрека. Но чтобы признать это? — Ни за что. — Какъ?.. Я же и виновата? Я —ея духовная мать... Денно и нощно пекущаяся объ ея душѣ?.. Какъ вамъ не стыдно! Вы задались цѣлью убить меня, замучить... Больную женщину... Охъ! Охъ! Что же мнѣ съ нимъ сдѣлать? Съ этимъ безобразнымъ монахомъ?.. — Вскочила съ креселъ и начала пронзительно вопить:

— Развратникъ! Тартюфъ!

Въ свою келью она обычно вызывала людей снизу при помощи особаго звонка. Она схватила теперь проволоку и подняла трезвонъ:

— Сестры!.. Люди!.. Кто тамъ?.. Избавьте меня отъ этого чернаго человѣка... Онъ оскверняетъ мою обитель... Я секунды не могу дышать съ нимъ однимъ воздухомъ...

Она забилась при этомъ въ уголъ кельи, какъ бы спасаясь отъ нечестивца, какъ бы боясь запачкаться объ него.

Въ дверь юркнула фигура все той же сестры церковницы.

— Сестра Анна! Сейчасъ же бѣгите на почту, соединитесь съ владыкой, попросите, чтобы онъ теперь же меня принялъ...

Анна взглянула на поднявшагося во весь ростъ о. Панкратія.

— Что вы на него воззрились? Скорѣе бѣгите...

Сестра выкатилась изъ кельи.

Отецъ Панкратій нашелъ въ себѣ достаточно самообладанія, чтобы обратиться къ настоятельницѣ съ вопросомъ:

— Можно идти, матушка?

Его смиреніе еще больше возбудило ея неистовство:

— Фу! Онъ еще спрашиваетъ... Уходите... Убирайтесь съ моихъ глазъ! Развратникъ! Тартюфъ!

***

Епархіальный архіерей, владыка Сергій, за долгіе годы церковнаго водительства выработалъ особую тактику борьбы съ разыгравшимися страстями человѣческими: никогда не становиться поперекъ пути разыгравшемуся бѣсу, дать ему ринуться напроломъ, а потомъ напасть на него съ тыла, и легче, такимъ образомъ, добиться одолѣнія.

И еще. Почти каждому видному духовному лицу, тѣмъ паче іерарху, приходится имѣть дѣло въ средѣ женской половины своей паствы съ особымъ видомъ «магдалинизма» — обожанія духовнаго отца, иногда принимающаго весьма стѣснительное значеніе для самого обожаемаго.

Мать Серафима была больна именно этимъ недугомъ въ отношеніи владыки Сергія и лишь большимъ усиліемъ воли сдерживала себя въ опредѣленныхъ границахъ. Владыка зналъ это и въ нужную минуту умѣлъ пользоваться.

Выслушавъ мать Серафиму, а потомъ вызвавъ о. Панкратія и принявъ его чистосердечную исповѣдь, владыка про себя рѣшилъ, что хотя бы на время въ обители нужно все оставить по старому, дабы не дать окончательно разгуляться прихоти матери Серафимы, а съ другой стороны, и монахъ, поддавшійся соблазну, долженъ на томъ же оселкѣ заострить свою стойкость.

— Вы только подумайте, — замѣтилъ онъ, какъ бы между прочимъ, настоятельницѣ послѣ самой рѣзкой характеристики ею священника: — объ отцѣ Панкратіи имѣются самые лестные отзывы. Игуменъ знаменитѣйшей русской обители считалъ его примѣрнѣйшимъ іеромонахомъ изъ всей своей братіи, а вотъ у насъ въ епархіи онъ вдругъ занялся непотребствомъ. Вотъ въ чемъ дѣло!.. Значитъ, Сергію нужно уходить на покой, разъ подъ его руководствомъ сбиваются съ пути истины достойнѣйшіе іереи.

Сказалъ владыка это и примѣтилъ, какъ заметалась внутренно мать Серафима. Но онъ не сталъ сразу оспаривать сообщенное ею, а предувѣдомилъ ее, что для окончательнаго рѣшенія дѣла прибудетъ самъ въ обитель.

Для вящаго расположенія матери Серафимы къ мирному разрѣшенію вопроса, владыка прибылъ въ обитель съ вечера, отстоялъ всенощную, а на другой день далъ согласіе на торжественный выходъ изъ дома къ обительской церкви. Самъ онъ шелъ въ богатой архіерейской мантіи, опираясь на жезлъ, а слѣдомъ за нимъ шествовала мать Серафима — настоятельница, тоже опираясь на посохъ: двѣ пріютскія дѣвочки, какъ и за архіереемъ, несли за ней шлейфъ ея мантіи.

По обочинамъ дороги стояли въ два ряда дѣвочки... Протодіаконъ даже пошутилъ передъ открытіемъ шествія:

— Ишь, шпалерами стали...

Сестра церковница звонила въ три колокольца, привязанныя около церковнаго строеньица къ дереву.

Хоръ пѣлъ «Достойно есть» входное.

Послѣ службы и трапезы владыка отдыхалъ и, когда къ нему постучали, и онъ благословилъ входъ, вошла къ нему сестра-казначей обители и на простертыхъ передъ собою рукахъ предложила владыкѣ рясу ярко-лиловаго шелка:

— Благословите, владыко, преподнести вамъ отъ матушки и сестеръ обители...

— Что вы? Что вы? — запротестовалъ, было, владыка. — Куда мнѣ, старику, сіе благолѣпное одѣяніе!..

— Нѣтъ, нѣтъ, владыко, благословите... Сама матушка кроила...

На лицѣ подносящей изобразился неподдѣльный страхъ...

— Вы ужъ, ради Господа, не отказывайте въ пріятіи...

Владыка долженъ былъ принять и облачиться въ новую рясу. Размѣръ ея былъ столь необъятенъ, что даже его тучное тѣло потонуло въ изобильныхъ складкахъ.

Въ лиловой рясѣ владыка вышелъ въ паркъ къ чаепитію и тутъ на площадкѣ передъ нимъ, въ тѣни развѣсистыхъ каштановъ, подъ руководствомъ юродствующей послушницы, скрывавшейся за стволомъ каштана, были представлены дѣтьми въ лицахъ русскія пѣсни про Таньку и Ваньку и др., съ пляской, съ помахиваніемъ платочкомъ надъ головой.

Владыка весьма умилялся и остался доволенъ. Послѣдовавшая потомъ его бесѣда съ матерью Серафимой наединѣ была длительной и уже послѣ нея вла-

дыка пригласилъ къ себѣ отца Панкратія и встрѣтилъ его съ шутками и прибаутками:

— Ну, что же?.. Какъ будто, дѣло наше уладилось... Матушка согласна на продолженіе вашего служенія здѣсь...

Онъ такъ былъ увлеченъ удачей своего способа дьявольскаго посрамленія, что совсѣмъ упустилъ изъ виду самочувствіе о. Панкратія.

Іеромонахъ съ неподдѣльнымъ ужасомъ посмотрѣлъ на своего владыку и со всей силой взмолился:

— Нѣтъ!.. Ради Пречистой Богородицы, благословите, владыко, мое увольненіе отсюда... Куда угодно, опредѣлите меня...

Онъ горячо сталъ приводить всѣ доводы за необходимость своего ухода изъ обители «Утоли моя печали».

Владыка задумался... Нѣсколько минутъ прошло въ молчаніи... Архіерей потомъ длительно посмотрѣлъ на встревоженный ликъ монаха и улыбнулся:

— Эхъ, вы, о. Панкратій... Такъ и быть... Чьи-то молитвы, видно, дошли до Господа...

Владыка назвалъ далекую страну, гдѣ одиночками и маленькими группами разбросаны русскіе люди-бѣженцы, живутъ много лѣтъ безъ церковной молитвы, давно они уже заботятъ архіерея...

— Такъ вотъ туда согласны поѣхать?

— Съ радостью и съ готовностью, — поспѣшилъ принять предложеніе о. Панкратій.

— Ну, Господь съ вами... Потрудитесь тамъ въ апостольскомъ служеніи...

Потомъ владыка громко разсмѣялся и, разводя руками, проговорилъ:

— Ахъ, вы, отецъ Панкратій!.. Какъ вы меня подвели... Зналъ бы я вашу твердость, не нужно было бы мнѣ рядиться въ эту хламиду...

О. Панкратій засмѣялся, понимая владыку.

— Ну, и дѣла же у васъ въ «Утоли моя печали»...

***

Мать Серафима разрѣшила всѣмъ желающимъ выйти къ поѣзду проводить о. Панкратія.

Пришли сестры и дѣти обители. Установилась большая сердечность и искренность печали разставанія.

И вотъ, когда о. Панкратій уже поднялся на ступеньки вагона, вотъ-вотъ долженъ тронуться поѣздъ, глаза его, поверхъ провожающей группы, остановились на стройной фигурѣ въ черномъ затрапезномъ платьѣ въ плотно повязанной черной же косынкѣ.

Послушница Фотинія не бѣжала, а скользила по каменной мостовой.

Съ того самаго случая она была опредѣлена настоятельницей на кухню готовить на всю обитель. Теперь, видно, отправившись на рынокъ — на рукѣ у нея болталась обительская сумка для провизіи — она спѣшила проститься.

Собравшіеся провожать пропустили ее къ вагону. Она, смутившись, проскользнула черезъ толпу и, сложивъ руки, какъ положено, попросила у отца Панкратія благословенія.

Онъ широкимъ крестомъ благословилъ ее, и она, поцѣловавъ руку, не дожидаясь отхода поѣзда, пошла по своему дѣлу.

Поѣздъ тронулся.

Въ одиночествѣ безъ посторонняго свидѣтельства было трудно совладать съ собой. Въ туманѣ сознанія монаха шла борьба. Фигура юницы въ черномъ одѣяніи постепенно вытѣснила отсюда все другое. — Какъ бы сотканная изъ воздуха, не уходила, а скользила по мостовой... И ни разу не оглянулась...

Непереносная тоска заполнила все.

Монахъ шепталъ привычныя слова:

— Камо пойду?.. Кому повѣмъ печаль мою?..

Д. Скобцовъ-Кондратьевъ

1915 ГОДЪ

НА РАЗВѢДКѢ

ТАБЛАКЪ

Моя мать — казачка съ Урала
Мой отецъ — сибирскій казакъ.
Часто-часто мать вспоминала
Степь родную и яркій таблакъ.

И съ сибирской равнины унылой
Въ степь, тоскуя, стремилась душа;
Величавый Уралъ, сердцу милый,
Снился ей у водъ Иртыша.

Какъ привольно въ Уралѣ плескаться:
Духъ бодрѣе и тѣло свѣжѣй.
Надъ водой кое-гдѣ золотятся
И мелькаютъ коронки ужей.

Небо ярко, бездонно и сине.
На немъ солнце — что огненный знакъ.
А изъ трещинъ сожженной пустыни
Пробивается алый таблакъ.

Ширь, просторъ кругомъ — безграничны.
Вѣетъ мощью отъ бурной рѣки.
Съ давнихъ поръ здѣсь, къ раздолью привычны,
По старинкѣ живутъ казаки.

Проносились сны золотые,
А потомъ — приходили опять...
На яву же въ края дорогіе
Не вернулась покойница-мать —

Въ дни кровавой сибирской были
Растерзалъ ея сердце врагъ!
На ея одинокой могилѣ
Не растетъ уральскій таблакъ...

М. Волкова

L'exil de l'armée russe

Предлагаемая въ извлеченіяхъ вниманію читателей статья В. Б. Фохта представляетъ собой значительную часть обзора событій, имѣвшихъ мѣсто въ Крыму и въ Турціи съ весны 1920 по осень 1921-го г.г.

Обзоръ полностью напечатанъ въ ноябрьской книжкѣ «CAHIER DE 1929».

Авторъ, офицеръ штаба Главнокомандующаго Русской Арміей, былъ командированъ съ первыхъ дней крымской эвакуаціи, въ главную квартиру французскаго оккупаціоннаго корпуса въ Константинополѣ для связи.

По занимаемой имъ должности, онъ былъ хорошо освѣдомленъ о мѣропріятіяхъ, касавшихся чиновъ Русской Арміи и гражданскихъ бѣженцевъ, и близко наблюдалъ постепенное развитіе взаимоотношеній между русскимъ и французскимъ командованіемъ.

Многое изъ разсказываемаго имъ представляется намъ донынѣ неизвѣстнымъ широкимъ кругамъ Зарубежья.

Въ первой части обзора ротмистръ Фохтъ говоритъ о причинахъ, побудившихъ французское правительство признать правительство Юга Россіи и генерала Врангеля, объ условіяхъ, въ которыхъ онъ принялъ командованіе, и о положеніи въ Крыму къ осени 1920-го года.

Редакція

... Французская главная квартира занимала, по дорогѣ въ Терапію, въ четырехъ километрахъ отъ Константинополя, два большихъ дома на берегу Босфора и нѣсколько виллъ.

Нѣсколько далѣе находится домъ, гдѣ останавливался, пока эскадра пребывала на рейдѣ, адмиралъ Дюмениль, которому столь многимъ обязаны русскіе бѣженцы.

«Великій князь Александръ Михайловичъ», на борту котораго находился штабъ Главнокомандующаго Русской Арміей, сталъ на якорь какъ разъ напротивъ этихъ домовъ, неподалеку отъ мѣстечка Ортакей.

Резиденціей Главнокомандующаго служила посольская яхта «Лукуллъ», затопленная позже, въ 1921-мъ году, коммунистами.

Съ трудомъ продвигавшіяся, одни собственными средствами, другія на буксирѣ, иногда по нѣсколько сразу, суда, приходившія на Константинопольскій рейдъ, переполненныя сверхъ всякой мѣры людьми и имуществомъ, представляли собой зрѣлище, описывать которое мы не беремся.

Еще до ихъ прибытія, французская главная квартира была озабочена пріисканіемъ помѣщеній на берегу и мобилизаціей шлюпокъ и катеровъ, способныхъ придти на помощь

этимъ кораблямъ, большинство которыхъ неминуемо погибло бы въ болѣе дурную погоду.

Турецкое правительство категорически протестовало противъ пребыванія русскихъ бѣженцевъ, особенно военныхъ, въ столицѣ, что ставило французовъ въ весьма щекотливое положеніе; къ тому же они были обязаны считаться еще и съ союзниками.

Тѣмъ не менѣе, часть гражданскихъ бѣженцевъ удалось размѣстить на о. Халки и въ лагеряхъ Сиркеджи, Селиміе, Санъ-Стефано, Ланнъ, Бернадотъ и др., всего около 30.000 мужчинъ, 20.000 женщинъ и 7.000 дѣтей.

Со своей стороны, англичане и итальянцы открыли русскимъ нѣсколько лагерей и госпиталей; они, впрочемъ, были сравнительно скоро освобождены. Послѣ того, какъ удалось пристроить больныхъ и раненыхъ, числомъ около 6.000, явилась возможность подумать о высадкѣ войскъ на сушу.

Отмѣтимъ, что въ теченіе первыхъ двухъ недѣль, пока не былъ еще достигнутъ этотъ результатъ, французы, русскія учрежденія въ Константинополѣ, американскій Красный Крестъ и множество частныхъ лицъ всемѣрно пытались организовать снабженіе провіантомъ загромождавшихъ рейдъ русскихъ судовъ; перегруженность послѣднихъ исключала всякую возможность доступа къ грузамъ и распоряженія ими..

Къ сожалѣнію, не удавалось добиться согласованія усилій указанныхъ трехъ центровъ. Болѣе справедливое и раціональное распредѣленіе грузовъ оказалось бы, конечно, къ тому же и менѣе убыточнымъ.

Въ этихъ условіяхъ становится понятнымъ безпокойство французской главной квартиры, опасавшейся, что интендантскихъ запасовъ оккупаціоннаго корпуса не хватитъ до прибытія ближайшаго продовольственнаго транспорта, и поспѣшившей установить контроль надъ тѣми запасами, которыми можно было немедленно воспользоваться по мѣрѣ постепенной разгрузки русскихъ судовъ.

Былъ моментъ, когда у французовъ оставалось муки, для нихъ самихъ и для бѣженцевъ, всего на двое сутокъ.

Въ лагеряхъ для такъ называемыхъ «гражданскихъ бѣженцевъ» были назначены изъ ихъ же среды коменданты, въ помощь начальникамъ отрядовъ французскаго оккупаціоннаго корпуса, что, разумѣется, не замедлило вызвать множество недоразумѣній.

Соотвѣтствующіе приказы толковались различно и часто неправильно въ томъ, что касалось взаимныхъ правъ и обязанностей русскихъ и французскихъ комендантовъ лагерей, особенно по вопросу о разрѣшеніяхъ на поѣздки въ Константинополь.

Въ лагеряхъ, какъ и на корабляхъ, были люди, располагавшіе средствами для жизни, или же лица, которыхъ родственники могли взять въ городъ на свое попеченіе.

Русская связь при французской главной квартирѣ едва успѣвала добиваться разрѣшеній на выходъ изъ лагерей, ограниченный срокомъ, или на переводъ изъ одного лагеря въ другой лицъ, оторвавшихся во время эвакуаціи отъ ихъ семей или воинскихъ частей и управленій.

Въ большинствѣ случаевъ о такихъ разрѣшеніяхъ приходили хлопотать посредники, посѣщавшіе лагеря, или только что изъ нихъ вышедшіе.

Къ международнымъ патрулямъ, слѣдившимъ за порядкомъ въ городѣ, были прикомандированы русскіе офицеры, авторитетъ которыхъ признавался при провѣркѣ бумагъ или въ случаѣ отсутствія таковыхъ у лицъ, попадавшихъ въ Константинополь. Признаемъ необходимость и мудрость нѣкоторыхъ изъ такихъ оградительныхъ мѣръ.

Онѣ не только облегчали работу союзной контръ-развѣдкѣ, но и самихъ бѣженцевъ оберегали отъ многихъ непріятностей.

Что касается арміи, то на 100.000 человѣкъ, которыхъ она насчитывала, 50.000 принадлежало къ боевымъ единицамъ, 40.000 приходилось на вспомогательныя войска, тыловыя и административныя учрежденія, и около 3.000 на военныя школы. Регулярныя войска — около 30.000 — были отправлены въ Галлиполи; 15.000 кубанцевъ — на островъ Лемносъ и столько же донцовъ — въ Чаталджи. Послѣднимъ пришлось позже, въ виду позиціи, занятой турецкимъ правительствомъ, присоединиться къ своимъ исконнымъ сосѣдямъ.

Кромѣ того, 32.000 военныхъ были распредѣлены между королевствомъ сербовъ, хорватовъ и словенцевъ (22.000 и два кадетскихъ корпуса), Румыніей (2.000), Болгаріей (4.000) и Греціей (2.000).

Наконецъ, согласно приказа адмирала де Бона, командовавшаго восточной эскадрой Средиземнаго моря, 30 русскихъ военныхъ судовъ съ 6.000 экипажа ушли къ сѣверо-африканскимъ берегамъ.

Изъ нихъ 12 вспомогательныхъ судовъ были впослѣдствіи проданы Франціей, несмотря на протесты русскихъ, основанные на константинопольскомъ соглашеніи.

Таково было, въ общихъ чертахъ, временное распредѣленіе арміи и бѣженцевъ къ концу ноября 1920-го года.

***

Согласно постановленія союзниковъ, разоруженіе должно было послѣдовать еще на Константинопольскомъ рейдѣ, въ пропорціи 80%. Эта тяжкая мѣра вызывала понятную обиду даже у тѣхъ, кто менѣе всего былъ склоненъ къ продолженію гражданской войны.

Въ казачьей средѣ ее удалось провести съ большимъ трудомъ. Тамъ считали, что сдаваемое оружіе должно было подлежать возвращенію въ армію какъ только окажется возможнымъ продолженіе борьбы, — въ то время было много разговоровъ о неминуемомъ румыно-совѣтскомъ столкновеніи.

Но Галлиполійскій корпусъ сумѣлъ, подъ тысячью предлоговъ, избѣжать разоруженія... Его командиръ, генералъ Кутеповъ, поддерживалъ въ немъ дисциплину, казавшуюся чрезмѣрной даже французамъ.

Въ конечномъ счетѣ, ее слѣдуетъ признать благодѣтельной, и офицеры французскаго оккупаціоннаго корпуса и чины штаба питали къ генералу Кутепову уваженіе, котораго не поколебала его суровость въ обращеніи.

Приводимъ инвентарь сданнаго оружія: винтовокъ 45.000; пулеметовъ 350; патроновъ 12.000.000; снарядовъ 330.000; гранатъ 60.000.

Движимый желаніемъ добиться централизаціи и согласованія дѣятельности всѣхъ организацій и учрежденій, начальникъ штаба французскаго оккупаціоннаго корпуса полковникъ Депрэ предложилъ сразу же по прибытіи первыхъ кораблей, чтобы представители шести важнѣйшихъ отдѣленій русскаго штаба собирались каждый день у офицера русской связи и присутствовали съ нимъ и съ офицерами соотвѣтствующихъ отдѣловъ французской главной квартиры на утреннихъ докладахъ для совѣщанія.

Какой волокиты, какихъ тяжкихъ по своимъ послѣдствіямъ задержекъ и недоразумѣній можно было бы избѣжать, если бы это положеніе было своевременно осуществлено. Увы! Уже на третій день русскіе представители перестали являться къ назначенному часу и начали разновременно обращаться къ полковнику Депрэ. Это настолько усложнило службу русской связи, что начальникъ французскаго штаба отмѣнилъ свое рѣшеніе. Непосредственное общеніе между русскими и французскими отдѣлами было прервано, и впредь имъ предстояло сноситься только черезъ посредство офицера для связи отъ штаба Главнокомандующаго, общаго для всѣхъ

Отчасти въ результатѣ такого положенія намъ довелось видѣть много дней къ ряду, начальника французскаго штаба и его помощниковъ, офицеровъ оперативнаго и интендантскаго отдѣленій, работающими до поздней ночи, въ цѣ-

ляхъ удовлетворенія срочныхъ нуждъ или исходившихъ отъ русскихъ просьбъ.

Еще чаще, чѣмъ вслѣдствіе ходатайствъ лагерей или отдѣльныхъ лицъ, непредвидѣнныя осложненія возникали по мѣрѣ разгрузки судовъ. По даннымъ русскаго штаба, французы выгрузили: зерна 5.000 тоннъ, сахару 333, чаю 283, табаку 25, разныхъ грузовъ 833 тонны; обмундированія: 42.000 комплектовъ, бѣлья 340.000 паръ, носковъ 640.000 паръ, полотенецъ 285.000 штукъ, обуви 58.000 паръ, кожи 5.920 тоннъ, одѣялъ 140.000 штукъ, суконъ и пр. 810.000 аршинъ.

Французскую главную квартиру тотчасъ же осадило множество лицъ, доказывавшихъ свои права на различные товары и даже на самыя суда.

Въ самомъ дѣлѣ, большинство грузовъ принадлежало частнымъ лицамъ; эвакуація застала многія грузовыя суда и пассажирскіе пароходы врасплохъ, — одни едва прибыли, другіе собирались выйти въ нормальное плаваніе. Была назначена смѣшанная комиссія по разгрузкѣ, которая вела учетъ грузамъ и разсматривала претензіи частныхъ владѣльцевъ.

Французы оказались и въ этомъ случаѣ весьма уступчивыми и удовлетворяли почти всѣ требованія, признавая дѣйствительными документы и договоры, заключенные, — само собой разумѣется, до послѣдняго франко-русскаго соглашенія о «залогахъ», — русскими властями.

За вычетомъ вещей и матеріаловъ, розданныхъ лагерямъ (не говоря о продуктахъ и провіантскихъ запасахъ), французы оставили себѣ, такимъ образомъ, совсѣмъ не много.

Такъ, напримѣръ, всѣ суда торговаго флота, за исключеніемъ шести, и то малоцѣнныхъ, были возвращены ихъ собственникамъ.

Русскій штабъ признаетъ, что принявъ грузовъ на 110 милліоновъ франковъ (общая стоимость имущества, вывезеннаго русскимъ интендантствомъ, складывающаяся изъ продуктовъ, обмундированія, бѣлья, обуви, сукна на 60 милліоновъ, боевыхъ припасовъ и оружія на 35 милліоновъ, разныхъ на 10 милліоновъ и угля на 6 500.000), французы роздали лагерямъ имущества на 15 милліоновъ франковъ.

Въ эту цифру, конечно, не входитъ то, что было роздано гражданскимъ бѣженцамъ, а также и то, что было возвращено частнымъ владѣльцамъ. Наконецъ, еще раньше, чѣмъ французское интендантство получило русскіе грузы, оно роздало лагерямъ изъ складовъ французскаго оккупаціоннаго корпуса на очень значительную сумму матеріаловъ, бѣлья, обуви, одѣялъ и пр.

Какъ видно изъ приведеннаго нами перечня, многіе грузы вообще не могли быть использованы безъ предварительной обработки, такъ какъ представляли собой сырье.

Можно къ тому же спросить себя, какое употребленіе могла сдѣлать французская армія изъ русскихъ ружей и патроновъ?

Суммы, которыми правительство Юга Россіи располагало къ моменту эвакуаціи, пошли на покрытіе расходовъ по первымъ отправкамъ въ балканскія государства, а также на оказаніе помощи гражданскимъ бѣженцамъ, на содержаніе различныхъ необходимыхъ учрежденій и на поддержку общественныхъ организацій, не обладавшихъ еще достаточными собственными средствами.

Новыя средства могли быть предоставлены только совѣщаніемъ пословъ, которое одно унаслѣдовало право распоряженія аккредитивами, открытыми еще императорскимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ.

Къ сожалѣнію, переговоры, немедленно начатые генераломъ Врангелемъ, грозили слишкомъ затянуться съ точки зрѣнія парижской лѣвой концентраціи, не замедлившей этимъ возмутиться.

Всѣмъ еще памятны интерпелляціи по этому поводу въ палатѣ депутатовъ.

Съ этого момента на «бывшаго» Главнокомандующаго начинается давленіе, съ цѣлью добиться скорѣйшаго разсредоточенія войскъ, какимъ угодно образомъ, подъ все болѣе и болѣе дѣйствительной угрозой прекращенія снабженія провіантомъ.

Генералъ Шарпи, смѣнившій генерала Нейраль де Бургонь на посту командующаго французскимъ оккупаціоннымъ корпусомъ, пріѣхалъ въ Константинополь съ формальной инструкціей, въ томъ, что касалось принятія мѣръ, клонившихся къ ликвидаціи русской арміи.

Весной 1921-го года онъ сократилъ паекъ въ лагеряхъ до 40 и даже до 50%.

Сердечность, характерная дотолѣ для отношеній между штабами, исчезла, и отблескъ ея наблюдался снова только много позже, въ послѣдніе дни передъ окончательной, искренне дружественной разлукой.

Русское командованіе прекрасно отдавало себѣ отчетъ въ необходимости занять армію какимъ-нибудь трудомъ, могущимъ позволить ей обходиться безъ посторонней помощи.

Впредь до разрѣшенія этого основного вопроса, слѣдовало сохранить дисциплину, — которой всѣ охотно подчинялись, — избѣгая бездѣятельности.

Приступлено было къ организаціи лагерей, и въ этомъ направленіи было сдѣлано все, что оказалось возможнымъ съ имѣвшимися случайными средствами; въ Галлиполи это граничило съ чудомъ.

Однако, позднѣе, ни донцы ни кубанцы, способные къ земледѣлію и крупнымъ инженернымъ работамъ, не нашли примѣненія своимъ силамъ на скалахъ Лемноса, ни, тѣмъ паче, «регулярныя части» въ Галлиполи не видѣли въ этой пустынной странѣ иныхъ занятій, кромѣ чисто военныхъ упражненій. Образъ дѣйствій генерала Кутепова, прозванный «игрой въ солдатики», былъ многими подвергнутъ суровому осужденію.

Но изъ полемики по этому поводу ясно вытекаетъ, что сохраненіе воинскаго духа было — хотятъ этого или не хотятъ, — единственно возможнымъ путемъ подготовки къ «штатской» жизни и что только благодаря сохраненію этого духа чувство человѣческаго достоинства смогло окрѣпнуть въ эмигрантахъ; это, въ свою очередь, позволило союзнымъ странамъ довѣрчиво ихъ принять, а имъ самимъ лучше употребить свои силы (всегда столь же охотно) тамъ, гдѣ это стало, наконецъ, возможнымъ.

Въ жизни въ Галлиполи и въ другихъ лагеряхъ мы находимъ откликъ на толчекъ къ порядку и законности, данный генераломъ Врангелемъ по прибытіи его въ Крымъ. Мы сами ссылаемся и отсылаемъ тѣхъ, кого интересуетъ этотъ періодъ, къ прекрасной книгѣ Жоржа Удара и Д. Новика «Нищіе рыцари».

Да и сами французы не преминули признать всю цѣнность усилій генерала Кутепова и ввѣренныхъ ему частей. 18-го декабря 1920-го года адмиралъ де Бонъ, сопровождавшій генерала Врангеля въ его первомъ объѣздѣ лагерей, сказалъ войскамъ, указывая на орла, вымощеннаго передъ палаткой, гдѣ хранились знамена:

— Я надѣюсь, что эта птица, изнуренная и распростертая здѣсь, на землѣ, вскорѣ вновь соберется съ силами для побѣдоноснаго полета, такого, какимъ былъ въ теченіе вѣковъ ея полетъ надъ императорской арміей.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, самъ генералъ Шарпи, не пожелавшій при посѣщеніи лагеря признать присутствіе въ немъ офицеровъ или солдатъ, — прискорбное забвеніе обычая, въ силу котораго даже военноплѣнные сохраняютъ свои чины, — покидая Галлиполи, не удержался отъ словъ:

— Хоть я и обязанъ считать всѣхъ васъ только бѣженцами, я долженъ заявить, что видѣлъ образцовую армію...

Два положенія должны быть нами здѣсь отмѣчены въ интересахъ соблюденія истины.

Неоспоримо, что русскій штабъ стремился, часто впадая при этомъ въ крайность, къ сохраненію, если и не полноты власти и авторитета, то, по меньшей мѣрѣ, руководящей роли по соглашенію съ французами во всемъ, что касалось разсредоточенія арміи. Со стороны казалось, что русское командованіе дѣйствовало съ чрезвычайной медлительностью, которой французы не видѣли оправданія и которую истолковывали въ смыслѣ безразличія къ расходамъ, выпадавшимъ на долю Франціи.

Между тѣмъ, съ помощью одной изъ самыхъ дѣйствительныхъ мѣръ, а именно путемъ созданія всевозможныхъ воинскихъ объединеній и обществъ, генералъ Врангель привлекъ къ арміи и ея судьбѣ вниманіе всѣхъ старыхъ русскихъ военныхъ, разсѣянныхъ по свѣту. Они могли помочь своимъ товарищамъ покинуть лагеря, найти работу, добиться визы и т. д.

Эти объединенія представляютъ собой до сегодняшняго дня мощныя группы. Въ большинствѣ они объединяются съ союзами бывшихъ участниковъ Великой войны. Имъ предстоитъ еще сыграть историческую роль въ Россіи, такъ какъ красная армія никогда не станетъ національной и не переживетъ режима, опирающагося нынѣ на отряды ГПУ и на коммунистическія ячейки.

Къ большой чести русскаго Главнокомандованія надлежитъ отнести и поддержку, оказанную, доколѣ была возможность, военно-учебнымъ заведеніямъ, училищамъ и корпусамъ. Напомнимъ, что генералъ Кутеповъ основалъ въ Галлиполи гимназію и университетъ. Что же до пресловутыхъ промедленій, за нихъ отвѣтственны болѣе всего тѣ, кто въ эмиграціи отколо́лся отъ генерала Врангеля вмѣсто того, чтобы помогать ему, пользуясь своимъ вліяніемъ въ Европѣ и на Балканахъ; нѣкоторые дипломаты; тѣ, наконецъ, кто благосклонно отнесся къ проискамъ совѣтскихъ посланцевъ; словомъ, вина за эти промедленія тяготѣетъ больше всего на безпросвѣтномъ матеріализмѣ, столь характерномъ для эпохъ, слѣдующихъ за большими международными потрясеніями.

Съ другой стороны, французы, провозгласившіе, что «арміи генерала Врангеля болѣе не существуетъ» и что «бѣженцы никому больше подчиненіемъ не обязаны и могутъ свободно выбирать между тремя, предложенными имъ, рѣшеніями: 1) возвратиться въ сов. Россію, 2) ѣхать въ Бразилію или 3) покинуть лагери для вольнаго труда», дѣйствовали съ наивностью... Она могла бы оказаться весьма опасной, имѣй французы дѣло съ менѣе искушенными и менѣе сплоченными бойцами.

Кто знаетъ, какихъ жестокостей, вызванныхъ нуждой или необходимостью примѣненія репрессивныхъ мѣръ, удалось избѣжать, благодаря твердости генерала Врангеля.

Въ этомъ согласятся съ нами здѣсь, въ странѣ, гдѣ царитъ сознаніе свободы и порядка.

Тѣмъ не менѣе, около 4.000 военныхъ и штатскихъ дали себя ввести во искушеніе. Не намъ судить о побужденіяхъ, ими руководившихъ, — коммунисты разстрѣляли этихъ несчастныхъ въ Новороссійскѣ по мѣрѣ того, какъ они сходили на берегъ, передъ доставившими ихъ судами.

И ужъ, конечно, не отъ русскаго командованія можно было требовать, чтобы оно толкало бѣженцевъ на этотъ путь! Въ этомъ смыслѣ совершенно напраснымъ было сдѣланное генералу Врангелю воспрещеніе вторично посѣтить лагеря, что онъ, якобы, собирался сдѣлать съ цѣлью удержанія менѣе стойкихъ.

Всѣ и такъ прекрасно знали, безъ чьихъ бы то ни было приказовъ или совѣтовъ, чего можно ждать отъ большевиковъ.

Возможность колонизаціи Бразиліи соблазнила около тысячи человѣкъ, но ихъ высадили на Корсикѣ, гдѣ и раскрылся обманъ, жертвой котораго они оказались.

Что же до третьяго изъ указанныхъ выходовъ, то несостоятельность французскаго предложенія очевидна и въ комментаріяхъ не нуждается. Въ Турціи нечего было дѣлать, а полученіе визы въ Америку или въ Европу было связано съ выполненіемъ нищими просителями безчисленныхъ формальностей.

Непостижимое упорство, съ которымъ французы настаивали на своемъ планѣ распыленія русской арміи, казалось бы намъ не заслуживающимъ даже упоминанія, если бы это явное съ ихъ стороны сопротивленіе естественному порядку вещей не омрачило мимолетной тѣнью послѣднія и высокія минуты «прекраснаго союза».

Однако, даже въ то время, когда приказы о сокращеніи пайка и количества бѣженцевъ въ лагеряхъ проводились съ наибольшей суровостью, русская связь при французской главной квартирѣ ни разу не встрѣтила отказа, когда ходатайствовала объ обратномъ пріемѣ въ лагерь жертвъ безработицы, слишкомъ самонадѣянно поспѣшившихъ выписаться.

Извѣстно, что правительства балканскихъ государствъ уступили настояніямъ генерала Врангеля и допустили на свои территоріи цѣлыя военныя единицы. Русская кавалерія несетъ пограничную службу въ Сербіи. Другіе полки, покончивъ съ очисткой бывшихъ полей сраженія, работаютъ въ городахъ и селахъ или проводятъ дороги. Тысяча донцовъ занимается земледѣліемъ въ Чехословакіи, 3.000 въ Греціи, 14.000 въ Болгаріи, которой русское командованіе своевременно внесло 2 милліона франковъ и 600 тысячъ долларовъ, полученныхъ отъ совѣщанія пословъ. Повсюду, гдѣ находятся крупныя соединенія, въ нихъ сохранены прежнія организаціи, и дѣленіе на болѣе мелкія единицы. Менѣе значительныя группы образовали профессіональныя предпріятія и артели.

Лица, отдѣлившіяся и живущія самостоятельнымъ трудомъ, входятъ въ корпоративныя объединенія, состоящія въ прямой связи съ прежними начальниками и штабами.

Не только не забыты традиціи, но и понынѣ существуютъ прекрасно поставленные военные курсы, и взаимная поддержка, смѣнившая дисциплину, показательна даже въ томъ, что на первый взглядъ кажется страннымъ и неожиданнымъ.

Она была бы невозможной и просто смѣшной, если бы не была внушена извѣстной идеей, если бы не покоилась на нѣкоемъ цѣлостномъ міровоззрѣніи.

Давно уже «бѣлое движеніе» перестало быть партійной программой. Оно не несетъ съ собой никакого ученія, но, противопоставляя себя существующей власти, объединяетъ и олицетворяетъ основы русской культуры, въ соотвѣтствіи съ національной исторіей и цивилизаціей нашего времени.

Есть ли несчастье большее, чѣмъ изгнаніе? Потеря родины это почти потеря самого себя. Признаемъ же заслуги тѣхъ, кто оказываетъ первую поддержку, приноситъ первое ободреніе изгнанникамъ, — какъ мы признаемъ ихъ за тѣми, кто сохранилъ въ одиночествѣ свое достоинство, свои личныя и національныя качества.

Генералъ Врангель, переставая быть военнымъ вождемъ, сумѣлъ остаться для своихъ прежнихъ товарищей по оружію и для всѣхъ русскихъ патріотовъ человѣкомъ, облеченнымъ высокимъ довѣріемъ, гроссмейстеромъ новаго рыцарскаго ордена.

По результатамъ его дѣятельности и надлежитъ оцѣнивать то, сознательное или невольное, матеріальное и моральное участіе, которое возбуждало его дѣло.

Переводъ съ французскаго **Н. Г.**

БОРЬБА ЗА РОССІЮ

НА КУБАНИ

Въ Екатеринодарѣ ГПУ раскрыло антисовѣтскую организацію, поставившую себѣ цѣлью сверженіе совѣтской власти на Кубани.

Во главѣ организаціи находился б. министръ и членъ Кубанской Рады Савицкій, руководившій организаціей антисовѣтскихъ отрядовъ.

Группѣ удалось совершить рядъ нападеній на отдѣльныя учрежденія ГПУ и организовать рядъ покушеній на отвѣтственныхъ работниковъ СССР.

Группа имѣла даже своихъ агентовъ въ ГПУ и устроила фабрику фальшивыхъ документовъ, которыми удалось снабдить всѣхъ членовъ организаціи.

Коллегія ГПУ приговорила 9 членовъ, во главѣ съ Савицкимъ, къ разстрѣлу. Остальные сосланы въ концентраціонный лагерь. Приговоръ приведенъ въ исполненіе 26-го октября.

НА ТЕРЕКѢ

Агентство ТАСС сообщаетъ, что ГПУ ликвидировало на Сѣверномъ Кавказѣ, въ Терскомъ и Дагестанскомъ районѣ организацію, именовавшуюся «Русская земледѣльческо-аграрная партія» и руководимую агрономомъ Пшеничнымъ. Организація эта старалась поднять повстанческое движеніе и подготовляла вооруженное выступленіе противъ совѣтскаго режима.

Спеціально избранная организаціей группа террористовъ занималась экспропріаціей. Всѣ члены организаціи арестованы. Пшеничный и другіе разстрѣляны.

Докладъ Ф. К. Воропинова

18-го сентября с. г. съ Кубани нелегально прибылъ въ Прагу бывшій членъ Кубанской Краевой и Кубанской Законодательной Радъ Филиппъ Капитоновичъ Воропиновъ.

Какъ извѣстно, въ апрѣлѣ 1922-го года Л. Бычъ, Ф. Воропиновъ, Петръ Макаренко, Л. Бѣлашевъ, С. Крикунъ и Г. Соколъ напечатали «Письмо къ кубанцамъ-бѣженцамъ» съ приглашеніемъ возвращаться домой.

Ф. К. Воропиновъ и часть подписавшихъ письмо выѣхали въ томъ же году въ СССР. Нынѣ, послѣ семи лѣтъ пребыванія тамъ, Воропиновъ возвратился за границу.

Недавно въ Прагѣ состоялся его докладъ. Корреспондентъ газеты «Послѣднія Новости» пишетъ:

«Въ свое время это былъ сильный, полнокровный, темпераментный человѣкъ, обладавшій громкимъ голосомъ, увѣренными движеніями и крайними украинофильскими убѣжденіями. Теперь передъ нами замученный физически, съ разбитымъ здоровьемъ, съ трудомъ ведущій свой длинный разсказъ, бѣглецъ изъ совѣтскаго рая. Отъ прежняго осталась лишь сепаратистская тенденція, да и та полинявшая, поблекшая. Жестоко мелетъ большевицкій жерновъ, въ мелкую пыль перемалываетъ и сильныхъ людей».

Изъ доклада г. Воропинова, авторъ письма передаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о жизни на Кубани: «Родина встрѣтила его бѣдностью, нищетой, поражающей послѣ блестящаго Константинополя, и... тюрьмой. Въ какихъ только тюрьмахъ юго-востока Россіи ни пришлось побывать несчастному человѣку, довѣрившемуся большевикамъ. Екатеринодаръ, Армавиръ, Ростовъ — этапы крестнаго пути. А потомъ жизнь поднадзорнаго, съ тяжелой повинностью каждую недѣлю являться въ ГПУ на регистрацію, съ постояннымъ страхомъ разстрѣла въ случаѣ какихъ-либо мѣстныхъ волненій или возстаній...

Интересенъ былъ разсказъ о положеніи на Кубани иногороднихъ, о томъ быстромъ сближеніи, которое происходитъ сейчасъ между казаками и крестьянами. По свидѣтельству г. Воропинова, антагонизмъ между этими двумя группами населенія казачьихъ земель быстро сходитъ на нѣтъ...

Въ концѣ своего сообщенія г. Воропиновъ привелъ рядъ свѣдѣній объ издѣвательствахъ и насиліяхъ большевиковъ надъ казачьимъ населеніемъ. По словамъ докладчика, къ казакамъ большевики относятся особенно безжалостно. Казакамъ не вѣрятъ, казаковъ боятся и ненавидятъ...

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ПАВЛИЧЕНКО

Полковнику Соломахину. Бѣлградъ.

Жди заказное письмо съ деталями положенія. Всѣ дурныя извѣстія, которыя публикуютъ русскія газеты, ложныя и клеветническія. Правительство Перу оказываетъ всяческую поддержку казакамъ.

Вскорѣ ѣду въ Европу объяснить подробно успѣхъ колонизаціи, которая, какъ всякое большое предпріятіе, имѣетъ въ началѣ затрудненія. Городъ Лима. Генералъ Павличенко.

НАША ПРОСЬБА

Редакторъ «Казачьяго Журнала» проситъ лицъ, сочувствующихъ журналу, не отказать въ любезности сообщить адреса: атамана Заокеанской станицы въ Филадельфіи П. С. Лялько, атамана Афинской станицы (Греція) А. И. Литовкина и атамановъ станицъ во Франціи И. П. Панкратова (Имфи) и генерала М. А. Фетисова (Сансъ).

Редакторъ-Издатель **Е. Д. Коноваловъ.**
Directeur *E. D. Konovaloff*
Gérant : *Mr. W. Lerat*

Отпечатано въ количествѣ 1.000 экз. въ типографіи Franco-Slaves, 32 r. de Ménilmontant, Paris (20e)

Institut de Beauté Phyllis Earle (London)

PARIS, 50, Av. TOKIO; Tél. Passy 26-23 et **Auteuil 91-50.** отъ 7 до 9 в. **Окончившіе получаютъ дипломы.** Говорятъ на 5 языкахъ. Русскимъ льготныя условія. ПРОГРАММА: Новѣйшіе методы англо-американскаго массажа, лѣченіе электричествомъ дефекты лица, кожи, волосъ. Manucure. Pédicure. Краска волосъ, гримъ, театральный и для жизни. Физическая культура. Циклъ лекцій г.г. врачей по анатоміи. Физіолог. бол. кожи, электрич. эстетич. хирургія. Справки письменно лично отъ 2 до 5 ч. у Директриссы: **M-me Alex.**

НОВАЯ ЭРА для бѣженцевъ

Ежегодно въ лѣтнее время огромныя суммы уходятъ изъ кармановъ бѣженства на «отдыхъ», и это заставляетъ многихъ русскихъ серьезно призадуматься надъ вопросомъ, какъ эти средства удержать и **пріобрѣсти собственность** на нихъ. Немало русскихъ уже сдѣлались собственниками красивыхъ дачъ, виллъ и участковъ у берега моря, въ лѣсахъ или въ красивѣйшихъ мѣстностяхъ Парижа.

Если Вы подведете итоги недавней Вашей поѣздки «на отдыхъ», Вы легко согласитесь, что слѣдуетъ немедленно положить конецъ этимъ непроизводительнымъ расходамъ, и что единственно практичнымъ будетъ для Васъ, если Вы, **не откладывая дѣла,** пріобрѣтете участокъ въ любомъ изъ красивыхъ мѣстъ гостепріимной Франціи — станете «осѣдлымъ» и тѣмъ избавитесь отъ необходимости тратиться понапрасну на отдыхъ. Для этого Вамъ не нужны наличныя деньги. **Обратитесь немедленно къ М. ШНАЙДЕРЪ!** Онъ единственный дастъ Вамъ любое имущество въ кредитъ — съ уплатой небольшими ежемѣсячными взносами до полнаго погашенія стоимости его.

Mr SCHNAYDER,
117, rue du Temple
Archives 79-29
До 10 ч. утра и отъ 6 до 9 ч. вечера

Денежные переводы и посылки въ Россію

СБЕРЕГАТЕЛЬНАЯ КАССА
ПЕРЕПИСКА и ПЕРЕВОДЫ
ЮРИДИЧЕСКАЯ КОНСУЛЬТАЦІЯ
Ежедневно отъ 10 до 5 часовъ (кромѣ праздниковъ), въ субботу до 3 часовъ
ЗЕМСКІЙ СОЮЗЪ
Union des Zemstvos Russes;
12, rue Blanche, Paris (9).
Tél.: Trinité 45-77.
Métro: (N.-S.) Trinité.

СТРАХОВАНІЯ ВСЯКАГО РОДА

жизни, отъ огня, автомобилей, отъ несчастныхъ случаевъ на особо-выгодныхъ условіяхъ для всѣхъ французскихъ страховыхъ об-въ принимаетъ

Consortium Équitable
D'ASSURANCES
9, Boulevard Haussmann, Paris.
Tél.: Provence 79-30, 1-2-3-4-5
Корреспонденція на русскомъ языкѣ
ПЕРЕВОДЫ ДЕНЕГЪ ВЪ РОССІЮ

Ex libris, виньетки, иллюстраціи
исполняютъ Братья Хунунцъ въ Парижѣ
АДРЕСЪ ВЪ РЕДАКЦИИ

Fourrures alexandre

Téléphone: TRUDAINE 31-59 — R. C. Seine 425.054 — 52, Rue St-Georges PARIS-9e

Auto-Ecole Marbeuf

GARAGE MARBEUF.
Concessionnaire Citroen.
32-34, rue Marbeuf (Champs-Elysées), Tél.: Elysées 58-83 et 97-61 et la suite. Métro: Marbeuf et Rond-Point des Champs-Elysées.
САМАЯ БОЛЬШАЯ РУССКАЯ АВТОМОБИЛЬНАЯ ШКОЛА
Carte-rose. Grand-remise. Poid-lourd. Cours de mécanique. Papiers-taxis.
Уроки на спеціальной терассѣ нашего гаража, въ Булонскомъ лѣсу и въ городѣ отъ 8 час. утра до 9 час. вечера на машинахъ послѣднихъ моделей, съ правымъ и лѣвымъ управленіями. Приходите осмотрѣть нашъ гаражъ въ 10 этажей, на 1500 машинъ, самый большой въ Парижѣ, въ районѣ Champs-Elysées и нашу школу, оборудованную по послѣднему слову автомоб. техники

ЮРИДИЧЕСКІЙ КАБИНЕТЪ И. А. Кирилова

Дѣла судебныя, административныя и бракоразводныя. Договоры, уставы и регистрація коммерческихъ обществъ. Оформленіе документовъ. Сотрудничество французскихъ адвокатовъ.
46, rue de Provence, Paris (9).
около Rue Lafayette.
Métro: Chaussée d'Antin et Le Peletier. Tél.: Trud. 08-04.

А. Е. Золотницкій ПРИСЯЖНЫЙ ПЕРЕВОДЧИКЪ

при Парижскомъ Трибуналѣ
Зав-щій юридич. ч. отд. М-ва Императ. Двора (бывш. Секретарь Ген. Консульства)
ЮРИДИЧЕСКІЙ КАБИНЕТЪ
БЮРО ОФФИЦІАЛЬН. ПЕРЕВОДОВЪ
10 — 1 ч.
107, rue de l'Université (7e).
Дѣла судебныя, адм. Натурализація, бракъ, разводъ, иски, визы на въѣздъ и пр. Акты нотаріальные и домашніе. Дѣла заграничныя
Сотрудничество лучшихъ французскихъ и иностранныхъ адвокатовъ.

СПБ. Присяжный Повѣренный Г. Е. Левинскій

Paris (9), 5, rue Boudreau.
Métro: Opéra. Tél.: Opéra 0-36. Central: 94-37, 94-66.
Пріемъ: 10-12, 2-6 ч. Воскресенье 10-12
Гражданскія и уголовныя дѣла. Договоры. Организація обществъ. Бракоразводныя. Брачныя формальности. Дѣла за границей. Консультаціи.

Д. В. ПЕЧОРИНЪ

ДОКТОРЪ ПРАВЪ ПАРИЖСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

консультируетъ во всѣмъ вопросамъ французскаго, русскаго, швейцарскаго и частнаго международнаго права, принимаетъ на себя веденіе гражданскихъ, коммерческихъ, финансовыхъ и административныхъ дѣлъ.
Пріемъ отъ 5 до 7 ч. вечера каждый день, кромѣ праздниковъ и субботъ.
91, Av. de la Bourdonnais, Paris (7). **Tél.: Invalides 07-93.**
Métro : Ecole Militaire.

РУССКАЯ ПОЛИТЕХНИЧЕСКАЯ ШКОЛА
АМЕРИКАНСКАГО СОЮЗА
NORTH AMERICAN YMCA.

МЕТОДЪ ЗАОЧНАГО ПРЕПОДАВАНІЯ
Книги и печатныя лекціи высылаются во всѣ страны

Отдѣленія :

1. Инженерно-строительное
2. Электротехническое
3. Механическое
   Курсы на пом. инженеровъ, техниковъ, механиковъ, чертеж. конструкторовъ, монтеровъ, десятниковъ.
4. Коммерческое
   Программа Коммерческаго Института, курсы на бухгалтера, коммерч. корресп., кооперація, страховое дѣло, торгов. представительство.
5. Агрономическое
   Курсъ Сел. Хоз. Техникума
6. Общеобразовательное
   Реальное уч. и гимназія.
7. Иностранные языки
   Фран., Англ., Нѣм., Лат.

Требуйте программы (безплатно)

Russian Correspondence School of the North American Y. M. C. A.
10, Bould Montparnasse, PARIS 15^e^, France

ПОЛИТЕХНИЧЕСКІЙ ИНСТИТУТЪ
находится подъ покровительствомъ Министерства И. Д.

Специально изданы лекціи на **русскомъ яз.** по доступному методу **заочнаго обученія.** —::— Открытъ пріемъ на отдѣлы :

1) **Электротехническій** съ прогр. монтера, пом. инженера и инженера | 2) **Строительный** съ программой кондуктора и инженера строителя

По окончаніи выдается соотвѣтствующій званію дипломъ. Прогр. и условія пріема высыл. безплатно. Адресъ : **INSTITUT POLYTECHNIQUE,**
66, Boulevard Exelmans, Paris-16^e^.

Открыта РУССКАЯ ШКОЛА ЖИВОПИСИ
11, Rue Jules Chaplain, Paris-6^e^. Nord-Sud : Notre Dame des Champs

Профессора : *И. Билибинъ, М. Добужинскій, К. Коровинъ, Н. Милліоти, В. Шухаевъ, Л. Родзянко.*

Члены Академіи : *Ал. Бенуа, А. Зилоти, К. Сомовъ, Ал. Яковлевъ*

Условія : Утренніе и дневные курсы съ профессоромъ, живая натура и nature morte три часа въ день — 200 фр. въ мѣсяцъ. Свободное рисованіе безъ профессора. Разовые сеансы — 4 фр. въ вечеръ. Курсъ живописи по фарфору два раза въ недѣлю — 150 фр. Подготовительный классъ и для дѣтей, два раза въ недѣлю — 100 фр. За всѣми справками обращаться 11, rue Jules Chaplain отъ 15-17 часовъ

Директоръ : *Т. Л. Сухотина-Толстая.* Секретарь : *А. М. Стааль.*

АВТО-PERFECTION-ШКОЛА
Обучаетъ на машинахъ послѣднихъ моделей
CITROEN C4, RENAULT, PEUGEOT и др.
LEÇONS D'AUTO
Картъ-розъ съ гарантіей. Курсъ такси и механики
9-bis Rue d'Auteuil, Paris-16^e^
Tél. : Auteuil 44-11. Métro Eglise d'Auteuil
Открытъ отъ 8 — 20 час.
Директоръ **В. А. Юрковскій**

Согласно постановленію Правленія Общества

„НЬЮ-ІОРКЪ“ «LUTETIA»

производимъ разсчетъ съ русскими держателями полисовъ по 12 амер. центовъ за рубль быстро, безъ расходовъ

ASSURANCES. 24, rue Caumartin.
5 — 7 час. ежедневно и по суббот.
Русское БЮРО для СТРАХОВАНІЙ всякаго рода.

40.000 ЧАСОВЪ по 25 франковъ
—:— Гарантія 5 лѣтъ —:—

Мужскіе 25 фр. Высш. кач. — 29 фр. Со свѣтящимъ циферблатомъ — 34 фр. Часы-брасл. — 35 фр. Свѣт. циф. — 40 фр. Дамск. очень хор. кач. — 40 фр. Высшаго кач. — 50 фр. Часы-брасл. — 40 фр. Со свѣтящ. циф. — 45 фр. При заказѣ 3 паръ скидка 2 фр. Высыл. Mandat-poste или налож. плат. въ колоніи и заграницу только Mandat-poste.

Horlogerie Lumière, 11, rue du Pont-Louis-Philippe, Paris *(M-o Hotel de Ville).*

Фирма существуетъ 15 лѣтъ. Просятъ не смѣшивать съ другими. Районъ R.

Ателье «КУСТАРЬ»
ТРЕЙ и К^о^
6. Rue de Calais. Paris-9^e^
Tél. : Louvre 18-91; Métro Clichy — Blanche

Принимаю заказы на ювелирныя работы, натѣльные кресты, ордена, значки; чеканка ризъ для иконъ. Серебреніе и золоченіе. Починка и передѣлка стар. вещей. Исполненіе эмалевыхъ работъ и починка старой эмали.

Покупка, продажа и пріемъ на комиссію всевозможныхъ вещей.

Портн. фирма

"LONDON TAILORS" (Н. Соринъ)

извѣщаетъ своихъ заказчиковъ о переходѣ изъ номера 28, rue St-Georges въ новое помѣщеніе : **8, RUE CADET, Paris-9e**, tél. Provence 69-13 по сосѣдству со складомъ англійскихъ суконъ «**LES DRAPERIES ANGLAISES**» Исключительно изящный покрой и работа и лучшіе англійскіе матеріалы ставятъ фирму въ одинъ рангъ съ лучшими портными Парижа. Различіе лишь въ цѣнѣ, но отнюдь не въ качествѣ.

КАЛИНА
ПОРТНОЙ

Имѣетъ постоянно большой выборъ первоклассныхъ англійск. матеріаловъ для всѣхъ сезоновъ.

Прежде въ ПЕТРОГРАДѢ, Морская 27. **Tél. : Gutenberg 52-71. 25, Avenue de l'Opéra, Paris**

Русскій мужской и дамскій портной

Е. ГОТАРДЪ
CHAPELIER-CHEMISIER 249-251, r. Lecourbe, Paris-15
уголъ rue de la Convention. Tél.: Vaugirard 51-58

Открытъ НОВЫЙ БОЛЬШОЙ магазинъ
Большой выборъ англійскихъ и другихъ матеріаловъ бѣлья, шляпъ, галстуковъ и проч.

ОТДѢЛЕНІЕ : AVENUE EMILE ZOLA, MÉTRO : JAVEL. Tél. : Vaugirard 33-57.

№ 8 JOURNAL DES COSAQUES PARIS

ДЕКАБРЬ 1929 г.
Цѣна номера 5 фр. во Франціи

Décembre 1929
Prix du numéro : 5 francs en France.

КАЗАЧІЙ ЖУРНАЛЪ

(MENSUEL)
РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ Е. Д. КОНОВАЛОВЪ
Directeur : E. Konovaloff
Rédaction et Administration : 10, rue Augereau, 10
PARIS (7e)

Зоя Михайлова

Produits de Beauté „**MACO**"

Золотая медаль на выставкѣ 1928 г.

278, Bd Raspail. Tél. Danton 73-99.

Молочный кремъ. Кремъ отъ морщинъ.

Пудра и другая косметика.

En vrac et conditionnée.

Русскимъ уступка.

Безплатные совѣты по уходу за кожей.

ВАРШАВСКАЯ КОНДИТЕРСКАЯ

113, rue de Javel

Métro: Beaugrenelle

Tél.: Vaugirard 11-30

Лучшіе въ Парижѣ

Торта. Кренделя. Кулебяки. Сырники. Пирожныя ассорти и разныя булочки. ТЯНУШКА. ПАСТИЛА и всякое русское печеніе.

Быстрая доставка на домъ.

Извѣстный своими художественными фотографіями

ФОТОГРАФЪ-ХУДОЖНИКЪ П. И. ШУМОВЪ **лично принимаетъ своихъ клiентовъ въ его студіи**

5, Fg St-JACQUES, Paris, 14. Tél. Gobelins: 76-89.

Цѣны умѣренныя

РУССКІЙ РЕСТОРАНЪ

A l'Esturgeon

Подъ личнымъ наблюденіемъ владѣльца б. придворнаго шефа Ѳ. Д. КОРНИЛОВА

3, rue Clauzel (уголъ rue des Martyrs). Nord-Sud: St-Georges. Tél.: Trud. 08-46.

V-ve Poque & Fils

51, RUE DE LA POMPE, 51. Tél.: Aut. 10-47.

Бывш. совладѣльцами фирмы *Покъ* въ Харьковѣ открыта кондитерская **«Salon de Thé»**. Большой выборъ конфектъ, шоколада и пирожныхъ.

РЕСТОРАНЪ

„ПЧЕЛКИ"

свѣжій домашній столъ на сливоч. маслѣ, prix-fixe 6,50 и à la carte По четвергамъ пельмени, по пятницамъ солянка. — Музыка.

37, av. Lowendal.

Paris (15).

Métro: Cambronne.

КЪ ПРАЗДНИКАМЪ

ЛУЧШІЯ КОНДИТЕРСКІЯ ИЗДѢЛІЯ НЕ ПОДЛЕЖАЩІЯ КОНКУРРЕНЦІИ

Вы можете купить только въ кондитерской „SAGBAR" M-ro Pompe Tél.: Passy 70-15. 9, AV. MONTESPAN.

Большой выборъ шоколадныхъ конфектъ собственнаго производства по доступнымъ цѣнамъ. Доставка на домъ.

Зарубежная Казна

Общество взаимныхъ сбереженій дастъ возможность при малыхъ взносахъ (20 франковъ) единовременно участвовать во многихъ выигрышныхъ билетахъ, получать на сбереженія до 7 процентовъ. Выгодно и гарантійно переводимъ деньги въ другія страны и Россію.

6, rue le CHAPELAIS, Paris 17e.

РАСПРОДАЖА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

C-IE CENTRALE DES ECHANGES. Centr. 19-15, 1, Place BOIELDIEU.

Opéra-Comique, Métro: 4-Septembre ou Richelieu-Drouot.

Большой выборъ жерзэ, трико и всевозможныхъ шелковъ. Фабричные купоны по цѣнѣ отъ 5 франковъ.

Кондитерская **THO-LE-NI** **Гастрономическій Магазинъ**

Фирма существ. 10 лѣтъ **129-bis, rue de la Pompe, Paris-16e. Tél. : Passy 12-69.** А. КАПРЕЛІАНЪ.

Пейте настоящій русскій чай Т-ВА П. М. КУЗМИЧЕВА съ С-ми

Фирма существуетъ съ 1867 года **„KUSMI-THÉ"** Фирма существуетъ съ 1867 года

Чай *Kusmi-Thé* имѣется въ продажѣ во всѣхъ русскихъ магазинахъ Парижа

Магазинъ: 11-bis, Av. Victor-Hugo, Paris 16e.

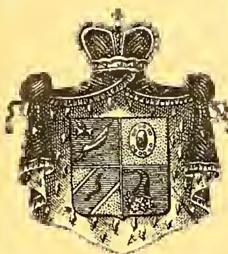
Складъ и контора: 75, Avenue Niel, Paris, 17e.

Кондитерская Г. СЕРДЕЧНАГО

64, rue de Longchamp.

Tél.: Passy 82-08

Къ праздникамъ большой выборъ всевозможныхъ печеній, тортовъ, конфектъ и пр. Коробки и шкатулки въ русск. ст.



S-té „ASTRA"

Кн. Циціановъ и Ко

Несравненные по качеству и вкусу ВОДКИ, ЛИКЕРЫ

Особо рекомендуется *экстра монополь тройной очистки.*

Заводъ: 38, Butte de la Loire, (Halle aux Vins). Paris-5e. Tél. : Gobelins 47-86.

Отправка въ провинцію и за границу

Русское кондитерское произв. **JULIEN**

б. шефъ THO-LE-NI и **Жоржъ Борманъ**

25, Rue Bosquet, 25, Paris-7e.

Tél. : Ségur 40-90.

выпустилъ всевозможные фруктовые торта. Тянучки, ванильные сухари, пастила, боярскія ватрушки, вся русская сдоба. Приним. заказы. Дост. на домъ.

Ресторанъ „ДЖИГИТЪ"

19, Boul. Edgar Quinet-14e. (Montparnasse)

ЗАВТРАКИ И ОБѢДЫ

Цѣны общедоступныя

ЕЖЕДНЕВНО ИГРАЮТЪ И ПОЮТЪ БАЛАЛАЕЧНИКИ

М. Петросянъ

Оптовый складъ :

ИКРА свѣжая зернистая (бѣлужья, осетровая и севрюжья), паюсная, Ачуевская, банковская и кетов.

БАЛЫКИ Бѣлорыбій, осетровый и «saumon fumé».

СЕМГА Малосольная, Двинская, печерская, и лососина.

РЫБА Осетрина, навага, стерлядь, форель и судакъ.

КОНСЕРВЫ Стерлядь, судакъ, осетрина и друг.

57, place St-Charles, Paris 15. Tél.: Vaugirard 27-77.

РУССКІЙ РЕСТОРАНЪ

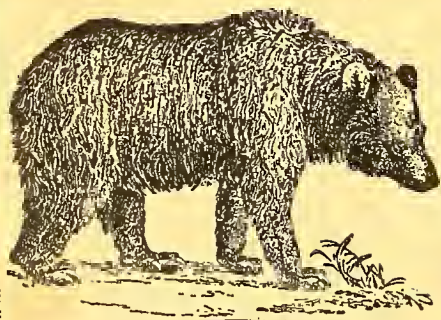
65, RUE LETELLIER, (XVe)

Métro : Cambronne, Commerce.

Tramway : 25, 26.

ОБѢДЫ безпрерывно 6 фр. 50 и à la carte

Новый залъ для подписныхъ обѣдовъ



Медвѣдь

PLACE DUPLEIX — PARIS XVe.

РЕСТОРАНЪ ОТКРЫТЪ ОТЪ 12 ЧАС. ДНЯ ДО 12-2 ЧАС. НОЧИ. — ЕЖЕДНЕВНО СВѢЖІЕ ПРОДУКТЫ. — ЛУЧШІЯ ВИНА. — ОТДѢЛЬНОЕ ПОМѢЩЕНІЕ ДЛЯ ПОДПИСНЫХЪ ОБѢДОВЪ. — МУЗЫКА, ТАНЦЫ.

ПОЕТЪ С. И. ЛЕВСКІЙ

У РОЯЛЯ: пр. А. А. СТРАХОВЪ

Пейте русскій чай Вас. ВЫСОЦКАГО и кушайте шпроты и кильки ЗЕРЕНСЕНА

Оптов. скл. всѣхъ русск. продукт. у **Як. Мих. ГЕРВИ**

Генеральный представитель:

J. GUERVIT

24, rue Albouy, Paris-10e.

ТРЕБУЙТЕ ВСЮДУ ЛУЧШІЙ ПО КАЧЕСТВУ **Чай** ПОДЪ ФИРМОЮ Торгово-Промышленнаго Товарищества преемникъ

Алексѣя Губкина А. КУЗНЕЦОВЪ и Ко

Asiat. Trad. Corp. Ltd., London. **Главный складъ для Франціи:**

53, rue Jean-Jacques-Rousseau, Paris (1er). Téléphone: *Richelieu* 91-63.

Первая Русская Колбасная Фабрика

ФАЛИКЪ

41, rue Broca. Paris-5e.

Изготовляетъ всѣ сорта русскихъ колбасъ высшаго качества. Цѣны умѣренныя. Доставка на домъ. Заказы принимаются по телефону: Gobelins 24-24

ГОРОДУ

Въ странѣ чужой острѣе боль живая, —
Гляжу съ тоской на море сѣрыхъ крышъ.
Я снова здѣсь, столица міровая,
Царь городовъ, прославленный Парижъ!

Еще звено въ изгнанья тяжкой цѣпи, —
Пытливъ мой взоръ изъ подъ усталыхъ вѣждъ:
Что скажешь мнѣ, питомцу скифской степи,
Ты, колыбель и кладбище надеждъ?

Тамъ, надо мной, все выше, все безстрашнѣй,
Аэропланъ пронзаетъ небосводъ. . .
Ужели жъ тамъ, надъ Эйфелевой башней,
Твоей мечты кончается полетъ!

Ужели велъ тебя твой шумный геній
Лишь для того по срочному пути,
Чтобъ до черты послѣднихъ совершеній
Ты такъ легко, такъ скоро могъ дойти?

Да, ты достигъ предѣла грезъ и споровъ,
Въ тебѣ вѣнецъ и гибель нашихъ дней —
Твой духъ ушелъ въ дрожаніе моторовъ,
Твой взоръ ослѣпъ въ лучахъ твоихъ огней!

Но я не твой, наслѣдникъ Вавилона,
И не меня ты блескомъ ослѣпишь:
Я царь мечты воздушнѣй аквилона,
Я сынъ степей, роскошнѣй, чѣмъ Парижъ!

Парижъ, 1929. **В. Хрусталевъ**

МАТЬ

Это происходило въ одномъ изъ южныхъ городовъ России въ самые ужасные дни большевицкаго террора.

Разстрѣлы, аресты, высылки на принудительныя работы и всякія другія глумленія надъ «буржуями» производились и систематически и по капризу вождей торжествующаго пролетаріата, упивавшихся властью.

Подъ видомъ справедливости и попеченія о нуждахъ обывателей, а на самомъ дѣлѣ по побужденіямъ чисто садическаго издѣвательства изобрѣли уплотненіе квартиръ и вселяли въ нихъ элементы, явно враждебные или совершенно невыносимые для старыхъ квартирантовъ.

Въ числѣ другихъ уплотненныхъ оказалось четверо «буржуевъ»: трое немолодыхъ уже мужчинъ и пожилая женщина. Всѣхъ ихъ согнали въ двѣ комнаты; большую занимали мужчины. Къ счастью этихъ людей, никого посторонняго къ нимъ, въ виду крайней тѣсноты квартиры, не подсадили, такъ что они были, по крайней мѣрѣ относительно, въ своей средѣ.

Одинъ изъ нихъ былъ старый администраторъ, другой довольно извѣстный журналистъ, а третій священникъ, протоіерей собора одного изъ сѣверныхъ городовъ. Дама была вдова крупнаго помѣщика.

Въ данное время администраторъ служилъ секретаремъ мѣстнаго союза инженеровъ, журналистъ бухгалтеромъ въ кооперативѣ, священникъ писцомъ въ желѣзнодорожномъ управленіи. Чтобы имѣть право получать хлѣбъ по карточкамъ, всѣ трое состояли членами профессіональнаго союза.

Дама, звали ее Софіей Андреевной, занималась хозяйствомъ, ходила на базаръ, готовила обѣдъ и ужинъ; кромѣ того, часа три, четыре работала въ большомъ аптекарскомъ магазинѣ по развѣскѣ медикаментовъ.

До совмѣстной жизни всѣ четверо не были знакомы между собой и, насильственно согнанные, въ особенности мужчины, трудно переносили общежитіе. Священникъ былъ человѣкомъ глубоко вѣрующимъ, администраторъ — консерваторомъ, но опредѣленнымъ антиклерикаломъ, журналистъ — либераломъ и атеистомъ.

Споры возникали между ними постоянно. Администраторъ обвинялъ журналиста въ томъ, что либералы подготовили въ Россіи революцію и восторженно ее восприняли. Журналистъ же утверждалъ, что виновна именно администрація, упорно отказывавшаяся идти навстрѣчу требованіямъ времени. Священникъ говорилъ, что виновно во всемъ безвѣріе интеллигенціи, а журналистъ и администраторъ нападали на него, утверждая, что именно господствующая церковь своимъ формализмомъ отучила народъ отъ вѣры, въ чемъ, впрочемъ, писатель готовъ былъ даже признать заслугу духовенства.

Но не столько общественные вопросы, сколько совмѣстная жизнь невыносимо тяготила ихъ. Привыкшіе къ прежней широкой жизни, они не могли свыкнуться съ навязанной имъ тѣснотой и необходимостью все время и на каждомъ шагу считаться съ характеромъ своихъ сожителей. Администраторъ былъ край-

нимъ педантомъ, любилъ чистоту и аккуратность. Литераторъ былъ безпорядоченъ. Страдая постояннымъ кашлемъ, онъ вѣчно плевался; не переставая, несмотря на болѣзнь, курить, всюду сорилъ пепломъ. Оба они любили ложиться поздно, священникъ же заваливался рано и невыносимо храпѣлъ. Всѣ эти мелочи, при совмѣстной жизни на площади двухъ квадратныхъ саженъ, вызывали у всѣхъ трехъ раздраженіе, переходившее въ мучительныя и язвительныя ссоры.

Единственнымъ примиряющимъ элементомъ была Софія Андреевна, стремившаяся всѣми силами улучшить условія ихъ быта; но и относительно нея, при обостренной нервности, они бывали нерѣдко несправедливы и жестки.

⁂

Былъ сочельникъ Рождества Христова.

Наканунѣ, по какому то поводу, былъ большой большевицкій праздникъ. Всѣмъ членамъ профессіональнаго союза, подъ угрозою революціоннаго трибунала, приказано было принять участіе въ манифестаціи съ красными флагами и плакатами. Выдѣлялась надпись: «Миръ хижинамъ, война дворцамъ!».

Мужчины уклонились отъ исполненія требованія совѣтской власти. Священникъ выхлопоталъ себѣ свидѣтельство о болѣзни, литераторъ командировку въ филіальный кооперативъ для сличенія книгъ; администраторъ, не сумѣвшій выхлопотать себѣ легальный отводъ, просто не пошелъ.

Всѣ трое сдѣлали это, не предупредивъ другъ друга, изъ опасенія, что отсутствіе ихъ троихъ на манифестаціи, замѣченное домовымъ комитетомъ и признанное тенденціознымъ, можетъ навлечь на нихъ непріятности. И теперь, узнавъ, что всѣ трое хлопотали, исключительно думая о себѣ, они сердились другъ на друга и на самихъ себя, вслѣдствіе чего атмосфера въ ихъ сожитіи была напряжена въ высшей степени. Всѣ трое молчали, чувствуя, что каждое слово можетъ вызвать самую тяжелую сцену.

Въ комнатѣ было темно. Единственнымъ освѣщеніемъ служила сооруженная администраторомъ лампочка изъ пузырька со вставленной въ нее трубочкой, на выходномъ отверстіи которой теплилось слабое голубоватое пламя; при свѣтѣ его священникъ тщетно пытался читать евангеліе. Журналистъ нервно ходилъ по комнатѣ, пуская клубы дыма плохого табаку. Проходя мимо кровати, на которой лежалъ администраторъ, онъ каждый разъ задѣвалъ за ея ножку, и этотъ толчекъ вызывалъ въ лежащемъ все возрастающее озлобленіе.

Въ сосѣдней комнатѣ безшумно хлопотала Софія Андреевна. Она помнила, что сегодня сочельникъ, и давно готовилась къ этому дню. Она рѣшила сдѣлать своимъ сожителямъ сюрпризъ — устроить елку.

Съ невѣроятными усиліями удалось ей достать небольшую, съ аршинъ высотой, елочку. Хозяинъ аптекарскаго магазина далъ шесть свѣчей, которыя она разрѣзала пополамъ — получилось двѣнадцать. Уже болѣе мѣсяца собирала она обрѣзки цвѣтной бумаги и сдѣлала изъ нихъ украшенія. Съ крышки отъ коробки какихъ-то духовъ она вырѣзала подобіе ангела, а изъ металлообразныхъ обертокъ мыла соорудила звѣзду и возглавила елку. Далъ ей хозяинъ магазина и пороховой шнурокъ, которымъ она связала свѣчи, радуясь мысли, какъ онѣ, одна за другой, будутъ вспыхивать.

Всѣмъ она приготовила подарки. Священнику бумажный образокъ его покровителя — святого Георгія, администратору связанный ею изъ обрывковъ шерсти теплый шарфъ, а журналисту найденный случайно въ магазинѣ, среди оберточнаго хлама, номеръ толстаго журнала, гдѣ была помѣщена дорогая автору статья. На тарелочкахъ лежало скромное угощеніе: холодное мясо, огурцы, селедка — для батюшки, и домашній сладкій пирогъ на меду; торжественно возвышалась бутылка краснаго вина. Въ ту пору все это казалось едва ли не пиршествомъ.

Она радовалась, украшая елку и предвкушая отраду доставить удовольствіе своимъ ворчливымъ сожителямъ, чуя сердцемъ, что составляетъ для нихъ ея женская ласка и вниманіе, — но въ теплое умиленное ея переживаніе вливалась и струя горечи: почему, почему у нея, которая только и жила всю жизнь для любви, все отняли, все растоптали, все исковеркали?!.

Умеръ мужъ, дорогой и любимый, сраженный ударомъ послѣ ссылки ея старшаго сына, «ушедшаго въ народъ», принявшаго участіе въ террористическомъ актѣ и потомъ безвѣстно сгинувшаго; дочь, такая милая, добрая, умерла сестрой милосердія отъ сыпного тифа; младшій сынъ, красавецъ Андрей, палъ на поляхъ Восточной Пруссіи.

А домъ, ея милый домъ въ тамбовскомъ имѣніи, гдѣ она прожила всю свою жизнь, гдѣ знала каждое дерево, каждую тропинку, гдѣ жили столѣтія ея предки, украсившіе своими портретами высокую двусвѣтную залу. Какъ она любила все это!..

Какъ любила она своихъ мужиковъ, которыхъ знала всѣхъ по имени, дѣтей которыхъ она крестила и благословляла въ свадебный день. И вотъ, пришли въ ея благословенную усадьбу какіе-то чужіе люди, къ нимъ присоединились свои и начали все жечь и грабить... Ничего, ничего не осталось отъ прошлаго...

Почему, почему у нея, которая только вся и всѣхъ любила, все, все отнято?..

— Не все отнято, — говоритъ ей отецъ Георгій, — у васъ не отнята любовь, въ васъ высшій даръ Божій, ибо большая радость давать, чѣмъ получать.

Да, это такъ, съ горечью говорила себѣ Софія Андреевна, но все же почему у меня, не сдѣлавшей никому зла, все, все отнято, ничего не осталось, даже надежды? И глухой ропотъ противъ Бога подымался въ душѣ ея.

⁂

Въ мѣстномъ революціонномъ комитетѣ въ этотъ день происходило засѣданіе. Постановлено было примѣнить репрессивныя мѣры по отношенію къ

къ мѣстной буржуазіи, переселивъ ее изъ центра города на окраины. Переселеніе совершить немедленно, въ присутствіи командированнаго для этой цѣли комиссара, причемъ дозволялось брать съ собой столько вещей, сколько переселяющійся могъ унести самъ. Всѣ остальныя вещи передать во владѣніе переселяемому въ освободившіяся квартиры пролетаріату.

Городъ былъ раздѣленъ на участки. Комиссаромъ въ районъ, гдѣ жили наши знакомцы, былъ назначенъ нѣкто Крыловъ. Изъ переданнаго ему списка онъ узналъ, что въ квартирѣ № 3 въ домѣ № 142 на Дворянской улицѣ, переименованной въ улицу Розы Люксенбургъ, живетъ бывшій губернаторъ, попъ и литераторъ.

Эту породу людей онъ ненавидѣлъ: губернаторъ былъ, очевидно, угнетателемъ народа, попъ изувѣромъ, стремящимся держать народъ въ темнотѣ и обманѣ, а либеральный писатель — наиболѣе опаснымъ врагомъ, готовившимъ буржуазную капиталистическую республику, заграждающую торжество пролетаріату. Это скверное гнѣздо надо было сокрушить, и Крыловъ радовался мысли, что эти люди, когда-то, хотя и разными способами, державшіе въ рукахъ людскую массу, теперь будутъ молить о пощадѣ и трусливо трепетать передъ нимъ.

Былъ морозный, ясный вечеръ. Яркія мерцающія звѣзды глядѣли съ высоты. Крыловъ, въ сопровожденіи двухъ красноармейцевъ, шелъ въ гору по улицѣ. Подъ ногами его хрустѣлъ снѣгъ. На городскихъ часахъ пробило восемь.

Въ нижнемъ этажѣ одного большого дома, въ тонкую щель ставни пробивался свѣтъ. Крыловъ слегка раздвинулъ ставни и взглянулъ въ комнату. На столѣ стояла елка и горѣла огнями. Большая семья и, видимо, нѣсколько гостей, съ веселыми лицами расхаживали по комнатѣ.

— Буржуи проклятые, все еще глупости справляютъ! Недоучили ихъ, — выругался Крыловъ, — надо разузнать, кто такіе, завтра поговоримъ въ ревкомѣ.

Крыловъ пошелъ дальше. Несмотря на злобное чувство, видъ елки пробудилъ въ немъ что-то старое, старое, давно уснувшее. Какъ молнія, въ его сознаніи пронеслось далекое дѣтство, отчій домъ, такая же елка, близкіе, родные люди. Пронеслось и утонуло въ сумеркахъ его давно очерствѣвшаго и озвѣрѣвшаго сердца.

Крыловъ повернулъ въ поперечную улицу, нашелъ домъ № 142. Оставивъ у подъѣзда и чернаго хода красноармейцевъ, онъ поднялся въ третій этажъ и постучалъ въ дверь.

*
**

Софія Андреевна, окончивъ уборку елки и приготовивъ ужинъ, переодѣлась въ единственное незаношенное платье, — оно было черное, цвѣтныхъ она уже давно не носила, — надѣла аккуратно выглаженную бѣлую косынку и манжеты, обшитыя кружевомъ, и повѣсила на грудь единственную сохранившуюся драгоцѣнность, которую носила она съ дѣтства, золотой филигранный крестъ съ аметистами. Несмотря на свою худобу и почтенный возрастъ, она была еще весьма привлекательна.

Мужчины, все въ томъ же раздраженномъ состояніи, молча сидѣли въ темной комнатѣ, злились другъ на друга и нетерпѣливо ожидали ужина.

Раздался стукъ въ дверь.

— Кто это? — воскликнулъ литераторъ.

— Очевидно, чека, — отвѣтилъ администраторъ, — этого слѣдовало ожидать за вчерашнее.

— Сохрани Господь! — прошепталъ священникъ, и перекрестился.

Раздался второй стукъ, уже болѣе нетерпѣливый. Администраторъ открылъ дверь.

Вошелъ Крыловъ и рѣзко сказалъ:

— Почему вы сразу не отворили?

— Спали, — отвѣтилъ литераторъ.

— Тутъ свѣжій табачный дымъ. Врете, вы не спали!.. Что-нибудь прятали... Увидимъ... Во всякомъ случаѣ, именемъ революціонной власти, объявляю вамъ, что вы должны немедленно собрать ваши вещи, при мнѣ же оставить эту квартиру для переселенія на окраину.

— Да, вѣдь, это же невозможно!

— Я васъ не спрашиваю, возможно это или нѣтъ, а приказываю немедленно исполнить распоряженіе.

— Да куда же мы пойдемъ?

— На окраину.

— Гдѣ же мы найдемъ помѣщеніе?

— Это меня не касается.

— Нельзя же намъ оставаться на улицѣ, вѣдь, на дворѣ морозъ лютый! — воскликнулъ администраторъ.

— Вы насъ объ этомъ въ свое время не спрашивали...

— Побойтесь Бога, — сказалъ священникъ, — вѣдь, день-то какой сегодня — сочельникъ Рождества Христова!

Крыловъ презрительно усмѣхнулся:

— Ну, попъ, это бросить надо... Повторяю, если вы немедленно не переселитесь на окраину, я найду вамъ помѣщеніе въ чекѣ.

Мужчины стали собираться.

Крыловъ злобно смотрѣлъ на ихъ сборы.

Замѣтивъ дверь въ сосѣднюю комнату, онъ спросилъ:

— Куда ведетъ эта дверь?

— Въ другую комнату, — отвѣтилъ журналистъ.

— А кто тамъ?

— Одна дама.

Крыловъ подошелъ къ двери и пріотворилъ ее.

Софія Андреевна давно уже услышала стукъ въ дверь и, прислушиваясь къ голосамъ, поняла, въ чемъ дѣло. Она потушила свою лампочку и со страшнымъ волненіемъ ожидала дальнѣйшаго.

— Кто вы? — спросилъ Крыловъ.

— Служащая въ аптекарскомъ магазинѣ.

— Освѣтите комнату.

Софья Андреевна зажгла лампу. При слабомъ ея пламени въ комнатѣ не стало свѣтло и видны были

лишь очертанія предметовъ. Подымая лампу и направляя ея свѣтъ въ разныя стороны, Крыловъ наткнулся на фитиль, висѣвшій съ елки.

— Что это? — спросилъ онъ.

— Это фитиль, зажигать елку, — сказала Софія Андреевна и запалила его.

По ниткѣ пробѣжалъ тонкій огонекъ. Зажглась одна свѣча, потомъ другая, третья, наконецъ, всѣ двѣнадцать. Въ комнатѣ сдѣлалось свѣтло и радостно.

Крыловъ смотрѣлъ на елку и вновь въ его душѣ отразилось что-то далекое, мгновенное, какъ свѣтъ звѣзды, падающей съ неба.

— Посмотрите на эту елку, — тихо молвила Софія Андреевна, — пожалѣйте насъ сегодня, позвольте моимъ старикамъ остаться здѣсь до завтрашняго утра... будьте милостивы...

Въ дверяхъ толпились администраторъ, литераторъ и священникъ.

Что-то страшное, невѣдомое творилось въ душѣ Крылова, что-то обрывалось, уходило, и, неожиданно для себя, онъ произнесъ:

— Хорошо!

— Спасибо, милый, — сказала Софія Андреевна, — тогда уже поужинайте съ нами... вотъ пятый приборъ... я давно уже, много лѣтъ, ставлю его въ этотъ день для безнадежно ожидаемаго гостя...

Крыловъ обернулся къ говорившей. Онъ впервые увидѣлъ ее при яркомъ свѣтѣ. Взоръ его сначала остановился на аметистовомъ крестѣ, потомъ поднялся до высоты ея лица.

Они пристально всматривались другъ въ друга. Вдругъ мертвая блѣдность покрыла лицо Крылова, мелкая дрожь пробѣжала по его тѣлу, онъ упалъ на колѣни и изъ души его вырвалось:

— Мама!..

Журналистъ и губернаторъ обнимали другъ друга, плакали. Священникъ молитвенно поднялъ руки и шепталъ:

— Слава въ вышнихъ Богу и на землѣ миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе...

П. Стремоуховъ

ВЪ РОЖДЕСТВЕНСКУЮ НОЧЬ

... Зима обѣщала быть ровной. Послѣ Зимняго Николы легъ санный путь, а въ послѣдніе, передъ самыми Святками, дни снова выпалъ снѣгъ. Клима эта погода, однако, мало обрадовала. На станичной улицѣ, послѣ двукратной неудачи попасть въ семинарію, онъ чувствовалъ себя одиноко и, къ тому же, въ двусмысленномъ положеніи. Не однажды онъ слыхалъ, какъ въ насмѣшку обзывали его «большаграмотнымъ»...

А Заварычиха, за спиной проходящей по улицѣ Ивановны, кричала черезъ улицу сосѣдкѣ:

— Кума Дунька! Кума Дунька.. Бачила?.. Дьяконова маты пішла!..

Но, вотъ, къ Рождеству прибылъ подходящій для Клима товарищъ, Политъ Кудиновъ. Его исключили за какую-то провинность изъ писарской школы. Ихъ стало двое: «дьяконъ» и «писарь».

Въ сочельникъ, когда стемнѣло и зажглась въ небѣ звѣзда, они ходили встрѣчать кутью.

Алдакимъ Прокофьевичъ, передавая сыну ключъ отъ амбара, не безъ тревоги предупреждалъ его:

— Да ты поберегись... А то самъ знаешь, какая она...

— Знаю...

Въ амбарѣ Климъ досталъ съ полки старое отцовское ружье. Стволъ у него былъ граненый и несоразмѣрной длины. Видно, отъ этой несоразмѣрности ружье при стрѣльбѣ сильно отдавало; ложа не выдерживала и всегда была скована многочисленными обручами изъ бѣлой жести.

Захвативши также рогъ съ порохомъ, жерничку съ пистонами и немного пакли для пыжа, Климъ присоединился къ поджидавшему его Политу. Вмѣстѣ они вышли за базы.

Тутъ первымъ выстрѣлилъ Политъ, такъ какъ ружье его отца всегда было въ исправности.

— Ну, Климъ, твоя очередь... Ружья къ бою!..

Климъ, выйдя на просторъ и погрузившись по колѣни въ рыхлый снѣгъ, уперся ногами въ мерзлую землю. Голову онъ отклонилъ въ сторону отъ приложенной къ плечу ложи, щеку же предусмотрительно закрылъ воротникомъ тулупа.

— Огонь!

Но выстрѣлъ послѣдовалъ не сразу, а лишь послѣ четырехкратной осѣчки. За то потомъ разнеслось громкимъ эхомъ по рощамъ:

— Гу-гу-гу!...

Богатую вечерю ѣли не спѣша, съ воспоминаніями о томъ, что случилось въ этотъ вечеръ въ прошломъ году, а то и раньше.

Начались калядки.

— Дяденька! Вамъ закалядовать? — раздастся вдругъ подъ окномъ; топотъ ногъ, сморканье и сдержанный шепотъ. Дѣти прилипнутъ къ окнамъ, дыша на стекло, чтобы очистить отъ инея и яснѣе видѣть. У Алдакима Прокофьевича лицо расплывалось въ широкую улыбку:

— Калядуйте...

Голосистая запѣвало заводила:

— О-ди-и-но-о-ю сно-ва рожде-е-нья-а...

Хоръ за ней сразу дружно и стройно подхватывалъ:

— Бо-жи-и-ва-а Сы-на-а...

— А хто-ш И-во спа-а-ра-ди-илъ?..

— Дѣ-ва-а Ма-рі-я-а...

Затѣмъ запѣвало, повторяя предпослѣдній стихъ, снова начинала:

— А-а-а хто-шъ Иво спа-а-ра-дилъ?..

И снова хоръ дружно подхватывалъ:

— Дѣ-ѣ-ва-а Ма-а-а-рі-я-а..

— Спа-ра-жем-ши да Бо-жива Сы-на,

— В ри-зы спо-ви-ла-а-а...

Калядка, при очень широкой гармоніи, при необыкновенно сильномъ уличномъ исполненіи, содержала весьма наивный разсказъ о событіяхъ Вифлеемской ночи, о томъ, какъ «откуль ни взялася звизда съ неба» и какъ все это повергло въ страхъ юную Божію Матерь. Но:

— Богъ съ табой, да, Дѣва Марея.

— Есть ангальскай гласъ:

— Примай Христа съ неба,

— Типерь же при на-асъ...

Въ заключеніи содержалось всеобщее удивленіе чуду въ природѣ, что къ Рождеству Христову «сады расцвѣли» и «рѣки потекли»...

— А здорово калядуютъ!..

— А ты думалъ...

Климъ и Политъ сошлись на улицѣ и издали слѣдовали за переходившими со двора во дворъ дѣвчатами..

— Вотъ, только чего дуры не понимаютъ, — добавилъ Климъ: — тамъ, вѣдь, рѣки никогда и не замерзаютъ.... Дивоваться-то совсѣмъ, какъ-будто, и нечему...

— Да тебѣ то развѣ жалко?.. Пускай «дивуются».

Набредя, наконецъ, на толпу парубковъ и подростковъ, «дьяконъ» и «писарь» бросили около нея свой якорь.

У Полита въ рукахъ появилось нѣкое подобіе гитары, склеенной изъ ободковъ стараго рѣшета, старательно пригнанныхъ другъ къ другу; вмѣсто грифа — кусокъ доски съ вырѣзомъ, струны ссучены изъ нитокъ. То, съ какимъ восторгомъ она была встрѣчена улицей, было наградой усидчивому мастеру.

— Гля... Цимбалы Политъ принесъ...

На весь вечеръ хватило веселья и смѣха. Политъ бренчалъ «Барыню» и другіе подходящіе мотивы.

Подъ конецъ, когда струны одна за другой полопались, а приставаніе подростковъ достаточно надоѣло, Политъ размахнулся и ударилъ «гитарой» по спинѣ мужицкаго парня Кленьку:

— Получай... Матушка Рассея...

Постепенно затихали калядующіе. Расходились парубки.

Климъ и Политъ, отвернувъ воротники и глубоко запахнувъ полы отцовскихъ тулуповъ, двинулись вдоль улицы.

Свѣтила луна и разсыпалась дождемъ таинственнаго блеска.

Отъ плетней и деревьевъ, запушенныхъ снѣгомъ, узоромъ ложилась по бѣлому покрову улицы густая тѣнь. Нахохлившись, стояли подъ толстымъ слоемъ соломенныхъ крышъ и снѣга хаты. Черезъ небольшія оконца сквозь гущу безлистной сирени палисадниковъ пробивались тамъ и сямъ полоски красноватаго свѣта отъ лампы. Еще не всѣ спали въ хатахъ.

— Рано еще домой... Знаешь?.. Пойдемъ, зайцевъ погоняемъ...

— А куда?..

— А хоть бы къ нашей Химкѣ..

У Клима сорвалось это предложеніе, а потомъ онъ готовъ бы и на попятную, — сестра же, — но уже поздно. Политу предложеніе понравилось.

— На самомъ дѣлѣ...

Когда они приблизились ко двору Химки и хлопнули калиткой, то замѣченный ими издали свѣтъ внутри хаты вдругъ потухъ.

— Видалъ, Климъ, какой миндалъ?.. Охота будетъ. Стучимъ...

Оба принялись барабанить въ окно:

— Отвори!..

Въ хатѣ сначала все было тихо, потомъ сразу очень громко Химка заголосила:

— Убирайтесь отсюда... Покоя отъ васъ нѣтути. Постой, Климъ, я мамѣ скажу...

Нѣкоторое время длилась перебранка, а потомъ Химка все же открыла дверь и впустила ребятъ. Они осмотрѣли хату, но ничего подозрительнаго не замѣтили. Было непріятно уходить ни съ чѣмъ.

— Говори, казачка, какого зайца прячешь, — сталъ допытываться Политъ.

— Убирайтесь, а то я вамъ такого зайца покажу...

— Сурьезно?..

Климъ и Политъ сѣли на сундукъ, не обративъ особеннаго вниманія, что изъ-подъ крышки его торчала толстая пола шубы. Потомъ только, когда, сдавшись на брань Химки, они вышли изъ хаты, задумались надъ этой подробностью.

— Ахъ, ты хандара дрессированная, — по писарски выругался Политъ, — да вѣдь заяцъ-то былъ въ сундукѣ, мы на немъ сидѣли. Пойдемъ опять... — И они снова принялись барабанить подъ окномъ.

— Безстыдники, — кричала имъ Химка изъ-за окна. — Ходите тутъ по ночамъ, добрымъ людямъ спать не даете...

Климъ припалъ къ окну и, понизивъ голосъ, прошипѣлъ:

— Э-э, нечистая сила!.. Добрые люди полюбовниковъ въ сундукъ не прячутъ...

Химка взвыла:

— Ахъ, ты, атархавецъ!.. Что же мнѣ съ тобой дѣлать, горькой-несчастной...

Потомъ, отбѣжавъ отъ окна и чѣмъ-то занявшись, она вновь возвратилась:

— Ну, холера бъ тебя забрала... Иди, смотри, да помни...

Климъ, условившись съ Политомъ, чтобы тотъ наблюдалъ снаружи, пошелъ въ хату. Химка широко рас-

пахнула передъ нимъ дверь.. — Иди, храпаидолъ!..

Но только Климъ переступилъ порогъ, какъ снаружи раздался торжествующій голосъ Полита:

— Климъ! Назадъ! Вотунъ, заицъ!.. Агромада-днай...

Глазамъ Клима представилась замѣчательная картина:

На крышу хаты изъ широкаго отверстія пролетной трубы вывалился большой парубокъ въ бабьей длинной рубахѣ поверхъ мужского одѣянія и заметался по крышѣ.

— Гляди, гляди... Вотъ такъ заицъ!.. Смѣху!..

Ребята хватались за животы. Однако, какъ же ссадить его оттуда? — Не лѣзть же ему снова въ трубу... Они стали хватать снѣгъ и бросать на крышу, но снѣгъ былъ такой сухой, что и въ снѣжки даже не прессовался.

Наконецъ, тотъ рѣшился... Шуганулъ на обратную сторону крыши, посунулся вмѣстѣ съ глыбами снѣга въ сосѣдній дворъ...

— Чебура-ахъ! — завопилъ вслѣдъ ему Политъ. Имъ слѣдовало бы обѣжать кругомъ и встрѣтить зайца съ обратной стороны, но не было охоты.

Въ хатѣ установилась, между тѣмъ, полная тишина. Химка успѣла задвинуть засовъ и молчала, какъ будто, воды въ ротъ набрала.

Климъ постучалъ въ окно:

— Достукалась!.. Постой же...

Они вышли со двора, чтобы идти по домамъ.

— Знаешь, Политъ? Ты про это молчекъ.. А то, какъ-никакъ, сестра... Мать узнаетъ...

Они постояли.

— Нѣтъ, какъ онъ бѣгалъ... Понимаешь?.. — И снова засмѣялись..

Калядокъ ужъ совсѣмъ не было слышно. Тихо подъ кручей по обледенѣлымъ камнямъ журчалъ родникъ. Откуда-то издалека донесся чуть осипшій подголосокъ:

Сторона ли ты, моя сторонушка!..
Ой, да сторона ли ты чужа-а-я...

И оборвался на высокой нотѣ...

Д. Скобцовъ-Кондратьевъ

Казачья библіотека

Съ нѣмецкой гравюры

Дѣвушка проситъ у казака защиты

На Дону въ XVII столѣтіи

Въ 1703-мъ году въ Амстердамѣ, на средства императора Петра Перваго, было напечатано сочиненіе голландскаго вице-адмирала Крюйса «Описаніе Дона и канала, предполагаемаго для соединенія Волги съ Дономъ, съ картою». — Приводимъ отрывокъ «Описанія» изъ книги В. Броневскаго «Описаніе Донской Земли» часть III. СПБ. 1834 г.

При впаденіи рѣки Вороны въ Донъ начинается казачья земля. Городки, лежащіе на Дону, весьма не корыстны, имѣютъ мало замѣчательнаго, могущаго остановить вниманіе любопытнаго.

Большая ихъ часть построена на островахъ, обнесены двойными палисадами, въ нѣкоторыхъ есть цитадели, состоящія изъ рубленныхъ круглыхъ башенъ, защищаемыхъ достаточнымъ гарнизономъ.

Черкасскъ, главный изъ казачьихъ городковъ, построенъ на острову, составляемомъ рукавами Дона;

укрѣпленъ по старинному, бастіонами и круглыми башнями, вооруженными 80 орудіями, добытыми казаками съ турецкихъ кораблей. Гарнизонъ состоитъ изъ семи или восьми тысячъ человѣкъ конныхъ, пѣшихъ и матросовъ.

Черкасскъ имѣетъ удобную торговую пристань. Дома, кромѣ немногихъ, по причинѣ долго продолжающейся водополи, строются на сваяхъ, весьма тѣсно, почти безъ дворовъ и раздѣляются на два жилья.

Одна половина дома съ печьми для жилья зимою, въ другой проводятъ лѣто; въ сей послѣдней стѣны всегда бѣлы и содержатся въ такой чистотѣ, какъ посуда. Въ Черкасскѣ казаки держатъ совѣты о военныхъ дѣлахъ, и тутъ мѣстопребываніе ихъ атамана.

Почва земли по обоимъ берегамъ Дона не одинакова; есть лѣса, каменистые бугры, песчаные холмы, мѣловыя и другія горы, посему много есть мѣстъ, неудобныхъ для хлѣбопашества. На низменныхъ же мѣстахъ, по берегамъ рѣкъ, земля такъ жирна, что безъ унаваживанія жители получаютъ отъ работъ своихъ вдвое противъ того, что земледѣльцы добываютъ въ другихъ странахъ.

При всемъ томъ хлѣбопашество у казаковъ въ презрѣніи: имъ занимаются только невольники изъ плѣнныхъ, которые едва сѣютъ столько хлѣба, сколько потребно для прокормленія семействъ, къ коимъ они принадлежатъ.

Здѣшніе лѣса приносятъ разные плоды, какъ-то: яблоки, груши, вишни, смородину и прочее, безъ всякаго присмотра.

Донскіе казаки недостатокъ хлѣба замѣняютъ рыбою, разнымъ мясомъ, яйцами и молокомъ; все это у нихъ находится въ излишествѣ. Имъ стоитъ только бросить сѣть, чтобы имѣть рыбу, ибо Донъ изобилуетъ осетрами, бѣлугами, стерлядями, щуками, окунями и пр.

Всѣ сіи рыбы весьма вкусны и такъ дешевы, что сазана въ 24 фунта мы покупали за копѣйку.

Рогатаго скота, овецъ, свиней и всякой дичи на Дону множество.

Казаки, какъ и многіе сѣверные народы, охотники до крѣпкихъ напитковъ; однако, въ походѣ, особенно въ морскихъ поискахъ, рѣдко встрѣтите пьянаго, ибо запрещается имъ, подъ опасеніемъ строгаго наказанія, брать съ собой вино и водку: обыкновеніе, достойное похвалы въ такомъ народѣ, который многіе почитаютъ варварскимъ; въ этомъ отношеніи казаки превосходятъ нашихъ (голландскихъ) матросовъ.

Земскіе обычаи донскихъ казаковъ въ концѣ 17-го и въ началѣ 18-го столѣтій, какъ мало извѣстные, стоятъ того, чтобы описать ихъ нѣсколько обстоятельнѣе.

Они, вообще, бѣлолицы, сановиты и храбры. Болѣзней почти не знаютъ. Большая часть умираетъ или въ сраженіяхъ съ непріятелемъ или отъ старости.

Женщины — красавицы (большею частью изъ плѣнницъ — черкешенокъ, турчанокъ и татарокъ), имѣютъ глаза темные, большія ноги, маленькія руки; волосы черные, правильныя черты; очень обходительны и вѣжливы съ чужестранцами. Платье носятъ точно такое же, какъ турчанки, съ тою только разницею, что головной уборъ нѣсколько ниже. Онѣ не закрываютъ лицъ. Всѣ наблюдаютъ большую опрятность въ одеждѣ; мужчины носятъ почти польскіе кафтаны.

Казаки добродушны и щедры, не копятъ богатства; имѣютъ много ума, хитры и особенно искусны въ военномъ дѣлѣ.

Никто лучше казака не умѣетъ напасть на непріятеля быстро и нечаянно, заманить его въ засаду и воспользоваться малѣйшей оплошностью. Они весьма храбры, равнодушно переносятъ голодъ, жажду и всѣ, случающіяся на войнѣ, тягости.

Они любятъ вольности и свое правленіе, въ которомъ каждый казакъ имѣетъ свое участіе; по сей причинѣ нѣтъ у нихъ родового дворянства и подчиняются одному только начальнику, который избирается ими единогласно.

Они называютъ его войсковымъ атаманомъ, подъ нимъ участвуютъ въ управѣ старшины и есаулы.

Сіи, такъ же, какъ и войсковой атаманъ, избираются и не легко могутъ отказаться отъ поручаемой имъ должности; часто случалось, что таковыхъ, почитая измѣнниками или недоброжелателями общей пользѣ, казнили смертью.

Когда избранному объявляютъ его чинъ, онъ благодаритъ собравшихся на кругъ за честь и клянется братьямъ (иного названія казаки другъ другу не даютъ) до исхода души своей не щадить жизни для общаго блага и быть вѣрнымъ исполнителемъ возложеннаго на него порученія.

Должность войскового атамана состоитъ въ надзорѣ за правосудіемъ и въ предводительствованіи войскомъ, когда оно выступаетъ въ походъ. Власть его, хотя не ограничена закономъ, но стѣснена обычаями, такъ, что малѣйшій проступокъ, особенно неудачный походъ, могутъ стоить ему головы; но тотъ изъ нихъ, который умѣетъ угодить правленіемъ своимъ казакамъ, уже правитъ ими самовластно.

Избранный казаками войсковой атаманъ подтверждается въ своемъ званіи отъ его царскаго величества и, если оно послѣдуетъ, то атаманъ остается по смерть въ своемъ достоинствѣ.

Кромѣ войскового атамана, каждый городокъ для судныхъ дѣлъ имѣетъ своего атамана, называемаго станичнымъ, а для городового управленія есаула, которые перемѣняются ежегодно.

Власть есаула и уваженіе, которымъ онъ пользуется, сходны съ властью древнихъ афинскихъ архонтовъ.

Есаулъ, какъ градской глава, долженъ идти въ полѣ впереди своей дружины.

Хотя казакамъ и позволено имѣть свое правленіе, избирать своихъ начальныхъ людей и разбираться въ домашнихъ ссорахъ старыми обыкновеніями; но, какъ русскіе и подданные царя, они повинуются ему и воеводамъ его, какъ люди служилые.

Между дозволенными правами есть одно, иногда употребляемое донцами, а именно: осужденіе на смерть женъ своихъ и власть разводиться съ ними, не давая

никому въ томъ отчета и не вѣдаясь съ обвиненными судомъ.

Сіе дѣлается просто, слѣдующимъ образомъ: если мужъ наскучитъ женою, то онъ черезъ глашатая велитъ собраться народу на рынокъ и, взявъ ее за руку, вступаетъ съ нею въ кругъ, произнося слѣдующія слова:

— Друзья и братья вѣрные казаки! Я нѣсколько времени имѣлъ женою такую-то. Она была мнѣ услужливая и вѣрная супруга; теперь она мнѣ не жена, а я ей не мужъ. Кто ее желаетъ, можетъ ее взять.

Сказавъ сіе, онъ отнимаетъ отъ нея свою руку, и она свободна. Если кто изъ присутствующихъ, казакъ или пришлый, захочетъ взять ее къ себѣ въ жены, тотъ платитъ мужу небольшую сумму денегъ.

Впрочемъ, мужъ имѣетъ безпрекословное право жену свою бить, продавать; можетъ даже за малѣйшую вину убить ее или утопить.

Воровство наказывается у нихъ весьма строго: показаніе двухъ достовѣрныхъ свидѣтелей достаточно для того, чтобы обличеннаго казнить смертью.

Сіе производится слѣдующимъ образомъ: въ верхнемъ кафтанѣ преступника зашиваютъ рукава, набиваютъ ихъ пескомъ, а потомъ, связавъ руки и ноги, бросаютъ въ Донъ, безъ малѣйшаго отлагательства времени.

Между казаками мало находится художниковъ, ремесленниковъ или людей, которые жили бы торговлею. Кромѣ починки оружія и сбруи, они сами для себя ничего не дѣлаютъ.

Женщины сидятъ за пряслицею, вообще болѣе трудолюбивы, но также любятъ наряды и праздность.

Казаки прилежно ухаживаютъ за конскими и верблюжьими табунами, ибо сіи животныя нужны имъ для дальнѣйшихъ походовъ, а особенно съ татарами, калмыками и закубанскими горцами, которые всѣ воюютъ на коняхъ. Оружіе казаковъ состоитъ изъ луковъ и стрѣлъ, сабель и винтовокъ, которыми стрѣляютъ очень мѣтко и скоро. Пушекъ, кромѣ крѣпостей, въ полѣ не употребляютъ и обходиться съ ними не умѣютъ...

До 1703-го года казаки побѣждали одною храбростію, теперь сражаются они съ большимъ искусствомъ, ибо, служа при арміи, научились отъ войскъ его царскаго величества строиться и дѣлать разные повороты: раздаваться, смыкаться и удваивать ряды; стрѣлять поочередно, проходить въ интервалы и проч. Нынѣшніе казаки въ чистотѣ движеній и дѣйствій ружьемъ подходятъ къ нѣмцамъ, даже голландцамъ и другимъ народамъ.

Подъ предводительствомъ атамановъ и есауловъ своихъ они раздѣляются теперь на полки и сотни и состоятъ изъ пѣхоты и конницы. При осадахъ Азова, Шлиссельбурга и прочихъ крѣпостей они служили, какъ драгуны и рейтары и, дѣйствуя правильно, въ полной мѣрѣ оказали свою храбрость...

ВЪ ПЕТРОГРАДѢ

РУССКАЯ ДЕРЖАВА

На хуторѣ царя почти никто не видалъ, но его всѣ знали, и онъ вошелъ въ жизнь Сергуньки Самохоткина съ его дѣтскихъ лѣтъ.

Сергунька дальше хутора и его степей не бывалъ. Окружная станица далеко; онъ зналъ свой хуторъ и свою станицу по имени, зналъ, какъ ее «дразнятъ». Не по хорошему дразнили станицу. «Порочная» она была: архiерея, молъ, встрѣчали нѣкогда станичники; надо звонъ дѣлать, а звонить некому, такъ, будто, кобель на колокольнѣ звонилъ. Спрашивалъ Сергунька отца: правда ли такъ было?

— А, пустобрехи! — скажетъ отецъ и задумается. Видитъ Сергунька, что и ему непрiятно, что станица такъ осрамилась.

Въ хуторской школѣ узналъ Сергунька, что есть еще Войско Донское, — Донская область, — урядникъ инструкторъ обучалъ; и что есть Россiя.

Про Россiю разсказывалъ батюшка. Хорошо разсказывалъ. Но понять было невозможно. Очень ужъ большая Россiя. Если на конѣ ѣхать, въ годъ не проѣдешь съ одного конца на другой. И города есть большiе, и рѣки, и горы огромадныя. Только, не видѣвъ ничего, кромѣ степи, да синяго неба, да овражистой балки, трудно было это все Сергунькѣ вообразить. И слагалось въ мысли: Россiя огромная, и въ ней царь.

Царя поминали часто. И въ пѣснѣ и въ присказкѣ Онъ вошелъ въ жизнь и, какъ будто, «слился» съ Богомъ. И Богъ — царь небесный; и царь, какъ Богъ въ своемъ Россiйскомъ царствѣ — земной царь.

Прислушается Сергунька въ церкви, что поютъ и читаютъ — и тамъ часто царя поминаютъ. Священникъ особо и благостно молится:

— О благочестивѣйшемъ, самодержавнѣйшемъ, великомъ государѣ нашемъ, императорѣ Николаѣ Александровичѣ...

Все слова непонятныя, трудныя, а торжественныя, благостныя, какъ-то сливающiяся съ молитвою, съ пѣнiемъ, съ запахомъ ладана, съ золотыми ризами священника и солнечными лучами, что сквозными потоками входили черезъ овальныя стекла хуторской церкви.

Поднимали духъ эти слова. Отъ нихъ уносилась ввысь душа и тепло становилось на сердцѣ.

Царскiе портреты висѣли рядомъ съ «Богами». Отецъ ѣздилъ въ Криворожье на ярмарку и привезъ ихъ оттуда. Въ золотыхъ узкихъ рамахъ, подъ лакомъ. Помнилъ Сергунька, какъ привезли ихъ; сладко пахло отъ нихъ клейкимъ лакомъ.

Царей было двое: императоръ Александръ III Александровичъ, въ темномъ мундирѣ и при голубой лентѣ, и наслѣдникъ Николай Александровичъ, въ голубомъ казачьемъ мундирѣ. Теперь лаковый запахъ вывѣтрился, и рамки, засиженныя мухами, стали бурыми. Про императора Александра III Александровича говорили, что онъ «въ Бозѣ почилъ». И то, что онъ не умеръ, а въ Бозѣ почилъ, казалось Сергунькѣ таинственнымъ и значительнымъ.

Еще видалъ Сергунька царское изображенiе на золотыхъ десятирублевкахъ и пятирублевкахъ, на рубляхъ и полтинникахъ, на почтовыхъ маркахъ. Царь и двуглавый орелъ. Царь и Россiя — такъ и вошло съ этими изображенiями въ понятiе Сергуньки, какъ что-то огромное, прекрасное и святое. Какъ въ церкви.

Во всемъ хуторѣ видалъ царя Александра Николаевича только старый дѣдъ Бодрухинъ. Онъ служилъ въ лейбъ-гвардейскомъ полку. Ходилъ въ Туретчину освобождать болгаръ, а раньше въ Санктъ-Петербургѣ видалъ часто царя. Онъ разсказывалъ про воскресные разводы передъ государемъ. Какъ являлись государю офицеры на ординарца, какъ скакали и джигитовали мимо царя казаки и кавказцы.

— Пистолетъ зарядятъ порохомъ и пескомъ. И листъ насупротивъ государя положатъ бумажный, большой. И скачутъ мимо, а подлѣ листа нагнутся и въ листъ стрѣляютъ. Листъ вдребезги. Одни клочья. Кони тогда были!.. Такихъ нѣтъ теперь... Ну... умные!.. Она, животная-то, понимаетъ, что передъ царемъ. Она старается... Другая на репетицiяхъ какая ндравная: и на дыбки становится, и сигаетъ — однова не сшибетъ, а царь прiѣдетъ — такова смирная, не узнаешь...

Отъ этихъ разсказовъ дышало чѣмъ-то великимъ и важнымъ. Какъ въ Библiи, когда читаютъ про жизнь при Богѣ, какъ Господь говорилъ съ людьми.

Задумается Сергунька. Мать подойдетъ къ нему, погладитъ по вихрастой головкѣ и скажетъ:

— О чемъ ты?..

— О царѣ, мачка, думаю. Какой онъ есть?

— До Бога высоко, до царя далеко, — скажетъ, вздыхая, мать. — Всю-то жизнь прожили, никогда не сподобились царя повидать...

Осенью отецъ ѣдетъ на ссыпку, везетъ продавать хлѣбъ. Вернется чуть хмѣльной. Вечеръ теплый, медвяно и сладко пахнетъ со степи зерномъ. Тихо спускается солнце. Отецъ сядетъ на рундукѣ у хаты, Сергунька рядомъ съ нимъ. Отецъ обниметъ его рукою и мурлычитъ вполголоса:

Русскiй царь живетъ богато:
Войско водитъ въ сапогахъ.
Ваша жъ рать — есть оборванцы,
Ходятъ даже безъ чувякъ!..

Отъ отца пахнетъ дегтемъ, махоркой и, чуть, водкой. Этотъ запахъ сливается съ крѣпкимъ запахомъ степи. Сергунька спрашиваетъ отца:

— Онъ богатый, русскiй царь?

— Ужасно какой, Сергунька, богатый...

Такъ творилась незамѣтно въ простомъ дѣтскомъ сердцѣ мистерія о царѣ. Радостью и свѣтомъ озаряла тоску повседневной жизни на далекомъ хуторѣ. Грязные, вонючіе скотскіе базы, овечьи кошары, нудно пахнущіе по утрамъ, вѣчная, безъ роздыха, возня съ животными, птицами, съ грязной землей, борьба съ непогодой и зимнею стужею — все покрывалось мыслью:

— Царь-то это, поди, знаетъ... Думаетъ о насъ, цѣнитъ...

Какъ Богъ на небѣ, такъ царь на землѣ. И безъ нихъ было бы нельзя жить. Съ тоски, со скуки удавились бы люди.

Сергуньку на пріемѣ записали въ гвардію. Отецъ съ гордостью оглядѣлъ высокаго несуразнаго парня съ розовымъ безусымъ лицомъ и голубыми въ черныхъ рѣсницахъ глазами и сказалъ:

— Ну, братъ!.. Царя сподобишься повидать.. Счастливымъ, знать, ты уродился.

Стали готовить «справу». Ѣздили къ станичному портному, шили обмундировку гвардейскую, съ желтыми петлицами, на ярмаркѣ искали «справнаго» коня.

За заботами и хлопотами, за поѣздкой въ Арчеду въ гвардейскій лагерь, гдѣ обучались малолѣтки, какъ-то забылась тоска предстоящей разлуки. Столько было впечатлѣній!..

Семь дней ѣхали по чугункѣ въ красныхъ вагонахъ съ конями вмѣстѣ. Нескладно пѣли пѣсни, смотрѣли на каменныя большія зданія станцій, на просторъ сжатыхъ полей, на далекія села, на широкія рѣки, и стали смутно понимать, что такое Россія...

Петербургъ... Вотъ онъ!.. И царь тутъ живетъ. Казалось — вылѣзешь и встрѣтишь его? Нѣтъ, не встрѣтишь его. Развѣ можно его такъ просто увидать..

Хмурыя сырыя красныя казармы. Вставать до свѣта. При свѣтѣ лампъ одѣваться и обуваться и идти на конюшню убирать лошадей. Ученья, кормъ лошадей, обѣдъ и опять ученья; и вечеромъ молитва передъ образомъ съ горящей лампадой, мертвый сонъ усталаго тѣла и пробужденье отъ грозныхъ криковъ дежурнаго: «вставать, вставать!».

Дни сливались съ днями, одинаково занятые, — только поспѣвай все исполнить. Взводный и фланговый покрикивали; приказный и старые казаки наставляли; приходили господа офицеры и командовали, учили и поправляли.

Не замѣтилъ и самъ Сергунька Самохоткинъ, какъ изъ несуразнаго парня, не знающаго, куда дѣвать руки и какъ поставить ноги, сталъ онъ бравымъ, расторопнымъ казакомъ. Уже перевели его за бравый видъ и хорошую посадку на конѣ изъ задней шеренги въ переднюю и дали ему пику.

— Теперь на смотру царя, какъ меня, увидишь! — сказалъ ему хорунжій.

На словесныхъ занятіяхъ хорунжій спрашивалъ:

— А кто у тебя государь императоръ?

И, когда Рыбалкинъ, тупой казакъ, отвѣтилъ: — Миколай Александровичъ.... — хорунжій поставилъ его на два часа въ боевую.

И за дѣло. Надо было отвѣчать:

— Его императорское величество, государь императоръ Николай Александровичъ.

Въ этихъ длинныхъ, непонятныхъ словахъ, тоже было что-то отъ Библіи, отъ Бога, отъ разсказовъ дѣда, отъ словъ матери со вздохомъ:

— До Бога высоко, до царя далеко...

Какъ-то вдругъ, послѣ Пасхи, стали часто ходить всѣмъ полкомъ на ученья, ѣздить подъ музыку. Сказали: на 28-ое апрѣля назначенъ высочайшій смотръ войскамъ гвардіи и Петербургскаго военнаго округа на Марсовомъ полѣ.

— Ну, вотъ, Самохоткинъ, и увидишь ты царя! — сказалъ Сергунькѣ хорунжій.

И сказалъ это такъ, что Сергуньку тепломъ обдало. Точно милость ему объявилъ...

Въ этотъ день встали рано. Раньше обыкновеннаго. Уже весна на дворѣ. Солнышко встаетъ рано, а встали до солнца. При огнѣ. Сразу пошли на конюшню. И наканунѣ съ вечера особенно тщательно убирали коней, хвосты имъ заплетали. Съ утра каждую пылинку съ нихъ снимали. Пришли взводные кузнецы и рашпилемъ опиливали спереди подковы, чтобы блестѣли, «бронзу» наводили.

Шли на царскій смотръ!

Послѣ уборки, въ блѣдномъ утреннемъ свѣтѣ столовой ѣли особый завтракъ. Не хотѣлось ѣсть такъ рано, но старые казаки говорили: «поѣшь, а то не скоро обѣдать будешь. Уморишься. Сомлѣешь»...

Послѣ завтрака каптенармусъ и взводные раздавали парадные мундиры; всѣ подбѣляли ремни портупей, а потомъ мылись, раздѣвшись до пояса, ледяною водою и мыломъ растирали лица, подбивали чубы и мѣдными гребешками расчесывали волосы. Одѣваясь, помогали другъ другу, осматривали другъ друга. И было торжественно, празднично и необычайно, какъ передъ Свѣтлой Пасхальной заутреней.

Что за чудныя были новыя папахи, съ голубымъ верхомъ, волнистаго чернаго курпея, съ серебряными звѣздами и отличіями. Удивительнаго небеснаго цвѣта мундиры съ желтыми жгутами и оловянными пуговицами съ двуглавымъ орломъ: — Россія!.. Шаровары темносиняго сукна. Сапоги въ черной смазкѣ, съ круглыми подборами и тупыми каблуками. Съ подошвъ лакъ не сошелъ. Новые, ненадѣванные!

На царскій смотръ!

Когда построили, сѣли на коней и подъ торжественно грозные звуки «похода» принимали полковой штандартъ, не въ кожаномъ, какъ всегда, чехлѣ, а распущенный, въ серебряныхъ и широкихъ георгіевскихъ лентахъ, съ тяжелыми кистями, точно колокола зазвонили въ душѣ у Сергуньки малиновымъ звономъ. Штандартъ — полковая святыня... За нимъ и Богъ, и царь, и Россія!..

Вышли на Невскій. Все было не такое, какое было вчера. Солнце озаряло пеструю линію домовъ. Тучки набѣгали на него. Свѣжій вѣтеръ съ Невы полыхалъ и несъ запахъ морской волны.

На углу Садовой пѣхотная колонна преградила дорогу полку. Въ стройномъ пѣніи мѣдныхъ трубъ, въ

трескѣ барабановъ ровно и плавно проходили пѣхотные ряды. На солдатахъ все было новое. Въ долгомъ движенiи отдѣленiй съ круто поднятыми ружьями и выравненными штыками было что-то грозное и несокрушимое... Русская армiя!

Понятны становились Сергунькѣ церковныя молитвы о побѣдоносномъ, Христолюбивомъ, Россiйскомъ воинствѣ. Оно шло передъ нимъ, какъ Христова рать — царское войско! По сторонамъ столпился народъ. Раздавались восторженные вскрики:

— Ахъ! молодцы измайловцы! Ну, молодцы!

— Какая прелесть казаки! — сказала одна дѣвушка.

Купецъ въ дрожкахъ на рысакѣ снялъ шапку передъ знаменемъ. Стали снимать и другiе. Дворникъ снялъ фуражку и долго крестился на знамя. Оно шло, несомое великаномъ знаменщикомъ, и подлѣ шелъ офицеръ въ золотыхъ эполетахъ.

— Что за красавецъ народъ въ нашей Россiи, — сказалъ кто-то въ толпѣ подлѣ Сергуньки.

Почудилось отъ этихъ словъ дыханiе чего-то мощнаго, прекраснаго и удивительнаго, имя чему Россiя.

Долго стояли на Дворцовой площади позади кирасирской дивизiи. Золотыя кирасы, золотыя каски съ золотыми и серебряными орлами (тоже Россiя!), алыя и черныя пики съ бѣло-красными и сине-желтыми флюгерами: все это было такъ необычно прекрасно и величественно... Оно подготовляло — увидѣть царя.

Издалека, отъ самой Невы, донесся какой-то странно волнующiй гулъ. Онъ не походилъ ни на какiе звуки, слышанные раньше Сергунькой. Отъ него подобрались, насторожились и настремили уши кони, точно тоже услышали что-то необычное.

Онъ шелъ, все наростая изъ-за высокихъ домовъ, шелъ оттуда, гдѣ сейчасъ долженъ быть царь. Сергунька хотѣлъ спросить у сосѣда, что это такое? Не смѣлъ: нельзя говорить во фронтѣ. Онъ скоро понялъ: это войска кричали: ура! Кричали многiя тысячи людей. Царь ѣхалъ мимо нихъ. Этотъ крикъ былъ грозный и вмѣстѣ съ тѣмъ радостный, легкiй, воздушный, точно прозрачный. Онъ приближался. И вотъ — вспыхнулъ уже тутъ, рядомъ, у Адмиралтейскаго бульвара, гдѣ въ зеленую дымку молодыхъ почекъ кутались тополя и липы.

На площади раздались команды. Дрогнули пики съ флюгерами, вспыхнули серебряными звѣздочками копья на нихъ, и торжественно заиграли «походъ» кавалергардскiе трубачи. Сквозь кирасы и пики, сквозь конскiя головы Самохоткинъ увидѣлъ, какъ къ полкамъ приблизилось много пестро одѣтыхъ всадниковъ. Должно быть, тамъ былъ и государь.

Внезапно оборвали трубы; и Самохоткину въ мертвой тишинѣ, нарушаемой прозрачнымъ топотомъ копытъ, послышался чей-то голосъ. Должно быть, голосъ царя. И сейчасъ же дружно отвѣтили кавалергарды. Трубачи заиграли знакомый Сергунькѣ гимнъ и люди впереди него закричали ура!..

Сергунька увидалъ полнаго бритаго человѣка, ѣхавшаго на большой, совершенно бѣлой лошади. На немъ была алая куртка, расшитая золотомъ, и бѣлыя лосины.

— Ужъ не царь ли это? подумалъ Сергунька. И сейчасъ сообразилъ: нѣтъ, царь не такой.

И тутъ же увидѣлъ царя.

Онъ ѣхалъ на стально-сѣромъ конѣ, чуть позади коляски, запряженной четырьмя бѣлыми лошадьми, по двѣ въ рядъ. Въ коляскѣ сидѣли императрицы.

Сергунька ихъ почти не видалъ, онъ смотрѣлъ радостно-восторженными глазами въ лицо тому, кто, казалось, прямо смотрѣлъ на него. Онъ узнавалъ его по портретамъ въ ихъ домашней хатѣ; но, болѣе того — онъ чувствовалъ его. Съ приближенiемъ этого всадника Сергунька точно ощущалъ благостныя молитвы «о благочестивѣйшемъ, самодержавнѣйшемъ», онъ точно понималъ теперь значенiе словъ — «до царя далеко» — хотя, вотъ онъ! какъ онъ былъ близокъ!

Онъ услышалъ и не понялъ словъ государя, такъ былъ взволнованъ. Крикнулъ отвѣтъ и закричалъ ура, какъ учили, и не чувствовалъ, какъ текли по его лицу слезы...

И вотъ уже далеко царь, смолкли по знаку шашки крики, повернули направо по шести и пошли рысью вдоль канала, звонко стуча подковами по камнямъ мостовой.

На крытомъ и широкомъ мосту, въ сквозной тѣни деревьевъ долго стояли, ожидая своей очереди.

Впереди было видно широкое поле, усыпанное желтымъ пескомъ и уставленное войсками. Кое-гдѣ блистали, голубѣя, длинныя узкiя лужи налетѣвшаго ночью дождя. Оттуда доносились бодрые звуки музыки. Ихъ то закрывала человѣческая завѣса идущихъ полковъ, и тогда они слышались приглушенные, притушенные, неясные, то вдругъ, когда проходилъ полкъ, они врывались на мостъ и раздавались по всей Садовой, яркiе, звучные и зовущiе.

Стало видно, какъ собрались на серединѣ площади трубачи всей дивизiи на сѣрыхъ лошадяхъ. Засверкали золотыя кирасы и бѣлые орлы кавалергардовъ, и стало видно, какъ проходили они мимо государя императора шагомъ въ грозно-радостномъ рокотѣ литавровъ и пѣнiи трубъ. Черными опахалами висѣли хвосты гнѣдыхъ лошадей изъ-подъ широкихъ красныхъ вальтраповъ.

Тамъ пѣла музыка и точно плела звуками сложный золотой узоръ, и въ этомъ узорѣ являла свой прекрасный ликъ великая Россiя...

Оттуда, гдѣ подъ старыми липами Лѣтняго сада пестрѣли полныя людей трибуны, точно серебряный голосъ пропѣлъ сигналъ: «рысь».

— Рысью размашистой, но не распущенной, для сбереженiя коней!

И стало видно, какъ освобождая мѣсто Сергунькину полку, мягко подрагивая въ тактъ музыки, пошли по полю, сотня за сотней, алые лейбъ-казаки.

Сергунькина сотня выстроила фронтъ. Свалила пики «на бедро». Сергунька, двигаясь рысью въ общемъ фронтѣ, подравниваясь однимъ глазомъ, видѣлъ, какъ сверкнули шашки въ рукахъ у командира полка, пол-

ковника, сотеннаго и офицеровъ, и сталъ вдругъ близокъ къ нему государь. Онъ его сразу увидалъ впереди большой и блестящей свиты, онъ его сейчасъ же узналъ и разслышалъ теперь ясно его голосъ:

— Спасибо, молодцы!

Опять залило горячимъ огнемъ счастья всю грудь Сергуньки, онъ радостно крикнулъ отвѣтъ государю. И уже нѣтъ ничего. Впереди широкое поле; хвосты вороныхъ лошадей и красные мундиры лейбъ-казаковъ, скачущихъ, загибая мимо памятника; розовое зданіе съ бѣлыми колоннами и широкій просвѣтъ съ голубою Невой...

Все, что было потомъ, уже было не то. Строились для атаки всею массою кавалеріи поперекъ поля, наматывая на кулакъ поводья, чтобы во-время остановить лошадей... Потомъ шли домой...

Когда слѣзали во дворѣ казармъ съ лошадей и положили пики на плечо, вели ихъ въ конюшни. Сергунька ощущалъ въ своемъ сердцѣ, что случилось въ немъ что-то новое. Онъ понялъ нѣчто необъятно-великое, точно вся та карта Россійской имперіи, на которую онъ тупо смотрѣлъ въ классѣ, вошла въ него и стала такою необъятной, какъ о ней говорилъ хорунжій:

— Солнце не заходитъ.

Послѣ уборки лошадей и поздняго обѣда, сдавали въ цейхгаузъ парадные мундиры, папахи, аммуницію и вальтрапы, потомъ поили и задавали кормъ лошадямъ, подметали дворы, сносили навозъ въ лари. Все было обыкновенное, будничное. Но уже въ этомъ будничномъ точно засвѣтился яркій огонь величія Россіи и ея царя, засвѣтился, чтобы никогда не угаснуть.

Вечеромъ, въ сотенной канцеляріи, Сергунька на листѣ почтовой бумаги, купленной въ полковой лавочкѣ, пытался изобразить все то, что онъ пережилъ въ этотъ день, когда первый разъ увидалъ русскаго царя.

Онъ писалъ домой. На хуторъ, гдѣ никогда не видали государя, гдѣ женщины и многіе казаки не видали чугунки. Онъ писалъ туда, гдѣ, точно нахохлившаяся насѣдка, стояла бѣлая хата подъ крутою и лохматою соломенною крышей, гдѣ въ этотъ апрѣльскій день — бездонно-голубое небо, сладко воркуютъ голуби, вся степь въ зеленыхъ прямоугольникахъ молодыхъ хлѣбовъ и въ пестромъ коврѣ цвѣтущихъ травъ, гдѣ въ этотъ вечерній часъ на дворѣ чуть ладанно пахнетъ соломеннымъ дымомъ и дымомъ углей, а сбившіяся на ночь овцы несутъ тепло пахучей овчины. Онъ точно видѣлъ весь хуторъ съ тополями у церкви, съ высокими журавлями колодцевъ. Ему казалось, что царь видитъ хуторъ, и ему хотѣлось, чтобы и хуторъ увидалъ царя.

Но какъ описать — неописуемое? Оно было прекрасно, когда священникъ возглашалъ:

— Благочестивѣйшаго, самодержавнѣйшаго, великаго государя нашего, императора Николая Александровича... да помянетъ Господь во царствіи своемъ!..

Оно было понятно, когда ласково говорила мачка, гладя его по головѣ:

— До Бога высоко, до царя далеко...

Оно казалось простымъ, когда жидкимъ теноркомъ, неся запахъ махорки, дегтя, овчины и водки, напѣвалъ отецъ:

Русскій царь живетъ богато:
Войско водитъ въ сапогахъ...

Но какъ передать это все своими словами?

Сергунька началъ съ поклоновъ. Прочиталъ, провѣрилъ... Не пропустилъ ли кого?.. Кажется, всѣ. Помянулъ и батюшку, отца Клавдія... Всѣ...

Долго думалъ. Потомъ написалъ:

«... Безъ Бога нѣтъ царя. Безъ царя нѣтъ арміи, а безъ арміи нѣтъ Россіи».

Въ этихъ простыхъ, величественно-мудрыхъ словахъ вылилось у Сергуньки все. И то, что онъ впиталъ въ себя съ ранняго дѣтства на хуторѣ, въ семьѣ, въ церкви и въ школѣ, и что было ему непонятно и далеко, и то, что онъ сейчасъ на царскомъ весеннемъ смотру, въ прозрачныхъ крикахъ ура, въ волнующемъ видѣ красоты вдругъ понялъ и созналъ навсегда.

П. Красновъ

«Русскій Колоколъ».

КАЗАЧЬЯ ПѢСНЯ

Конь боевой

Конь боевой съ походнымъ вьюкомъ
У церкви ржетъ: кого-то ждетъ.
Въ оградѣ бабка плачетъ съ внукомъ,
Молодка возлѣ слезы льетъ.
А изъ дверей святого храма
Казакъ въ доспѣхахъ боевыхъ
Идетъ къ коню, изъ церкви прямо
Съ отцомъ, въ кругу своихъ родныхъ.
Жена коня подводитъ мужу,
Племянникъ пику подаетъ.
«Вотъ — говоритъ отецъ, — послушай
Моихъ рѣчей ты напередъ.
Мы послужили государю,
Теперь тебѣ чередъ служить.
Ну, поцѣлуй же женку Варю,
И Богъ тебя благословитъ!
И да пошлетъ тебѣ Онъ силы,
Долгъ службы свято соблюдать,

Служить, какъ мы царю служили,
И славу рода поддержать.
Иди туда, куда укажутъ
Господь, начальство и чередъ.
Когда же въ бой идти прикажутъ,
Благословясь, ступай впередъ!..
Но ни въ бою, ни передъ боемъ,
Ты не бранися, не ругай;
Будь христіанинъ и предъ боемъ,
Крестомъ себя ты осѣняй.
Коня даю тебѣ лихого,
Онъ добровитъ былъ у меня,
Онъ твоего отца сѣдого
Носилъ въ огонь и изъ огня.
А добрый конь — все наше счастье,
И честь и слава казака,
Онъ нуженъ въ счастьѣ и въ напасти,
И за врагомъ, и на врага!
Конь боевой всего дороже,
И ты, мой сынъ, имъ дорожи;
И лучше самъ ты ѣшь поплоше,
А лошадь въ холѣ содержи!
Тотъ колетъ пикою ловчѣе,
И въ дѣлѣ тотъ и молодецъ,
Кому коня добылъ добрѣе
Дѣдъ, прадѣдъ, дядя иль отецъ...
А вотъ и пика родовая,
Подруга славы и побѣдъ,
И наша шашка боевая —
Съ ней бился я и бился дѣдъ!
Исправенъ будь и старшихъ слушай,
Найди товарища себѣ;
Живите съ нимъ душа вы въ душу,
Клянитесь выручить въ бѣдѣ!..
Куда придешь — ты, первымъ дѣломъ,
Развѣдай все, до пустяка.
Гдѣ трактъ какой, кто есть, примѣромъ,
Гдѣ лѣсъ, гдѣ села, гдѣ рѣка.
Тогда ты свой въ чужой сторонкѣ,
И командирамъ ты — рука!
Вѣдь, ловкость, смѣтка да сноровка —
Весь капиталъ у казака!..

АЛЕКСАНДРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ТУРОВѢРОВЪ
— 1833 — 1890 —
(Изъ сборника стихотвореній «Казачьи досуги», Новочеркасскъ, 1858 г.)

Кочкинъ пиръ

(1837 г.)

Политика правительства по отношенію казачества вообще и Яицкаго въ частности имѣла цѣлью ограниченіе казачьяго самоуправленія.

Политика эта проводилась съ давнихъ временъ, постепенно, но съ упорствомъ, достойнымъ лучшаго примѣненія; казачество въ свою очередь всячески отстаивало свои права, не вѣря, что ограниченіе ихъ исходитъ съ высоты престола, и приписывая все проискамъ чиновничества.

Именно произвольное вмѣшательство центральной власти и создало антагонизмъ между ней и казачествомъ.

Высочайше утвержденное правительственное распоряженіе, въ силу котораго яицкіе казаки, тогда уже уральскіе, были лишены права выбирать себѣ войскового атамана, вступило въ силу въ 1837-мъ году. Должность войскового атамана уничтожалась, а взамѣнъ нея была установлена должность наказнаго атамана, причемъ природный казакъ ни въ коемъ случаѣ не могъ быть атаманомъ въ родномъ войскѣ даже по назначенію.

Послѣднимъ выборнымъ войсковымъ атаманомъ на Яикѣ былъ Давидъ Мартемьяновичъ Бородинъ. Послѣ него пріѣхалъ на Уралъ атаманствовать вновь назначенный наказнымъ атаманомъ полковникъ Покотило.

Казаки, конечно, были обижены новымъ ограниченіемъ ихъ вольностей. Среди нихъ началось волненіе. Какъ разъ въ это время Уралъ посѣтилъ наслѣдникъ престола, атаманъ всѣхъ казачьихъ войскъ.

Среди казаковъ образовалась группа смѣльчаковъ съ казакомъ Павловымъ во главѣ и рѣшила использовать пріѣздъ высокаго гостя, чтобы подать ему жалобу на центральную власть, ограничившую казачье право, и просьбу возстановить нарушенную вольность въ отношеніи атаманскаго званія.

Павловъ и его друзья для осуществленія своего замысла воспользовались моментомъ, когда наслѣдникъ выѣзжалъ изъ города Уральска; одинъ изъ нихъ сталъ на колѣни возлѣ дороги и, по тогдашнему обычаю, возложилъ на свою обнаженную голову челобитную, а двое другихъ бросились къ упряжнымъ лошадямъ и, взявъ ихъ подъ уздцы, остановили экипажъ.

Наслѣдникъ былъ очень взволнованъ, у него изъ носа пошла кровь, потомъ оправился и приказалъ адъютанту принять отъ челобитчика прошеніе.

Поступокъ, самъ по себѣ очень наивный и, пожалуй, даже законный — подача прошенія на высочайшее имя, — лишь по пріему необычайный, объяснялся, казалось бы, очень просто: казаки хотѣли вручить непосредственно атаману всѣхъ казачьихъ войскъ свою слезницу.

Однако, новая мѣстная власть, въ лицѣ наказнаго атамана Покотило, и высшая краевая, въ лицѣ оренбургскаго генералъ-губернатора князя Волконскаго, придала событію очень серьезное значеніе, истолковавъ его, какъ бунтовщическое дѣяніе.

Послѣдствія такого толкованія грозили войску большими непріятностями.

Къ счастью, для населенія все окончилось благополучно.

Мы не будемъ описывать, какъ и почему это произошло, такъ какъ все превосходно передано талантливымъ писателемъ, уральскимъ казакомъ І. И. Желѣзновымъ въ разсказѣ «Туча Каменная»; однако, надо упомянуть, что челобитчики понесли тяжелое наказаніе, а казачья среда въ своемъ сознаніи отмѣтила ихъ поступокъ, какъ благородный подвигъ въ борьбѣ за казачьи права и запечатлѣла въ красивой по напѣву пѣснѣ, которую казаки всѣхъ общественныхъ положеній съ увлеченіемъ пѣли въ день войскового праздника.

Пѣсня эта такого содержанія:

На зарѣ было, на зоренькѣ,
Зарѣ было утренней,
На восходѣ было солнца краснаго,
Среди торга, среди базарушки,
Среди красной площади,
Собирались тутъ казаченьки,

Незадолго до начала великой войны президентъ французской республики Пуанкарэ посѣтилъ Россію.

Въ столицѣ ему, представителю дружественной державы, былъ оказанъ исключительно сердечный пріемъ.

Въ послѣдніе годы г. Пуанкарэ всемѣрно идетъ навстрѣчу зарубежнымъ русскимъ организаціямъ, которыми не разъ отмѣчена его энергичная и богатая результатами помощь.

Во единый кругъ.
Во кругу стоитъ у казаченковъ
Раздвиженный стулъ,
На стулу сидитъ самъ Волконскій князь.
Передъ нимъ стоитъ у казаченковъ,
Стоитъ добрый молодецъ,
Самъ Павловъ казакъ,
Онъ стоитъ, стоитъ разудаленькій,
Стоитъ самъ, самъ не тряхнется,
Ни русы его, русы кудри не шелохнутся.
Его бить не бьютъ, разудалаго,
Его крѣпко спрашиваютъ:
— Ты скажи, скажи, добрый молодецъ,
Изъ какой ты земли, сторонушки,
Ужъ не король ли ты
Или королевскій сынъ?
Отвѣчалъ ему добрый молодецъ,
Самъ Павловъ казакъ:
— Не тебѣ меня было спрашивать,
Да не мнѣ тебѣ было сказывать.
А скажу всю правду-истину
Одному царю-батюшкѣ...

Пѣсня повѣствуетъ, что Павлова не били, а лишь крѣпко спрашивали.

А какъ поступили съ челобитчиками, товарищами Павлова, объясняетъ заглавіе разсказа про событіе 1837-го года. Челобитчики были нещадно наказаны кнутомъ, причемъ наказаніе приводилъ въ исполненіе палачъ Кочкинъ, а потомъ сосланы въ Сибирь.

По фамиліи палача само событіе сохранилось въ памяти казачьяго населенія подъ названіемъ «Кочкинъ пиръ».

Григорій Бизяновъ

***

Я вижу утро у рѣки;
По берегамъ кустарникъ мелкій,
Надъ постепенной перестрѣлкой
Зелено-желтые дымки,
И первый, ухнувшій снарядъ,
И тамъ, у ближняго уступа,
Колючей проволоки рядъ,
Гдѣ помнитъ равнодушный взглядъ
Недосягаемые трупы —
Вчера застывшую волну.
То сторожевокъ тишину,
То сдержанный галопъ развѣдокъ,
Я все еще люблю войну —
Такъ любятъ женщинъ напослѣдокъ,
Жесточе, безнадежнѣй... Мнѣ
Двѣ змѣйки на погонахъ старыхъ,
Да сабля на пустой стѣнѣ
Какъ не напомнятъ, что въ гусарахъ
Окрѣпла молодость моя,
И что готовъ хоть нынче я,
Ни въ чемъ не зная половины,
Летѣть во власть нѣмой равнины,
Какъ въ безпредѣльность бытія.
Въ семи верстахъ отъ полустанка
Гусарамъ отвели штабы:
Пустынный фольваркъ, три избы...
Глухая, зимняя стоянка;
Безмолвье, ранній мракъ, пурга,
Заупокойныя мятели
И захолустные снѣга. —
Откуда трижды на недѣлѣ
Мы выходили поутру
Коней морозить на вѣтру.
Туда, однажды, въ полдень краткій,
Не ты ли добралась украдкой
На зовъ немолкнущій ко мнѣ?
Не тамъ ли городокъ уѣздный,
Гдѣ мы въ ночи крещенской, звѣздной,
Будили церковь въ тишинѣ —
Гдѣ озаряли ликъ Предтечи
Немногочисленныя свѣчи,
И удивленный вѣстовой
Держалъ вѣнецъ надъ головой;
Тамъ вскорѣ былъ въ халупѣ дымной
Прославленъ полковой молвой
Нашъ первый кровъ гостепріимный,
Пока на рубежѣ зимы
Въ походъ не вытянулись мы...

Всеволодъ Фохтъ

РОЖДЕСТВО НА ФРОНТѢ

(БЫЛЬ)

Уральская казачья дивизія занимала въ концѣ декабря 1914-го года боевой участокъ по лѣвому берегу рѣки Пилицы, въ районѣ Спальскаго дворца. Въ сочельникъ одна изъ сотенъ 6-го Уральскаго полка смѣнила на позиціи очередную сотню.

На самомъ берегу Пилицы были вырыты глубокіе, въ ростъ человѣка, окопы съ маленькими бойницами, хорошо обложенными дерномъ.

Окопы эти и заняли казаки.

На другой сторонѣ рѣчки, въ такихъ же, видимо, окопахъ сидѣли нѣмцы. Занимать позицію было не особенно пріятно, такъ какъ отъ нѣмцевъ насъ отдѣляла лишь ширина рѣчки, не болѣе 20-25 шаговъ, и за всякую, даже случайную оплошность, можно было поплатиться жизнью.

И казаки, и нѣмцы стрѣляли по каждому высунувшемуся изъ окопа.

Первый день такого напряженнаго состоянія далъ о себѣ знать. Нервы были взвинчены, тѣмъ болѣе, что нѣсколько любопытныхъ казаковъ успѣли поплатиться довольно серьезными раненіями.

Противникъ билъ навѣрняка, не производя въ остальное время ненужной стрѣльбы.

Нѣсколько выстрѣловъ, и снова гробовая тишина.

Кромѣ десятка дозорныхъ казаковъ у бойницъ, всѣ лежали или сидѣли въ окопѣ и шепотомъ разговаривали.

Наступила ночь. Луна играла блестками на инеѣ деревьевъ. Тишина гармонировала съ думами казаковъ. Мы, молча, вспоминали, что завтра наше Рождество.

Что дастъ оно намъ? Обстановка тяжелая. Не будетъ ли праздникъ омраченъ новыми потерями станичниковъ? А вдругъ и смерть кому-нибудь?

И вспоминался домъ, родные, семья... Грустно!

Часы показали 12. Наступилъ праздникъ.

Вдругъ въ тишинѣ ночи кто-то изъ нѣмецкихъ окоповъ громко по-русски заговорилъ.

Всѣ встрепенулись и повскакивали.

— Русъ! Мы знаемъ, что сейчасъ наступаетъ вашъ большой праздникъ. Поздравляемъ васъ! Мы не будемъ стрѣлять въ теченіе сутокъ, до 12 ночи. Не стрѣляйте и вы. А теперь мы хотимъ васъ повеселить.

Что это? Сонъ? Но черезъ минуту въ нѣмецкихъ окопахъ заигралъ граммофонъ. Тутъ было все: романсы Вяльцевой, Вари Паниной, хоровыя пѣсни, музыка!

Мы слушали, распрямляя спины, потягиваясь, отдыхая. Нѣкоторые казаки высунули головы изъ окопа и, положивъ руки на брустверъ, слушали нѣмцевъ. Они тоже выглядывали, махали руками, что-то кричали, но общаго довѣрія еще не было. Наконецъ, на нѣмецкій брустверъ вышелъ нѣмецъ и на чистомъ русскомъ языкѣ спѣлъ «Гай, да тройка».

Казаки хлопали въ ладоши. Появилась гармошка. Нѣмцы кричали:

— Русъ! Спляши!

Два казака особенно задорились сплясать передъ нѣмцами. Командиръ сотни запротестовалъ, но казаки стали упрашивать:

— Ваше высокоблагородіе! Ну, какъ же не потѣшить нѣмца? Смотрите, онъ даже нашъ праздникъ почитаетъ! Видите, какое «угосcеніе» намъ дали. Разрѣшите на брустверъ...

И командиръ махнулъ рукой. Онъ отошелъ въ сторону, взявъ лучшихъ стрѣлковъ, а два лихихъ танцора выскочили на брустверъ.

— Ну, заводи!

Гармошка заиграла плясовую. И пошла пляска! Нѣмцы повылѣзали на брустверъ, хлопали въ ладоши, кричали, визжали, пританцовывали!.. За первой парой казаковъ полѣзла на бруствeръ вторая, третья.

Но, вотъ, командиръ отдалъ приказъ — танцовать послѣдней.

Казаки закончили танецъ, сняли черныя косматыя папахи и, поклонившись въ сторону нѣмцевъ, сказали:

— Спаси васъ Христосъ за развлеченіе!

И спрыгнули въ окопъ.

Въ теченіе цѣлаго дня нѣмцы не сдѣлали ни одного выстрѣла, а ровно въ двѣнадцать ночи пустили къ казакамъ красную ракету.

Разговоровъ было безъ конца, но командиръ предупредилъ, чтобы языкъ не распускали. Начальство было строгимъ.

На второй день праздника стрѣльбы не было: наученные горькимъ опытомъ, казаки не высовывались изъ окопа. Пошло долгое, утомительное сидѣніе безъ выстрѣла. Нѣмцамъ, наконецъ, это надоѣло.

Участокъ намъ былъ данъ въ районѣ дворца, а сотня занимала мѣстность, гдѣ были построены службы. Нѣмцы же занимали самый Спальскій дворецъ. Въ мирное время службы съ дворцомъ сообщались мостомъ черезъ Пилицу, который подходилъ какъ разъ къ серединѣ окоповъ сотни. Мостъ былъ разрушенъ, частью сожженъ. Сохранились хорошо на той и на другой сторонѣ рѣки только столбы съ электрическими фонарями.

Днемъ нѣмцы неожиданно открыли рѣдкій огонь. Оказалось, что, наскучивши, они рѣшили разбить колпакъ фонаря на нашей сторонѣ. Сотня занялась тѣмъ же. Нѣмцы перенесли огонь по окопамъ. Казаки рѣшили подурачить ихъ. Надѣвъ громадныя папахи на палки, они стали высовывать ихъ то тутъ, то тамъ по окопу.

Сперва нѣмцы не сообразили и открыли сильный огонь, а затѣмъ огонь стихъ и раздался дружный хохотъ. Нѣмцы кричали:

— Русъ! Довольно шалить! Придумай другое...

Новаго придумать не пришлось, такъ какъ въ ночь сотня смѣнилась...

Т. Сладковъ

Письма съ Кубани

Изъ письма казачки отъ 8-го ноября:

«Новаго много, но написать и описать все невозможно. Пишу о томъ, что больнѣе. Жила я все это время, мучилась, но думала, что живу для дѣтей, повыкахиваю ихъ, потомъ сдѣлаю то, поправлю другое, однимъ словомъ, поднимала и устраивала свое хозяйство и, въ концѣ концовъ, пришло время, что погибло все, пропали всѣ мои труды, и отвалились мои руки отъ всего.

Съ весны у насъ стали говорить, что наша станица будетъ переходить на коллективное хозяйство, и въ настоящее время уже перешли на это. Стали работать вмѣстѣ, пашемъ, сѣемъ всей станицей, и что дальше изъ этого выйдетъ, не знаемъ. Но къ этому у насъ идетъ такъ называемая хлѣбозаготовка: давай свои излишки. А въ сущности, не одни излишки, а чуть не все отдай. Словомъ, нѣтъ конца, давай и давай, а самъ останься голоднымъ.

Дабы не обречь дѣтей на голодную смерть, я припрятала немного зерна. Пошли обыски, все во дворѣ перерыли, нашли мои похоронки, и пшеницу забрали безплатно, а меня арестовали и погнали въ районный судъ. Судъ за это преступленіе противъ босяцкой власти присудилъ меня къ тремъ мѣсяцамъ принудительныхъ работъ. Итакъ, за то, что дѣтей своихъ хотѣла не оставить зимой голодными, лишилась зерна и въ тюрьму попала.

Жизнь моя перемѣнилась къ худшему. Въ настоящее время нѣтъ мнѣ проходу отъ мѣстной власти: попрекали тобой на судѣ и здѣсь теперь тычутъ въ глаза на каждомъ шагу. Это, конечно, не только со мной: многіе несутъ муки ни за что, ни про что. И вотъ, теперь много нашихъ ищутъ, гдѣ лучше: и уѣзжаютъ, куда глаза глядятъ: одни на Мугань, другіе въ Сибирь или куда-либо на заработки, а многіе совсѣмъ съ семьями уѣзжаютъ. Такъ и я надумала.

Но, во-первыхъ, рѣшила написать тебѣ, что ты посовѣтуешь, можетъ быть, ты сумѣешь взять меня съ дѣтьми къ себѣ. Дѣти уже могли бы работать, если бы ладилась жизнь. Не думай, что я смѣюсь и шутя это говорю. Мы слышимъ съ вашей стороны, что, будто, въ скоромъ времени, кто изъ васъ захочетъ, то можетъ выписать семью къ себѣ. А мы здѣсь, такъ или иначе, а все-равно не удержимся, не только мы, но и очень много людей бросятъ здѣсь все и уѣдутъ.

Если вѣрно, что казаки оттуда сюда пишутъ, то бери насъ съ собой, а если не нужны, то пиши, не стѣсняйся, я буду тогда знать и что-нибудь сама предпринимать. Тутъ все равно жизни нѣтъ. Сама себя я спасла бы, если бы не дѣти: бросила бы все и пошла гдѣ-нибудь на край свѣта. Эхъ, дорогой Петя, замучилась я жить на свѣтѣ, кабы дѣтей не жаль... Бывало, разсержусь, наговорю имъ всякаго, но бросить ихъ жаль, какъ же они пойдутъ по міру безпризорными бродягами... страшно подумать... Мы, было, и свою хатку весной покрыли жестью, но жить не придется. Пускать дѣтей, куда попало, я не могу, тогда я лучше себя уничтожу съ бѣлаго свѣта.. Петя, я за вами пропала, я не могу выбросить васъ съ сердца. Вы какъ хотите судите, а я все свое. Пишите, буду ждать отвѣта. Ваша жена, А. К.».

Изъ письма казачки съ Кубани (Черноморіи), отъ 20-го октября:

«Дорогой братецъ, ты пишешь, что мы забыли тебя. Но, нѣтъ, мы тебя не забывали и не забудемъ никогда. А это потому происходитъ, что мы хорошо живемъ, а гдѣ хорошо живется, тамъ скоро забывается. Какъ зашли намъ зашпары (ты, навѣрно, знаешь, что это значитъ), да такіе, что никакъ не могутъ отойти, такъ что очень сильно и очень больно льемъ слезы горькія. Мы очень и очень забѣднѣли, и повѣрь, что мы очень несчастные, и положеніе наше безвыходное. Мы лишены права голоса — лишенцы.

Въ этомъ году урожай у насъ очень плохой. До Рождества своего хлѣба, можетъ быть, и хватило бы, а тамъ пришлось бы купить и какъ нибудь дотянуть до новаго, а теперь не знаемъ, доживемъ мы или нѣтъ, помремъ, потому что въ настоящее время у насъ идетъ хлѣбозаготовка и на насъ наложили 350 пудовъ, а у насъ какъ было сто пудовъ всего, такъ и добре. Такимъ, какъ мы, нѣтъ пощады, и забрали у насъ до зернышка и муку до пылинки, нѣтъ у насъ хлѣба совершенно.

Словомъ, живемъ не горюемъ, хлѣба не купуемъ, а съ базара не ѣмо. На базарѣ пока хлѣбъ есть. Живемъ мы въ своемъ дворѣ за сторожей, ибо все здѣсь не наше. Вычитали намъ, что оставляютъ намъ одну коняку и корову, а все остальное — косилка и громадилка отбирается.

Ты пишешь, что у васъ тамъ много горя. Но если бы ты посмотрѣлъ, что происходитъ здѣсь... Въ нашей рідной хаті, да и кругомъ насъ, каждый день новое горе и каждый день плачъ безконечный... И думаемъ: Господи, гдѣ же смерть моя? Умереть и ни на что не смотрѣть. Если бы ты увидѣлъ насъ, то никогда бы никого изъ насъ не узналъ бы. Твой братъ Е., возвратившійся изъ-за границы, пока еще дышетъ, но не знаемъ, долго ли еще будетъ дышать или нѣтъ, но насъ уже задушили. Ты боишься, что своими письмами намъ повредишь. Не безпокойся, пиши, пока ты живъ, и мы живы. Для насъ только и отрады, когда получимъ отъ тебя письмо, и тогда станетъ, какъ будто, легче. Письмо это пишу тебѣ съ большимъ трудомъ. Какъ вспомню про наше житье раньше и сравню его съ теперешними муками, то сердце сожмется въ груди и слезы льются сами собой... И не могу дальше писать... Мы все ждали и гадали, чѣмъ все это кончится, а оно выходитъ дѣломъ прямо безконечнымъ. И много людей сбѣжало изъ станицъ, и неизвѣстно куда. Не знаемъ, что съ нами будетъ дальше, а тамъ видно будетъ. Цѣлуемъ тебя крѣпко и желаемъ много, много счастья съ твоей невѣстой и будущей женой. Твоя сестра Е.».

(«Вольная Кубань»).

Казаки въ Перу

Казакъ Георгій Шаловой сообщаетъ:

Казаки нашей станицы всячески стараются сохранить обычаи и обряды нашихъ предковъ. Благодаря энергичнымъ дѣйствіямъ нашего атамана станицы ген. Павличенко, мы теперь пользуемся у правительства большой популярностью и всѣ просьбы казаковъ немедленно удовлетворяются.

Со стороны правительства казаки получили разрѣшеніе управляться сами: выбирать себѣ атамана и рѣшать всѣ дѣла станицы. Даже уголовныя дѣла въ

станицѣ (между казаками) разбираются по кодексу станичныхъ законовъ (своимъ судомъ), а если въ совершенномъ дѣлѣ замѣшаны иностранцы (американскіе подданные), то виновниковъ будетъ судить правительственный судъ. Подданство принимать не обязательно; каждый поселившійся, получивъ 10 гектаровъ земли, обязанъ расчистить и засадить землю какой либо культурой. Выплативъ государственные (6-7 тысячъ динаръ за перевозку) и частные долги (помощь отъ концессіонера по 22 динара въ день въ теченіе шести мѣсяцевъ), каждый получаетъ купчую крѣпость и имѣетъ право землю продать. За шесть мѣсяцевъ успѣетъ два раза родить кукуруза и разъ юка, слѣдовательно, помощь дальше не нужна, ибо будутъ свои продукты для себя и для сбыта, производящагося на мѣстѣ.

Отношеніе бѣлыхъ перуанцевъ не очень-то хорошее, всѣ обозлены на казаковъ, потому что имъ отведены лучшія земли на р. Апуримакъ. Земли подъ лѣсомъ очень жирныя, почему пшеница и ячмень не родитъ (ложится). О затрудненіяхъ много не приходится говорить: они имѣются: отсутствіе шоссейной дороги, бѣдность населенія, финансовый недостатокъ...

⁂

г. С. Балыковымъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ получено письмо отъ генерала Павличенко.

Приводимъ извлеченія:

«Сейчасъ переселенія пока быть не можетъ, такъ какъ поселившіеся казаки на Апуримакѣ должны черезъ два-три мѣсяца показать свою примѣрную работу, и только тогда правительство выдастъ средства на переброску казаковъ въ Перу. Но это не значитъ, что нужно бросить организацію. Подготовка должна быть, а, самое главное, надо обмундировать людей въ присвоенную имъ форму и придать воинскій видъ. Тогда здѣсь на насъ другіе взгляды. Люди же должны быть всѣ хлѣборобами, которые не думали бы о легкой наживѣ, а думали бы о землѣ и работѣ на ней.

«Земля наша на р. Апуримакъ и паевые надѣлы прилегаютъ къ рѣкѣ. Съ другой стороны долина упирается въ горы. Долина на правомъ берегу р. Апуримакъ и покрыта вся строевымъ лѣсомъ, представляющимъ изъ себя большую цѣнность. Лѣсъ — достояніе казаковъ. Земля такая плодородная, что вамъ и повѣрить трудно. Есть деревья высотой въ 50-70 метровъ и толщиною въ 5-10 метровъ.

«Казакамъ даются всѣ инструменты для корчевки лѣса, обработки земли и только въ теченіе пяти лѣтъ казаки должны выплачивать свой долгъ по 10 процентовъ отъ урожая. Министерство уже отпустило средства на покупку лѣсопилки для станицы. Самое главное — желаніе работать.

Рѣка Апуримакъ переполнена рыбой. Казаки ловили рыбу вѣсомъ въ 20-30 кило. Много всякаго звѣрья. При охотѣ необходимо дѣлать засады. Дикія свиньи попадаются цѣлыми табунами въ 60-70 штукъ. Народонаселеніе на Апуримакѣ — преимущественно, индѣйцы, которые хорошо относятся къ казакамъ и всегда къ ихъ услугамъ. Все зависитъ отъ насъ, лишь бы мы сами были хороши. Нигдѣ не слышно ни объ убійствахъ, ни о воровствѣ. Отношеніе всѣхъ къ намъ хорошее. Главный доходъ здѣсь: какао, кокаинъ, ваниль, сахарный тростникъ и др. продукты. Въ нашей колоніи есть докторъ перуанецъ и все необходимое для станицы.

Казачья станица будетъ поселена на самомъ красивомъ мѣстѣ при сліяніи р. Апуримакъ и р. Печари. Паркъ по берегамъ рѣки природный, для чего оставляемъ самыя лучшія деревья, а на площади при сліяніи рѣкъ стоитъ вѣковое дерево, которое будетъ представлять собой вѣковой памятникъ населенія станицы. Толщина его 10 метровъ, а высота 70 метровъ.»...

ИНОСТРАНЦЫ ЗАГОВОРИЛИ...

Газета «*Le Courrier de la Plata*» (отъ 28-го ноября), сообщая о пріѣздѣ въ Перу казаковъ генерала Павличенко для образованія новой колоніи въ лѣсистомъ районѣ, отмѣчаетъ, что группа вновь прибывшихъ, желая показать казачью джигитовку, выступаетъ на-дняхъ во время скачекъ въ Santa Beatriz.

Согласно телеграммы изъ Лимы, президентъ Легіа приглашенъ на это торжество.

Авторъ замѣтки, не сомнѣваясь въ томъ, что казаки — великолѣпные наѣздники, высказываетъ догадку, что «такъ какъ районъ дѣвственныхъ лѣсовъ Перу мало доступенъ для колонизаціи верхомъ (colonisation à cheval), естественнымъ является вопросъ, дѣйствительно ли казаки прибыли для того, чтобы начать жизнь, которую они вели когда-то въ Россіи, или, быть можетъ, для... образованія отряда великолѣпныхъ гвардейцевъ.

Во всякомъ случаѣ, Аргентина съ большимъ интересомъ слѣдитъ за развитіемъ этого дѣла потому, что другіе казаки могли бы найти земли для заселенія въ... Патагоніи.

ПРАЗДНИКЪ СИБИРЦЕВЪ

6-го декабря, въ день Святителя Николая, сибирскіе казаки празднуютъ свой войсковой праздникъ.

О радостяхъ въ этотъ день приходится говорить относительно, въ зависимости отъ того, какъ и гдѣ этотъ день будетъ проводиться сибирцами. Богъ знаетъ, какъ его проведутъ на территоріи родного войска, — думаю, въ печали и воспоминаніяхъ о прошломъ.

Зарубежники-казаки, конечно, вспомнивъ старину, помолятся, соберутся на «чашку чая» и, какъ всегда, — «бесѣда затянется далеко за полночь». Слава

Богу, за рубежомъ есть возможность молиться открыто, отслужить молебенъ Покровителю войска великому святителю Николаю Чудотворцу и просить его заступничества передъ Всевышнимъ за всѣ наши грѣхи передъ родиной и ждать искупленія ихъ.

Ждать и надѣяться, что скоро настанетъ время, когда войсковой праздникъ будетъ праздноваться казаками опять около родныхъ святынь.

Нынѣшній годъ для сибирцевъ юбилейный: 350 лѣтъ тому назадъ, а именно въ 1579-мъ году, Ермакъ со своей дружиною зазимовалъ на р. Сылвѣ (мѣстность эта и до сихъ поръ носитъ названіе Ермакова Городища), а весной этого года на мѣстѣ своей стоянки построилъ часовню во имя святителя Николая и, оставивъ часть казаковъ, желавшихъ тутъ поселиться навсегда, возвратился къ Строганову для подготовки второго похода.

12-го іюня Ермакъ выступилъ во второй походъ, и зазимовалъ у рѣчки Кокуй, впадающей въ Серебрянку, а 1-го мая 1580-го года онъ съ дружиною переволоклись на рѣчку Жаравлю, затѣмъ по р. Баранчѣ спустились плотами до р. Тагила и, пересѣвъ здѣсь на струги вышли на р. Туру: «ту бѣ и Сибирская Страна».

Давая такую маленькую историческую справку, поздравляю васъ, родные сибирцы, старшіе братья насъ, енисейцевъ, съ войсковымъ праздникомъ, гдѣ бы вы ни были, а мы здѣсь, помолившись, за первою чаркою прокричимъ вамъ, Ермаковичи, громкое ура.

Енисеецъ **Лаврентьевъ**

Китай.

ВОЗДУШНЫЕ ПУТИ СООБЩЕНІЯ

При современномъ состояніи техники, летательные аппараты всѣхъ системъ съ наибольшимъ успѣхомъ примѣняются въ военномъ дѣлѣ и какъ средство связи. Использованіе ихъ для перевозки грузовъ и пассажировъ пока что ограничивается скромными размѣрами. Но авіація и воздухоплаваніе прогрессируютъ съ каждымъ днемъ, и въ этой области передъ нами открываются самые широкіе горизонты.

Совсѣмъ не нужно быть пророкомъ, чтобы предсказать, что въ недалекомъ будущемъ изъ всѣхъ новѣйшихъ изобрѣтеній какъ разъ именно авіація займетъ видное мѣсто не только въ военномъ дѣлѣ, но и въ другихъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности и, прежде всего, въ экономической жизни народовъ. Воздушныя сообщенія постепенно дѣлаются необходимымъ дополненіемъ къ сухопутнымъ и морскимъ путямъ, и безъ нихъ трудно будетъ обойтись.

Уже на нашихъ глазахъ многочисленные авіоны бороздятъ воздухъ по всѣмъ направленіямъ Европы и Америки. Между всѣми столицами и крупными городами установлены правильные воздушные рейсы. Но этимъ дѣло не ограничивается. Начались поиски новыхъ воздушныхъ путей въ самыя отдаленныя страны. Колоніальныя государства стремятся посредствомъ авіаціи связать свои колоніи съ метрополіей. Такъ, Англія приступила къ прокладкѣ воздушныхъ линій въ сторону Индіи, Австраліи и Южной Африки. Франція, въ свою очередь, озабочена установленіемъ воздушной связи со своими новыми африканскими владѣніями и, въ особенности, съ Индо-Китаемъ. На всѣхъ этихъ направленіяхъ закладываются промежуточныя базы, роль которыхъ будетъ аналогична угольнымъ станціямъ на морскихъ сообщеніяхъ. Тѣ страны, вдоль которыхъ пройдутъ воздушныя линіи и гдѣ будутъ оборудованы воздушныя базы, пріобрѣтутъ новое значеніе, и въ нихъ появятся «спеціальные интересы» у всѣхъ большихъ державъ. Въ этомъ отношеніи особенное вниманіе привлекутъ къ себѣ страны Ближняго и Средняго Востока, лежащія на «исторической дорогѣ», гдѣ всегда скрещивались интересы разныхъ народовъ. Въ результатѣ — неизбѣжны новыя столкновенія, новая борьба за «свободу воздушныхъ путей».

Правильно налаженныя воздушныя сообщенія должны сыграть особенно благодѣтельную роль въ такихъ странахъ, какъ Россія, у которой нѣтъ хорошихъ морскихъ выходовъ и гдѣ слабо развита внутренняя сѣть сухопутныхъ путей; за то имѣется океанъ земли, который придется во что бы то ни стало охватить воздушными путями и связать съ сосѣдними государствами.

Послѣ блестящаго перелета Линдберга изъ Нью-Іорка въ Парижъ и особенно послѣ двойного пересѣченія Атлантическаго океана нѣмецкимъ дирижаблемъ «Графъ Цеппелинъ», можно считать, что въ скоромъ времени трансатлантическое воздушное сообщеніе между Старымъ и Новымъ Свѣтомъ будетъ установлено.

Въ настоящее время въ Сѣверной Америкѣ инженеромъ Дорнье строится восемь гигантскихъ гидроплановъ, расчитанныхъ на 50 пассажировъ и 9 человѣкъ команды каждый. По свѣдѣніямъ газеты «Нью-Іоркъ Таймсъ», эти гидропланы предназначены для организаціи воздушной линіи, которая пройдетъ изъ Европы въ Америку черезъ Азорскіе и Бермудскіе острова, съ конечной станціей во Флоридѣ.

Не остались въ сторонѣ отъ воздушныхъ изслѣдованій и полярныя страны, на которыхъ мы остановимся болѣе подробно.

Совсѣмъ недавно американская экспедиція Бирда, находившаяся въ районѣ Южнаго полюса, произвела тамъ научныя изслѣдованія антарктическихъ водъ и земель. Бирдъ и его спутники сдѣлали рядъ смѣлыхъ воздушныхъ полетовъ, давшихъ цѣнные результаты, о которыхъ широкая публика пока освѣдомлена мало.

Но наибольшимъ вниманіемъ со стороны полярныхъ изслѣдователей, — раньше мореплавателей, а теперь авіаторовъ и воздухоплавателей, — пользовался

Сѣверный полюсъ. Мы не будемъ перечислять всѣхъ экспедицій, — какъ морскихъ, такъ и воздушныхъ, — которыя въ разное время пытались проникнуть къ сѣверной оконечности нашей планеты. Упомянемъ лишь, что первый полетъ былъ предпринятъ еще на сферическомъ аэростатѣ въ 1897-мъ году и закончился трагически: три шведскихъ изслѣдователя — Андрэ, Стринбергъ и Френкель, — пропали безслѣдно

Практическое примѣненіе новыхъ летательныхъ аппаратовъ — самолетовъ и дирижаблей — въ сѣверныхъ полярныхъ странахъ началось только послѣ войны, въ 1922-мъ году, но на первыхъ порахъ успѣхами не отличалось.

Наиболѣе счастливымъ оказался 1926-ой годъ. Въ этомъ году американскому летчику Ричарду Бирду, вылетѣвшему 10-го мая съ острова Шпицбергена (изъ Кингсбея) на самолетѣ «Фоккеръ VII», удалось достигнуть Сѣвернаго полюса. Описавъ надъ полюсомъ кругъ, отважный летчикъ благополучно вернулся обратно въ Кингсбей, потративъ на весь полетъ 15 часовъ 30 минутъ. (Пири, открывшій Сѣверный полюсъ 6-го апрѣля 1909-го года, потратилъ на свое путешествіе 429 дней).

Вслѣдъ за симъ дирижабль «Норвегія», имѣя на борту итальянскаго воздухоплавателя генерала Нобиле, американскаго милліонера Эльсворзса, норвежскаго изслѣдователя полярныхъ странъ Роальда Амундсена и авіатора Рейсеръ-Ларсена, съ экипажемъ въ 16 человѣкъ, вылетѣлъ изъ того же Кингсбея 11-го мая и черезъ 16 часовъ 35 минутъ достигъ Сѣвернаго полюса, откуда, при весьма неблагопріятныхъ метеорологическихъ условіяхъ, прослѣдовалъ далѣе въ сторону Сѣверной Америки. 16-го мая дирижабль опустился у ст. Теллеръ, на полуостровѣ Аляскѣ, продержавшись въ воздухѣ 71 часъ. Такимъ образомъ, соединенная итало-норвежско-американская экспедиція на итальянскомъ дирижаблѣ полужесткой системы совершила первое трансполярное воздушное путешествіе.

Слѣдующимъ знаменитымъ годомъ по полетамъ въ Арктику былъ 1928-ой годъ.

15-го апрѣля американскіе летчики Вилькинсъ и Эйельсонъ на самолетѣ «Вега» перелетѣли черезъ Сѣверный полюсъ въ обратномъ направленіи — изъ Аляски на Шпицбергенъ — покрывъ разстояніе въ 3.500 километровъ.

Третья попытка трансатлантическаго перелета, предпринятая генераломъ Нобиле на дирижаблѣ «Италія», окончилась неудачей и злоключенія этой экспедиціи у всѣхъ еще въ памяти.

Во время организаціи помощи по спасенію экипажа «Италіи», наиболѣе подготовленными для полетовъ въ полярныхъ льдахъ оказались русскіе летчики Чухновскій и Бабушкинъ, которые прошли суровую летную школу, участвуя въ воздушныхъ развѣдкахъ на рыбныхъ и звѣробойныхъ промыслахъ у береговъ Сѣвернаго Ледовитаго океана. Кромѣ того, русскіе летчики, какъ, напримѣръ, Красинскій, Кальвицъ и тѣ же Чухновскій и Бабушкинъ — неоднократно сопровождали научныя экспедиціи, направлявшіяся въ районъ Новой Земли, въ Карское море и вдоль побережья Сибири, къ острову Врангеля, гдѣ имъ приходилось летать и спускаться на плавающія льдины при всякой погодѣ, когда зачастую дули холодные вѣтры со снѣжной пургой или стояли густые туманы.

Несмотря на гибель дирижабля «Италія», послѣдніе три-четыре года показали, что полеты на современныхъ аппаратахъ, — какъ тяжелѣе, такъ и легче воздуха, — вполнѣ возможны и въ странахъ съ полярнымъ климатомъ. Необходима лишь тщательная подготовка экспедицій и предварительное оборудованіе воздушныхъ базъ. Дальнѣйшіе опыты по изслѣдованію арктическихъ областей, несомнѣнно, будутъ продолжаться. Дирижабль «Норвегія» и самолетъ «Вега», перелетѣвшіе черезъ Сѣверный полюсъ по двумъ противоположнымъ направленіямъ, намѣтили новый воздушный путь, который для связи Западнаго материка съ Восточнымъ является кратчайшимъ.

Помимо научнаго значенія, этотъ путь со временемъ дастъ большія экономическія выгоды, когда по нему начнутся сношенія Европы съ западной частью Сѣверной Америки и съ Дальнимъ Востокомъ. Въ предвидѣніи будущаго, американцы занялись сейчас поисками подходящихъ мѣстъ для устройства аэробазъ на берегахъ Аляски, а норвежцы, въ свою очередь, не преминутъ использовать съ этой цѣлью островъ Шпицбергенъ и, въ частности, Кингсбей.

Изъ другихъ народовъ болѣе всего заинтересованы въ сѣверныхъ воздушныхъ путяхъ русскіе, которымъ принадлежитъ значительная часть Ледовитаго океана съ богатѣйшими рыболовными и звѣробойными промыслами. Для обслуживанія этихъ промысловъ и для научныхъ наблюденій имѣется пока что одна воздушная база на островѣ Моржовецъ, гдѣ русскіе летчики получаютъ хорошую практическую подготовку для полетовъ въ сѣверныхъ полярныхъ странахъ.

И. Акулининъ

ДЛЯ ОТЗЫВА

Въ редакцію поступили слѣдующія книги:

П. П. Веймарнъ. Большія дороги.
Изд. Я. Поволоцкій и Ко. Парижъ.

П. Н. Красновъ. Съ Ермакомъ на Сибирь.
Изд. Е. Сіяльской. Парижъ.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ

Въ виду перемѣны адреса редакціи журнала, прошу г.г. подписчиковъ всю корреспонденцію и денежные переводы адресовать:

M. Konovaloff, 10, rue Augereau, 10. Paris 7e.

Цѣна номера 5 франковъ съ пересылкой.

За границу каждые 4 номера — 1 ам. долларъ.

Чудо техники

На улицѣ Marbeuf въ районѣ Елисейскихъ Полей привлекаетъ общее вниманіе недавно отстроенный грандіозный гаражъ извѣстнаго французскаго промышленника Бюно-Варилла.

Цѣлая стѣна по фасаду составлена изъ огромныхъ стеклянныхъ прямоугольниковъ.

Съ улицы вы сразу увидите блестящій залъ съ пестрыми рядами разнообразныхъ машинъ и висящія надъ нимъ въ воздухѣ параллельно расположенныя галлереи.

Архитекторъ Лапрадъ, оригинально скомбинировавшій желѣзныя скрѣпленія, сумѣлъ дать для гаража максимумъ удобствъ и полезной площади.

Гаражъ *Marbeuf* — одинъ изъ крупнѣйшихъ въ Европѣ магазиновъ автомобилей. 250 машинъ выставлено въ галлереяхъ. Остальныя располагаются въ смежномъ зданіи, гдѣ въ 10-ти этажахъ есть мѣсто еще для 1.250.

Автомобили поднимаются съ этажа на этажъ по охватывающимъ зданіе галлереямъ. Въ центральномъ помѣщеніи лифтъ.

Для спуска имѣется спеціальная рампа, почему опасность столкновенія автомобилей совершенно исключена.

Зданіе завершается обширной террасой.

Нашъ соотечественникъ, А. М. Жеребковъ, начальникъ одного изъ отдѣловъ, любезно сопровождая насъ при осмотрѣ, отмѣчаетъ исключительный интересъ, проявляемый парижанами, а за послѣднее время еще американцами и нѣмцами, къ новому грандіозному сооруженію.

— Въ данное время, — говоритъ онъ, — въ магазинѣ постоянно находится около 100 машинъ новыхъ, готовыхъ выйти на дорогу и около 200 «окказьонъ».

Продажа въ мѣсяцъ, въ среднемъ, около 200 автомобилей.

Мы поднимаемся на террасу. Здѣсь производится проба машинъ и даются уроки ѣзды на автомобилѣ.

Въ гаражѣ работаетъ около пятидесяти человѣкъ русскихъ.

Отдѣлъ школы цѣликомъ русскій. Преподаваніе производится на машинахъ послѣднихъ моделей опытными русскими инструкторами-преподавателями. Механику преподаетъ инженеръ П. П. Полуэктовъ, извѣстный преподаватель автомобильной механики и авторъ русскаго и французскаго автомобильнаго учебника «Катехизисъ Автомобилиста», — въ спеціально оборудованномъ классѣ для изученія механики, на особыхъ учебныхъ приборахъ. Классъ оборудованъ по послѣднему слову автомобильной техники.

При гаражѣ имѣются всевозможныя мастерскія: починочныя, для покраски машинъ и проч.

Spectator

Международный автомобильный пробѣгъ

Въ международномъ автомобильномъ пробѣгѣ Рига — Монте Карло примутъ участіе два нашихъ соотечественника — извѣстный чемпіонъ Европы Б. И. Ивановскій и есаулъ А. М. Жеребковъ, директоръ отдѣла школы гаража Марбефъ.

Маршрутъ пробѣга: Рига — Кенигсбергъ — Берлинъ — Ганноверъ — Брюссель — Парижъ — Ліонъ — Монте Карло. Всего 3334 километра, которые должны быть покрыты въ три дня и три ночи. Отбытіе изъ Риги 26-го января въ 6 час. утра. Прибытіе въ Монте Карло 29-го января утромъ.

Оба гонщика будутъ вести по очереди машину Ситроена С-6-F, послѣдней модели.

Редакторъ-Издатель Е. Д. Коноваловъ.
Directeur *E. D. Konovaloff*
Gérant : *Mr. W. Lerat*
Отпечатано въ количествѣ 1.000 экз. въ типографіи
Franco-Slaves, 32 r. de Ménilmontant, Paris (20e)

ОРГАНЪ РУССКОЙ РЕЛИГІОЗН. МЫСЛИ **„Путь“**

Подъ редакціей **Н. А. Бердяева**
6 номеровъ въ годъ
Подписная цѣна: долл. 2,25.
Допускается наложенный платежъ
Складъ изданія: YMCA-Press
10, Bd. Montparnasse, Paris 15ᵉ.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

YMCA—PRESS

10, Bd Montparnasse, Paris, 15ᵉ.
Религіозно-художественная литература

Философія. Житія Святыхъ и Исторія Православной Церкви. Вопросы жизни и религіи. Богословіе. Богослуженіе. Книг для юношества. Физическое развитіе. Учебники. Техника. Сельское хозяйство.

Каталогъ издательства высылается безплатно по первому требованію.

Медицинскій Указатель

Аптека для русскихъ

PHARMACIE CENTRALE DU BOULEVARD DE GRENELLE
H. FOUCHER
Pharmacien de 1ʳᵉ classe
77, Boulevard de Grenelle, 77.
Автобусы: V, AQ, AH,
Трамваи: 25, 26.
Grenelle.
M-o: Dupleix, La Motte-Picquet.

Спеціальное приготовленіе лекарствъ по русской фармакопеѣ, русск. провизор. Всѣ французскія и иностранныя патент. средства. Общ. складъ парфюмеріи и патентованныхъ товаровъ
Цѣны ниже всѣхъ аптекъ
Tél. : Ségur 11-45.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ

„Москва“ въ Парижѣ
LIBRAIRIE «MOSKWA»
9, rue Dupuytren, Paris 6ᵉ.
Tél. : Littré 37-01.

Представительство на Францію и Бельгію объединенныхъ берлинскихъ книжныхъ складовъ **Ладыжникова, Логосъ, Москва, Слово** и **Девріенъ** изъ Берлина (70% всѣхъ заграничныхъ русскихъ изданій). Библіотекамъ и общественнымъ организаціямъ скидка. Въ предѣлахъ Франціи пересылка книгъ безплатно.

Въ PASSY

«La Source», 106, r. de la Tour.
Въ книжномъ дѣлѣ «РОДНИКЪ»
вы можете

Пріобрѣсти книгу — подарокъ для взрослыхъ и дѣтей, на русскомъ, французскомъ и нѣмецк. язык., календари, поздр. и др. открытки, ноты.
Прочесть книгу — новинку. Выписать книгу изъ любой страны (въ томъ числѣ и изъ Россіи). Подписаться на любую газету или журналъ.
Прослушать или купить великолѣпныя граммоф. пластинки русск. музыки (Шаляпина, «Летучая Мышь», Хоръ казаковъ и др.).

Зубной врачъ Парижск. Факул. **С. Сикоровъ**

89, rue de TURENNE. Tél. Arch. 38-56.
Métro République ou Saint Paul
Пріемъ отъ 10 ч. у. до 8 ч. в., по воскр. и праздник. от 10 ч. у. до 4 ч. дня.
Rendez-vous по телефону.

Русско-французское издательство и КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ

J. POVOLOZKY
13, rue Bonaparte. Paris-6ᵉ.
Téléphone : Fleurus 42-01

Собственныя изданія на русскомъ и французскомъ языкахъ. Всѣ зарубежныя изданія. Всѣ книги совѣтской Россіи. Дѣтскія книги. Учебники. Словари и самоучители иностранныхъ языковъ. Ежемѣсячные бюллетени всѣхъ французскихъ изданій. Каталоги высылаются безплатно. Всѣ книги по искусству. Художественныя изданія на всѣхъ язык.

ПОЛИКЛИНИКА 4. RUE CAMBRONNE
METRO CAMBRONNE — TEL. SEGUR. 94-31
ПРІЕМЪ ПО ВСѢМЪ БОЛЗНЯМЪ ВРАЧАМИ-СПЕЦІАЛИСТАМИ
ЕЖЕДН 10.-8. (ВОСКР 9-11.). ЗУБОВРАЧЕБН. КАБ. - РЕНТГЕНЪ

Всякій можетъ

ОМОЛОДИТЬ СЕБЯ ФИЗИЧЕСКИ И УМСТВЕННО, СНОВА СТАТЬ ЗДОРОВЫМЪ, СИЛЬНЫМЪ, ТРУДОСПОСОБНЫМЪ, ЖИЗНЕРАДОСТНЫМЪ и ПРОДУКТИВНО ДОЛГОЛѢТНИМЪ, кто очиститъ свой организмъ отъ ядовъ нарушеннаго обмѣна веществъ (мочевина, мочевая кислота, ураты и др.), или посредствомъ постоянной фруктово-овощной діеты по методу Физиса, или кратковременными курсами по способу Броуна-Секара при помощи **энергіетворнаго омолодителя и очистителя КАЛЕФЛЮИДА Д. КАЛЕНИЧЕНКО** безъ измѣненія своихъ привычекъ.

Калефлюидъ необходимъ всѣмъ ослабленнымъ болѣзнями, дурнымъ питаніемъ или пищевареніемъ, переутомленнымъ, подавленнымъ тяжкими воспоминаніями и пр.

Цѣлебное свойство **Калефлюида** удостовѣрено врачами на милліонахъ больныхъ за 28-лѣтнее существованіе лабораторіи Д. Калениченко, какъ напримѣръ: **проф. ЩЕКИНЪ, пишетъ:** «У меня были запоры по 4, 5 дней. Никакія медицинскія средства мнѣ не помогали. Послѣ Калефлюида мой желудокъ урегулировался и за три недѣли **я помолодѣлъ на 20 лѣтъ**, вѣсъ тѣла увеличился на 8 фунт.».

Д-ръ РІАРДЪ ГУСЕЙНЪ, КАИРЪ: «Калефлюидъ, драгоцѣнный медикаментъ для лѣченія артритическихъ болѣзней, для возстановленія здоровья, нервовъ и нормальнаго кровообращенія, нарушеннаго мочевой кислотой».

БОЛЬНЫЕ ПИШУТЪ:

Г-жа М. БРАКЕ, Рошъ Тайе, Франція. «Я болѣла 15 лѣтъ нервной болѣзнью и особенно во время менструацій, теряла сознаніе, становилась почти сумасшедшей и полагала, что насталъ мой конецъ. Я примѣняла всевозможныя лѣченія безрезультатно. Теперь я помолодѣла, стала неузнаваемой, окрѣпла, благодаря чудесному Калефлюиду».

ДРАГОЛЮБЪ СИМИЧЪ Сопотъ, Сербія: «Два года я страдалъ въ больницахъ на курортахъ, примѣнялъ много лѣкарствъ — все безрезультатно. Лѣченіе Калефлюидомъ дало мнѣ полное облегченіе».

Г-жа ШИПОННИКОВА, Ліонъ, 7, ул. Пьеръ Верже: «Я страдала головной болью почти ежедневно. Послѣ 4 недѣль лѣченія Калефлюидомъ мои боли почти исчезли. Я приняла 2 съ полов. флакона и сейчасъ совершенно не страдаю, моя мигрень исчезла, какъ по волшебству».

А. ГРОЦКІЙ, 88, ул. де Бріи, Муаевръ-Грандъ (Мозелль). «Я былъ боленъ легкими два года и харкалъ кровью. Послѣ лѣченія чудеснымъ Калефлюидомъ, я вновь сталъ сильнымъ, кровохарканіе прекратилось и я работаю на шахтахъ къ удивленію моихъ товарищей».

I. РЕЙДИХЪ, 7, ул. Кюрь, Ноей-ле-Минъ (П. Д. Ц.): «18 лѣтъ я страдалъ желудкомъ. Послѣ одной бутылки Калефлюида, боли прекратились и желудокъ дѣйствуетъ нормально».

НИЗЕЛЬСКОВЪ, Госпиталь Божонъ, Парижъ: «Еще нѣтъ трехъ недѣль, какъ я принимаю Калефлюидъ, но я считаю себя уже воскресшимъ изъ мертвыхъ. У меня исчезла рвота, которая мучила меня два года; боль въ костяхъ стала быстро исчезать, и я сплю, не просыпаясь».

ОТТО, Домэнъ де Сэда, Джедейда, Тунисъ: «Послѣ трехъ флаконовъ Калефлюида я совершенно поправился. Болѣзни мои были: расширеніе сердца, нервность, летучій ревматизмъ, подавленное настроеніе и постоянная усталость. Теперь я чувствую себя совершенно здоровымъ».

КАЛЕФЛЮИДЪ награжденъ на выставкахъ въ Парижѣ, Брюсселѣ, Лондонѣ, Флоренціи и Римѣ, 5 гранъ-при и 5 большими золотыми медалями.

Безплатно франко высылается объяснительная литература о причинахъ и лѣченіи болѣзней.

КАЛЕФЛЮИДЪ находятъ въ аптекахъ, гдѣ нѣтъ — высылается наложеннымъ платежомъ.

ТРЕБОВАНІЯ АДРЕСУЙТЕ:
Société Kalefluide
D. KALENITCHENKO,
5, Cité Pigalle, Paris (9).

... Медицинскій Институтъ

Д-РА ДАН...ЛЯ, ПРИ УЧАСТІИ 5 ДОКТОРОВЪ-СПЕЦІАЛИСТОВЪ. ЛУЧШЕЕ ОБОРУДОВАНІЕ ВЪ ПАРИЖѢ. НОВЫЕ МЕТОДЫ ЛѢЧЕНІЯ. ЦѢНЫ НИЗКІЯ. Х-ЛУЧИ. ДІАТЕРМІЯ. УЛЬТРА-ФІОЛЕТОВЫЕ ЛУЧИ. ТОКЪ ВЫСОКАГО НАПРЯЖЕНІЯ, ВСЕВОЗМОЖНАЯ МЕДИЦИНСКАЯ ЭЛЕКТРИЗАЦІЯ. ВАКЦИНЫ, СЕРУМЪ, АНАЛИЗЪ КРОВИ. МОЧЕПОЛОВЫЕ ПУТИ: ГОНОРРЕЯ, ВОСПАЛЕНІЕ ПРЕДСТАТЕЛЬНОЙ ЖЕЛЕЗЫ, БЕЗСИЛІЕ, ОНАНИЗМЪ. ЖЕНСКІЯ БОЛѢЗНИ: МЕТРИТЪ. САЛЬПЕНЖИТЪ. ФИБРОМЪ. БОЛѢЗНИ КОЖИ И КРОВИ: СИФИЛИСЪ. ЭКЗЕМА. ПСОРІАЗИСЪ (НОВЫЙ РАДИКАЛЬНЫЙ МЕТОДЪ ЛѢЧЕН'Я Х-ЛУЧАМИ). БОЛѢЗНИ ЛЕГКИХЪ И ТУБЕРКУЛЕЗЪ. БОЛѢЗНИ ЖЕЛУДКА И КИШЕКЪ, НОСА, УХА, ГОРЛА. ЛѢЧЕНІЕ У БОЛЬНИЧНЫХЪ ВРАЧЕЙ. РАДІОСКОПІЯ — 50 ФР. РАДІО-ФОТОГРАФІЯ — 100 ФР. ЦѢНЫ ПРОПАГАНДНЫЯ. ПРІЕМЪ СЪ 9 ЧАСОВЪ УТРА ДО 9 ЧАСОВЪ ВЕЧЕРА. ВОСКРЕСЕНЬЕ СЪ 9 — 12. ЗУБОВРАЧЕБНЫЙ КАБИНЕТЪ. НОВѢЙШІЕ СПОСОБЫ ЛѢЧЕНІЯ ПОСРЕДСТВОМЪ ЭЛЕКТРИЧЕСТВА И УЛЬТРА-ФІОЛЕТОВЫХЪ ЛУЧЕЙ. СПЕЦІАЛЬНОСТЬ: ВСТАВЛЕНІЕ ИСКУССТВЕННЫХЪ ЗУБОВЪ БЕЗЪ НЕБА И БЕЗЪ КРЮЧКОВЪ, ИСПРАВЛЕНІЕ КРИВОРАСТУЩИХЪ ЗУБОВЪ. ПРОТЕЗЫ НОСА И УШЕЙ, ИСПРАВЛЕНІЕ ЭСТЕТИЧЕСКИХЪ ДЕФЕКТОВЪ ЗУБОВЪ И ЧЕЛЮСТЕЙ. УНИЧТОЖЕНІЕ ДУРНОГО ЗАПАХА. ЦѢНЫ ДОСТУПНЫЯ. ПРІЕМЪ 10-12 и 4-9 Ч.

52, RUE DE BONDY. Métro : République, Lancry.

ОБРАЩАЕМЪ ВНИМАНІЕ

Въ русскомъ кварталѣ (Парижъ, 15) открыта

Русская аптека

O. HENRY,
Pharmacien de 1re classe
63, Bd de Grenelle.

Tram. 25, Aut. AH, AQ.
напротивъ метро Дюплексъ

Изготовленіе рецептовъ г.г. русскихъ врачей. Всѣ русскіе препараты. Патентованныя средства. Парфюмерія. Косметика. Цѣны минимальныя. Исполненіе заказовъ въ провинцію и за границу, и по телефону въ Парижѣ: Сегюръ 18-51

Tél.: Ségur 18-51.

АМБУЛАТОРІЯ
магистра ветеринарныхъ наукъ и профессора зоотехніи

Н. А. Ильина

бывшаго Придворнаго ветеринар. врача.
Пріемъ больныхъ животныхъ 10-12, 2-6 ч.
Воскресенье 1-4 ч.

20, rue Scheffer
Métro: Passy, Trocadéro, Pompe
Tél.: Passy 81-11.
СОБСТВЕННЫЕ МЕТОДЫ ЛѢЧЕНІЯ ЧУМЫ И ГРИППА СОБАКЪ

Медицинскій и электро-терапевтическій Институтъ

39, Bd de Strasbourg. Métro Château d'Eau (Gare du Nord et Gare de l'Est)

ЕДИНСТВЕННЫЙ Институтъ Парижа, достигшій БЛЕСТЯЩИХЪ РЕЗУЛЬТАТОВЪ, благодаря своимъ непревосходимымъ МЕТОДАМЪ въ лѣченіи слѣдующихъ болѣзней: МОЧЕПОЛОВЫЯ: ТРИППЕРЪ во всѣхъ его формахъ, ПРОСТАТИТЪ, ОНАНИЗМЪ, краткій актъ, СИФИЛИСЪ. Экзема. ЖЕНСКІЯ болѣзни. ЖЕЛУДКА и кишекъ. РЕВМАТИЗМЪ ИШІАСЪ. Болѣзни ЛЕГОЧНЫЯ, малокровіе. НЕВРАСТЕНІЯ. Преждевременная СТАРОСТЬ. — Консультація отъ 9 до 12 час. утра и отъ 2 до 9 ч. вечера. Воскресенье и праздники только утромъ. — Отвѣты на письменные запросы.

Русская лѣчебница „ТЮРБИГО“

19, rue Turbigo. (Métro : Etienne-Marcel, Réaumur-Sébastopol).

ЛѢЧЕНІЕ ОТЪ ВСѢХЪ БОЛѢЗНЕЙ ПО НОВѢЙШИМЪ СПОСОБАМЪ
(внутреннія, венерическія, женскія, дѣтскія; ухо, носъ, горло, глаза)
ОПЕРАЦІИ, РАДІОТЕРАПІЯ, АНАЛИЗЫ, ЗУБОВРАЧЕБНЫЙ КАБИНЕТЪ.
Лѣченіе, пломбированіе удаленіе зубовъ безъ боли; коронки золотыя отъ 75 франковъ; зубы 20 фр.
Лѣченіе десенъ; гарантія, золото 22 кар.

Пріемъ ежедневно 9-12 и 3-9 ч. вечера. Воскресенія и праздники 9-3 ч. дня.

Кровеочистительный Индійскій бальзам Д. Аврахова

(Съ 1893 г. СПБ. Колокольная 11)

безвредный растительный, быстро очищаетъ кровь и уничтожаетъ худосочные микробы различныхъ болѣзней. Замученный и изнуренный организмъ послѣ первыхъ пріемовъ Индійскаго Бальзама чувствуетъ, какъ боли быстро прекращаются и наступаетъ оздоровленіе организма. Уже на 5-ый день и въ короткое время **совершенно** выздоравливаетъ безъ повторенія курса лѣченія. Во все время практики не было случая возвращенія болѣзни. **Излѣченіе съ полной гарантіей сифилиса во всѣхъ стадіяхъ и со всѣми послѣдствіями: сухотка спинного мозга или табесъ, прогрессивный параличъ, люпусъ или волчанка, псоріазисъ, сикозъ, экзема, падучая болѣзнь (эпилепсія), туберкулезъ костей и ракъ.** Желаю безплатно лѣчить проказу, имѣю полную надежду на успѣхъ. Свыше 50.000 излѣчившихся. — Секретъ и производство Индійскаго Бальзама **только въ Парижѣ у Аврахова. Въ Берлинѣ** остерегайтесь поддѣлки у д-ра Шмида. Онъ, Шмидъ, не является больше моимъ представителемъ. За его лѣченіе я не отвѣчаю. — Брошюра высылается безплатно. — Требуйте Индійскій Бальзамъ **только у АВРАХОВА**

366, rue de Vaugirard, Paris 15. Tél.: Vaugirard 28-89. Métro: Porte de Versailles.

НА ПОЧТОВЫЕ РАСХОДЫ ПРИЛОЖИТЬ 2 ФРАНКА